

Журналы РАН, выходящие в свет на русском языке

Автоматика и телемеханика*	Микроэлектроника*
Агрохимия	Мировая экономика и международные отношения
Азия и Африка сегодня	Молекулярная биология*
Акустический журнал*	Наука в России
Алгебра и анализ	Научное приборостроение
Астрономический вестник*	Нейрохимия*
Астрономический журнал*	Неорганические материалы*
Биологические мембраны*	Нефтехимия*
Биология внутренних вод*	Новая и новейшая история
Биология моря*	Общественные науки и современность
Биоорганическая химия*	Общество и экономика
Биофизика*	Океанология*
Биохимия*	Онтогенез*
Ботанический журнал	Оптика и спектроскопия*
Вестник РАН*	Палеонтологический журнал*
Вестник древней истории	Паразитология
Вестник ЮНЦ	Петрология*
Водные ресурсы*	Письма в Астрономический журнал*
Вопросы истории естествознания и техники	Письма в Журнал технической физики*
Вопросы ихтиологии*	Письма в Журнал экспериментальной и теоретической физики*
Вопросы философии	Поверхность*
Вопросы языкознания	Почвоведение*
Восток	Приборы и техника эксперимента*
Вулканология и сейсмология*	Прикладная биохимия и микробиология*
Высокомолекулярные соединения (Сер. А, В, С)*	Прикладная математика и механика
Генетика*	Природа
Геология рудных месторождений*	Проблемы Дальнего Востока
Геомагнетизм и аэрономия*	Проблемы машиностроения и надежности машин*
Геоморфология	Проблемы передачи информации*
Геотектоника*	Программирование*
Геохимия*	Психологический журнал
Геоэкология, инженерная геология, гидрогеология, геокриология	Радиационная биология. Радиоэкология
Государство и право	Радиотехника и электроника*
Дефектоскопия*	Радиохимия*
Дискретная математика	Расплавы
Дифференциальные уравнения*	Растительные ресурсы
Доклады Академии наук*	Российская археология
Журнал аналитической химии*	Российская история
Журнал высшей нервной деятельности имени И.П. Павлова	Российский иммунологический журнал
Журнал вычислительной математики и математической физики*	Российский физиологический журнал имени И.М. Сеченова
Журнал неорганической химии*	Русская литература
Журнал общей биологии	Русская речь
Журнал общей химии*	Сенсорные системы
Журнал органической химии*	Славяноведение
Журнал прикладной химии*	Социологические исследования
Журнал технической физики*	Стратиграфия. Геологическая корреляция*
Журнал физической химии*	США. Канада. Экономика - политика - культура
Журнал эволюционной биохимии и физиологии*	Теоретическая и математическая физика
Журнал экспериментальной и теоретической физики*	Теоретические основы химической технологии*
Записки Российского минералогического общества	Теория вероятностей и ее применение
Земля и Вселенная	Теплофизика высоких температур*
Зоологический журнал	Труды Математического института имени В.А. Стеклова*
Известия РАН. Механика жидкости и газа*	Успехи математических наук
Известия РАН. Механика твердого тела*	Успехи современной биологии
Известия РАН. Серия биологическая*	Успехи физиологических наук
Известия РАН. Серия географическая	Физика Земли*
Известия РАН. Серия литературы и языка	Физика и техника полупроводников*
Известия РАН. Серия математическая	Физика и химия стекла*
Известия РАН. Серия физическая*	Физика металлов и металловедение*
Известия РАН. Теория и системы управления*	Физика плазмы*
Известия РАН. Физика атмосферы и океана*	Физика твердого тела*
Известия РАН. Энергетика	Физикохимия поверхности и защита материалов*
Известия русского географического общества	Физиология растений*
Исследование Земли из космоса	Физиология человека*
Кинетика и катализ*	Функциональный анализ и его применение
Коллоидный журнал*	Химическая физика*
Координационная химия*	Химия высоких энергий*
Космические исследования*	Химия твердого топлива*
Кристаллография*	Цитология*
Латинская Америка	Человек
Лесоведение	Экология*
Литология и полезные ископаемые*	Экономика и математические методы
Математические заметки*	Электрохимия*
Математический сборник	Энергия, экономика, техника, экология
Математическое моделирование	Этнографическое обозрение
Микология и фитопатология	Энтомологическое обозрение*
Микробиология*	Ядерная физика*

* Материалы журнала издаются группой Pleiades Publishing на английском языке

РОССИЙСКАЯ
АРХЕОЛОГИЯ

<http://www.naukaran.ru>

“Н А У К А”

Российская академия наук

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

№ 4 2012

Журнал основан в январе 1957 г.
Выходит 4 раза в год

*Журнал издается под руководством
Отделения историко-филологических наук РАН*

Главный редактор
д.и.н. Л.А. Беляев

Редакционный совет:

чл.-корр. РАН Р.М. Мунчаев (председатель),
акад. РАН А.П. Деревянко, к.и.н. И.С. Каменецкий,
д.и.н. Ю.Ф. Кирюшин, чл.-корр. РАН Н.А. Макаров, д.и.н. Н.Я. Мерперт,
акад. РАН В.И. Молодин, д.и.н. М.Г. Мошкова, чл.-корр. РАН Е.Н. Носов,
д.и.н. А.Д. Пряхин, д.и.н. А.И. Шкурко, акад. РАН В.Л. Янин

Редакционная коллегия:

чл.-корр. РАН Х.А. Амирханов, чл.-корр. РАН А.П. Бужилова,
чл.-корр. РАН П.Г. Гайдуков, д.и.н. А.Н. Гей, д.и.н. В.И. Гуляев, д.и.н. Е.Г. Дэвлет,
к.и.н. Д.С. Коробов (ответственный секретарь),
чл.-корр. РАН Г.А. Кошеленко, к.и.н. Н.А. Кренке,
д.и.н. А.В. Чернецов, д.и.н. Ю.Б. Цетлин (зам. главного редактора)

Заведующая редакцией
Т.С. Волкова

Адрес: 117036, Москва, ул. Дм. Ульянова, д. 19
Телефон 124-34-42
E-mail: rosarkh@newmail.ru

Москва
Издательство “Наука”

© Российская академия наук, 2012 г.
© Редколлегия журнала “Российская археология”
(составитель), 2012 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Номер 4, 2012

Амфорное производство на территории Абхазии в эпоху эллинизма и римское время <i>Внуков С.Ю.</i>	5
Дробная датировка курганов могильника Брут 1 (Северная Осетия) <i>Габуев Т.А., Хохлова О.С.</i>	16
Холм и Столпы: русско-византийский контекст средневековых памятников юго-восточной Польши <i>Буко А.</i>	26

Памяти Н.Я. Мерперта

Еще раз о месопотамско-кавказских связях в IV–III тыс. до н.э. <i>Мунчаев Р.М., Амиров Ш.Н.</i>	37
Энеолитический могильник на телле Юнаците: проблемы интерпретации <i>Балабина В.И., Мишина Т.Н.</i>	47
Символика погребального набора Майкопского кургана и культ Инанны-Иштар <i>Корневский С.Н.</i>	65
Моделирование черепов на территории Леванта в период докерамического неолита Б <i>Корниенко Т.В.</i>	80

Работы молодых ученых по эпохе Средневековья

Датировка камерного погребения в кургане 348 Тимеревского некрополя <i>Зозуля С.С.</i>	90
Средневековое поселение Большое Давыдовское 2 под Суздалем <i>Федорина А.Н., Красникова А.М.</i>	99
Находки кузнечных изделий на средневековом поселении Крутик <i>Кашинцев А.Ю.</i>	111
Хронология замков и ключей средневекового Новгорода (по материалам Неревского раскопа) <i>Кудрявцев А.А.</i>	119
Поливные кувшины византийского происхождения на Самосдельском городище <i>Болдырева Е.М.</i>	125
Текстиль в марийских и мордовских погребениях XVI–XIX вв. (по материалам Государственного Исторического музея) <i>Павлова Н.А.</i>	130

Дискуссии

Спасательная археология в России (к 40-летию отдела охранных раскопок Института археологии РАН) <i>Энговатова А.В.</i>	141
---	-----

Публикации

Новая находка византийского серебряного сосуда с клеймом в Восточной Европе <i>Родинкова В.Е.</i>	151
--	-----

История науки

К 100-летию XV Археологического съезда в Новгороде

Гайдуков П.Г., Жервэ Н.Н.

159

Н.Я. Мерперт о В.А. Городцове (интервью 9.04.2010 г.)

Белозерова И.В., Кузьминых С.В.

169

Критика и библиография

Против субъективных интерпретаций в антиковедении

Кошеленко Г.А.

174

А.И. Кубышев, С.С. Бессонова, Н.В. Ковалев. Братолюбровский курган. Киев, 2009.

В.А. Ромашко, С.А. Скорый. Близнец-2: скифский аристократический курган в Днепровском Правобережном Надпорожье. Днепропетровськ, 2009.

Гуляев В.И.

176

Хроника

К юбилею Марины Дмитриевны Полубояриновой

Валиулина С.И., Коваль В.Ю., Кокорина Н.А., Кузина И.Н.

179

К юбилею Владимира Александровича Кузнецова

Албегова З.Х., Афанасьев Г.Е., Коробов Д.С.

181

К юбилею Риммы Дмитриевны Голдиной

Мельничук А.Ф., Черных Е.М.

183

Наш юбилей

Кашкин А.В.

184

Нашему журналу – 55 лет

Беляев Л.А.

187

Список сокращений

189

Авторский указатель за 2012 г.

190

Сдано в набор 20.06.2012. Подписано к печати 18.09.2012. Формат 60 × 80 ¹/₈
Цифровая печать Усл. печ. л. 24.0 + вкл. Усл.кр.-отт. 12.8. Уч.-изд.л. 25.7. Бум.л. 12.0
Тираж 522 экз. Зак. 600

Учредители: Российская академия наук, Институт археологии РАН

Издатель: Российская академия наук. Издательство “Наука”, 117997, Москва, Профсоюзная ул. 90

Отпечатано в ППП «Типография “Наука”», 121099, Москва, Шубинский пер., 6

CONTENTS

No. 4, 2012

Amphorae production in Abkhazia in Hellenistic and Roman times <i>Vnukov S.Yu.</i>	5
Fractional dating of the kurgans at Brut 1 cemetery (North Ossetia) <i>Gabuev T.A., Khokhlova O.S.</i>	16
Rus-Byzantine contexts of the medieval discoveries in Chełm and Stołpie (southeastern Poland) <i>Buko A.</i>	26

In Memory of N.Ya. Merpert

Mesopotamian-Caucasian connections in the 4 th –3 ^d millennia BC <i>Munchaev R.M., Amirov Sh.N.</i>	37
Eneolithic cemetery at Tell Yunatsite: issues of interpretation <i>Balabina V.I., Mishina T.N.</i>	47
Symbolics of the grave goods from Maykop kurgan and the cult of Inanna-Ishtar <i>Korenevsky S.N.</i>	65
Skull modeling in the Levant in the Pre-Pottery Neolithic B <i>Kornienko T.V.</i>	80

Works of Young Scientists on the Middle Ages

Dating of the chamber burial in kurgan 348 at Timeryovo necropolis <i>Zozulya S.S.</i>	90
Bolshoye Davydovskoye 2 medieval settlement near Suzdal <i>Fedorina A.N., Krasnikova A.M.</i>	99
Forged pieces from Krutik medieval settlement <i>Kashintsev A.Yu.</i>	111
Chronology of the locks and keys from medieval Novgorod (based on the materials from Nerevsky excavation site) <i>Kudryavtsev A.A.</i>	119
Glazed jars of Byzantine origin from Samosdelka site <i>Boldyreva E.M.</i>	125
Textiles from Mari and Mordva burials, 16 th –19 th cc. (based on the materials from the State Historical Museum) <i>Pavlova N.A.</i>	130

Discussions

Rescue archaeology in Russia (to the 40 th anniversary of the Rescue Excavations Department) <i>Engovatova A.V.</i>	141
---	-----

Publications

New find of a stamped Byzantine silver vessel in Eastern Europe <i>Rodinkova V.E.</i>	151
--	-----

History of Science

To the 100 th anniversary of the 15 th Archaeological Congress in Novgorod <i>Gaidukov P.G., Gervais N.N.</i>	159
N.Ya. Merpert tells of V.A. Gorodtsov (interview from April 9, 2010) <i>Belozeroва I.V., Kuzminykh S.V.</i>	169

Critics and Bibliography

Against subjective interpretations in antique studies <i>Koshelenko G.A.</i>	174
A.I. Kubyshev, S.S. Bessonova, N.V. Kovalev. The Bratoluybovsky mound. Kiev, 2009. V.A. Romashko, S.A. Skoryi. Bliznets-2: Scythian aristocratic mound in the Dnieper right-bank Nadporozhye. Dnepropetrovsk, 2009. <i>Guliaev V.I.</i>	176

Chronicle

To the jubilee of Marina Dmitrievna Poluboyarinova <i>Valiulina S.I., Koval V.Yu., Kokorina N.A., Kuzina I.N.</i>	179
To the jubilee of Vladimir Aleksandrovich Kuznetsov <i>Albegova Z.Kh., Afanasyev G.E., Korobov D.S.</i>	181
To the jubilee of Rimma Dmitrievna Goldina <i>Melnichuk A.F., Chernykh E.M.</i>	183
Our jubilee <i>Kashkin A.V.</i>	184
Our journal's 55 th anniversary <i>Beliaev L.A.</i>	187
List of abbreviations	189
Author index, 2012	190

АМФОРНОЕ ПРОИЗВОДСТВО НА ТЕРРИТОРИИ АБХАЗИИ В ЭПОХУ ЭЛЛИНИЗМА И РИМСКОЕ ВРЕМЯ

© 2012 г. С.Ю. Внуков

Институт археологии РАН, Москва (vnukovs@mail.ru)

Ключевые слова: Абхазия, Диоскуриада-Себастополис, амфорная тара, коричневоглиняные амфоры, амфорные производственные центры, типология амфор.

The article studies the morphology, chronology and composition of the clay mass of Classical “brown clay” amphorae and identifies the vessels that could have been manufactured in Abkhazia. The author lists the specific features of the clay mass and the technologies of the Abkhazian amphorae, identifies new varieties of Late Roman vessels, and gives a preliminary outline of their chronology and evolution. The amphorae that were manufactured in Abkhazia (in Dioskurias-Sebastopolis for instance) in Hellenistic and Roman times had specific technological and compositional features, and were similar in shape to contemporaneous vessels from other regions within the East and Southeast Pontic area.

В античное время на территории Абхазии существовал ряд древнегреческих поселений (Диоскуриада-Себастополис, Гиенос и др.) с развитыми ремеслами и торговлей. Заметную роль в ремесленном производстве в античных колониях и у местных племен, несомненно, играло гончарство, обеспечивавшее бытовые потребности населения в посуде и таре, а также, порой, потребности внешней торговли.

В то же время организация в колониях производства некоторых видов керамических изделий, специфических для античной материальной культуры Средиземноморья, требовала наличия определенных технических и экономических условий. Освоение такого производства свидетельствует об определенном экономическом и техническом уровне развития общества. К таким изделиям можно относить и производство амфор – морской транспортной тары для вина, масла, рыбопродуктов и некоторых других жидких и сыпучих товаров. Наличие местного производства амфор в каком-либо центре свидетельствует о существовании потребности в такой специфической таре, об активном экспорте им своей продукции морским путем. Массовое изготовление тары – узкоспециализированная отрасль керамического производства, и участвовавшие в нем мастера, как правило, не занимались изготовлением других видов продукции.

Прямые свидетельства амфорного производства в Абхазии в античное время, вопреки мнению ряда ученых (Трапш, 1969. С. 225; Воронов, 1969. С. 50; 1977), пока не обнаружены, поэтому до сих пор идут дискуссии на эту тему, в которых исследова-

тели оперируют лишь косвенными данными. Мне уже приходилось писать о так называемых амфорных мастерских и обжигательных печах античного времени, якобы найденных в Абхазии (Гвандра, Красный Маяк, Гульрипш и др.) (Внуков, 2001. С. 161). Судя по опубликованным материалам, комплексы из Гвандры и Красного Маяка (Воронов, 1977. С. 163, 165. Рис. 2; 3; Трапш, 1969. С. 225) не имеют никакой связи с амфорным производством, а представляют собой обычные мешанные мусорные скопления. Лишь плохо сохранившийся комплекс из Гульрипша (Воронов, 1977. С. 167. Рис. 4) может каким-то образом быть связан с производством, если только это не склад одной партии товара в амфорах. Поэтому вопрос о местном амфорном производстве пока еще можно считать открытым.

С абхазским побережьем, в частности с Диоскуриадой (римским Себастополисом), обычно связывают производство двух неравновеликих типов тары, различающихся формой и глиняным тестом. Сосуды одного из них довольно редки и известны лишь по мелким фрагментам. Речь идет об амфорах с клеймами с легендой Διοσκοῦ (рис. 1, 1). Ряд исследователей рассматривает ее как этникон, прямо свидетельствующий о производстве этой тары в Диоскуриаде (Шамба, 1976. С. 149; Воронов, 1977. С. 164, 165). Но существуют мнения, что эти клейма несут личное имя Διοσκῶς в генитиве (Jefremov, 1994. S. 265; Кац, 2007. С. 290, 291).

Петрографические исследования показали своеобразие минерального состава обломочной примеси в керамической массе этих образцов. Минеральный состав примесей амфор с клеймами Διοσκοῦ

Рис. 1. Амфоры с клеймами: 1 – клейма Диоску (Гвандра); фрагменты коричневоглиняных амфор из керамической массы второй разновидности с городища Кара-Тобе: 2 – с анэпиграфным клеймом; 3 – с меткой по сырой глине.

оказался ближе всего образцам керамики с кавказского черноморского побережья (от Тамани до Аджарии), но не идентичным им (Внуков, 2006. С. 98, 99). Таким образом, производство рассматриваемых амфор в Диоскуриде не исключается, но пока не доказано. В любом случае амфоры с клеймами Диоску – узколокальная тара, изготовлявшаяся в одном центре (не обязательно в Абхазии) непродолжительное время.

Вторая группа тары, которую могли производить на территории современной Абхазии, – более многочисленная. Это широко распространенные и хорошо известные так называемые коричневоглиняные амфоры¹. Исследования их морфологии и состава керамической массы дали основание относить все коричневоглиняные амфоры к одному очень долго существовавшему и сильно изменявшемуся со временем морфологическому типу тары, обозначенному как Кх (Колхида) I (Внуков, 2001; 2003. С. 160–194; 2006. С. 77–85; Vnukov, 2010). Он разделялся на три, позднее – на четыре хронологических варианта (А–D), два из которых еще делились на подварианты (Внуков, 2003. С. 160–173; Vnukov, 2008. Р. 139. Fig. 4). При этом отмечалось единство развития форм коричневоглиняных амфор во всем регионе, даже производившихся в заведомо разных

местах. Лишь для римского времени намечались некоторые локальные морфологические разновидности внутри всего массива, которые, вероятно, следует связывать с производством различных пунктов (мастерских) Восточного и Юго-Восточного Причерноморья (Внуков, 2003. С. 24, 160, 164; 2006. С. 83, 84). По всей видимости, в это время можно говорить о формировании нового класса амфор с перехватом, состоящего из не менее чем двух морфологически близких типов, производившихся в разных частях региона.

При значительном морфологическом единстве синхронные коричневоглиняные амфоры заметно различаются по минеральному составу примесей, вводившихся для отошения природной глины. Петрографический анализ показал, что по составу глины среди них можно выделить как минимум две основных разновидности (Внуков, 2006. С. 77–85). В керамической массе первой (рис. 2, 1; цветная вклейка № 1) резко преобладают обломки базальта и входящего в его состав минерала пироксена (пироксено-базальтовый песок; черные блестящие включения) (Внуков, 2006. С. 80). Выходы базальтовых пород и отложения черного песка в черноморском бассейне встречаются во многих местах Восточного (Аджария) и Южного (Трапезунд, Амис, Синопа и др.) Причерноморья. Этот песок широко применялся в керамическом производстве ряда центров, в первую очередь в Синопе (Внуков, 2006. С. 67–70, 80). Сходство морфологии ранних коричневоглиняных и синопских амфор и их отошающей примеси дало основание предположить, что впервые исследуемая тара начала изготовляться в середине IV в. до н.э. в синопской колонии Тра-

¹ Как и в предыдущих моих публикациях на эту тему, под термином “Колхида” здесь подразумевается вся территория, заселенная колхами, – от Трапезунда на юге до севера Абхазии, а термины “коричневоглиняные” и “колхидские” амфоры – условные и являются синонимами. Определения используемых в статье терминов “класс”, “тип” и “центр производства” см. Внуков, 2003. С. 19; 2006. С. 18, 19.

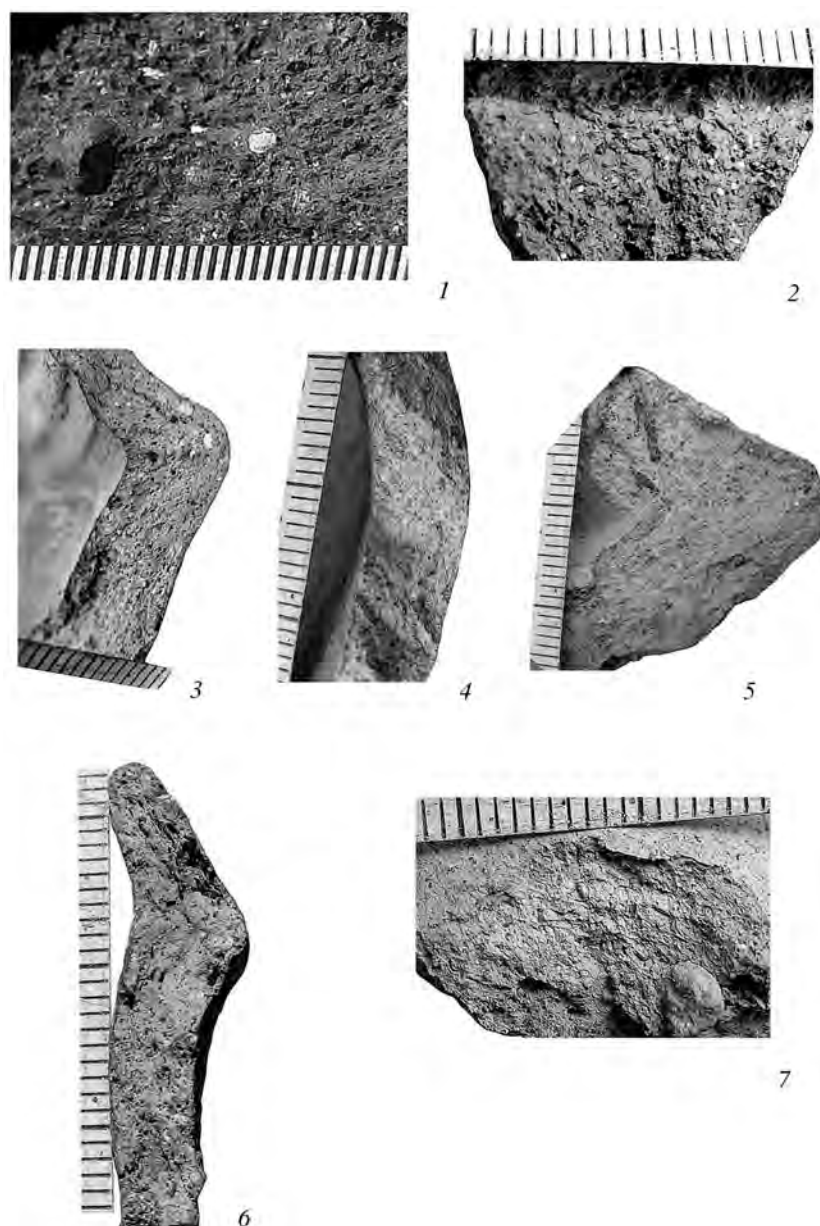

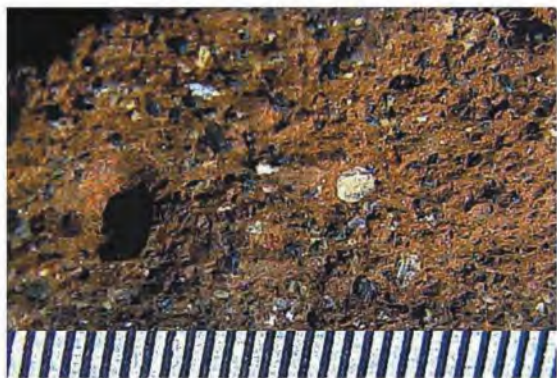
Рис. 2. Керамическая масса коричневоглиняных амфор: 1 – первая (пироксеновая) разновидность, подвариант Кх IB₁, Трапезунд?; 2 – вторая (сложная) разновидность, подвариант Кх IB₁, Абхазия?; 3–5 – вторая разновидность, подвариант Кх IC₂; 6 – вторая разновидность, подвариант Кх ID₂; 7 – кухонный горшок (1 – Херсонес; 2 – Эшерское городище; 3–7 – Севастополь).

пезунт (Vnukov, 1995. Р. 189; Кац, 2001. С. 52, 53; Внуков, 2006. С. 83). Позже ее производство могло быть налажено на ряде поселений Юго-Западной Колхиды со схожей геологической ситуацией.

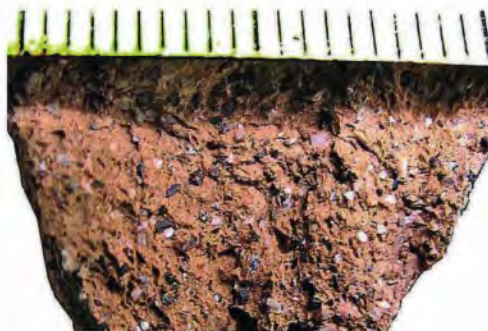
Минеральная примесь второй разновидности – более сложная по составу (рис. 2, 2; цветная вклейка № 1). В нее входят обломки разных вулканических, plutonic и осадочных пород и их отдельных минералов, в том числе зерна пироксена, доля которого здесь очень невелика. Некоторые из таких обломков не встречаются в глиняной массе других причерноморских центров

(грано-диориты, оливин, сланцы и др.) (Внуков, 2006. С. 79, 80). Эта минеральная группа – неоднородна, в ней можно наметить несколько более мелких подгрупп, различающихся как качественным, так и количественным составом примеси. Вероятно, эти подгруппы отражают геологические особенности конкретных пунктов производства, однако четко охарактеризовать их пока не удастся.

Примесь второй группы составляет морской или речной песок разной степени окатанности сложного состава, также широко распространенный в Восточном Причерноморье, особенно в устьях

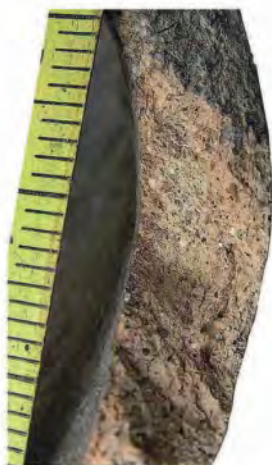
1

2

3

4

5

6

7

Рис. 2

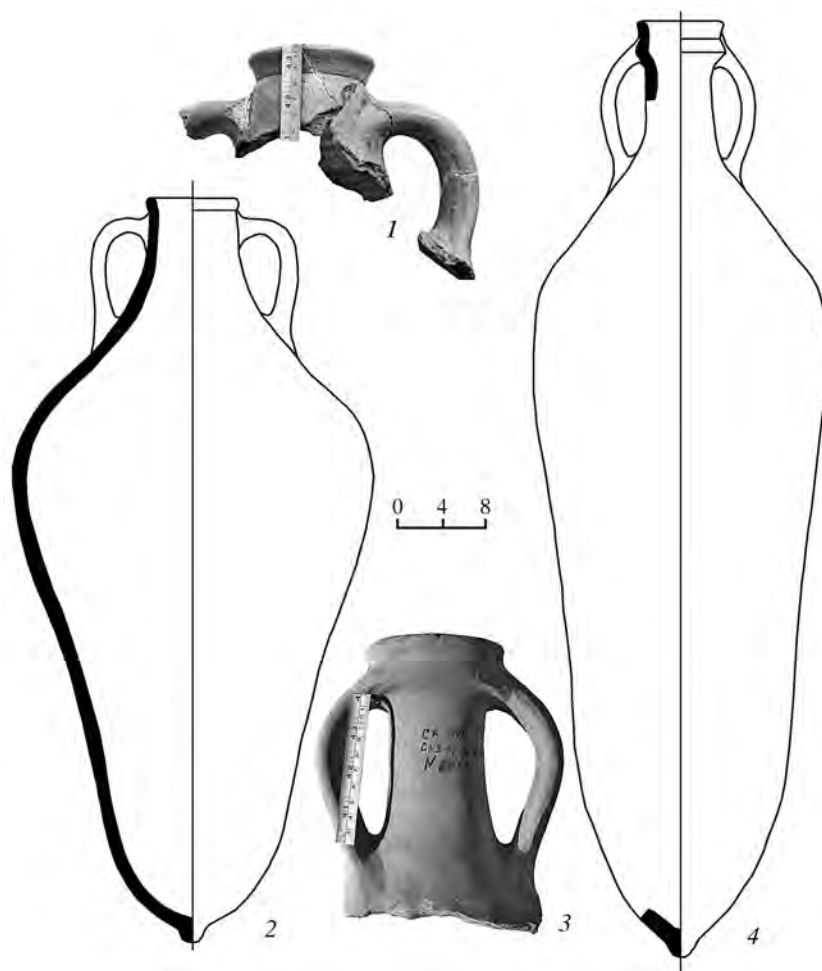

Рис. 3. Амфоры подварианта Кх IB₁: 1 – Эшера; 2 – Вани. Амфоры подварианта Кх IC₂: 3 – Севастополис; 4 – Горгиппия.

многочисленных горных рек (Внуков, 2006. С. 80). Подобная примесь характерна и для местной посуды и пифосов некоторых районов Аджарии, Восточной Грузии и других районов. Точные места изготовления амфор с такими примесями пока установить не удалось. Предполагалось, что в основном это была продукция гончаров-колхов, работавших на греческих поселениях или по греческим образцам (Внуков, 1992. С. 85–87).

Таким образом, существует задача выделения конкретных регионов производства коричневоглиняных амфор различного минерального состава керамической массы. Рассмотрение материалов из Абхазии позволило несколько продвинуться в ее решении. Этому способствует и то, что геологическая ситуация в рассматриваемом районе заметно отличается от ситуации в других регионах Колхиды. Здесь нет прибрежных выходов базальта и других пироксенсодержащих пород, нет и черных песков. Песчаные приморские отложения характеризуются сложным составом, в который входят обломки раз-

личных светлых пород, кварца, а также, видимо, гранитов и входящих в их состав минералов. Таким образом, местное население могло использовать в керамическом производстве только тот песок, который относится ко второй разновидности отощающей примеси.

С другой стороны, в этом регионе распространена своеобразная глина, отличная от сильно ожелезненных красных глин Юго-Западной Колхиды. Она – жирная, довольно светлая (в мокром виде – светло-желтая), без крупных включений, по-видимому, содержит некоторое количество соединений железа (от которых в первую очередь зависит цвет глины и керамики), но не в виде окислов, определяющих красный цвет. В связи с этим цвет получающихся из нее изделий зависит в основном от режима их обжига (окислительный или восстановительный) и может колебаться от светло-бежевого (через оранжевый) до серо-коричневого с преобладанием светлых оттенков. Значительная часть местной бытовой посуды античного времени по визуальным

признакам могла быть сделана из такой глины с добавлением морского или речного песка (рис. 2, 7; цветная вклейка № 1). Эта же глина до сих пор используется местным населением.

Таким образом, рассмотрение геологических особенностей окрестностей древней Диоскуриады-Севастополиса показало, что местное керамическое сырье существенно отличается от материалов, использовавшихся при изготовлении коричнево-глиняных амфор с пироксено-базальтовым песком, часто встречающихся на памятниках Восточного и Северного Причерноморья. Изделия из такого сырья должны в среднем быть более светлыми по сравнению с другой коричневоглиняной тарой и содержать отошающую примесь второй разновидности (песок сложного состава) (рис. 2, 2–7; цветная вклейка № 1).

Наиболее ранние амфоры с такой отошающей примесью, известные с территории Абхазии, в частности с Эшерского городища, относятся к морфологическим разновидностям Kx IA и Kx IB₁ рассматриваемых сосудов (рис. 2, 2; цветная вклейка № 1; 3, 1). Они датируются концом IV – III в. до н.э. Выделить их морфологические отличия от другой синхронной коричневоглиняной тары (рис. 3, 2), которая тоже в небольшом количестве поступала в этот регион, пока не удастся. Можно предположить, что именно в это время, не позднее III в. до н.э., в Диоскуриаде или ее окрестностях могло начаться производство из местной глины тары общеколхидской формы.

Проследить развитие этого производства в позднее эллинистическое и раннее римское время невозможно из-за недостатка данных. Но оно, видимо, продолжало существовать. Об этом прямо говорят немногочисленные находки фрагментов амфор вариантов Kx IB из глины такого состава на памятниках Северного Причерноморья. Небольшая часть товаров в подобной таре, видимо, экспортировалась из Северо-Западной Колхиды во II в. до н.э. – I в. н.э. в этот регион. К сожалению, исследователи обычно не отличают такие амфоры от сосудов с пироксеновой примесью. Среди них редко встречаются экземпляры с анэпиграфными клеймами или с метками по сырой глине (рис. 1, 2, 3).

Исследованный массовый материал раскопок Севастополиса относится лишь к периоду поздней античности (III–VI вв.). После расквартирования римских войск в Колхиде происходит подъем амфорного производства, расширение экспорта товаров в местной таре из Восточного Причерноморья, увеличение количества производственных пунктов в регионе (Внуков, 2006. С. 188, 204, 269; Vnukov,

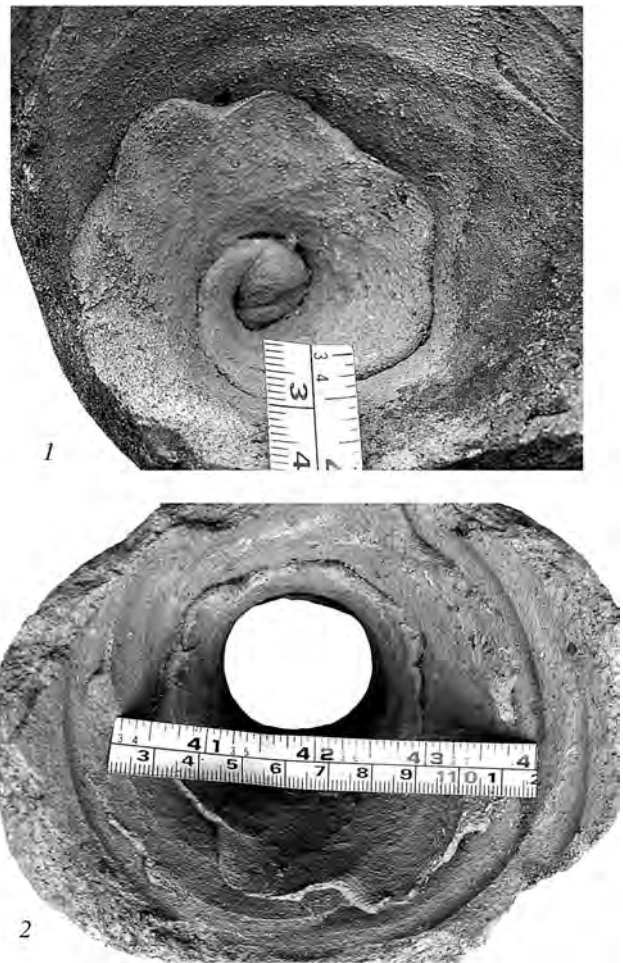

Рис. 4. Фрагменты амфор подварианта Kx IC₂ со следами спирально-жгутового налепа, вид изнутри: 1 – ножка, 2 – горло (Севастополь).

2008. Р. 141), также появляются новые, возможно локальные разновидности колхидских амфор.

Из слоев III в. н.э. Севастополиса происходят колхидские амфоры двух основных морфологических разновидностей. Одни из них принадлежат хорошо известному и довольно широко распространенному морфологическому подварианту Kx IC₂ – крупным сосудам с резким ребром под венчиком на уровне верхних корней ручек, из-за чего у некоторых из них венчик резко расширяется “муфтой” с вертикальной или вогнутой боковой поверхностью (рис. 3, 3, 4). Ребро образовано резким выгибом стенки горла, так что с внутренней стороны горла ему соответствует желобок (Внуков, 2003. С. 164, 165, 193, 194. Рис. 66, 3).

У этих сосудов сохраняется завиток на внутренней стороне ножки – так называемая улитка (рис. 4, 1), возникшая при ее изготовлении методом спирально-жгутового налепа. Такая техника формо-

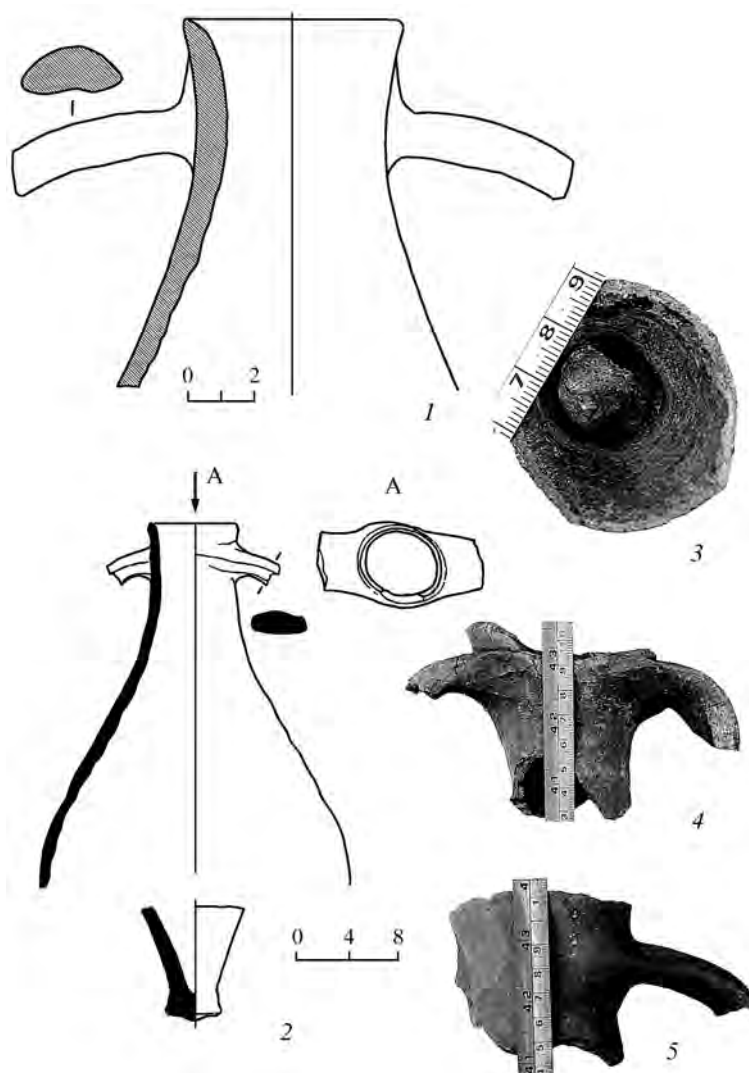

Рис. 5. Фрагменты амфор подварианта Кх IB₃: 1, 3–5 – Севастополь (1, 4, 5 – горла; 3 – ножка, вид изнутри); 2 – Танаис, амфора (по: Арсеньева, Науменко, 1992. Рис. 44, 1).

вания ножек была характерна для всех колхидских амфор эллинистического времени. В римское время она постепенно отмирает (Внуков, 2003. С. 165, 166) и в III в. массово встречается только у амфор подварианта Кх IC₂.

Вместе с тем при общем морфологическом сходстве амфор подварианта Кх IC₂ из Абхазии с подобными сосудами, найденными в других регионах, большинство их выделяется некоторыми технологическими признаками и особенностями керамической массы. Так, у рассматриваемых сосудов ленточной техникой также формовалось и горло (рис. 4, 2; см. Алексеева, 1997. Табл. 92, 14). Этот прием у коричневоглиняной тары отмечен впервые. Обычно горла и плечики подобных амфор вытягивались на круге отдельно, а затем соединялись с нижней частью тулова внахлест. Пережиточное сохранение налепной техники при изготовлении

горла, видимо, можно считать локальной особенностью абхазской тары.

Подавляющее большинство амфор подварианта Кх IC₂ из Абхазии выделяется и по глине. Эти сосуды сложно назвать действительно коричневоглиняными (рис. 2, 3–5; цветная вклейка № 1): их глина имеет самый разнообразный цвет – от светло-грязно-бежевого до серо-коричневого. В качестве отощающей примеси в ней использован песок сложного состава, среди зерен которого попадаются (по визуальному определению) кварц, шпаты, обломки пород и, возможно, оливин. Эти признаки керамической массы соответствуют описанному выше природному сырью из района Сухума. Это позволяет предположить, что рассматриваемые амфоры могут быть местной продукцией. Помимо памятников Абхазии и Центральной Колхиды подобные сосуды встречаются в Северо-Восточном

Причерноморье, где порой составляют самую многочисленную группу тары в слоях разгрома поселений III в. н.э. (Алексеева, 1997. С. 178; Вязкова и др., 2001. С. 194; Внуков, 2006. С. 263).

Вместе с тем среди материалов Себастополиса отмечены единичные фрагменты таких же сосудов, но изготовленных из керамической массы первой группы (пироксеновой). Они отличаются и общим более темным коричневым цветом глины. Видимо, это импорт из других, возможно, южных регионов Колхиды. Одна из мастерских по производству амфор такой формы была относительно недавно открыта в Гонио (древней Апсаре) в Аджарии (Халваши, 2000).

Вторая разновидность колхидских амфор, присутствующая в слоях III в. н.э. Себастополиса, – довольно необычной формы. Это небольшие сосуды с маленькими изогнутыми ручками, коническими ножками и горлом без ребра под венчиком (рис. 5, 1, 4, 5). Формально их можно относить к подварианту Kx IB₂. Но до сих пор сосуды этого подварианта встречались в комплексах, датируемых не позднее рубежа I–II вв. н.э. (Внуков, 2006. С. 133, 168). Материалы Себастополиса позволяют предполагать, что, по всей видимости, производство подобных сосудов продолжалось в некоторых пунктах или пункте Восточного или Юго-Восточного Причерноморья как минимум до конца III в. н.э. Но они почти не вывозились в другие регионы. Можно отметить лишь находки таких амфор в Танаисе (Арсеньева, Науменко, 1992. С. 160, 161. Рис. 43, 2; 44, 1) и, возможно, в Горгиппии (Алексеева, 2002. Рис. 16, 10).

Ни одной такой целой амфоры пока не обнаружено, поэтому их описание – предварительное. Судя по плечикам (максимальный диаметр – 20–25 см), объем этих сосудов меньше объема амфор подварианта Kx IB₂. Горло рассматриваемых амфор – короткое, заметно расширяющееся кверху (рис. 5, 1, 4, 5). Оно очень плавно переходит в сильно покатые плечики, так что граница между горлом и плечиками не выделена. Венчик – отогнутый, как правило, никак специально не отмечен. Редко встречаются небрежно оформленные валикообразные венчики. Ручки – плоские, короткие, петлевидные. Их верхние прилепы как бы обнимают горло с обеих сторон. В некоторых случаях это выглядит как нечеткое ребро на уровне верхних прилепов ручек, но его происхождение совершенно иное, чем у амфор Kx IC (рис. 5, 2). Ножка – короткая, без улитки внутри. При этом в ряде случаев четко видна своеобразная технология ее изготовления: отверстие внизу сосуда затыкалось цилиндрической глиняной пробкой, которая снаружи заглаживалась (рис. 5, 3). По всей

видимости, подобные поздние сосуды варианта Kx IB следует выделять в поздний подвариант Kx IB₃.

Рассматриваемые амфоры целиком изготавливались методом вытягивания без использования спирально-налепной техники, что отличает их от описанных выше синхронных сосудов из Абхазии подварианта Kx IC₂. Различаются они и по глине. Большинство амфор сделано из керамической массы первой группы, содержащей большое количество пироксена. Лишь примерно у 25% просмотренных в Себастополисе фрагментов сосудов Kx IB₃ глиняное тесто практически не отличается от теста местных (?) амфор подварианта Kx IC₂.

Таким образом, среди материалов Диоскуриады-Себастополиса III в. н.э. колхидские амфоры представлены двумя морфологическими разновидностями, принадлежащими двум разным технологическим традициям. Одни из них (Kx IC₂), по всей видимости, – местная модификация общеколхидской формы. Другие (Kx IB₃) – довольно редкие и изготавливались в немногих центрах, возможно, Юго-Западной Колхиды. Судя по составу глины, в Себастополисе это в основном импорт, но пока невозможно установить, откуда он осуществлялся.

Примечательно, что, как отмечалось, меньшая часть амфор подварианта Kx IB₃, обнаруженных при раскопках Себастополиса, не отличается по глине от сосудов подварианта Kx IC₂, найденных там же. Это может свидетельствовать о существовании их производства и в Абхазии, однако его объем был невелик.

В IV в. наблюдаются существенные изменения в амфорном комплексе Себастополиса. Во-первых, значительно сокращается доля сосудов, изготовленных из массы первой разновидности (пироксеновой). Резко преобладают амфоры предположительно местного производства. Во-вторых, постепенно исчезают сосуды подварианта Kx IC₂. Их вытесняют амфоры новой разновидности, утрачивающие ребро на горле, образованное выгибом стенки, и сочетающие признаки сосудов Kx IC₂ и отчасти Kx IB₃. Видимо, их следует выделять в новый вариант Kx ID, который, как будет показано ниже, разделяется на два хронологических подварианта. У этих сосудов сохраняется перехват на тулове, характерный для всего класса колхидских амфор позднеэллинистического времени.

Шестнадцать амфор рассматриваемого варианта, обнаруженных в воде у южного берега Черного моря и хранящихся в музее Самсуна (древнего Амиса), опубликованы Д. Кассаб-Тезгёр и М. Аккая как “типы” A–E (Kassab Tezgör, Akkaya, 2000. Fig. 5, 3–7; 6, 8–13). Авторы называют подобные амфо-

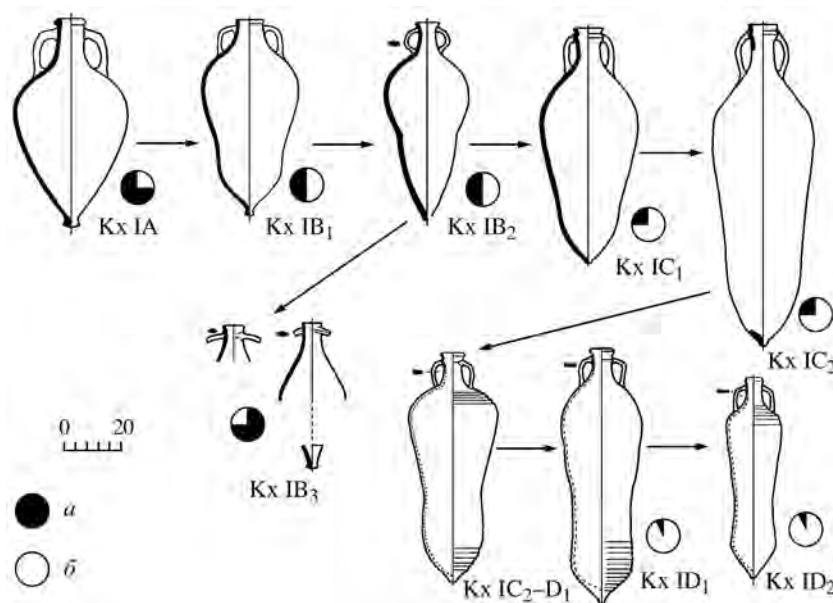

Рис. 6. Общая уточненная схема эволюции коричневоглиняных амфор: *a* – доля амфор из массы первой разновидности; *b* – доля амфор из массы второй разновидности.

ры “псевдоколхидскими”. Они отмечают сильную вариабельность состава и цвета их глиняной массы, присутствие в большинстве сосудов зерен пироксена. В то же время подчеркивается отличие глины этих сосудов от массы “типичных” коричневоглиняных колхидских амфор с пироксеновым отощителем (Kassab Tezgör, Akkaya, 2000. P. 127). Поэтому вопрос о месте производства публикуемых сосудов оставлен открытым (Kassab Tezgör, Akkaya, 2000. P. 134).

Фрагментированные находки из Севастополиса имеют близкие аналогии в этой коллекции, что дает хронологические ориентиры для датировки опубликованных амфор из моря, а также позволяет в общих чертах наметить эволюцию как форм самих сосудов варианта Kx ID, так и их профильных частей, процесс поиска оптимальной формы и технологии². Наиболее ранним из коллекции Самсуна может быть единственный сосуд, еще сохраняющий ряд признаков, характерных для амфор подварианта Kx IC₂ (Kassab Tezgör, Akkaya, 2000. Fig. 6, 11). Вероятно, его следует рассматривать как переходную разновидность между подвариантами Kx IC₂ и Kx ID₁ (рис. 6). При существенно меньших размерах у него сохраняется небольшое ребро на горле на уровне верхних прилепов ручек, образованное выгибом стенки верхней части горла, и выродив-

шаяся муфта венчика. В то же время появляется ребристость на плечиках и в нижней части тулова, характерная и для всех более поздних сосудов.

Собственно к сосудам подварианта Kx ID₁ предлагается относить амфоры с более простой конструкцией венчика, которая со временем продолжала упрощаться (типы С–Е по: Kassab Tezgör, Akkaya, 2000. Fig. 5, 6, 7; 6, 8–13). Эти амфоры меньше сосудов подварианта Kx IC₂, но крупнее амфор Kx IB₃ (рис. 7, 3). Их высота колеблется в пределах 0.78–0.9 м, максимальный диаметр – 0.23–0.29 м. Постепенно размеры этих амфор уменьшаются. Их горло – очень короткое, неширокое, слабо расширяющееся кверху, ручки – плоские, их сечение становится подпрямоугольным. Ножки – маленькие, простые конические.

Наиболее характерной чертой для сосудов подварианта Kx ID₁ является конструкция венчика. В целом он валикообразный. Валик имеет форму вытянутого вверх треугольника, немного наклоненного внутрь сосуда. При этом ребро на горле, образованное выгибом стенки, характерное для амфор варианта Kx IC, исчезает. Вместо него под валиком венчика по горлу проходит неглубокий мягкий врез шириной около 1.5 см, сделанный подушечкой пальца, напоминающий аналогичный врез у синопских амфор типа Син II. Нижняя граница вреза образует на горле невысокое ребро или уступ (рис. 7, 1, 2; см. Kassab Tezgör, Akkaya, 2000. Fig. 1, 7, 13; 3, 10; 4, 12; 5, 6, 7). По всей видимости, этот уступ можно формально рассматривать как рудимент ребра на горле, характерного для сосудов варианта Kx

² В вышедшей ранее предварительной публикации на эту же тему предложена несколько иная схема эволюции сосудов варианта Kx ID и их номенклатура (Vnukov, 2011. Fig. 8), которая в данной работе несколько пересмотрена.

ИС, но сформированного другим способом. Одновременно врез выделяет нижнюю границу валика венчика. Со временем, видимо, врез и ребро становятся менее четкими.

Все сосуды подварианта Кх ID₁ из раскопок Себастополиса и из музея Самсуна полностью сделаны на гончарном круге. Судя по глине, амфоры из Себастополиса, за редкими исключениями, – местная продукция. Среди амфор коллекции из Самсуна только три (№ 6, 8, 10) не содержат пироксена и, скорее всего, сделаны из керамической массы второй разновидности (Kassab Tezgör, Akkaya, 2000. Р. 130, 131). Судя по этой коллекции, схожие сосуды подварианта Кх ID₁ производились в разных регионах Колхиды. В Абхазии их обособление могло начаться не ранее конца III в. в мастерских, в которых ранее изготавливали амфоры подварианта Кх IC₂.

У еще более поздних сосудов, выделяемых в подвариант Кх ID₂, ребро на уровне корней ручек или его имитация исчезает полностью, как и валикообразный венчик (рис. 7). Вырабатывается наиболее технологически простая форма венчика. При этом верхняя немного приостренная часть стенки расширяющегося кверху короткого горла резко загибается вертикально или внутрь сосуда (рис. 2, 6; цветная вклейка № 1; 8, 1, 2). В результате сверху горла образуется ребро, обозначающее границу ничем более не выделенного венчика, которое отдаленно напоминает ребро горла амфор подварианта Кх IC₂ и муфту их венчика. Ручки рассматриваемых сосудов (№ 6, 8, 10) – короткие, плоские, подпрямоугольного сечения (рис. 8, 1, 2, 4). Ножки – маленькие, по-прежнему простые конические, без дополнительных деталей. По параметрам эти амфоры уступают более ранним сосудам: их высота – 0,6–0,8 м, максимальный диаметр – около 0,2 м. Амфоры подварианта Кх ID₂ в литературе часто называются “тиритаскими” (Зеест, 1960. Табл. XL, 103).

Все описанные изменения происходили, видимо, в первой половине – середине IV в. Начиная со второй половины IV и в V в. колхидская тара представлена в Себастополисе только сосудами одного варианта Кх ID₂, изготовленными в подавляющем большинстве из местной глины (рис. 2, 6; цветная вклейка № 1). Очевидно, сосуды подобной формы производились и в некоторых других регионах Колхиды, о чем свидетельствует коллекция из Самсуна, но их выделение – дело будущего. В V в. они поступали в Себастополис в незначительном количестве, их обломки составляют здесь не более 7% всей тары. Примечательно, что в это же время наблюдается и общее сокращение импорта продуктов в амфорах из других центров на рассматриваемый

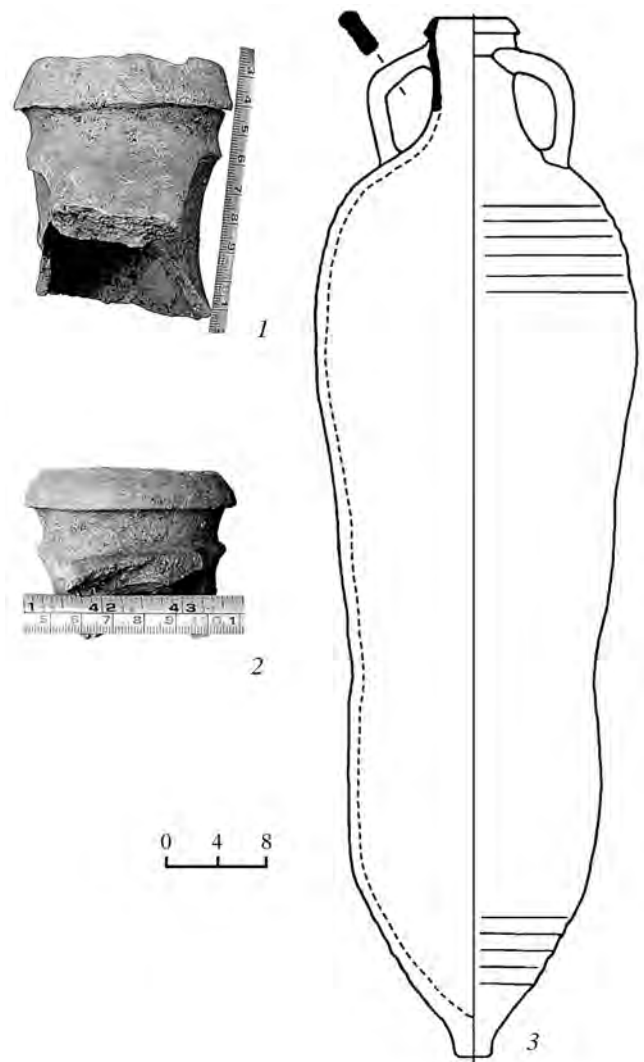

Рис. 7. Амфоры подварианта Кх ID₁: 1, 2 – Себастополис; 3 – Самсун, музей (по: Kassab Tezgör, Akkaya, 2000. Fig. 6, 13).

памятник. Если в III в. н.э. колхидская тара составляла здесь около 33% от всех амфор и лишь около половины ее – местная продукция (16% всей тары), то в IV–V вв. общая доля всех колхидских амфор возрастает почти до 40%, а доля местной продукции среди нее – до 82 (более 30% всех обломков тары). Это означает фактически двукратное увеличение производства амфор в Абхазии. Видимо, местное вино вытесняло импорт из других регионов Колхиды, а также могло распространяться в других регионах Причерноморья (Vnukov, 2008. Р. 141).

Таким образом, ознакомление с геологическими условиями в районе Сухума и материалами местных памятников позволило существенно дополнить и уточнить наши представления об амфорном производстве на территории Абхазии и всей Колхиды, а также об эволюции данного типа тары. В результа-

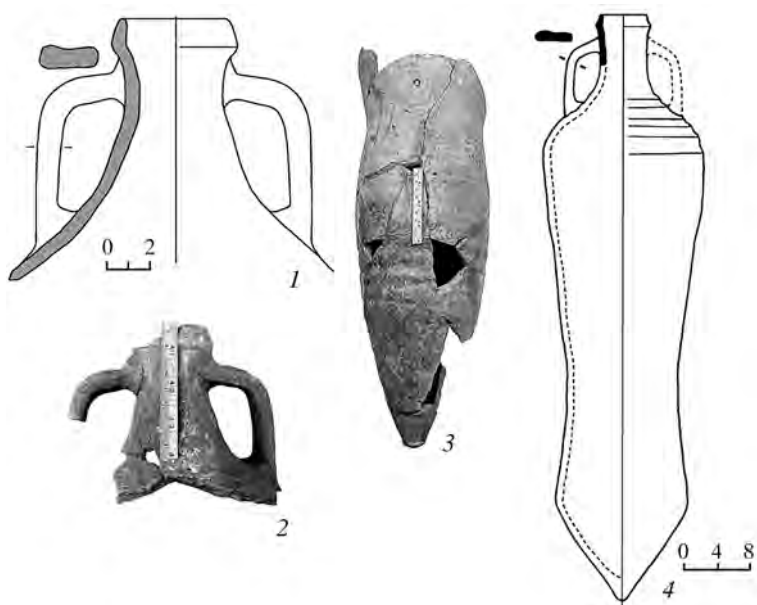

Рис. 8. Амфоры подварианта Кх ID₂: 1–3 – Севастополис; 4 – Самсун, музей (по: Kassab Tezgör, Akkaya, 2000. Fig. 5, 5).

те предлагается новая уточненная типологическая схема коричневоглиняных амфор, приблизительно оценивающая долю сосудов из разной глины в производстве той или иной разновидности этой тары с учетом данных как Абхазии, так и всего Причерноморья (рис. 6).

По всей видимости, Диоскуриада-Севастополис и его окрестности были в числе центров-производителей коричневоглиняной тары. Такое производство могло начаться здесь еще в III в. до н.э. Особого размаха оно достигло в поздний римский период, когда разные центры Колхиды довольно активно экспортировали свою продукцию практически по всему Причерноморью. Тара из Абхазии отличается морфологическими и технологическими признаками, которые после некоторых необходимых уточнений позволят выделять ее среди продукции других центров Восточного Причерноморья.

В заключение следует отметить, что исследование амфорной тары из Абхазии подтверждает предположение о существовании на территории античной Колхиды не менее двух центров производства амфорной тары, изготавливавших морфологически близкие сосуды одного класса из разной глиняной массы. По всей видимости, их все же следует разделять на схожие типы Кх I (с пироксеновой примесью) и Кх II (со сложной примесью). Более четко это различие прослеживается начиная со второй половины римского периода. Но в настоящее время не выделены морфологические признаки сосудов, которые бы точно коррелировали с составом их гли-

няной массы и позволяли надежно диагностировать предполагаемые типы Кх I и Кх II. Поэтому в работе сохранена общая прежняя номенклатура коричневоглиняной тары. Единственный путь дальнейших исследований – изучение морфологии колхидских амфор с учетом характера их глиняной массы и построение отдельных эволюционных схем для каждого из намечаемых типов. Из-за этого предлагаемая здесь эволюционная схема колхидской тары (рис. 6) со временем неизбежно будет существенно уточнена и пересмотрена. Она отражает лишь современный уровень наших знаний по этому предмету.

Выражаю искреннюю благодарность В.Р. Эрлиху и А. Габелия за предоставленные неопубликованные материалы раскопок Эшерского городища и Сухумской крепости.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алексеева Е.М. Античный город Горгиппия. М., 1997.
 Алексеева Е.М. Центральная часть Горгиппии в первые века нашей эры // ДБ. 2002. Вып. 5.
 Арсеньева Т.М., Науменко С.А. Усадьбы Танаиса. М., 1992.
 Внуков С.Ю. К вопросу о центре производства коричневоглиняных амфор Северного Причерноморья // Греческие амфоры. Саратов, 1992.
 Внуков С.Ю. О выделении разновидностей коричневоглиняных амфор // ПИФК. 2001. Вып. X.
 Внуков С.Ю. Причерноморские амфоры I в. до н.э. – II в. н.э. Ч. I. Морфология. М., 2003.

- Внуков С.Ю.* Причерноморские амфоры I в. до н.э. – II в. н.э. Ч. II. Петрография, хронология, проблемы торговли. СПб., 2006.
- Воронов Ю.Н.* Археологическая карта Абхазии. Сухуми, 1969.
- Воронов Ю.Н.* К изучению керамического производства Диоскуриады // СА. 1977. № 2.
- Вязкова О.Е., Дмитриев А.В., Малышев А.А.* Поселение Мысхако – юго-восточный форпост Боспора // ПИФК. 2001. Вып. X.
- Зеест И.Б.* Керамическая тара Боспора // МИА. 1960. Вып. 83.
- Кац В.И.* Амфоры Колхиды: миф и реальность // Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и Средние века: Матер. IX Междунар. науч. конф. Ростов н/Д., 2001.
- Кац В.И.* Греческие керамические клейма эпохи классики и эллинизма (опыт комплексного изучения). Симферополь; Керчь, 2007.
- Трати М.М.* Труды. Т. II: Древний Сухуми. Сухуми, 1969.
- Халваши М.* К вопросу о происхождении и хронологии позднеантичных и раннесредневековых коричневоглиняных амфор // Батумский археологический музей: Тр. I. Батуми, 2000 (на груз. яз.).
- Шамба Г.К.* Амфорные клейма Диоскурии // Изв. Абхазского института языка, литературы и истории. Вып. V. Тбилиси, 1976.
- Jefremov N.* Die Amphorenstempel des Myrsilos // Klio. 1994. № 76.
- Kassab Tezgör D., Akkaya M.* Les amphores “pseudo-Colchidiennes” du Musée de Samsun // Anatolia Antiqua. 2000. VIII.
- Vnukov S.Yu.* Pottery petrology and problems of amphora production in Black Sea area // The Cultural Ceramic Heritage. 14. Fienza, 1995 (Fourth Euro Ceramics).
- Vnukov S.Yu.* Southern and Eastern Pontic amphorae in the Western Black sea region during the Roman period // Bulgaria Pontica Medii Aevi. VI–VII. Byprac, 2008.
- Vnukov S.Yu.* Problems of “brown clay” (Colchean) amphora studies. Typology, chronology, production centers, distribution // PATABS I. Production and trade of amphorae in the Black Sea: Actes de la Table Ronde internat. de Batoumi et Trabzon, 27–29 Avril 2006. Paris, 2010 (Varia Anatolica; XXI).
- Vnukov S.Yu.* “Colchean” amphorae from Abkhazia // PATABS II. Production and trade of amphorae in the Black Sea: Acts of the Intern. round table held in Kiten, Nessebar and Sredetz, September 26–30, 2007. Sofia, 2011.

ДРОБНАЯ ДАТИРОВКА КУРГАНОВ МОГИЛЬНИКА БРУТ 1 (СЕВЕРНАЯ ОСЕТИЯ)

© 2012 г. Т.А. Габуев*, О.С. Хохлова**

* Государственный музей Востока, Москва (tgabuev@orientmuseum.ru)

** Институт физико-химических и биологических проблем почвоведения РАН, Пушкино

Ключевые слова: аланы, Северный Кавказ, курганы, катакомбы, датировка, пряжки, удила, палеопочвы.

Brut I kurgan cemetery with catacomb burials dates to the late 4th – middle of the 5th cc. AD, i.e. it functioned for 60–70 years at the most. For the fractional chronology we used the kurgans (# 2, 7, 9–14) where soil samples were taken. Pedologists assigned the kurgans to relative chronological groups: first group (kurgan 13), second group (kurgans 7, 12, 14), and third group (kurgans 2, 9, 10, 11). Archaeological data (fibulae and buckles) provides the absolute dates. The fibulae allow dating kurgan 13 to late 4th – early 5th cc. AD. The two other periods within the single time interval (first half of the 5th century) had not been identified previously. The fractional dating was based on the buckles. Analysis of the buckles, the microdetails of the other artifacts in the assemblage and the constructional elements of the catacombs confirmed the conclusions of pedologists that the 5th-century materials could be divided into two chronological horizons. Kurgans 2 and 7 can be considered as benchmarks for their respective groups. Comparison of natural scientific and archaeological data shows that the identification of the chronological groups is methodologically correct.

Как известно, создание дробной хронологии – одна из первостепенных задач археологической науки. От успешности ее решения во многом зависят как многие собственно археологические выводы, так и исторические интерпретации. Что касается курганов могильника Брут 1, которым посвящена данная статья, то все материалы представляют собой единый массив. Могильник расположен у с. Брут в Северной Осетии (РСО – Алания). В 1989, 1990 и 2004 гг. здесь было раскопано 13 курганов (№ 2–14), содержащих аланские катакомбные погребения. Погребальные камеры всех катакомб ограблены в древности, как и большинство курганов, относящихся к раннеаланской культуре, но в курганах 2 и 7 имелись тайники, в которых были зафиксированы скопления драгоценных предметов. Информативность в установлении дробной хронологии рассматриваемых курганов разная: с одной стороны, “закрытые” комплексы-тайники (курганы 2, 7) и их можно рассматривать как реперные; с другой – все остальные курганы, в камерах катакомб которых сохранились отдельные предметы. Эти предметы, в первую очередь пряжки, имеющие типологические сходства с пряжками из курганов 2 и 7, также можно рассматривать как хроноиндикаторы, что позволяет учесть эти курганы в данном исследовании.

Временные рамки существования некрополя Брут 1 укладываются в период от конца IV в. до середины или начала второй половины V в., т.е. могильник существовал не более 60–70 лет. Чтобы разбить этот отрезок времени на хронологические периоды, следует прибегнуть к помощи как собственно археологических, так и естественно-научных методов исследования.

В работе экспедиции 2004 г. при раскопках курганов 9–14 принимали участие почвоведы О.С. Хохлова и А.А. Хохлов из Института физико-химических и биологических проблем почвоведения РАН и Института биофизики клетки РАН (г. Пушкино). Ими были взяты пробы грунта из всех раскопанных в этом году курганов. Кроме того, была предпринята попытка взять пробы и из раскопанных в 1989 и 1990 гг. курганов 2 и 7 как объектов, содержащих максимальное количество инвентаря. Палеопочвы под раскопанными курганами получили те же номера, что и курганы (табл. 1).

Основным методическим подходом работы с палеопочвами было представление о том, что курганы в монокультурном курганном могильнике, который сооружался сравнительно недолго (≤ 100 лет), не могли быть построены одномоментно, а появлялись один за другим в течение всего периода функционирования могильника. Следовательно, можно было попытаться установить хотя бы относитель-

Таблица 1. Объекты исследования в курганном могильнике Брут 1

Разрез	Курган	Мощность курганной насыпи, см	Археологическая дата сооружения кургана и погребения почвы
13п/04	13	60	Примерный рубеж* IV–V вв.
2п/04	2	50**	Первая половина V в.
7п/04	7	40**	»
9п/04	9	90	»
10п/04	10	60	»
11п/04	11	55	»
12п/04	12	60–65	»
14п/04	14	55	»
8ф/04***			
6ф/04****			

* “Примерный рубеж” – именно такая формулировка даты приводится археологами, так как если указать “рубеж IV–V вв.”, это будет означать, что дается точная дата, тогда как археологические методы не позволяют этого сделать.

** Мощности насыпей курганов 2 и 7 указаны на момент нашей работы на могильнике. Поскольку это остатки бровок курганов от прежних (конца 1980-х годов) раскопок, очевидно, тогда курганные насыпи были больше.

*** Современная почва – чернозем обыкновенный, фоновая для участка, где расположены курганы 9–11.

**** Современная почва – чернозем обыкновенный, фоновая для участка, где расположены курганы 2, 7, 12–14.

ный порядок сооружения курганов в могильнике на основе сравнительных методов почвоведения, выявляя сходство и различия свойств погребенных под ними почв. Предполагается, что почвы в монокультурном могильнике образуют короткий хронологический ряд как по длительности этого ряда в целом (не более 100 лет), так и по временному “шагу” между его соседними элементами – группами почв. При таком подходе на первое место выходит выявление направленной изменчивости почвенных свойств, которые способны меняться сравнительно быстро в степных почвах (Хохлова, 2006). К таковым относятся свойства солевого профиля (карбонатного, гипсового), солонцовые свойства, иногда – содержание гумуса в верхних горизонтах. В изучаемом хронологическом ряду объекта Брут 1 наиболее индикативными были содержание обменного натрия (солонцовые свойства), содержание и распределение карбонатов в профиле. Также под световым микроскопом были изучены шлифы почв микроморфологическими методами, позволяющими диагностировать самые “тонкие” и малозаметные начальные признаки изменчивости почв во времени, а под электронным микроскопом – ненарушенные монолиты почв, отобранные из тех же горизонтов, что и образцы для микроморфологического анализа.

При полевых морфологических исследованиях в ряду палеопочв от погребенной приблизительно на рубеже IV–V вв. (разр. 13п/04) до погребенных в первой половине V в. прослеживалось постепенное увеличение густоты и мощности сети карбонатного псевдомицелия – выделения белых карбонатных солей на стенке разреза в виде “грибного мицелия”. По этому признаку палеопочвы первой половины V в. в поле были поделены на две группы: разр.

7п/04, 12п/04 и 14п/04 условно отнесены к первой четверти V в., а разр. 2п/04, 9п/04, 10п/04, 11п/04 – ко второй. Таким образом, палеопочва примерного рубежа IV–V вв. (разр. 13п/04) вместе с палеопочвами выделенных двух групп первой половины V в. образовали короткий хронологический ряд, длительность функционирования которого составляет не более 60–70 лет (археологические данные), а временной “шаг” между соседними элементами хронологического ряда (группами) – около 25. Подтверждение полевых морфологических наблюдений найдено и в химическом составе почв, определенном в лабораторных исследованиях.

В распределении обменного натрия (рис. 1, 1) отмечается ясная тенденция увеличения его содержания в верхней части профилей в выстроенном коротком хронологическом ряду от палеопочвы рубежа IV–V к палеопочвам второй четверти V в. (разр. 2п/04, 9п/04, 10п/04, 11п/04). Обменный натрий связан с солонцовыми свойствами почв, которые могут усиливаться при нарастании аридизации климата.

Особо четко различия выделенных внутри короткого хронологического ряда палеопочв прослеживаются по профильному распределению содержания карбонатов. Отмечается ясная тенденция увеличения процентного содержания карбонатов в общей почвенной массе в верхней части профилей (до глубины 120 см) в изучаемом хронологическом ряду от палеопочвы рубежа IV–V вв. (разр. 13п/04) к палеопочвам сначала первой (разр. 7п/04, 12п/04 и 14п/04), а затем второй четверти V в. (разр. 2п/04, 9п/04, 10п/04, 11п/04) (рис. 1, 2). В среднем, по сравнению с палеопочвой примерного рубежа IV–V вв. (разр. 13п/04) в палеопочвах второй четверти V в. (разр. 2п/04, 9п/04,

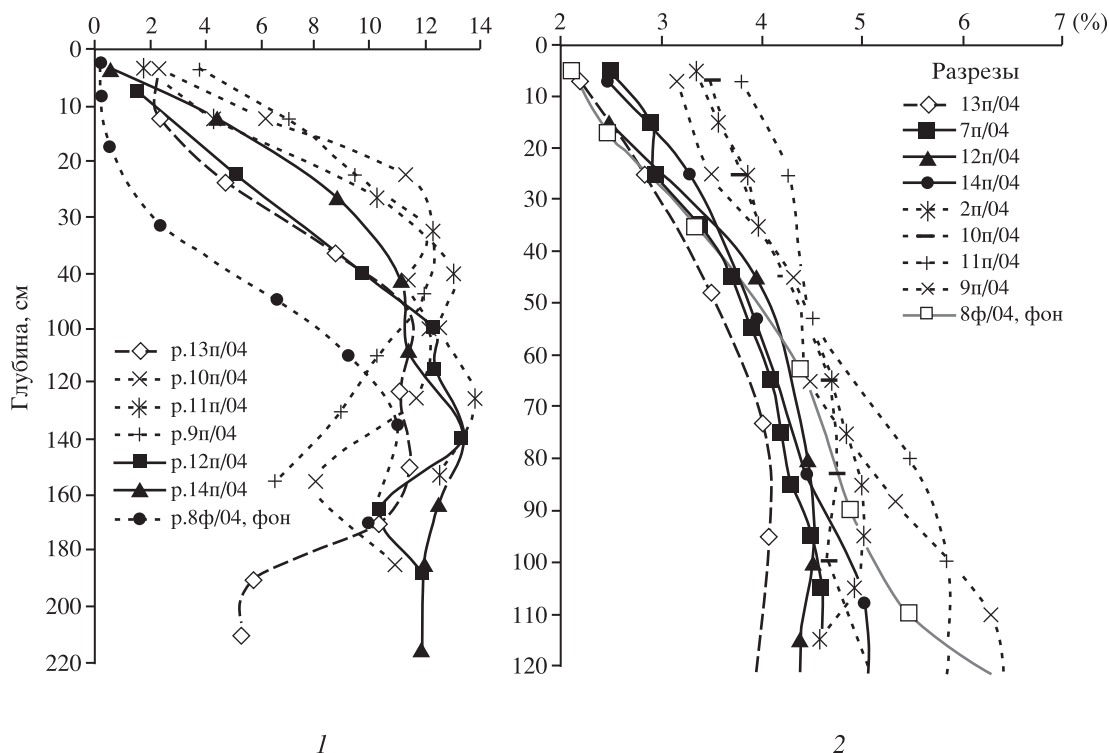

Рис. 1. Распределение обменного натрия; процент от суммы обменных оснований (1) и CO₂ карбонатов (2) в профилях почв короткого хроноряда объекта Брут 1.

10п/04, 11п/04) происходит увеличение содержания карбонатов в горизонте АВк на 15–17%, что довольно существенно и также указывает на нарастание аридизации от начала к концу функционирования почв рассматриваемого короткого хроноряда.

Определение содержания карбонатов отдельно в новообразованиях (карбонатный псевдомицелий) и в почвенной массе вокруг псевдомицелия, которая содержала несегрегированные карбонаты, в горизонте АВк [50–60 см] погребенных и современной почв показывает ту же тенденцию (рис. 2, 1). И это же нарастание аккумуляции карбонатов от начала к концу рассматриваемого хроноряда видно в шлифах под микроскопом: увеличивается количество карбонатов внутри пор (игольчатые новообразования) и в плазме (несегрегированные карбонаты) (рис. 2, 2–4).

Особо нужно сказать о палеопочве под курганом 9. Здесь помимо нарастания общей или валовой аккумуляции карбонатов в профиле выявлено незакономерное, несопоставимое ни с каким временем погребения увеличение ¹⁴C-возраста карбонатного псевдомицелия в горизонте АВк – более чем на 1000 лет по сравнению с аналогичными ¹⁴C-датами из других палеопочв короткого хроноряда. Под электронным микроскопом во внутреннем строении этого псевдомицелия наблюдаются микроучастки “свежего” колломорфного кальцита

поверх игольчатого, последний характерен для карбонатных аккумуляций в верхних горизонтах всех почв изучаемого хроноряда. Все эти изменения с карбонатными аккумуляциями верхнего горизонта АВк в палеопочве кургана 9 связываются с тем, что именно в период, предшествовавший погребению этой почвы, может быть, сезон-другой были исключительно жаркие и сухие условия, обеспечившие “подтягивание” древних карбонатов по капиллярам из нижних горизонтов в верхний.

Если реконструировать палеоклиматические условия периода строительства рассматриваемой группы курганов, то их можно охарактеризовать как нарастание аридизации от начала к концу изучаемого интервала. А за несколько сезонов (лет) до строительства кургана 9 это нарастание было наиболее значимым, поскольку подтягивание карбонатов в верхние горизонты – очень быстрый процесс, так же как и противоположный процесс их растворения и перекристаллизации на месте, в результате которых они должны были потерять свой “древний” радиоуглеродный возраст и предстать не в колломорфном, а в кристалломорфном (игольчатом) виде. Последнего с карбонатными аккумуляциями не случилось, что позволяет выделить почву под курганом 9 особо. Наверное, предположительно можно говорить о том, что этот курган был со-

оружен самым последним среди рассматриваемой группы в могильнике Брут 1.

Все курганы, раскопанные в 2004 г., а также курганы 2 и 7 на основе полученных результатов были выстроены в хронологической последовательности. Наиболее ранним в этом ряду оказался курган 13, самый поздний – 9. Определить его хронологическое положение относительно остальных археологически невозможно, поскольку инвентарь малочислен и невыразителен. Далее почвоведомы курганы были разделены на три хронологические группы: в первую, как и ожидалось, попал только курган 13, во вторую – курганы 7, 12, 14, в третью – 2, 9–11. Хронология этих групп курганов относительно друг друга, но неабсолютна. Приблизительные же абсолютные даты дают данные археологии.

Датирующий материал кургана 13 – найденные в нем две фибулы. Первая из них (рис. 3А, 1) соответствует серии III группы 15 (двучленные лучковые фибулы с расширенной ножкой), выделенной А.К. Амброзом и датированной им II–III вв., но на Кавказе бытовавшей до IV в. (1966. С. 52). В.Ю. Малашев датирует эти фибулы на Кавказе с середины III в., а наиболее поздние их образцы – второй половиной IV – началом V в. (Габуев, Малашев, 2009. С. 135). Вторая (рис. 3А, 2) – серии VI группы

15 (лучковые и прогнутые фибулы с овально расширенной спинкой и относительно узкой ножкой – “лебяжьи” серия), ее варианту 4 (двучленные, прогнутые), выделенной А.К. Амброзом и датированной им второй половиной IV, V и частично VI в. (1966. С. 57). Подобное сочетание двух этих типов фибул было отмечено в погребении XXIII могильника Брут 2. В.Ю. Малашев справедливо датировал их последними двумя-тремя десятилетиями IV – началом V в. (Габуев, Малашев, 2009. С. 135, 136). Итак, присутствие в кургане 13 указанных фибул позволяет датировать его концом IV – началом V в. Кроме того, курган 13 имеет и отличную от других ориентировку погребения. Входная яма ориентирована широтно, а не меридионально, как в катакомбах всех остальных курганов. Важно в данном случае то, что в раскопанной группе брутских курганов он – самый ранний.

Выделение двух других периодов из единого отрезка времени (первая половина V в.) еще не проводилось. Важным материалом для подобного разделения служат пряжки. Они зафиксированы в курганах 2, 7, 11–13 в количестве 24 и были изготовлены из золота, серебра, а также серебра или железа, обтянутого золотым листом. Пряжки – однотипные, имеют округлую рамку с утолщением в

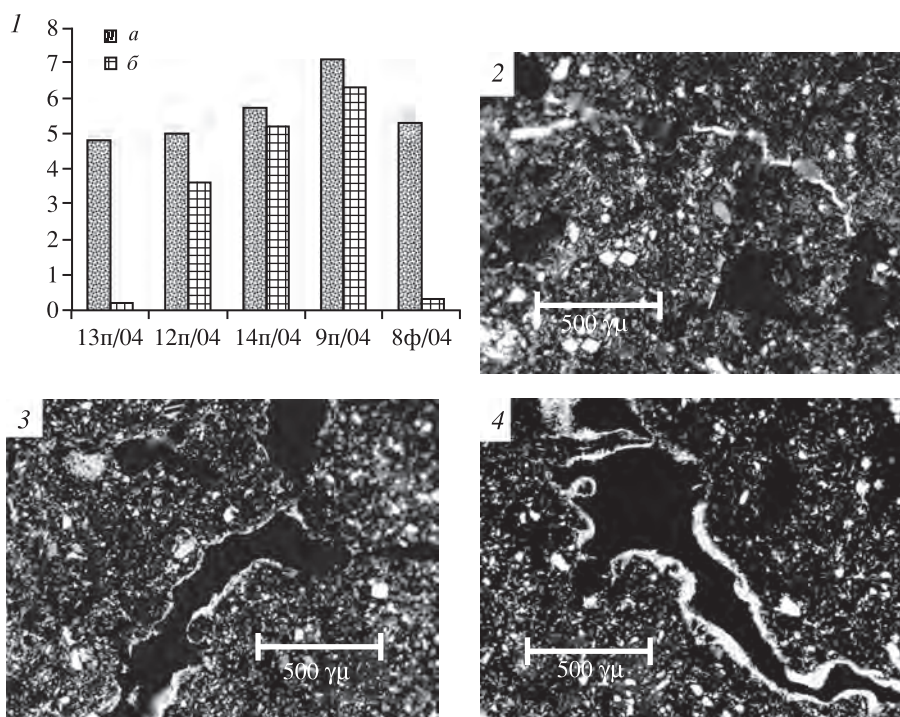

Рис. 2. Горизонт АВк [50–60 см] палеопочв короткого хроноряда объекта Брут 1. 1 – содержание CaCO_3 , процент в карбонатном псевдомицелии и в почвенной массе с несегрегированными карбонатами; 2 – отсутствие карбонатов в порах и слабая пропитка плазмы карбонатами, разр. 13п/04; 3 – игольчатые кристаллы кальцита в порах и пропитка плазмы карбонатами, разр. 12п/04; 4 – мощный слой игольчатых кристаллов кальцита в порах и глинисто-карбонатная плазма вокруг пор, разр. 9п/04. Условные обозначения: а – псевдомицелий; б – несегрегированные карбонаты.

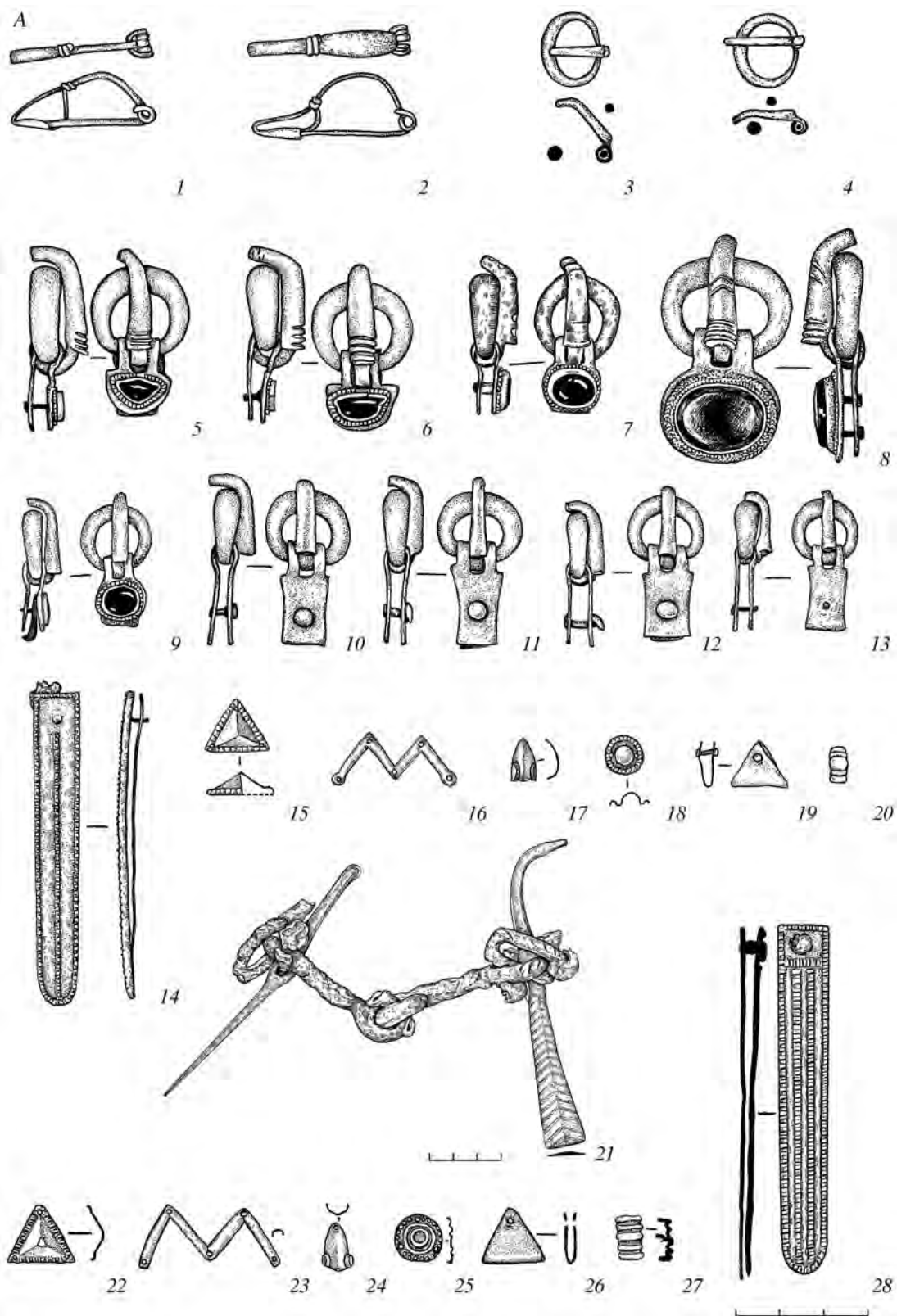
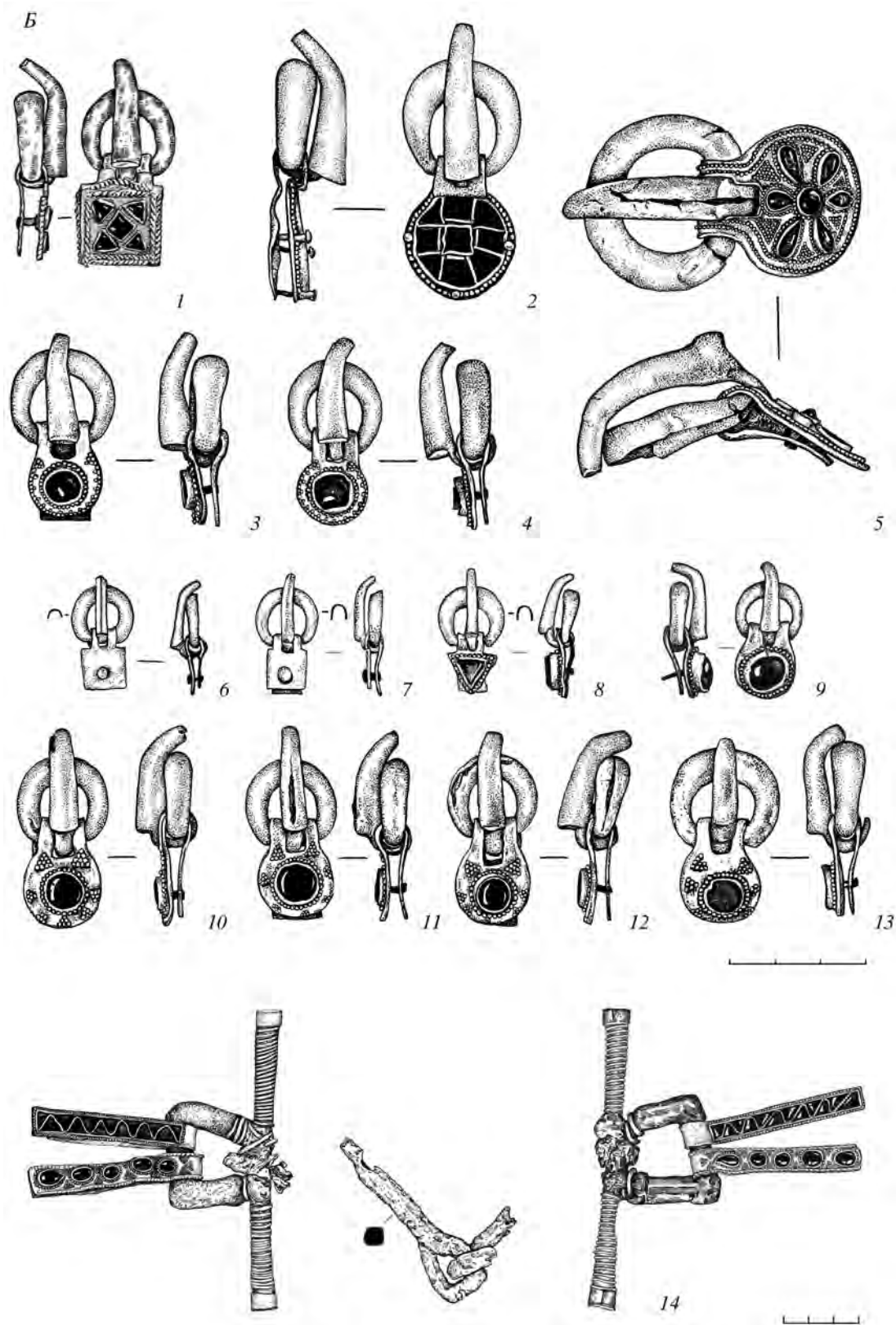

Рис. 3. Инвентарь из курганов могильника Брут 1. А: 1–4 – № 13; 5, 6, 8–21 – № 7; 7, 27, 28 – № 12; 22–26 – № 14; Б: 1 – № 11; 2–14 – № 2.

передней части, “хоботковидный” язычок, заходящий за передний край рамки, и уступ у основания. Перечисленные признаки характерны для всех пряжек, но они разнятся по мелким деталям, которые могут дать хронологические различия.

Несколько особняком от остальных стоят две серебряные мелкие пряжки из кургана 13 без обойм (рис. 3А, 3, 4). Хотя они и имеют весь набор перечисленных выше признаков, но эти признаки не столь ярко выражены, как у более крупных экземпляров (рамки скорее овальные, чем круглые, утолщение в передней части рамки незначительное, уступ у основания язычка сглажен), что не позволяет датировать их узко.

Все остальные пряжки с обоймами хотя и имеют некоторые отличия друг от друга по форме рамок (одни – более овальные, другие – более круглые), но эти отличия скорее технические, чем типологические, и в расчет приниматься не будут. По форме язычка пряжки можно разделить на группы¹: 1 – окончания язычков плотно прижаты к переднему краю рамки пряжки, как бы охватывают ее, кроме того, на внешней поверхности некоторых язычков имеется поперечное рифление; 2 – язычок несколько отведен в сторону от рамки, как бы нависает над ней, но не прижат к переднему краю рамки полностью, рифления, как у язычков пряжек 1-й группы, нет. К 1-й группе относятся все пряжки из кургана 7 (8 шт.) и единственная пряжка из кургана 12 (рис. 3А, 5–13). Ко 2-й – все пряжки из кургана 2 (12 шт.) и единственная пряжка из кургана 11 (рис. 3Б, 1–13). Курганы 2 и 7 можно рассматривать как реперные в своих группах.

Отличительная особенность 2-й группы пряжек – присутствие изделий с полыми рамками. Они найдены только в кургане 2. Это две пряжки с неукрашенными прямоугольными обоймами и аналогичная пряжка с обоймой, украшенной треугольным щитком с гранатовой вставкой (рис. 3Б, 6–8). У них отсутствует нижняя половинка рамки, причем это не следствие поломок и потерь, а их характерный признак². Полые рамки, видимо, – достаточно поздний признак для пряжек гуннской эпохи. Они характерны как для “шиповского” горизонта эпохи Великого переселения народов: от 430/470 до 530/570 гг. (см. Мастыкова, 2009. С. 19), так и для почти всего раннего средневековья. По форме такие рамки имеют различную конфигурацию, в данном

случае интересны рамки круглые. Поскольку в публикациях на рисунках не всегда даны изображения рамок в разрезе, следует привести хотя бы несколько примеров.

В могильнике Дюрсо под Новороссийском сочетание пряжек с цельными и полыми рамками отмечено неоднократно: погр. 479, 410, 517 (Дмитриев, 1979. С. 255. Рис. 8, 1–3; 1982. С. 89, 95. Рис. 8, 1–3; 10, 10–16). И если в погр. 410 и 479 полые пряжки имеют В-образную или овальную формы, то в погр. 517 они – круглые. Уточнив датировку могильника Дюрсо, М.М. Казанский посчитал, что погр. 517 занимает промежуточную позицию между фазами 1–2 (450–480/490) и 3 (470/480–530/540) (2001. С. 45, 46, 52). На могильнике Ксизово 17а в Задонском р-не Липецкой обл. в погр. 19 обнаружены округлые пряжки как с полкой (1 шт.), так и с цельными (2 шт.) рамками. А.М. Обломский датирует это погребение серединой V в. (2010. С. 257). Я. Тейрал, характеризуя выделенный им хронологический этап D2 (380/400–440/450), пряжки с полыми рамками рассматривает как позднее явление, которое во второй половине V в. в различных типах пряжек с овальной рамой выступает как хроноиндикатор (Tejral, 1997. S. 342). В качестве примера он приводит погребение всадника из Якушовице (Godłowski, 1995. S. 169. Abb. 4, 5–7) и богатое женское погребение 25/1953 из Лауриака-Цигельфельда (Lauriacum-Ziegelfeld), которое содержало фибулу второй трети V в. (Kloiber, 1957. S. 123. Taf. 51, 1–3, 7–11).

Итак, пряжки с полыми рамками, будучи самой поздней находкой в кургане 2, позволяют датировать этот комплекс временем не ранее середины V в., а скорее всего – началом второй его половины. Таким образом, пряжки выделенной 2-й группы следует считать более поздними по сравнению с пряжками 1-й группы.

Обратим внимание на еще одну микродеталь. Все пряжки как первой, так и второй группы имеют обоймы. Оформление лицевой стороны обоймы – щитка выглядит по-разному. Щитки пряжек – округлые, подпрямоугольные, сегментовидные и треугольные. Щитки, за исключением двух пряжек из кургана 2 (рис. 3Б, 6, 7) и четырех из кургана 7 (рис. 3А, 10–13), украшены цветными вставками.

При украшении щитков пряжек использовались разные материалы и техники декорирования. Как указывалось выше, пряжки различаются по степени “отогнутости” кончика язычка над передним краем рамки, но есть и еще одно различие. Если все пряжки кургана 2, имеющие вставки на щитках, украшены настоящей зернью, то все пряжки из кургана 7 украшены штампованным орнаментом, имитиру-

¹ Идея деления пряжек по форме язычка обсуждалась с И.О. Гавритухиным и В.Ю. Малашевым и была поддержана этими исследователями.

² На то, что отсутствие нижней половинки рамки пряжки – самостоятельный признак, мне указал И.О. Гавритухин, за что выражаю ему искреннюю благодарность.

ющим скань и зернь. Эта отличительная особенность касается и всех других предметов, имеющих вставки и разделяющих инвентарь курганов 2 и 7 по этому признаку. Кроме того, если почти на всех пряжках из кургана 2 щитки украшены гранатами (9 из 12 шт.), то в кургане 7 украшенных вставками пряжек меньше (4 из 8) и присутствуют как гранаты (рис. 3А, 5, 6, 9), так и сердолик (рис. 3А, 8). Исключение составляет одна пряжка от оголовья лошади из кургана 2, имевшая стеклянную вставку (рис. 3Б, 13). Это, видимо, объясняется утратой гранатовой вставки и заменой ее на имеющееся под рукой стекло.

Таким образом, разделение пряжек из курганов 2 и 7 на две группы по вполне формальному признаку, связанному с соотношением язычка и рамки, усиливается и некоторыми другими особенностями. Пряжки из курганов 12 и 11 до некоторой степени подтверждают это наблюдение. Пряжка из кургана 12 с ободком вокруг вставки из ложной зерни (штамповка) украшена сердоликом и имеет рифление на язычке (рис. 3А, 7), т.е. вполне справедливо попала в 1-ю группу. Пряжка же из кургана 11, попавшая во 2-ю группу, хотя и имеет вставки из граната, характерные для этой группы, но украшена штамповкой в виде ложной скани (рис. 3Б, 1). Объяснить ситуацию можно следующим образом. Обе техники декорирования (зернь и штамповка) были характерны для всей эпохи Великого переселения народов, появление и сочетание разных признаков на отдельных предметах обычно. В нашем же случае важно то, что предметы из курганов 2 и 7 различаются, составляя две самостоятельные стилистические группы, в том числе и по форме язычка пряжек. Указанные микродетали (техника декорирования и состав вставок на щитках) не служат хроноиндикаторами сами по себе, возможно, они работают только на могильнике Брут 1. Приведены эти признаки только потому, что вещи, выполненные из драгоценных металлов, – импортные и попасть в рассматриваемый район могли в разные отрезки времени.

Исходя из наличия в кургане 2 поздних пряжек с полыми рамками, различительный признак формы язычка можно рассматривать и как хронологический. В период всего гуннского времени пряжки (пожалуй, самый многочисленный материал) имеют хоботковидные язычки, но степень “отогнутости” его от рамки у них разная. Установить, хронологический ли это признак для всех территорий интересующего нас времени – отдельная и трудоемкая работа. Очень многие экземпляры имеют не вполне качественные прорисовки по всем важным ракурсам, что существенно усложняет задачу. Тем

не менее имеется наблюдение И.О. Гавритухина о пряжках могильника Клинь-Яр, где язычки плотно примыкали к рамке на всю ее высоту. Пряжки этого типа автор, приведя ряд аналогий (с Северного Кавказа и других территорий), считает достаточно ранними. Их следует датировать последними десятилетиями IV – первыми десятилетиями V в. (Gavritukhin, in press). Пряжки этого типа В.Ю. Малашев (тип П11) датирует от последних двух-трех десятилетий IV до раннего V в. (2000. С. 196, 203, 205). Таким образом, суммируя наблюдения (хотя и не охватывающие всего массива), сделанные при анализе этих пряжек, можно говорить о признаке, который способен стать хронологическим индикатором.

Отличительная особенность 2-й, более ранней, чем 3-я, хронологической группы погребений, выделенной почвоведом, – наличие в камерах катакомб некоторых конструктивных деталей. В кургане 7 – это подпрямоугольное углубление на дне камеры у входа. В кургане 12 – прямоугольное возвышение на дне в правом от входа углу. В кургане 14 – вырубленные вдоль боковых стен камеры уступы, во всю их длину. Во всех катакомбах других групп эти детали не зафиксированы. В вещевом материале курганов 7, 12, 14 также имеются некоторые соответствия. Самый сохранившийся (напомним) – комплекс из тайника кургана 7. В курганах же 12 и 14 найдены только отдельные разрозненные предметы. Тем не менее их достаточно, чтобы провести сравнение. В кургане 14 имеются следующие соответствия с курганом 7: 1) три типа нашивных бляшек – треугольные (рис. 3А, 15, 22), бляшки в виде буквы М (рис. 3А, 16, 23) и, возможно, круглые бляшки, хотя они и несколько отличаются друг от друга (рис. 3А, 18, 25); 2) накладки в виде птичьих головок (рис. 3А, 17, 24); 3) треугольные обоймицы (рис. 3А, 19, 26). В кургане 12 подобных совпадений меньше. Следует отметить бочонковидную с поперечным рифлением накладку (рис. 3А, 20, 27) и особенности в оформлении язычка (в виде поперечного рифления) единственной имеющейся в этом комплексе пряжки (рис. 3А, 7), схожей с некоторыми пряжками из кургана 7 (рис. 3А, 5, 6, 8). Схожим, хотя и несколько различающимся, выглядит орнамент, украшающий наконечники ремней из курганов 7 и 12 (рис. 3А, 14, 28), но важно то, что все они выполнены в технике штамповки. Кроме того, эти наконечники сделаны не из золота, как большинство предметов из кургана 2, а из серебра, покрытого позолоченным серебряным листом, как и большинство предметов из кургана 7.

Курганы, входящие в 3-ю, наиболее позднюю хронологическую группу, никакими особыми де-

талями конструкций катакомб не отличаются. При сильной ограбленности курганов 9–11 в них очень мало материала для сравнения с реперным комплексом из кургана 2. Тем не менее в кургане 11 имеется серебряная пряжка с золотым прямоугольным щитком, украшенным гранатовыми вставками (рис. 3Б, 1), которая указывает на важные моменты. Во-первых, это щиток из золота, а не из серебра, покрытого позолоченным серебряным листом. Во-вторых, вставки на нем именно из граната, как практически все вставки на предметах в кургане 2. В-третьих, форма язычка пряжки идентична язычкам всех пряжек из кургана 2 – язычок неплотно охватывает переднюю рамку пряжки, а как бы нависает над ней. Общее же для курганов 9–11 то, что в них найдены в отличие от всех остальных курганов могильника фрагменты стеклянных сосудов. Не будучи хронологическим признаком, этот факт, возможно, также указывает на один период попадания в Брут 1 данных предметов импорта.

Несколько по-иному рассматривает вопрос о хронологии комплексов из курганов 2 и 7, основываясь на датировке псалий, И.Р. Ахмедов. Форма удила с псалиями стержневидной формы и прямоугольной петлей, изготовленной вместе со стержнем, из кургана 2 (рис. 3Б, 14) имеет некоторые аналогии в памятниках Евразии. И.Р. Ахмедов, классифицировавший псалии эпохи Великого переселения народов, выделил стержневидные псалии в типы 1 и 2. Наиболее близки брутским (если учитывать и форму рамки) псалии из кочевнического погребения в Мертвых солях в Оренбургской обл., которые И.Р. Ахмедов датировал последней третью IV – началом V в. (период D1 по Я. Тейралу) и отнес к типу 2 по своей классификации. Этим же временем он датировал и брутские псалии из кургана 2 (Ахмедов, 2001. С. 222, 229. Рис. 1, 21). Отличие заключается лишь в том, что псалии из Мертвых солей не имеют обмотки серебряной проволокой, но, возможно, имеют рифление. Стержневидные псалии с рифлением, цельнокованные с округлой рамкой-петлей зафиксированы в Венгрии в Печ-Усеге (конец IV – середина V в.) (Ахмедов, 2001. Рис. 1, 26; Attila und die Hunnen, 2007. S. 300) и в Паннонхалма (середина V в.) (L'or des princes barbares, 2000. P. 147; Attila und die Hunnen, 2007. S. 227), а также в Бризе в Богемии (первая треть V в.) (L'or des princes barbares, 2000. P. 111). При этом стержни из Паннонхалма покрыты золотой обкладкой. По мнению И.Р. Ахмедова, высказанному устно, брутские псалии из кургана 2 воспроизводят идею рифления вертикальных стержней псалий в виде обмотки их серебряной проволокой. Украшение стержневидных псалий рифлеными золотыми обкладками есть на экземплярах из Апахиды II в Румынии (третья

четверть V в.) и Гроссернера в Германии (конец V в.) (L'or des princes barbares, 2000. P. 180, 201), а также во франкском погребении из Крефельд-Геллепа в Германии (начало второй четверти VI в.) (Quast, 2007. S. 56–59. Abb. 18, 3). Эти псалии имеют другую конструкцию, они вставлялись в железные кольца – окончания удила. Как представляется, датировать удила со стержневидными псалиями следует как гуннским временем, а учитывая находки из Паннонхалма, Апахиды, Гроссернера, Крефельд-Геллепа, так и более поздним.

Аналогии, которые бы полностью соответствовали форме псалий из кургана 7 (рис. 3А, 21), нам не известны. Тем не менее для эпохи Великого переселения народов зафиксировано большое количество псалий, своими частями аналогичных или даже почти идентичных описываемым брутским. Если при описании псалиев из кургана 7 выделить основные признаки: 1) их общие очертания (верхний конец отогнут назад, а нижний оформлен в виде расширяющейся лопасти); 2) форма крепления их к удилам (с помощью двух центральных отверстий), то сочетания этих признаков в других памятниках не выявлены. Однако у довольно большой группы псалий отмечен первый признак, но они имеют округлые или прямоугольные петли в центральной части, изготовленные вместе со стержнем псалий. К ним относятся псалии из погр. 3 Ахьцараху в Абхазии (Воронов, Шенкао, 1982. С. 134. Рис. 6, 20), погр. 10 могильника у Лермонтовской скалы 2 (Рунич, 1976. С. 260. Рис. 4, 3), из Унтерзибенбрунна (Kazanski, 1996. P. 112. Fig. 3). И в первую очередь это псалии из погр. 44 могильника Абгидзраху в Абхазии, имевшие на нижней лопасти орнамент в виде “отступающего уголка” (Воронов, Шенкао, 1982. С. 134. Рис. 6, 30). О.А. Гей и И.А. Бажан датировали этот комплекс в пределах последней четверти IV в., сославшись на наличие в выделенной ими группе абхазских памятников стеклянного сосуда с синими налечами (1997. С. 25, 99. Рис. 27, 20). Однако нахождение в кургане 11 могильника Брут 1 аналогичного сосуда в сочетании с пряжкой V в. не позволяет сузить дату как абхазского комплекса, так и установить ее для брутской находки ранее того же века. Такие сосуды известны по всей Европе и в Средиземноморье в гуннское время и несколько позднее (обзор дискуссии на эту тему см. Гавритухин, 2007. С. 11–13). В то же время датировать комплекс из брутского кургана 7 серединой V в., как это предлагает И.Р. Ахмедов (2005. С. 247), преждевременно. Пока что эту узду можно надежно датировать первой половиной V в.

Таким образом, хронологическая последовательность, предложенная И.Р. Ахмедовым, в связи с датировкой брутских псалий небыстречна. А если суммировать приведенные выше аналогии, то комплекс из кургана 2 может быть датирован более поздним временем, чем комплекс из кургана 7. В то же время та последовательность, которая существует сейчас и на которую указали почвоведы, позволила обратить внимание на указанные выше микродетали, разделяющие 2 и 3-ю хронологические группы, и довольно логично объяснить присутствие в курганах 2 и 7 кинжалов с разной системой подвески (Габуев, 2005. С. 35, 41). Кинжал из кургана 7 с архаической системой привязывания к бедру оказался в ранней группе, а кинжал из кургана 2, имевший горизонтальную систему подвески, – в более поздней 3-й группе. В кургане 2 представлен один из наиболее ранних кинжалов с горизонтальной подвеской.

Итак, сопоставив естественно-научные методы с археологическими наблюдениями, можно предположить, что выделение хронологических групп методологически оправдано.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Амброз А.К. Фибулы юга европейской части СССР. II в. до н.э. – IV в. н.э. М., 1966 (САИ; Вып. Д1-30).
- Ахмедов И.Р. Псалии в начале эпохи Великого переселения народов // Культура евразийских степей второй половины I тыс. н.э. (из истории костюма). Т. 2. Самара, 2001.
- Ахмедов И.Р. Конский убор из некрополей Цебельдинской долины (к истории сложения “понтйского” стиля узды в эпоху Великого переселения народов) // II Городцовские чтения. М., 2005 (Тр. ГИМ; Вып. 145).
- Воронов Ю.Н., Шенкао Н.К. Вооружение воинов Абхазии IV–VII вв. // Древности эпохи Великого переселения народов V–VIII веков. М., 1982.
- Габуев Т.А. Аланский всадник. Сокровища князей I–II веков. М., 2005.
- Габуев Т.А., Малашев В.Ю. Памятники ранних алан центральных районов Северного Кавказа // МИАР. № 11. М., 2009.
- Гавритухин И.О. Финал черняховской культуры. Днепровское лесостепное Левобережье // Восточная Европа в середине I тыс. н.э. М., 2007 (Раннеславянский мир: Археология славян и их соседей; Вып. 9).
- Гей О.А., Бажан И.А. Хронология эпохи готских походов (на территории Восточной Европы и Кавказа). М., 1997.
- Дмитриев А.В. Погребения всадников и боевых коней в могильнике эпохи переселения народов на р. Дюрсо близ Новороссийска // СА. 1979. № 4.
- Дмитриев А.В. Раннесредневековые фибулы из могильника на р. Дюрсо // Древности эпохи Великого переселения народов V–VIII веков. М., 1982.
- Казанский М.М. Хронология начальной фазы могильника Дюрсо // ИАА. Вып. 7. Армавир; М., 2001.
- Малашев В.Ю. Периодизация ременных гарнитур позднесарматского времени // Сарматы и их соседи на Дону. Ростов н/Д., 2000.
- Мастыкова А.В. Женский костюм Центрального и Западного Предкавказья в конце IV – середине VI в. н.э. М., 2009.
- Обломский А.М. Новые погребальные комплексы Верхнего Подонья середины I тыс. н.э. // КСИА. 2010. Вып. 224.
- Рунин А.П. Захоронение вождя эпохи раннего средневековья из Кисловодской котловины // СА. 1976. № 3.
- Хохлова О.С. Внутривековая (декадная) эволюция почв и скорости изменчивости свойств в степных почвах на разных породах // Экология и почвы: Лекции и докл. XIII Всерос. школы, октябрь 2005 г. Пущино, 2006. Т. V. Пущино, 2006.
- Attila und die Hunnen. Speyer, 2007.
- Gavritukhin I.O. Belt sets from Alanic graves: Chronology and cultural links // A.B. Belinskij, H. Härke. The Iron Age to early medieval cemetery of Klin-Yar (North Caucasus): Excavations 1994–1996. Berlin, in press (Archäologie in Eurasien series).
- Godłowski K. Das Fürstengrab des 5. Jhs. und der Fürstensitz in Jakuszowice in Südpolen // La noblesse romaine et les chefs barbares du IIIe au VIIe siècle. Condé-sur-Noireau, 1995.
- Kazanski M. Les tombes “princières” de l’horizon Untersiebenbrunn, le problème de l’identification ethnique // L’Identité des populations archéologiques. XVIe rencontres internat. d’Archéologie et d’Histoire d’Antibes. Sophia Antipolis, 1996.
- Kloiber Ä. Die Gräberfelder von Lauriacum. Das Ziegelfeld. Linz, 1957.
- L’or des princes barbares. Du Caucase à la Gaule V siècle après J.-C. Paris, 2000.
- Quast D. Zwischen Steppe, Barbaricum und Byzanz. Bemerkungen zu prunkvollem Reitzubehör des 5. Jahrhunderts n. Chr. // Acta Praehistorica et Archaeologica. 2007. Bd. 39.
- Tejral J. Neue Aspekte der frühvölkerwanderungszeitlichen Chronologie im Mitteldonaum // Neue Beiträge zur Erforschung der Spätantike im Donaum. Brno, 1997.

ХОЛМ И СТОЛПЬЕ: РУССКО-ВИЗАНТИЙСКИЙ КОНТЕКСТ СРЕДНЕВЕКОВЫХ ПАМЯТНИКОВ ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ПОЛЬШИ

© 2012 г. Анджей Буко

Институт археологии и этнологии Польской академии наук, Варшава (abuko@uw.edu.pl)

Ключевые слова: *Византия, Польша, Древняя Русь, средневековый город, монастыри, архитектура, строительство, башни, ремесло.*

The article summarizes the information about 13th-century monuments in the borderlands of Old Rus and Poland. It publishes the archaeological data from excavations at Chełm and Stolpie, including the palace and the stone tower on a high platform, which the author interprets as a monastery. The architecture, building technique and the finds show that the influence of the Rus-Byzantine culture on the technologies and the artistic tastes was quite strong. The monuments flourished vividly yet briefly under Prince Daniil Romanovich, when Chełm became the capital of the Principality of Galich.

Расположенный на русско-польской границе г. Холм (современный Хелм, польский Chełm) давно привлекает внимание исследователей¹. Согласно письменным источникам, он играл ключевую роль в ранней истории этой части Европы, особенно в первой половине XIII в., когда его перестроил один из величайших правителей того времени князь Даниил Романович, превратив в главную резиденцию и, *de facto*, в столицу Галицко-Волинского княжества (см. Исаевич, 1999; Галичина та Волинь..., 2001; Котляр, 1985; Kryp'jakevyč, 1999; Kučinko, 1993). Здесь уже в раннесредневековую эпоху существовало почитаемое христианское святилище; со времени князя Даниила чудотворную икону Богородицы Холмской почитают два народа – поляки и украинцы (Natkański, 2000; Александрович, 2001).

В панораме современного города особую роль играет Соборная гора (рис. 1, а). Элементы русско-византийской культуры представлены здесь соборной базиликой с копией иконы Богородицы Холмской, руинами княжеского дворца и множеством находок, включая поливную и ангобированную керамику.

Соборная базилика и чудотворная икона тесно связаны с развитием Холма. Согласно письменным источникам, при князе Данииле здесь было построено не менее четырех храмов: Св. Иоанна Златоуста (вероятно, княжеская капелла), Св. Трои-

цы, Свв. Козьмы и Дамиана и Успения (*Ascension*) Богородицы (сейчас это Соборная Базилика). Одновременно в первой половине XIII в. сюда из Ухруска (Uhrowisk) была перенесена кафедра русской православной церкви (Gil, 1999. S. 61). Сегодня мы знаем только место собора; дворцовая капелла, возможно, скрыта на холме, известном как Wysoka Górka; места остальных неизвестны (Kłoczowski, 1958. S. 201). Ряд исследователей полагает, что до принятия христианства на Соборной горе существовало языческое святилище (Ruszkowska, 2000).

Современный католический храм (рис. 1, б) еще напоминает об архитектуре восточной (русско-византийской) церкви. Это типичная базилика, план которой следует форме греческого креста с центральным куполом. Подобный тип церковного здания окончательно сложился и стал основным в Византийской империи с периода так называемого Македонского возрождения (IX–X вв.). В данном случае прототипом служила постройка с планом типа вписанного креста с куполом в центре (Porębski, 1976. P. 121). Трудно ответить, в какой степени она отражает план храма XIII в., но это возможно по крайней мере для основных черт и структурных элементов.

В базилике хранится список чудотворной иконы Богородицы. Его почитали по меньшей мере с середины XIII в., но прообраз мог попасть в Холм и ранее, до 1260 г., весьма вероятно из Киева в качестве подарка сестры правителя Феодоры Галицкой (+ после 1200; см. Aleksandrovič, 2003. S. 54; Stefański, 1996). Народная вера связывает с иконой ус-

¹ Директор Института археологии и этнологии Польской академии наук Анджей Буко подготовил эту статью специально для журнала «Российская археология». Публикуемый перевод сделан с незначительными сокращениями сотрудником редакции С.Б. Григорян под редакцией Л.А. Беляева.

пешную защиту Холма от татар в середине XIII в. и последующие победы правителей Польши (подробнее: Natkański, 2000).

Оригинал иконы вывезли из города во время Первой мировой войны при отступлении русских из Холма (1915), его судьба долго оставалась неизвестной (Stefański, 1996. S. 289), но в сентябре 2000 г. образ был предложен частным лицом музею г. Луцк (Украина). Под несколькими слоями записей обнаружился первоначальный вариант иконы на трех кипарисовых дощечках (Romaniuk, 2003). Детальный анализ (Александрович, 2001) показал, что он выполнен в традициях византийского искусства (для Польши – редкость). Иконография Богоматери и младенца Иисуса, архаические пигменты и многие другие детали позволяют отнести его к типу архаических (рис. 2). Особенно интересны роскошные накладки одеяний на запястьях Богоматери с мотивами лилии и геометризированными изображениями птиц, выполненные в технике перегородчатой эмали, применявшейся прежде всего для украшения парадных одеяний византийских императоров (рис. 3, цветная вклейка № 2). В. Александрович полагает даже, что происхождение образа связано с кругом константинопольской аристократии XI в. (2001. С. 4). По его мнению, это Одигитрия (тип, известный прежде всего на средневековом Востоке и в Италии XII–XIV вв.; Александрович, 2001. С. 35), что нельзя считать полностью доказанным. Вероятно, икона относится к XII в., но, независимо от даты, указывает на связь Холма с византийской традицией.

Севернее главного объекта южной части Соборного холма базилики высятся склоны холма Wysoka Górkа, где, согласно Ипатьевской летописи (Sielicki, 1987. S. 243) и данным археологических работ, находилась церковь Иоанна Златоуста и дворец князя Даниила. В начале XX в. здесь три года работала экспедиция Императорской археологической комиссии (ИАК) под руководством архитектора П. Покрышкина. Стены открытого им здания сохранялись тогда в высоту более чем 3 м, углы были выложены почти исключительно прямоугольными блоками зеленоватого песчаника. Результаты вкратце опубликовал через много лет П.А. Раппопорт (1954. С. 313–323), датировавший постройку эпохой князя Даниила и определивший ее функцию как дворцовую.

Работы возобновил в 1960-х годах В. Зин, освободивший значительную часть (более 60% участка) восточной стороны здания (22 × 38 м) и открывший уровни первоначальных полов (Zin, Grabski, 1967a; b; Gurba, Kutylowska, 1970) (рис. 4, а). Летом 2001 г. были проведены проверочные исследова-

Рис. 1. Соборный холм (Wysoka Górkа) в Холме: а – вид с юга на северную часть; справа видна базилика Святой Девы; б – базилика, вид с запада. Фотографии А. Буко.

дования (Dzieńkowski, 2002. S. 78; Buko, 2002). В центре стены дворца была очищена старая археологическая траншея, проходившая по оси холма, вблизи его южного отвесного края. Внешняя стена дворца, хорошо сохранившаяся, уходит в глубину почти на 4 м считая от дневной поверхности (рис. 4, б). Ширина в исследованной части – 2.2 м. Начиная с высоты около 1.5 м внешний фас стены слегка отклоняется от вертикальной оси внутрь. У подножия стены открыты две горизонтальные каменные ступени длиной около 1.8 м каждая, шедшие вдоль склона холма, подножие которого окружают выходы скал мелового периода (Buko, 2002).

Это, несомненно, известный по источникам княжеский дворец. Постройка имеет монументальный характер, что выражено в размерах, плане и материале. Бросается в глаза отсутствие следов внутреннего членения наземного этажа, что резко отличает его от типичных дворцовых построек раннегосударственного периода, известных в польских землях (Przemysl, Wiślica, Giecz, Ostrów Lednicki), где три отделения строго обязательны и имеют особые

Рис. 2. Икона Богородицы Холмской (по: В. Александрович).

функции (Rodzińska-Choraży, 2000). Их отсутствие в Холме позволяет предложить иную версию архитектурного решения дворца. Возможно, нижний этаж – это аула, приемный зал с репрезентативной функцией. Такой тип помещения известен со времен императорского Рима и унаследован средневековой Византией вместе с техникой кладки стен из рядов однотипных блоков камня мелового периода. Она уходит в классический период и может быть описана как противоположная строительным приемам “варваров” (особенно, но не исключительно – лангобардов), которые хорошо тесанные правильной формы блоки вторичного использования (*spoglia*) применяли только для облицовки углов и некоторых частей стен, сложенных в основном из едва отесанных кусков скальных пород.

Третий интересный момент – характерные выступы стены, отмеченные в нижних частях здания.

Похожий прием присущ для храмов Галицкой Руси, где он датируется вплоть до начала XII в. (церковь Пантелеймона в Галиче; см. Mogytych, Mogytych, 1990. Р. 57. Fig. 1, 5). Такая техника известна в ранний период и на территории бывшей Римской империи и Византии. В районе Рима можно видеть ее длительные реминисценции, так как постройки как римского времени, так и средневековья там долго сохраняют такие контрфорсы. Следует вспомнить здесь о типе укрепленных жилых помещений (*casaforte*), восходящих к IX в. и все еще включенных в общую панораму современных сооружений в зоне Аппиевой дороги Рима.

Итак, можно со значительной долей вероятности предположить, что строители дворца в Холме принадлежали к крымско-византийскому кругу мастеров, что отличает его от других ранних центров Польши.

Еще одна серия наблюдений сделана благодаря работам вблизи церкви Кирилла и Мефодия XVIII в. Отметим прежде до 400 кг плавленной меди, которую П.А. Раппопорт (1954) определял как остатки полов церкви Иоанна Златоуста, упомянутых в Ипатьевской летописи (1908. С. 843 и далее). Детальный анализ письменных источников, особенно Галицко-Волынской летописи, привел М. Смораг-Рожиска к заключению, что церковь может относиться к типу храмов, характерных для русско-византийской традиции (см. выше о формах базилики в Холме), хотя и с некоторыми нетипичными чертами (Smorag-Różycka, 2001). Использование белого камня в конструкциях, художественный декор фасадов, колонн и капителей, а также окна из цветных витражей более отвечают традициям романского искусства. Впрочем, вопреки мнению автора (Smorag-Różycka, 2001. Р. 192) феномен сосуществования и взаимопроникновения восточной и западной христианских традиций не представляет исключения, его правильнее рассматривать как местную особенность развития европейского

искусства, известную и в других регионах византийского мира в XIII в.

Исключительный интерес представляет комплекс в Столпье. К западу от Холма (8 км в сторону Люблина) с дороги видна каменная башня в углу маленького земляного укрепления. На ее верхнем этаже сохранились остатки октогональной капеллы с кирпичными сводами, а ниже – проем входа; еще один вход в башню расположен на первом этаже, соединенном с насыпью (рис. 5; 6).

Появление топонима “*Stolpie*” (в источниках с начала XIII в.) указывает, что поселение с таким названием и, видимо, сама башня уже существовали по крайней мере к концу XII в. Но это не решает до конца вопроса о ее типе и времени постройки (Dąbrowski, 2009). В сочинениях историков башня появляется поздно. Фундаментальный труд униатского епископа Якуба Сушы (Susza, 1684) содержал утверждение о священном (языческом) характере башни и чудодейственной исцеляющей силе воды источника в ее основании. Затем о башне вновь перестали говорить,

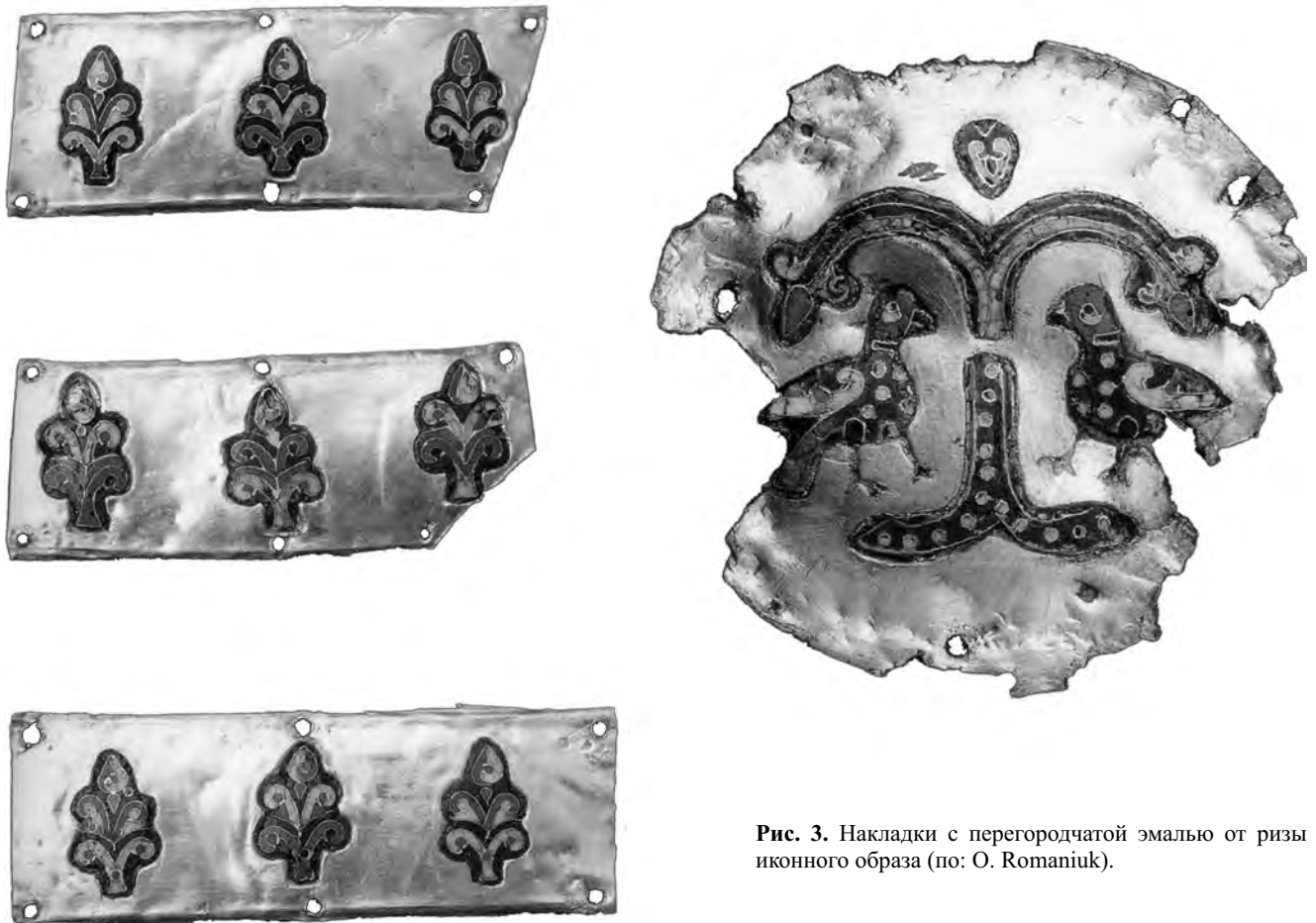

Рис. 3. Накладки с перегородчатой эмалью от ризы иконного образа (по: O. Romaniuk).

Рис. 3 к ст. Буко

Рис. 6 к ст. Буко

Рис. 2 к ст. Родинковой

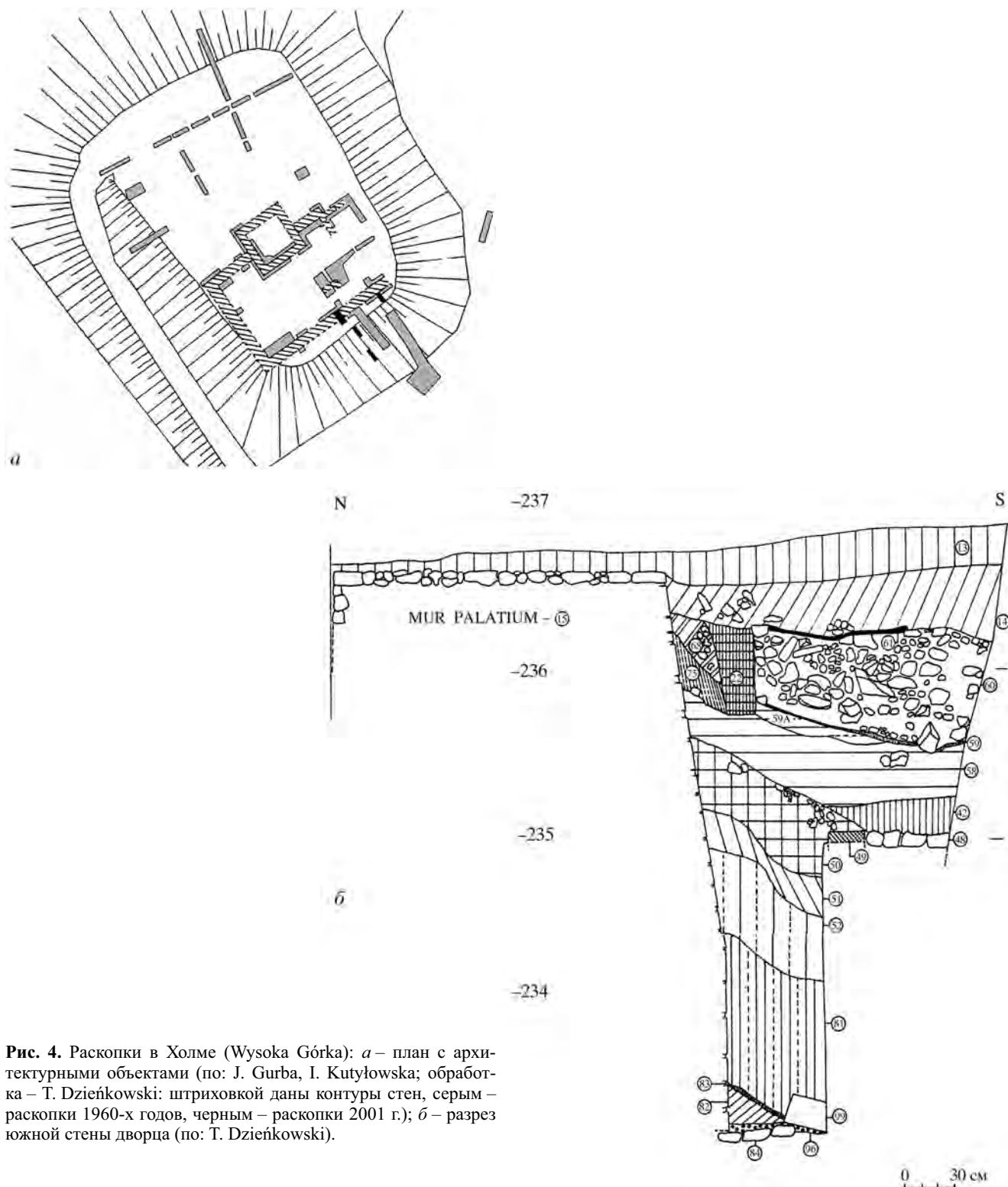

Рис. 4. Раскопки в Холме (Wysoka Górka): а – план с архитектурными объектами (по: J. Gurba, I. Kutylowska; обработка – Т. Dzieńkowski: штриховкой даны контуры стен, серым – раскопки 1960-х годов, черным – раскопки 2001 г.); б – разрез южной стены дворца (по: Т. Dzieńkowski).

и только с середины XIX в. она стала привлекать внимание путешественников и краеведов.

В прошлых исследованиях и интерпретациях памятник рассматривали по-разному. В предположениях его исследователей сакральные, языческие

и христианские корни переплетались с разнообразием возможных функций (религиозных, военных), стран происхождения (Польша, Русь), смутной хронологической перспективой (от эпохи раннего государства до конца Средних веков) и наконец с разными культурными традициями: русско-визан-

Рис. 5. Башня и связанный с ней комплекс в Столпе. Вид с запада. На врезке – вид изнутри. Фото А. Буко.

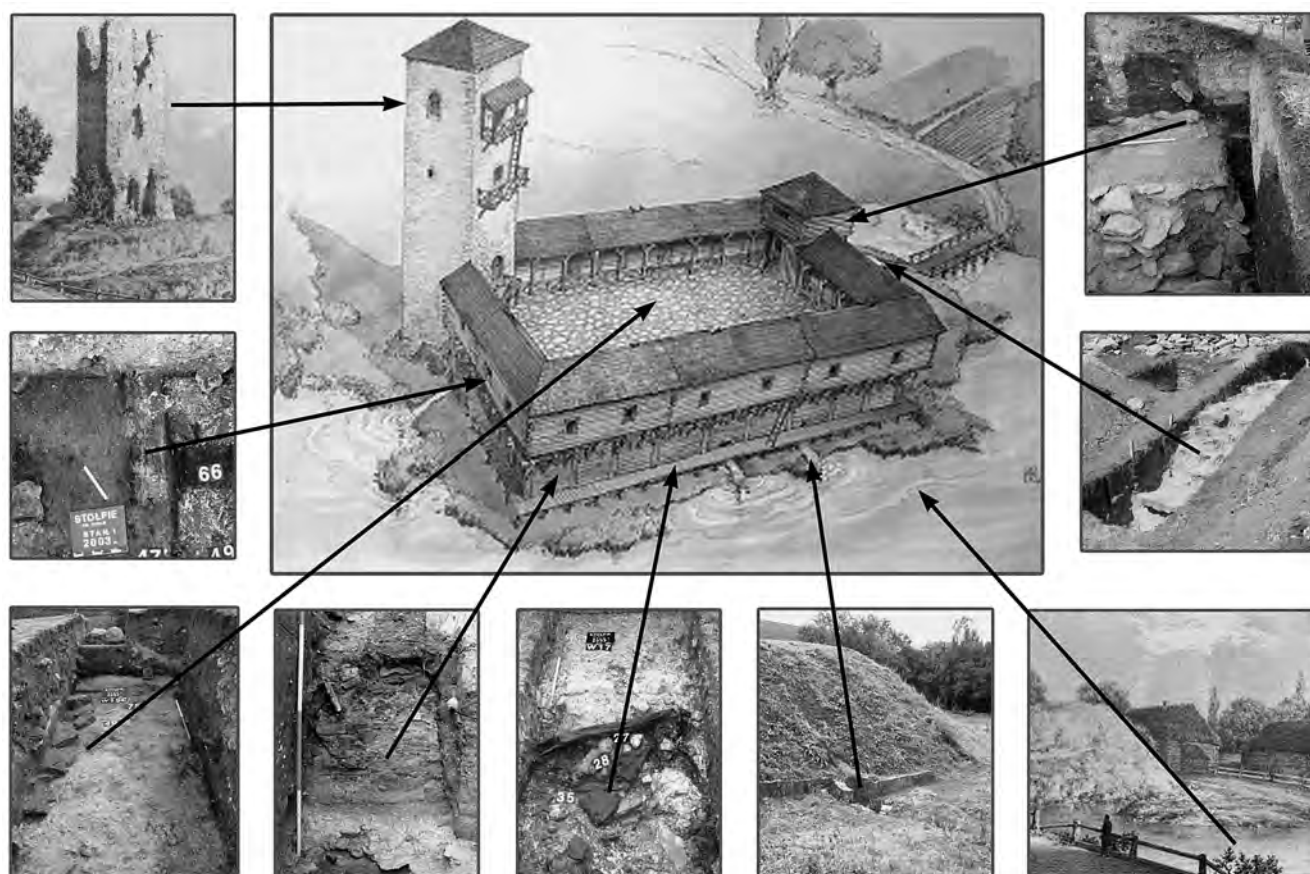

Рис. 6. Башня и связанная с ней каменная платформа. Вариант реконструкции А. Буко.

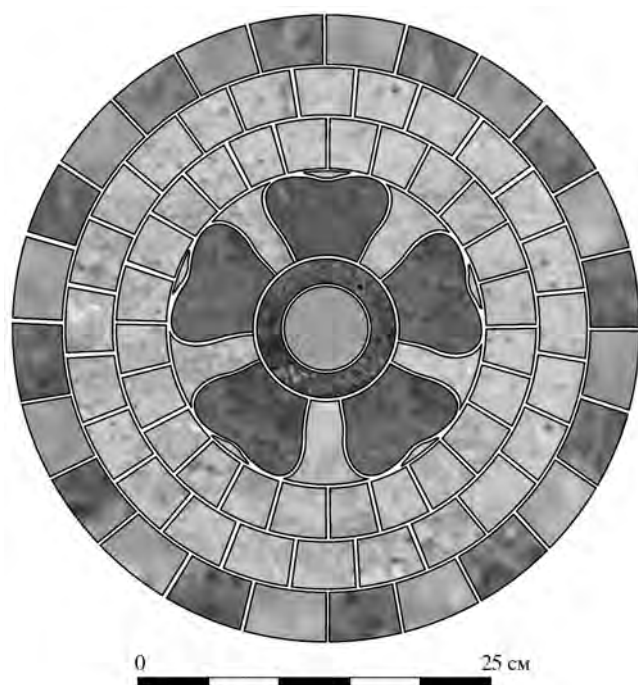

Рис. 7. Розетка из поливных керамических плиток – часть пола часовни на верхнем этаже башни. Реконструкция А. Буко.

тийской или польско-латинской. Стоит задуматься над тем, что за 100 лет исследований ученые (как русские начала XX в., так и польские 1970–1980-х годов) не нашли решения этих проблем, представляя взаимоисключающие версии происхождения, функций, культурной интерпретации памятника. Трудно оценить, насколько они опирались на итоги исследований, так как полные публикации источников отсутствуют.

В работах 2003 г. Института археологии и этнологии Польской академии наук (ИАЭ ПАН) приняли участие ученые из разных центров Польши и из-за границы (Buko, 2009; Stołpie..., 2009). Они исследовали основания цитадели, внешнюю часть башни и ее интерьер (так называемый Святой источник); примыкающую местность и некоторые участки вокруг приходской церкви в Подгорье (Podgórze), известном также как Спас. Это отдаленное (на расстоянии около 1.5 км от башни) место было выбрано потому, что письменные источники указывали на связь церкви с башней в Столпье (Dąbrowski, 2009). В окрестностях прихода, на основе геофизического сканирования, был избран небольшой участок для тщательного изучения. Следовало понять также, какова хронология и функции прилегающей к башне структуры.

Предметом особого интереса стали родники, образовавшие пруд у основания земляного укрепления. Раскопки показали, что башня и земляное

укрепление сооружены в очень невыгодном месте: в низине, где множество родников до сих пор изливаются со значительной интенсивностью. Строителям это было хорошо известно: раскопки открыли на западе подпорную стену из плоских блоков и массы глины, защищавшую сооружение от зоны источников.

Важные сведения получены и при исследовании примыкающего к башне земляного сооружения. Оно оказалось не цитаделью (это название утвердилось в литературе), а каменной бутовой прямоугольной (12.5 × 15.4 м) платформой высотой 2.5. Платформа – специально построенная горизонтальная площадка из плоских камней, перемежающихся слоями мергеля, укрепленная с внешней стороны балками. По ее краю были построены квадратом дома из дерева, выходившие за края каменной конструкции. Внутренний двор был выстлан плоскими камнями (наблюдались *in situ* в некоторых траншеях). На северо-востоке мощеного двора располагался вход в него, о чем свидетельствуют каменные ступени на склоне (в основном разрушены, но еще видны).

Раскопки показали, что башня и каменная прямоугольная платформа – части единой конструкции (рис. 6), хотя строительство шло по крайней мере в две фазы (они выделяются и в слоях платформы, и в самой башне). Изначальный уровень обживания башни внутри нее на 3 м ниже современного входа. Он был подсыпан, с неясной целью, однородной коричневой известняковой почвой, находки в заполнении относятся ко второй половине XII – второй половине XIII в. (Buko, 2009; Stołpie..., 2009).

Верх башни многократно реконструировали, так что от изначального интерьера капеллы верхнего этажа мало что осталось. В самой нижней части ее заполнения найдено много каменных деталей и поливных плиток (рис. 7, цветная вклейка № 2), произведенных той же мастерской, что и плитки дворца Даниила Галицкого на Высокой Горке (Wysoka Górka) в Холме (данные лабораторного анализа М. Аух в центральной лаборатории ИАЭ ПАН в Варшаве). По составу археологических находок, включающих поливную и ангобированную керамику и поливные плитки полов из беложгущейся глины, комплекс прочно связан с аналогичными по составу объектами других точек Холмья (Auch, 2004). Это, несомненно, традиция русско-византийского мира.

Другой вопрос – общий тип комплекса. Ближайшие аналоги башне в Столпье – руины в Хелм-Бьелавин (Chełm-Bielawin) и Соборная гора в Холме, дальше на восток – башня во Владимире Волынском и остатки недавно раскопанной башни в Uhorowisk (Ухруск, современная Украина), относимой к эпохе Даниила Галицкого (Mazuryk, Ostapiuk,

2003). Но комплекс в Столпье отличается от остальных ряд особенностей. Во-первых, башня связана с прямоугольным огражденным и мощенным камнем двором, в углу которого стоит. Во-вторых, в ее верхнем этаже помещена октагональная часовня с планом в форме греческого креста. В третьих, комплекс поднят на искусственную платформу. Наконец, у подножия платформы бьют обильные родники (рис. 6).

Культурные особенности материала и описанных сооружений концентрируют наше внимание на Византии, особенно на территории современной Греции, дающей более всего аналогов. Особенно важны некоторые башни монастырей. Тип таких башен был распространен в Средиземноморье, особенно в его восточной части, где они образуют долгую линию развития от раннего средневековья, когда были связаны с практикой отшельнической жизни, до начала Нового времени (ср. Langdon, 1995; Lock, 1996). Сооружения, близкие описанным выше, существенно повлияли на архитектуру других земель – Италии, Болгарии, Древней Руси.

Размещение башни в углу прямоугольной субструкции (это очень важная деталь) типично для монастырских комплексов, сохранившихся в Греции, прежде всего для “монашеской республики” Афона, откуда они и распространились по всей Византии. Похожие примеры есть в Греческой Македонии (Kokkas, 2005), следующий аналог – монастырь святого Иоанна Крестителя (Агиос Иоаннес Продромос) в Лаконии, где монастырская башня помещена в углу прямоугольной стены с примитивной деревянной обстройкой по краю, приподнятой над мощеным камнем двором и окружавшими монастырь рощами (Bakirtzis, Oreopulos, 2001. P. 47; благодарю Хараламбоса Бакирциса за любезно оказанную помощь в осмотре этого и других объектов в феврале 2007 г.).

Итак, башни, похожие на башни в Столпье, на протяжении Средневековья возводили в Греции в усадьбах знати, используя как частные часовни. Как известно, связи, существовавшие между правителями Галиции и двором польских Пястов, а также венгерским двором и Византийской империей (ср. Bartnicki, 2005) находили выражение во внешних архитектурных импульсах. Возможно ли предположить, что башня в Столпье была выстроена по заказу члена правящей династии? По мнению Д. Дабровски (Dąbrowski, 2009), им могла быть великая княгиня, жена князя Романа Галицкого, убитого в битве при Завихосте (1205), ушедшая около 1220 г. в неустановленный, но расположенный поблизости от Холма монастырь. В этом контексте стоит отметить и существующую дискуссию относительно византийского (греческого) происхождения великой княгини. Эту гипотезу поддерживают следующие

факты: память о существовании на данной территории в XV в. монастыря; таинственная связь Столпья с церковью в Спас-Подгорье (Spas-Podgórze); уход великой княгини в монастырь по смерти мужа, князя Романа (см. Dąbrowski, 2009).

Комплекс в Столпье функционировал относительно недолго, скорее всего, до конца XIII в., но нельзя исключать гораздо более длительного вторичного использования уже заброшенных сооружений; на последнем этапе деревянные части башни полностью сгорели (Buko, 2009. S. 195).

Рассмотрим теперь некоторые особенности средневековой керамики из Холма и Столпья. Ее отличительная черта – присутствие фрагментов с поливой и ангобом (последний отмечен здесь уже в 1960-х годах, см. Gurba, Kutylowska, 1970. S. 234); как ни странно, с тех пор ею никто не занимался. Эта керамика – однотипна, произведена в основном в технике лоскутного и спирально-жгутового налета и может датироваться серединой XII – второй половиной XIII в. Небольшой процент керамики, выполненной в технике выбивания, может быть датирован XII, а в некоторых случаях и XI в. В Холме собраны фрагменты сосудов, покрытых светло-зеленой, в некоторых случаях – коричневой, темно-красной, желтоватой (иногда с золотым отливом) глазурью, положенной на основу из белой глины (рис. 8, а). Белоглиняная основа характерна для поливной керамики во всем Средиземноморье. Но получить ее именно в Холме было нелегко, поскольку залежи беложгущихся глин в его окрестностях редки. Технологический анализ глазури на сосудах и теста керамических плиток из Столпья и дворца князя Даниила в Высокой Горке показал, что глины, как и скользящие поверхности плиток пола – однотипны, сделаны в схожей манере и, возможно, в одной мастерской (Auch, 2004. S. 52).

На большинстве поливных фрагментов нет следов орнамента (в единичных случаях отмечена накладка и формовка пальцами, изредка – горизонтальный волнистый орнамент). Морфологически поливная керамика в Холме и Столпье представлена горшками, кувшинами, чашами, сковородами, кружками, крышками и другими предметами (Auch, 2004. S. 63). Похожая глазурь отмечена там же на плитках пола с основой из белой и красно-коричневой глины. Состав глазури – свинцово-кремниевый типа, такую в указанное время широко использовали в европейских керамических центрах (Auch, 2004. S. 80).

Наше внимание привлек фрагмент тулова горшка (объект 207, траншея 32) (рис. 8, а) с подглазурным орнаментом в виде полос из горизонтальных волнообразных линий, напоминающим декор керамики

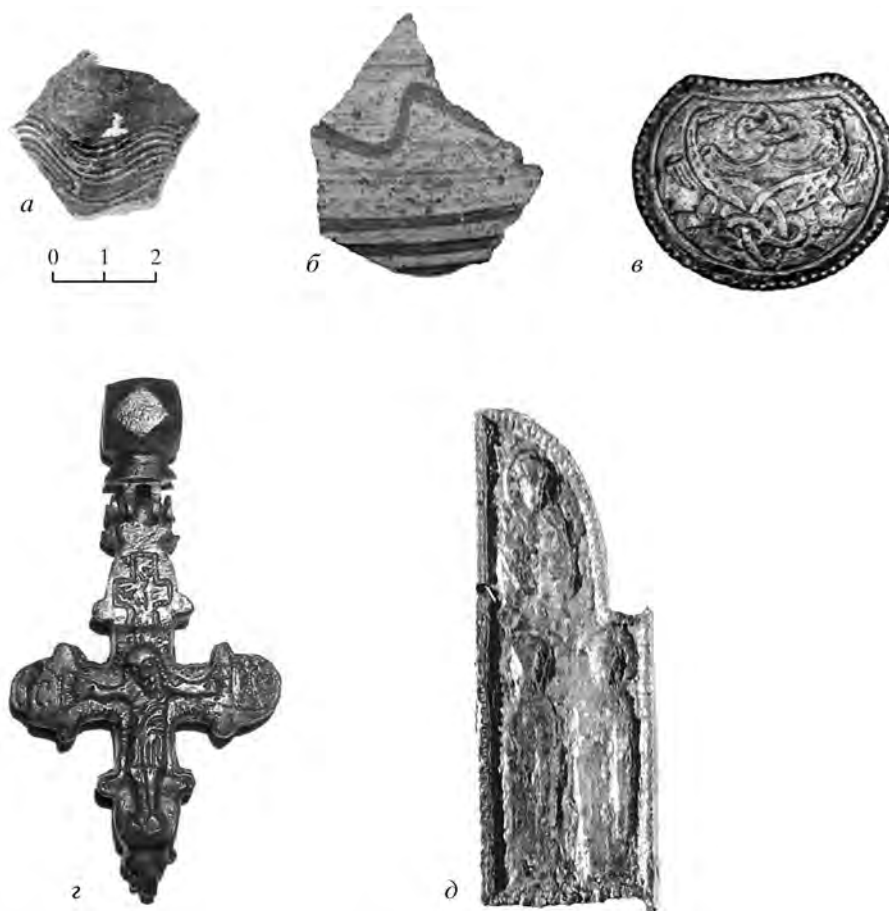

Рис. 8. Находки из Столпье и Холма: *а* – фрагмент белоглиняного поливного горшка с орнаментом “многорядная волна” (Холм, поселение 144, объект 13; фото М. Auch); *б* – фрагмент керамики с орнаментом в технике сграффито (Столпье, раскоп 29, su 225; фото М. Auch); *в* – отливка для колта (Холм, поселение 99, объект 27С, 2; по: S. Gołub); *г* – энколпион из Холма (по: T. Dzieńkowski); *д* – створка складня (Холм, поселение 144, объект 345; по: S. Gołub).

IX в. из Ходлика (Gardawski, 1970). Горшок изнутри черного цвета, выполнен в технике выбивания и может датироваться XII в. В этой связи возникает вопрос: могли ли старые технологии производства керамики продолжить существование наряду с новыми, более развитыми и пришедшими из русско-византийского мира, и воспринять некоторые технологические усовершенствования, например, поливу?

Другая отличительная особенность керамики Холма – использование ангоба. Сосуды могут быть покрыты тонким слоем белой глины с одной или с двух сторон (частично либо полностью, включая дно), причем в некоторых случаях дополнительно применена декорация в технике сграффито (рис. 8, *б*). Подсчеты М. Аух (Auch, 2004) показывают, что вместе ангобированная и поливная керамика составляют около 1% от общего количества фрагментов, причем вся она относится к столовой посуде.

Продукция такого типа была очень распространена на Руси и в Средиземноморье, развивавшихся в то время под сильным влиянием византийской культуры. Похожая продукция с IX в. производилась в Константинополе, откуда попадала в мастерские Европы, получив наибольшее распространение в России и Болгарии (Talbot-Rice, 1930. Р. 32). Мастера, бежавшие в XIII в. из Киева от татаро-монгольских набегов, могли осесть в Холме и его окрестностях, и во времена Даниила Романовича Галицкого создать здесь специализированные центры по производству керамики. Таким образом, находки из Холма и Столпья могут рассматриваться как поздние (XIII в.) реминисценции константинопольской керамики. Это исключительное обстоятельство, оно свидетельствует о длительных последствиях импульса, берущего начало в Константинополе и его окрестностях, где такая керамика появилась задолго до того, как она достигла юго-восточной периферии современной Польши.

По мнению М. Малевской-Малевич, в русских городах, расположенных недалеко от западной границы, керамика с зеленой, желтой и темно-красной глазурью начала появляться в XII в. Ее находки всегда связаны с контекстом “богатых” построек (Малевская-Малевич, 2005. С. 156). Столичный Холм времен Даниила Романовича подкрепляет эти наблюдения. Возможно, запрос на посуду такого типа исходил от представителей знати, имевшей культурные связи с Византийской империей. Находки такой керамики столь значимы, что, по мнению ряда исследователей, ее можно рассматривать в контексте культуры и идеологии (Talbot-Rice, 1930. P. 22; Dark, 2001. P. 107).

Не менее показательны, однако, индивидуальные находки раннесредневекового Холма и Столпья. Среди самых интересных – бронзовая отливка для колта (рис. 8, в) (Седова, 1981. С. 18). Объект, на котором была найдена форма, мог, предположительно (Golub, 1997. S. 85), принадлежать ювелиру. Диаметр формы – 48 мм, на ней изображены две птицы с переплетенными крыльями и хвостами (символ древа жизни). Похожие мотивы возникли на Ближнем Востоке, откуда через Византию попали в варварский мир, в первую очередь – на юг Европы (Бочаров, 1984. С. 47). Этот мотив был широко распространен в византийском мире и с XI в. стал очень популярным на Руси благодаря работам греческих мастеров, осевших в Киеве. Он встречается на изделиях, выполненных как в технике перегородчатой эмали, так и черни (Макарова, 1986. С. 33). По мнению Т. Кароляк (Karolak, 2002. S. 74), отливка из Холма предназначалась для украшения чернью.

Среди археологических материалов Холма много стеклянных браслетов, только на поселении 144 (городской квартал эпохи князя Даниила у подножья Соборной горы) их зафиксировано около 80. Они – двух категорий: более многочисленны браслеты с гладкой поверхностью (почти 2/3 из всех находок), в сечении круглые или слегка овальные; реже встречаются витые. По цвету преобладают голубые, коричневые, зеленые. Браслеты известны на многих памятниках Европы, но особенно широко распространены в византийском мире, в том числе на Руси (Dekówna, 1980. S. 119). Обилие браслетов на памятниках, расположенных вдоль польско-русской границы и на торговых путях, ведущих на Русь, подтверждает, что в Польшу они попадали именно отсюда. На Русь их сначала привозили из Константинополя и византийских колоний (Lipińska, 1973. S. 341), а сами они были (вторая половина X в.) дорогими импортными вещами, но с XI в. их стали производить греческие мастера, попавшие в Киев и обучившие русских ремесленников (Щапова, 1998.

С. 86 и далее). Находки из Холма, относящиеся ко времени после монгольского нашествия, могут рассматриваться как результат распространения русско-византийских традиций в период возвышения города при Данииле Галицком.

Еще один интересный объект из Холма – крест-энколпион с изображением Христа (рис. 8, з). Подобные кресты XII–XIII вв. были широко известны в византийском мире, где их носили церковные чины, и на Руси. Энколпион из Холма принадлежит к одному из самых распространенных типов (Dzieńkowski, 2006. S. 133).

Очень интересна находка створки складня иконы (Холм, поселение 144) из золоченой бронзы с изображением трех святых (рис. 8, д). Она датируется второй половиной XIII в., но прямых аналогий не имеет (Dzieńkowski, Gołub, 2002. S. 63). Из среднеземноморского региона, скорее всего, происходит фрагмент винного бокала (Холм, поселение 144).

В заключение отметим, что открытия в Холме и Столпье указывают на их включенность в широкий европейский контекст. Большинство связей ведет в русско-византийский мир. Оценивая его воздействие, нужно учесть, что этот яркий, но краткий исторический эпизод не получит в будущем развития в изученном регионе. Ни находки, ни памятники, описанные в статье, позже не копировали. Это может означать, что для местного сообщества они представляли, в исторической перспективе, идеологически враждебную культуру, в силу чего их дальнейшая адаптация и развитие оказались невозможны. Очевидным препятствием к развитию этих культурных тенденций стали и политические обстоятельства. Соперничество Польши и Литвы за земли Холмья завершилось победой первой: в XIV в., при Казимире Великом, Холм стал польским (Szczzygieł, 1996). С этого времени материальная культура города и его округа почти не отличалась от общей урбанистической культуры других средневековых центров польских земель.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Александрович В. Холмська жона Богородищ. Львів, 2001.
- Бочаров Г.Н. Художественный металл Древней Руси. X – начало XIII в. М., 1984.
- Галичина та Волинь у добу середньовіччя / Під ред. Я. Ісаєвича. Львів, 2001.
- Ипатьевская летопись // ПСРЛ. Т. II. СПб., 1908. Репринт: М., 2001.
- Ісаєвич Я. Галицько-Волинська держава. Львів, 1999.
- Котляр Н.Ф. Формирование территории и возникновение городов Галицко-Волинской Руси IX–XIII вв. Киев, 1985.

- Макарова Т.И. Черное дело древней Руси. М., 1986.
- Малевская-Малевич М. Керамика западнорусских городов X–XIII вв. СПб., 2005.
- Раннопорт П.А. Холм // СА. 1954. Т. 20.
- Седова М.В. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X–XV вв.). М., 1981.
- Щанова Ю.Л. Византийское стекло: очерки истории. М., 1998.
- Aleksandrovich V. Sztuka XIII-wiecznego Chełma. Zasadnicze problemy badawcze // Red. K. Mart. Do piękna nadprzyrodzonego. V. 1. Chełm, 2003.
- Auch M. Wczesnośredniowieczna ceramika szkliona z Chełma, woj. lubelskie // Archeologia Polski. 2004. V. 49. № 1, 2.
- Bakirtzis N., Oreopulos Ph. An Essay on Byzantine Fortification. Northern Grece 4th–15th c. Athens, 2001.
- Bartnicki M. Polityka zagraniczna księcia Daniela Halickiego w latach 1217–1264. Lublin, 2005.
- Buko A. Góra Katedralna w Chełmie jako przedmiot badań interdyscyplinarnych // Światowit. 2002. V. IV. Fasc. B.
- Buko A. Stołpie. Tajemnice kamiennej wieży. Warszawa, 2009.
- Dark K. Byzantine pottery. Gloucestershire, 2001.
- Dąbrowski D. Stołpie w świetle źródeł pisanych // Zespół wieżowy w Stołpie. Badania 2003–2005 / Red. A. Buko. Warszawa, 2009.
- Dekówna M. Szkło w Europie wczesnośredniowiecznej. Wrocław, 1980.
- Dzieńkowski T. Góra Chełmska we wczesnym średniowieczu // Badania archeologiczne o początkach i historii Chełma / Ed. E. Banasiewicz-Szykuła. Lublin, 2002.
- Dzieńkowski T. "Poleskie" pogranicze kulturowe w XI–XIII wieku // Badania archeologiczne na Polesiu Lubelskim / Ed. E. Banasiewicz-Szykuła. Lublin, 2006.
- Dzieńkowski T., Gołub S. Osada przyrodowa z czasów księcia Daniela Romanowicza w Chełmie // Badania archeologiczne o początkach historii Chełma / Ed. E. Banasiewicz-Szykuła. Lublin, 2002.
- Galitchina ta Volin' u dobu seredn'ovicia / Ed. J. Isaievich. L'viv, 2001.
- Gardawski A. Chodlik. Część. I. Wczesnośredniowieczny zespół osadniczy. Wrocław; Warszawa; Kraków, 1970.
- Gil A. Prawosławna eparchia chełmska do 1596 roku. Lublin; Chełm, 1999.
- Gurba J., Kutylowska I. Sprawozdanie z badań wczesnośredniowiecznego grodziska w Chełmie Lubelskim // Sprawozdania Archeologiczne. 1970. V. 22.
- Karolak T. Elementy wschodnie w kulturze materialnej wczesnośredniowiecznego Chełma: MA manuscript. Warsaw, 2002.
- Kłoczowski J. Zarys historii rozwoju przestrzennego miasta Chełma // Roczniki Humanistyczne. 1958. T. VI. Z. 5.
- Kokkas K. Góra Atos. Brama do nieba. Częstochowa, 2005.
- Kryp'jakevyč I. Halyc'ko-Volyns'ke knjazivstvo. 2-nd ed. L'viv, 1999.
- Kučinko M.M. Istoryčno-kul'turnyj rozvytok Zachidnoho Pobużżja v IX–XIV stolittjach. Luc'k, 1993.
- Langdon M.K. The mortared towers of Central Greece: an Attic supplement // Annual of British School of Athens. 1995. 90.
- Lipińska O. Wczesnośredniowieczne bransolety szklane z Warszawy-Pelcowizny // Wiadomości Archeologiczne. 1973. XXXVIII. 2.
- Lock P. The towers of Euboea: Lombard or Venetian, agrarian or strategic // The Archeology of Medieval Greece / Eds P. Lock, G.D.R. Sanders. Oxford, 1996 (Oxbow Monograph; V. 59).
- Mazuryk J., Ostapiuk O. Archeologiczne badania latopisowego Uhrowieska na Wołyniu // Zamojsko-Wołyńskie Zeszyty Muzealne. 2003. 1.
- Mogtych I.R., Mogtych R.I. Osoblivosti techniki murovanija i architekturnych form Galicko-Volyns'kogo zodčestva (X–XIX st.) // Archeologija. 1990. 4.
- Natkański K. Początki kultu na Górze Chełmskiej // Eastern Review. 2000. 4.
- Porębski M. Dzieje sztuki w zarysie. Od paleolitu po wieki średnie. T. 1. Warszawa, 1976.
- Rodzińska-Chorąży T. Co nam mówi architektura murowana? // Ziemie polskie w X wieku i ich znaczenie w kształtowaniu się nowej mapy Europy / Ed. H. Samsonowicz. Kraków, 2000.
- Romaniuk O. Tchudotvorna ikona cholmskoj Bogarodzicy. Luck, 2003.
- Ruszkowska U. Ze studiów nad wczesnośredniowiecznym rejonem osadniczym w Chełmie-Bielawinie // Lubelskie Materiały Archeologiczne. 1990. T. III.
- Ruszkowska U. Czy na Górze Chełmskiej znajdowało się miejsce kultu pogańskiego? // Eastern Review. 2000. 4.
- Sielicki F. Kroniki staroruskie. Warszawa, 1987.
- Smorąg-Różycka M. L'architecture sacrale orthodoxe de Galicie-Volhynie du XIIIe siècle: une synthèse des formes traditionnelles byzantines et romanes? // Byzantium and East Central Europe / Reds. G. Prinzing, M. Salamon. Kracow, 2001 (Byzantina et Slavica Cracoviensia; V. III).
- Stefañski J. Historia kultu obrazu Matki Boskiej w zarysie // Chełm i chełmskie w dziejach / Red. R. Szczygła. Chełm, 1996.
- Stołpie. Badania 2003–2005 / Red. A. Buko. Warszawa, 2009.
- Susza J. Phoenix Tertiatu Redivivus albo obraz starożytny chełmski Panny Matki Przenaświetszej Sława. Zamość, 1684.
- Szczygieł R. Miasto w późnym średniowieczu. Lokacja na prawie niemieckim // Chełm i chełmskie w dziejach / Ed. R. Szczygieł. Chełm, 1996.
- Talbot-Rice D. Byzantine glazed pottery. Oxford, 1930.
- Zin W., Grabski F. Fazy rozwoju przestrzennego miasta Chełma // Sprawozdania PAN (lipiec–grudzień 1966). Kraków, 1967a.
- Zin W., Grabski F. Wyniki badań architektonicznych nad wczesnośredniowiecznym Chełmem // Sprawozdania PAN (lipiec–grudzień 1966). Kraków, 1967b.

ЕЩЕ РАЗ О МЕСОПОТАМСКО-КАВКАЗСКИХ СВЯЗЯХ В IV–III тыс. до н.э.

© 2012 г. Р.М. Мунчаев, Ш.Н. Амиров

Институт археологии РАН, Москва (shahmardan@mail.ru)

Ключевые слова: *Месопотамия, Кавказ, связи, IV–III тыс. до н.э., лейлатепинская, куро-аракская, майкопская культуры.*

The article tells of the connections between Mesopotamia and the Caucasus in the second half of the 4th millennium BC, when the powerful cultural impact of the ancient civilization reached the Kura-Araxes and Maikop cultures through the Leilatepe culture of Transcaucasia. On the other hand, the article investigates the earliest spreading of kurgan burial rites from the North Caucasus to Transcaucasia and the Near East.

Проблема месопотамско-кавказских, а в широком смысле – ближневосточно-кавказских связей в IV–III тыс. до н.э. в настоящее время привлекает все больше внимания; она стала крупной фундаментальной задачей. Поэтому нам, занимающимся изучением археологии Ближнего Востока и Кавказа, постоянно приходится возвращаться к ней. При этом хотелось бы особо подчеркнуть, что наш учитель и коллега, Н.Я. Мерперт, вместе с нами много лет проработавший в Ираке и Сирии, сразу понял важность полученных в Сирии данных, проливающих свет на ближневосточно-кавказские связи в IV–III тыс. до н.э., и усиленно рекомендовал нам заняться их исследованием. Мы с большим удовлетворением последовали его совету, подготовив настоящую статью, которую посвящаем доброй памяти Николая Яковлевича.

Для периода позднего халколита–ранней бронзы Кавказский регион (как и горы Копет Даг в Средней Азии) представлял северную границу Ойкумены, очерченной влиянием культурных импульсов, идущих из центра сложения древнейшей цивилизации – Шумера и его дериватов (Андреева, 1977). Наши современные знания о распространении материальной культуры этого времени позволяют определить природу и направление контактов, связывавших Месопотамию и Кавказ.

Прежде всего, характер этих связей определяли потребности шумерских городов-государств в минеральном сырье. Судя по всему, первые торговые контакты Шумера, датируемые началом IV тыс. до н.э., связаны с направлением, идущим вдоль р. Тигр через такие городские поселения, как Куянджик (Ниневия) (Algaze, 1986. Р. 125–137; Gut, 1995) и Телль аль Хава (Ball, 1990. Р. 11–28), далее – по

Хабурской степи через пограничные городские поселения Телль Брак (Nagar) (Oates, Oates, 1998. Р. 179–182) и Хамукар (Gibson, 2000. Р. 1–8). Оба эти города содержат в своей материальной культуре элементы южно-месопотамской цивилизации. Затем через Мардинский проход путь следовал в горы Тавра. В среднеурукско-позднеурукский период была создана и относительно недолго функционировала торговая сеть вдоль р. Евфрат (Algaze, 1989. Р. 571–608; Reimer, 1989; Stein et al., 1996; Strommenger, 1980) (рис. 1). Конечной точкой этих торговых маршрутов были рудные месторождения в районе Эргани Маден.

Во второй половине IV тыс. до н.э. также функционировал торговый путь через Сузиану, ведущий к рудным месторождениям типа Веснове и Дешти-Кевир на территории Ирана. Здесь колонии переселенцев известны на Гордин Тепе в Кангаварской долине (Weiss, Young, 1975; Young, 1986), в Сиалке III–IV (Amiet, 1986). Самая северная из известных торговых факторий в Иране – Тепе Габристан у Казвина (Schmidt, Fazeli, 2007. Р. 38–46). Севернее памятники южно-месопотамского облика пока не известны (рис. 2).

Однако, как сейчас становится понятно, контакты Месопотамии с окружающим миром не ограничивались только торговой активностью шумерских городов-государств. Очевидно, что население Северной Месопотамии также имело собственные контакты с регионами, расположенными севернее Тавра и восточнее Загроса. Можно отметить распространение позднехалколитических памятников с керамикой, подобной северо-месопотамской, в горном районе севернее Тавра. Так, помимо поселений на Верхнем Евфрате (Арслан Тепе VIII–VII, Ойлум

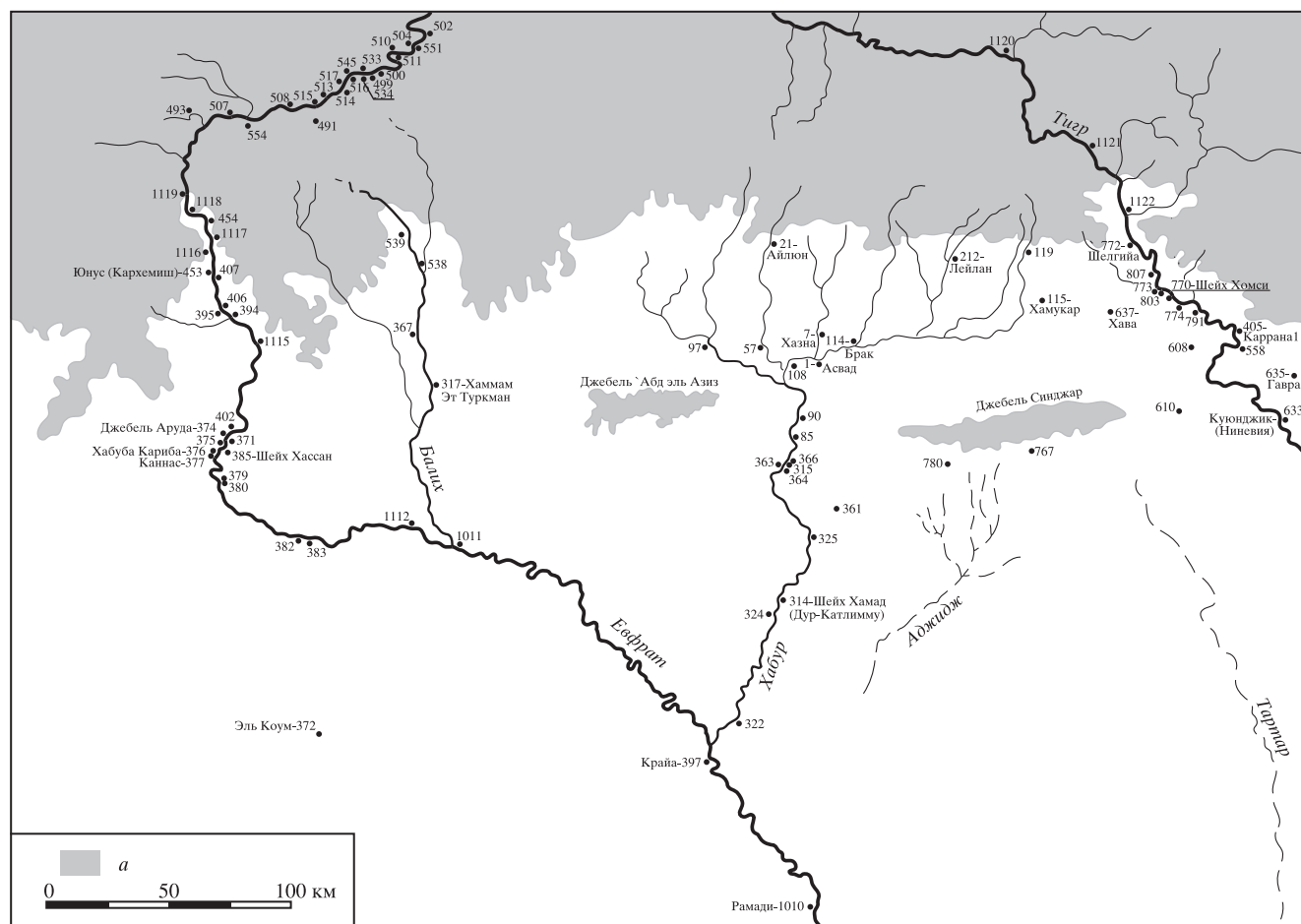

Рис. 1. Северная Месопотамия. Поселения второй половины IV тыс. до н.э.: а – высота более 500 м.

Хююк) в районе Кебана (Норшун Тепе) (Helwing, 2009. Р. 67, 68) и вдоль русла Тигра (Кенан) (Dodd et al., 2005. Р. 357–370) близкий материал был отмечен у оз. Ван, где на высоте около 1700 м над уровнем моря зафиксированы небольшие поселения Чолпан, Аш-Тепе (Marro, 2007. Р. 78) (рис. 2). Вероятно, это стоянки, связанные с сезонным скотоводством. Аналогичный керамический материал также был обнаружен на группе поселений Ханаго, Кичик мевкии, Четенли, Сарыгюль, Моллачен, Саглык сую, расположенном южнее Аракса, на равнине Сюрмели (Игдыр), у подножья горы Арарат на высоте 880 м над уровнем моря (Marro, 2007. Р. 78), на Араратской равнине, в Годедзоре, Арени (Chataigner et al., 2010. Р. 377–394; Зардарян, 2011. С. 53–57). На территории Нахичевана известен ряд памятников эпохи позднего халколита–ранней бронзы с керамикой, содержащей примесь рубленой соломы в тесте. Здесь следует отметить поселения Кюльтепе I, Кхалас, Эрибиенгисечи, Овчулар Тепе-си, Халай, Хадарак, Седерек/Садарак (Бахшалиев и др., 2009. С. 55–62; Seyidov, Bakhchaliyev, 2011).

На территории Ирана помимо поселений, связанных с Южной Месопотамией или Сузианой, отмечено значительное количество памятников с керамикой, аналогичной той, которая характерна для поселений IV тыс. до н.э. Северной Месопотамии. В частности, поселения с керамикой, в тесто которой добавлена рубленая солома, широко представлены в Северо-западном Иране вокруг оз. Урмия (Marro, 2007. Р. 77–94; Helwing, 2009. Р. 69) (рис. 2).

Севернее Аракса, в степной зоне Азербайджана (Муганская и Мильско-Карабахская степь), также многочисленны бытовые земледельческие памятники этого времени (Лейла Тепе, Агылы дере, Абдал Азиз Тепе, Чинар Тепе, Мишарчай VI, Алхан Тепе, Полутепе, Боюк-Кесик) (Нариманов, 1987; Ахундов, 2005. С. 52, 53; Akhundov, 2007. Р. 95–121; Ахундов, Алмамедов, 2009. С. 31–37; Мусеибли, 2007). Материалы, полученные на этих поселениях, практически идентичны материалам позднего халколита Северной Месопотамии, включая поселение Телль Хазна 1 в Северо-Восточной Сирии. За позднехалколитической культурой степной зоны Закавказья в Азербайджане закрепилось название недав-

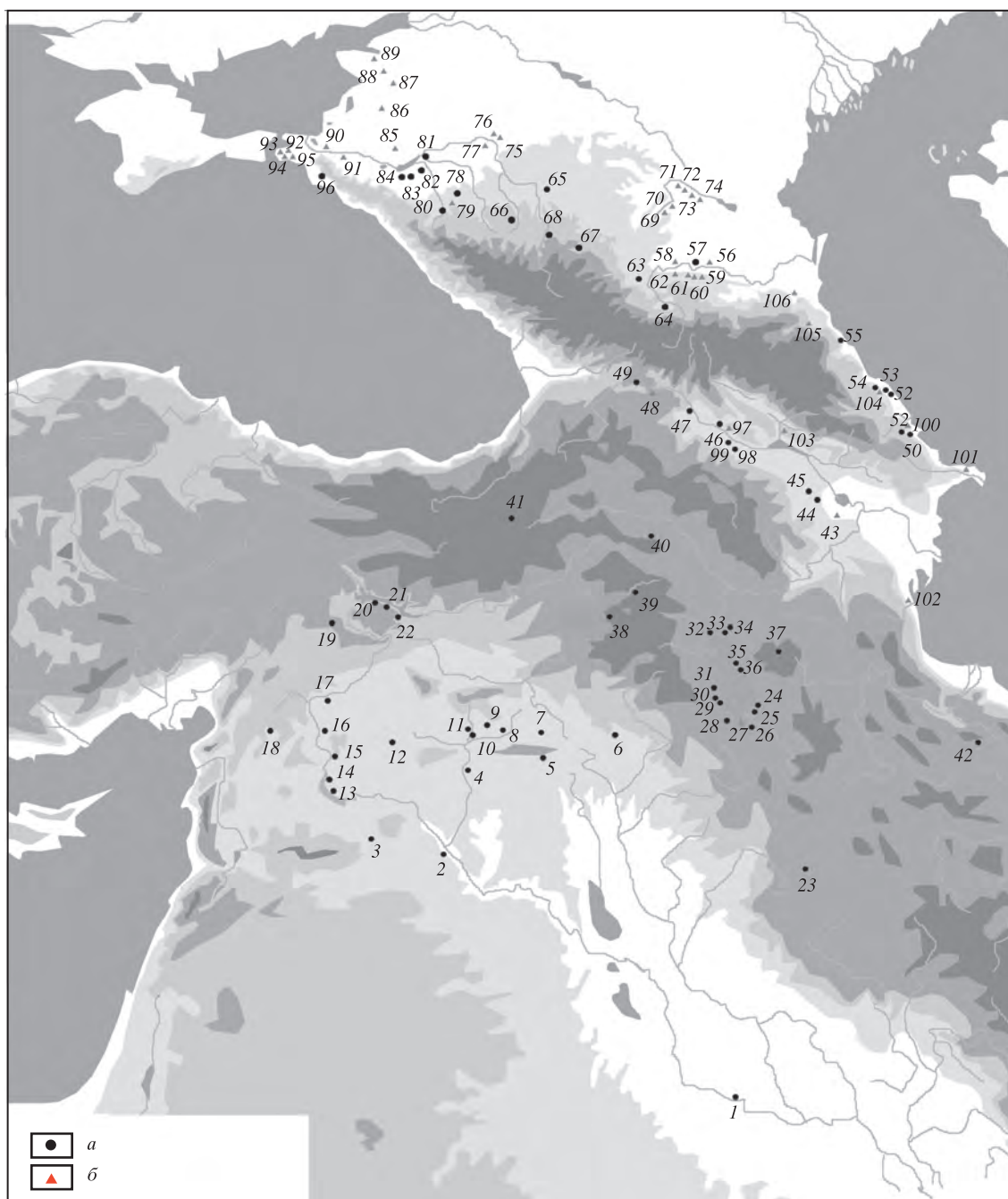

Рис. 2. Кавказско-Переднеазиатский регион. Поселения (а) и погребальные памятники (курганы) (б) второй половины IV – первой половины III тыс. до н.э.: 1 – Урук (Варка); 2 – Крайя; 3 – эль-Коум; 4 – Умм-Ксейр; 5 – Грай-Реш; 6 – Тепе-Гавра; 7 – Телль Хава; 8 – Хамукар; 9 – Телль Лейлан; 10 – Телль Брак; 11 – Телль Хазна; 12 – Хамам эт-Туркман; 13 – Хабуба Кабира; 14 – Шейх Хасан; 15 – Косак Шимали; 16 – Хаджинеби; 17 – Курбан Хююк; 18 – Ойлом Хююк; 19 – Арслантепе; 20 – Норшунтепе; 21 – Тепечик; 22 – Тюлинтепе; 23 – Годин Тепе; 24 – Гел Тепе; 25 – Таш Тепе; 26 – Саин Кале; 27 – Се Гирдан; 28 – Хасан Абад; 29 – Хасан Тепе; 30 – Калечик; 31 – Геой Тепе; 32 – Узуб Тепе; 33 – Барудж Тепе; 34 – Кюльтепе; 35 – Яник Тепе; 36 – Кара Буру; 37 – Басмандж; 38 – Аш Тепе; 39 – Чолпан; 40 – Ханаго; 41 – Сос Хююк; 42 – Тепе Габристан; 43 – Уч Тепе; 44 – Чалаган Тепе; 45 – Лейла Тепе; 46 – Боюк Кесик; 47 – Сиони; 48 – Кавтисхеви; 49 – Бериклдееби; 50 – Серкер Тепе; 51 – Дашлы Тепе; 52 – Торпах Кала; 53 – Великент; 54 – Кабаз-Кутан; 55 – Геме Тюбе; 56 – Калиновское; 57 – Галюгаевское; 58 – Комарово; 59 – Бахчи Юрт; 60 – Бамут; 61 – Ассиновская; 62 – Верхний Акбаш; 63 – Кишпек; 64 – Старый Урух; 65 – Ташлыанское; 66 – Большетегинское; 67 – Замок; 68 – Усть Джегута; 69 – Жуковское; 70 – Грушевское; 71 – Ипатово; 72 – Золотаревка; 73 – Шарахалсун; 74 – Чограй; 75 – Темижбекская; 76 – Новолабинская; 77 – Зиссерман; 78 – Ясенова поляна; 79 – Новосвободная; 80 – Мешоко; 81 – Свободное; 82 – Пшиш; 83 – Чишхо; 84 – Псекуп; 85 – Старокорсунская; 86 – Старомышастовская; 87 – Днепровский; 88 – Батуринская; 89 – Тимашевская; 90 – Темрюк; 91 – Общественное; 92 – Фонтан; 93 – Сенная; 94 – Кепы; 95 – Варениковская; 96 – Дюрсо; 97 – Союг Булаг; 98 – Агылы Дерё; 99 – Пойлу; 100 – Сеидлар; 101 – Дюбенди; 102 – Тельманкенд; 103 – Кюдурлы; 104 – Торпак-Кала; 105 – Мискин-булак; 106 – Миатлы.

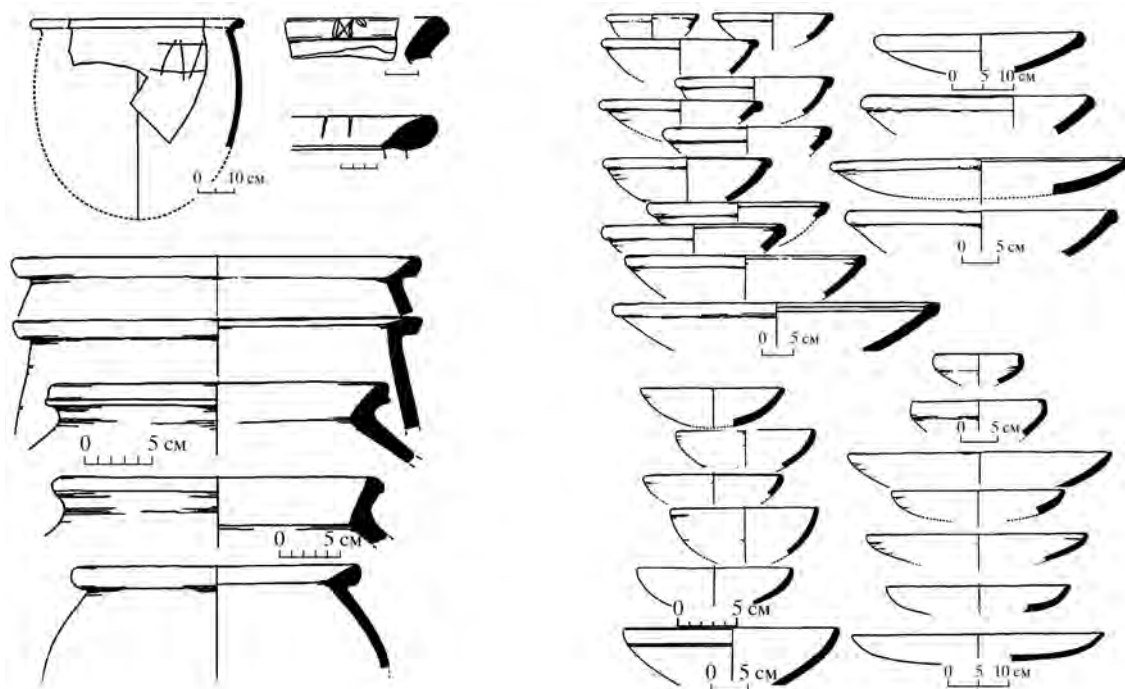

Рис. 3. Массовая керамика из поселений лейлатепинской культуры (по: Нариманов и др., 2007).

но открытой лейлатепинской культуры (Narimanov et al., 2007), которая является частью обширного мира, лежащего к северу от Джезиры, – от западного берега Евфрата, по меньшей мере до оз. Урмия и, вероятно, восточнее его, от гор Тавра и Загроса до Кавказа, испытавшего влияние Северной Месопотамии (Helwing, 2009. Р. 63–70) (рис. 2).

Однако для установления системы связей лейлатепинской культуры чрезвычайно важен вопрос определения ее северной границы. По крайней мере в настоящее время мы знаем, что на севере она охватывала всю степную зону Азербайджана в междуречье р. Кура и Аракса. В связи с тем, что на некоторых поселениях куро-аракской культуры Восточного Кавказа фиксируются следы культурных влияний месопотамского круга (Серкертепе, Великент, Новый Гапцах), представляется реальным распространение памятников лейлатепинской культуры также и значительно севернее р. Кура (рис. 2). На территории восточной Грузии материалы данного культурно-хронологического среза выявлены прежде всего в Шида Картли, в частности – на многослойном поселении Бериклдееби. Керамика из его нижнего слоя принадлежит кругу закавказских халколитических памятников, связанных с югом. Аналогичный керамический материал обнаружен и на других поселениях, например на многослойном поселении Граклиони гора, а также в гротах Самеле-Клде и Самертсхели-Клде в Западной Грузии.

Для определения времени существования поселений лейлатепинской культуры приоритетное значение имеет массовая керамика. Здесь важно отметить, что часть керамических коллекций таких поселений, как Лейла Тепе, Полутепе, Алхан-тепе, Ментештепе представлена сосудами, содержащими роспись убейдского вида (Ахундов, Алмамедов, 2009. Р. 31–37; Aliyev, Helwing, 2009. Р. 23–45; Mentesh Tepe, 2011. Р. 41–44). Однако большая часть лейлатепинских сосудов лишена росписи и по своим морфологическим характеристикам сближается с северо-месопотамской керамикой второй половины IV тыс. до н.э. (рис. 3).

Подчеркнем, что только на основании наличия росписи убейдского типа не следует делать далеко идущие выводы относительно хронологии. Дело в том, что собственно убейдская керамика, распространившаяся во второй половине V тыс. до н.э. практически на всей территории Великой Месопотамской равнины, в подавляющем большинстве покрыта характерной росписью. Однако в Северной Месопотамии смена убейдской культуры урукской, как правило, носила не дискретный, а непрерывный характер. Поэтому на многих поселениях, отражающих и тот, и другой хронологические пласты, мы наблюдаем, с одной стороны, постепенное сокращение количества расписной керамики, а с другой – поступательное увеличение доли нерасписных сосудов, изготовленных по новой технологии, включая моделирование сосудов и примесь

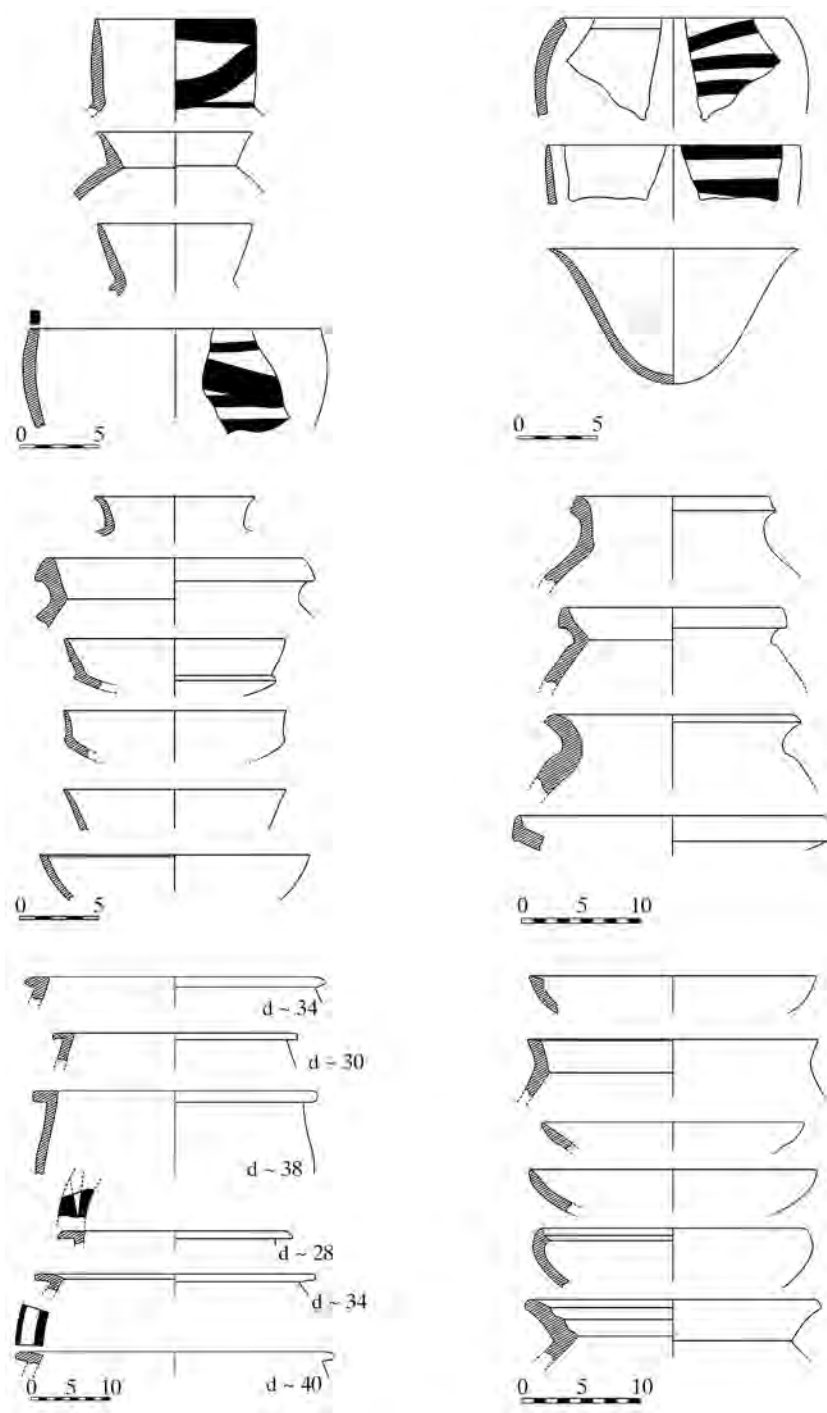

Рис. 4. Массовая керамика из нижних слоев Телль Хазны 1.

рубленой соломы в тесте. Вытеснение убейдской росписи из декорирования сосудов заняло достаточно длительное время. Здесь примечателен пример поселения Телль Хазна 1, исследованного экспедицией Института археологии РАН (ИА РАН) в Северо-Восточной Сирии (Мунчаев и др., 2004). В нижних слоях поселения раннеурукского времени расписная керамика составляет порядка 20–30%

от всей коллекции, в дальнейшем ее количество падает до 10 (рис. 4). К последней четверти IV тыс. до н.э. – времени монументального храмового строительства на Телль Хазне 1 – расписная керамика встречается только спорадически (Амиров, 2010. С. 228), т.е. убейдская роспись продолжает использоваться на позднехалколитической керамике Северной Месопотамии еще продолжительное время.

Судя по хронологической колонке Телль Хазны 1, основная часть материалов лейлатепинской культуры несколько предшествует времени возведения храмового комплекса Телль Хазны 1 и может быть датирована примерно серединой – второй половиной IV тыс. до н.э.

Как мы отмечали выше, поселения с культурой месопотамского облика тяготеют к степному ландшафту Закавказья, а в районах, расположенных ближе к горам, они входят в контакт с куро-аракской культурой, распространенной в прикаспийской части Северного Азербайджана и Дагестана. Так, в Южном Дагестане, на поселениях Новый Гапцах, Великент 2, Кабаз-Кутан, Сюгут, Геме-Тюбе и других среди местной керамики имеется небольшая часть сосудов, изготовленных по очевидной месопотамской технологии – на гончарном круге. В Великенте отмечено наличие рубленой соломы в тесте некоторых сосудов. Что же касается горной части Дагестана, то здесь также известен целый ряд поселений этого времени, имеющих в керамическом комплексе подражания образцам северо-месопотамской керамики: Гинчи, Мучу Бахил Бакли, Малин Карат, Архинда, Чинна, Урма, Верхнее Лабкомахи (Гаджиев, 1991. С. 64–75). Поскольку прикаспийская часть Дагестана была активно освоена носителями куро-аракской культуры, теллевая зона продолжается и севернее Великента, вплоть до Махачкалы. Некоторые из этих памятников могут содержать синкретический материал подобно тому, как это отмечено в Торпах Кале к югу от Дербента (Гаджиев, Магомедов, 2008. С. 276–297), где в шестом культурном слое керамика великентского типа представлена вместе с куро-аракским материалом. В этой связи находки круговой керамики в таких синкретических (майкопско-куро-аракских) памятниках, как поселения Луговое и Серженьюрт, расположенных к северу от Дагестана в Чечено-Ингушетии (Мунчаев, 1975), не выглядят чем-то необычным (рис. 5).

Здесь следует коснуться вопроса о времени проникновения месопотамских влияний в куро-аракскую среду Северо-Восточного Кавказа. Если говорить об орнаментации посуды, то надо отметить резкое уменьшение в памятниках расписной керамики (убейдского типа) по направлению на север от Муганской степи. Подобная керамика известна в слое Серкертепе (Мусаев, 2004), а севернее р. Самур реликты убейдской росписи исключительно редки. В Великенте 2 она встречается спорадически, не создавая статистически значимого количества, что, скорее всего, может свидетельствовать о времени, более близком к третьей четверти IV тыс.

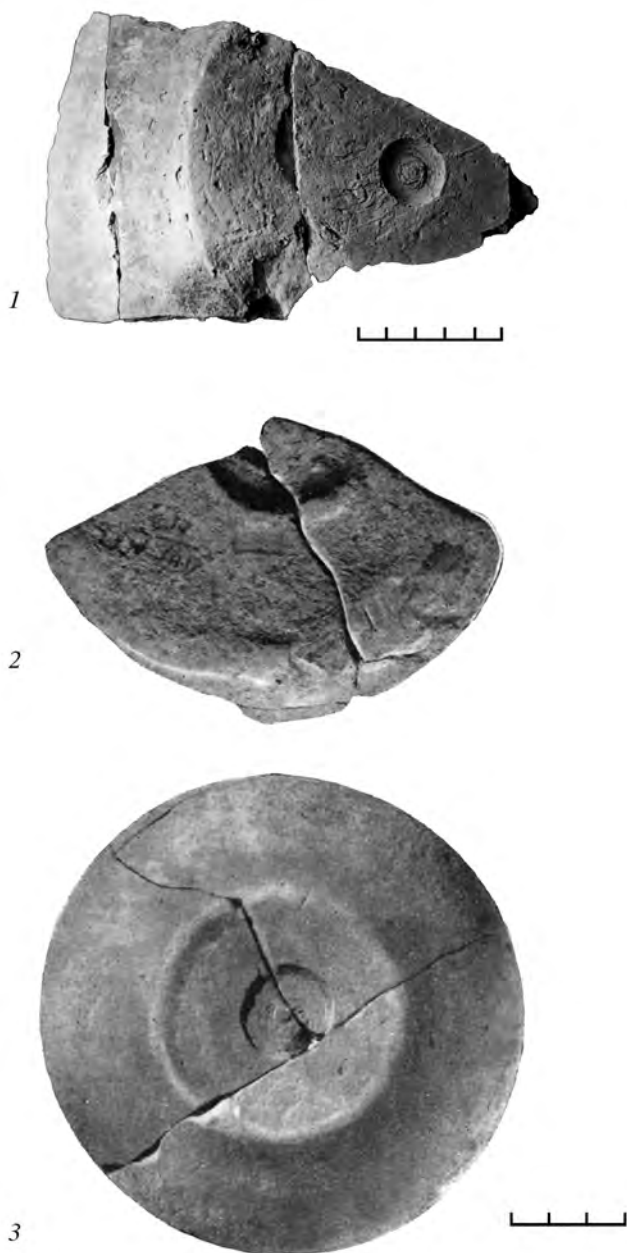

Рис. 5. Керамика, изготовленная на гончарном круге, из поселений Великент 2 (1) и Луговое (2) и Бамутского курганного могильника эпохи бронзы (3).

до н.э., или позднеурукском времени по южно-месопотамской периодизации.

Однако месопотамские влияния, отдельные элементы которых прослеживаются в слоях поселений куро-аракской культуры вдоль подгорной полосы Восточного Кавказа, оказались более выразительны и многочисленны в памятниках майкопской культуры Северного Кавказа. В отличие от известных погребений куро-аракской культуры, майкопские захоронения – от рядовых погребений, почти лишенных инвентаря, до погребения вождя в самом

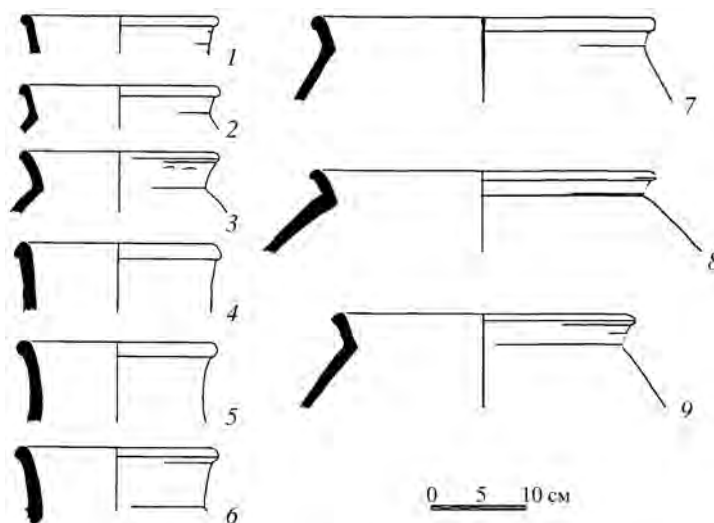

Рис. 6. Керамика северо-месопотамского вида из поселения майкопской культуры Усть-Джегута (по: Nechitajlo, 2007).

Майкопском кургане – несут черты ярковыраженной социальной стратификации. В целом, социум майкопской культуры в сравнении с синхронными ему обществами куро-аракской культуры выглядит значительно более развитым с точки зрения движения в сторону социального неравенства, а следовательно, и цивилизации.

Очевидно, что отдельные черты культуры месопотамского круга носители майкопской культуры получили не из куро-аракского, а из другого источника. Наиболее рационально предположение о том, что эти контакты поступали от самого северного деривата месопотамской культуры, т.е. шли из Восточного Закавказья через носителей лейлатепинской культуры (Narimanov et al., 2007). На наш взгляд, правдоподобным выглядит предположение о наличии групп торговцев (небольших популяций носителей лейлатепинской культуры), в поисках металлического сырья имевших, возможно, торговые контакты на равнине, окружавшей Восточный Кавказ, как с носителями куро-аракской, так и особенно майкопской культур. Аналогичный процесс, как нам представляется, имел место в позднеурукский период в Северной Месопотамии и Анатолии, где подобные торговцы исполняли роль посредников, приносявших с собой в иноэтничную среду как производственные навыки, так и предметы роскоши.

К моменту знакомства с материальной культурой переднеазиатского круга племена Предкавказья уже имели развитое сельское хозяйство, в котором ведущую роль играли животноводство и земледелие. Они были знакомы с металлургией и имели доступ к рудным источникам (Кореневский, 2004). Общества обширной степной зоны Северного Кав-

каза производили избыточный общественный продукт, позволявший часть его концентрировать в руках родовых лидеров, что вело к импортированию предметов роскоши и других изделий, например, цилиндрических печатей, бус из полудрагоценных камней и т.п. В то же время наблюдается несомненный импорт навыков производства. В данном аспекте особенно важно производство керамики на гончарном круге (Бобринский, Мунчаев, 1966; Мунчаев, 1975) и использование форм сосудов, представляющих собой реплики северо-месопотамских образцов (рис. 6). Массовый керамический материал из таких памятников, расположенных в степной зоне и предгорьях севернее Кавказского хребта, как Галюгаевское поселение на р. Терек (Кореневский, 2004), район станицы Усть-Джегутинская на р. Кубань в Карачаево-Черкесии (Nechitajlo, 2007. Р. 163–177), поселения Пшикуджхабль, Городское, Чишхо, Пхагугап в Адыгее (Lyonnet, 2007. Р. 137) и других, выглядит, с точки зрения морфологии, близким керамике данного хронологического пласта из Закавказья.

Отметим здесь, что в керамических комплексах Предкавказья абсолютно отсутствуют образцы, декорированные росписью убейдского вида. Эта керамика как бы заканчивается на юге прикаспийской плоскости Дагестана. Судя по керамическим формам, проникновение месопотамских навыков на Северный Кавказ происходит в позднеурукское время (по южно-месопотамской периодизации – период Джемдет Наср), т.е. в конце IV – начале III тыс. до н.э.

Среди принесенных в это время на Северный Кавказ навыков следует отметить знакомство носителей майкопской культуры с колесным транспор-

том (Кондрашов, Резепкин, 1988. С. 92). С конца IV – начала III тыс. до н.э. подвижные двухосные платформы, запряженные онаграми, повсеместно распространяются на всей территории Месопотамской равнины. Свидетельство тому – сотни глиняных моделей колес и десятки моделей повозок, обнаруженных в слоях поселений этого времени в Северной Месопотамии.

Мы не можем не коснуться здесь и другого направления контактов Кавказа и Передней Азии. Выделение в Восточном Закавказье пласта подкурганных погребений, объединенных наличием галечных вымосток и наборами предметов, находящими прямые аналогии в инвентаре майкопско-новосвободненской культурно-исторической общности, позволяет поставить вопрос о первом проникновении курганного обряда захоронения в Закавказье в конце IV – первой половине III тыс. до н.э. (рис. 2). Здесь среди наиболее ранних памятников этого типа – курганы с каменными вымостками у с. Кюдурлу (Шекинский р-он), Дюбенди (Апшерон), Сеидляр (Хачмасский р-он), Союг Булаг (Актафинский р-он) в Азербайджане (Лионе и др., 2011. С. 48–61; Мусеибли, 2012). Близкие к ним курганы раскопаны и в других районах Азербайджана (Уч-Тепе на Мугани и у с. Тельманкенд в Ленкорани), а также в Грузии (у с. Кавтисхеви на правом берегу р. Кура, около Триалети; см. Maharadze, 2007. P. 123–126).

На Прикаспийской низменности Дагестана несмотря на то, что курганные погребения новосвободненского типа пока не открыты, известен целый ряд памятников, тяготеющих к майкопскому (или постмайкопскому) кругу древностей. Прежде всего, следует отметить памятники, выделенные Р.Г. Магомедовым в качестве единой культурно-хронологической группы: Большой Миатлинский курган, Мискин-булакское культовое место, так называемые Великентские оградки, курган Торпак-Кала (Магомедов, 1991; 2007). Эти курганы и местонахождения, вероятнее всего, могут быть датированы временем до середины III тыс. до н.э.

Представляется, что распространение курганного обряда с Северного Кавказа через дагестанскую плоскость в Закавказье началось с рубежа IV–III тыс. до н.э. и продолжалось в течение первой половины III тыс. до н.э. В это время, как мы знаем, узкая полоса Прикаспийской равнины Дагестана была достаточно плотно заселена носителями куро-аракской культуры, в связи с чем нам пока не известны курганы этого периода. Зато на степных просторах Закавказья, вне зоны соприкосновения с куро-аракской культурой, можно наблюдать много-

численные следы курганных групп этого времени, оставленных большими родовыми объединениями.

Для осмысления мотива первой волны миграции из степей Евразии сначала в Закавказье, а затем далее на Передний Восток важен анализ климатической ситуации, сложившейся в IV – первой половине III тыс. до н.э. в субтропической и умеренной зонах Северного полушария. Наблюдения, сделанные в полосе так называемого плодородного полумесяца Северной Месопотамии, позволили установить, что в сравнении с влажным климатом IV тыс. до н.э. от начала до середины III тыс. до н.э. отмечена прогрессирующая аридизация (Амиров, 2010. С. 29–32). Падение урожайности в южной части дуги традиционного неполивного земледелия привело к миграциям населения в более увлажненные районы Джезиры (Амиров, 2010. С. 56–62). На основании палеоклиматических исследований в Арало-Каспийском регионе можно сделать вывод о том, что влажный теплый климат IV тыс. до н.э. здесь в течение III тыс. до н.э. также сменяется на жаркий и сухой (Идрисов, 2010). Археологические материалы подтверждают и уточняют наблюдения, сделанные естественно-научными методами. Так, позднехалколитическая лейлатепинская культура, распространившаяся в Закавказье в IV тыс. до н.э. и имевшая контакты с куро-аракской и майкопской культурами, к началу III тыс. до н.э., по-видимому, прекращает свое существование. Носители куро-аракской культуры, активно заселив на раннем этапе своей истории плоскость вдоль восточных отрогов Кавказа, на позднем представлены здесь ограниченно. Это может быть связано с оттоком населения в сторону предгорий и горной зоны. На плоскости в Дагестане, в связи с депопуляцией, к середине III тыс. до н.э. оседло-земледельческие племена куро-аракской культуры сменяются новым населением и хозяйственным укладом. В этом контексте следует рассматривать появление здесь курганов позднемайкопского или постмайкопского круга (Магомедов, 1991), а также подкурганных погребений второй половины III тыс. до н.э. (Гугуев и др., 2010. С. 283–299. Рис. 6). В это же время курганный обряд через прикаспийскую равнину распространился на всей территории Закавказья вплоть до Анатолии и Ирана, а носители куро-аракской культуры освоили горные и предгорные области к югу от своей прародины, вплоть до Палестины и Южного Загроса.

Как было отмечено, курганы Закавказья тяготеют к степному ландшафту и долинам рек. По сути, они оказались распространены на той же территории, что и лейлатепинская культура в предшествующее время. Какова была судьба данной культуры на позднем этапе ее развития и связана ли она с падением

урожайности в условиях аридного климата первой половины III тыс. до н.э., как это происходило в Северной Месопотамии, – неясно. Однако на основании доступной информации можно сделать вывод о том, что скотоводы, носители курганного обряда, мирно сменили на той же территории земледельцев лейлатепинской культуры.

Уже исследованные к настоящему времени в Закавказье курганы демонстрируют тенденцию к распространению в южном и западном направлении. Известные наиболее ранние курганы с материальной культурой, напоминающей древности эпохи ранней бронзы Предкавказья, охватывают значительные территории Закавказья и Переднего Востока. Самая южная погребальная группа, близкая майкопскому кругу древностей, – курганы Си Гирдан (Muscarella, 1969; 1970; Трифонов, 2000) на южном берегу оз. Урмии в Северо-Западном Иране. Представляется особенно перспективным изучение курганных групп, тяготеющих к долинам р. Аракс и Кура. Такие курганы, расположенные вдоль русла Куры, как Союг Булаг и Кавтисхеви (выше по течению реки) свидетельствуют о том, что погребальные памятники этого хронологического пласта тянутся в сторону истоков Куры. Аналогичная картина прослеживается в долине Аракса и его притоков. Курганная группа у г. Талин (Avetisyan et al., 2010. Р. 161–165) – свидетельство перспективности исследования ранних курганов в Восточной Анатолии севернее оз. Ван.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Амиров Ш.Н. Хабурская степь Северной Месопотамии в IV–III тыс. до н.э. М., 2010.
- Андреева М.В. К вопросу о южных связях майкопской культуры // СА. 1977. № 1.
- Ахундов Т. Материалы к изучению переднеазиатской миграции на Кавказ // Археология, этнология, фольклористика Кавказа. Баку, 2005.
- Ахундов Т., Алмамедов Х. Южный Кавказ в эпоху неолита–ранней бронзы (центральный и восточный регион) // Азербайджан – страна, связывающая восток и запад. Обмен знаниями и технологиями в период “первой глобализации” VII–IV тыс. до н.э.: Междунар. симпозиум, Баку, 1–3 апреля 2009 г. Баку, 2009.
- Бахшалиев В., Ашуров С., Марро С. Археологические работы на поселении Овчулар тепеси (2006–2008 гг.). Первые результаты и новые перспективы // Азербайджан – земля, связывающая восток и запад. Обмен знаниями и технологиями в период первой глобализации. VIII–VI тыс. до н.э. Баку, 2009.
- Бобринский А.А., Мунчаев Р.М. Из древнейшей истории гончарного круга на Северном Кавказе // КСИА. 1966. Вып. 108.
- Гаджиев М.Г. Раннеземледельческая культура Северо-Восточного Кавказа: Эпоха энеолита и ранней бронзы. М., 1991.
- Гаджиев М.С., Магомедов Р.Г. Торпах Кала – куро-аракское поселение и Сасанидское городище в южном Дагестане. М., 2008.
- Гугуев Ю.К., Магомедов Р.Г., Малашев В.Ю. и др. Исследование курганов южной группы Паласа–Сыртского могильника в 2008 г. // Нижневолжский археологический сборник. Волгоград, 2010.
- Зардарян Д.Э. О ранних проявлениях элементов куро-аракской культуры в позднеэнеолитической керамике Арени-1 // Проблемы археологии Кавказа (К 70-летию Ю.Н. Воронова). Сухум, 2011.
- Идрисов И.А. Изменение климата Дагестана во второй половине голоцена // Вестн. Института ИАЭ. № 2. Махачкала, 2010.
- Кондрашов А.В., Резепкин А.Д. Новосвободненское погребение с повозкой // КСИА. 1988. Вып. 193.
- Корневский С.Н. Древнейшие земледельцы и скотоводы Предкавказья. М., 2004.
- Лионне Б., Алмамедов К., Буке Л. и др. Могильник эпохи позднего энеолита Союг Булаг в Азербайджане // РА. 2011. № 1.
- Магомедов Р.Г. О комплексах майкопской культуры на территории Дагестана // Горы и равнины Северо-Восточного Кавказа в древности и средние века. Махачкала, 1991.
- Магомедов Р.Г. Энеолит и ранняя бронза на Северо-Восточном Кавказе // Проблемы хронологии, преемственности и эволюции археологических культур: Археология, этнология и фольклористика Кавказа: Матер. Междунар. науч. конф. “Новейшие археологические и этнографические исследования на Кавказе”. Махачкала, 2007.
- Мунчаев Р.М. Кавказ на заре бронзового века. М., 1975.
- Мунчаев Р.М., Мерперт Н.Я., Амиров Ш.Н. Телль Хазна 1. Культурно-административный центр IV–III тыс. до н.э. в Северо-восточной Сирии. М., 2004.
- Мусаев Д.Л. Серкертепе – поселение эпохи ранней бронзы. Баку, 2004.
- Музейбли Н.А. Энеолитическое поселение Беюк Кесик. Баку, 2007.
- Музейбли Н.А. Курганный могильник позднего энеолита у с. Союг Булаг в Азербайджане // РА. 2012. № 1.
- Нариманов И.Г. Культура древнейшего земледельско-скотоводческого населения Азербайджана. Баку, 1987.
- Нариманов И.Г., Ахундов Т.И., Алиев Н.Г. Лейлатепе. Поселение, традиция, этап в этно-культурной истории Южного Кавказа. Баку, 2007.

- Трифонов В.А. Курганы майкопского типа в Северо-Западном Иране // Судьба ученого. СПб., 2000.
- Akhundov T. Sites de migrants venus du Proche-Orient en Transcaucasie // Les Cultures du Caucase (VIe–IIIe millénaires avant notre ère): leur relations avec le Proche-Orient / Sous la direction de Bertille Lyonnet. Paris, 2007.
- Aliyev T., Helwing B. Kamiltepe in der Milebene. Archäologische Untersuchungen 2009 // Archäologische Mitteilungen aus Iran und Turan. 2009. Bd. 41.
- Algaze G. Habuba on the Tigris: Archaic Nineveh reconsidered // Jr. Near Eastern Studies. 1986. V. 45/2.
- Algaze G. The Uruk Expansion. Cross-cultural Exchange in the Early Mesopotamian Civilization // Current Anthropology. 1989. V. 30. № 5.
- Amiet P. L'âge des échanges inter-iraniens 3500–1700 avant J.-C. Paris, 1986.
- Avetisyan P., Muradyan F., Sargisyan G. Early Bronze Age burial mounds at Talin // Von Maikop bis Trialety Gewinnung und Verbreitung von Metallen und Obsidian in Kaukasien im 4.-2. Jt. v. Chr. Bonn, 2010.
- Ball W. Tell al-Hawa and the Development of Urbanization in the Jazira // Al-Rafidan. 1990. V. XI.
- Chataigner C., Avetisyan P., Palumbi G., Uerpmann H.-P. Godedzor, a late Ubaid-related settlement in Southern Caucasus // Beyond the Ubaid. Studies in ancient oriental civilization. № 63. Chicago, 2010.
- Dodd L., Parker B.J., Creekmore A., Healey E. The Upper Tigris Archaeological Research Project (UTARP): Research at Kenan Tepe during 2003 (draft) // 26 Kazi Sonuclari Toplantisi. V. 1. Ankara, 2005.
- Gibson McG. Hamoukar: Early City in Northeastern Syria // Oriental Institute News and Notes. 2000. 166.
- Gut R. Das Prähistorische Nineve: Zur relativen Chronologie der frühen Perioden Nordmesopotamiens // BaF 19. Mainz am Rhein, 1995.
- Helwing B. Regional variation in the composition of late chalcolithic pottery assemblages // Chronologies des Pays du Caucase et de l'Euphrate aux IVe–IIIe millénaires / Eds C. Marro, H. Hauptmann. Istanbul, 2009.
- Lyonnet B. La culture de Maikop, la Transcaucasie, L'Anatolie orientale et le Proche-Orient: relations et chronologie // Les Cultures du Caucase (VIe–IIIe millénaires avant notre ère): leur relations avec le Proche-Orient. Sous la direction de Bertille Lyonnet. Paris, 2007.
- Makharadze Z. Nouvelles données sur le Chalcolithique en Georgie orientale // Les Cultures du Caucase (VIe–IIIe millénaires avant notre ère): leur relations avec le Proche-Orient / Sous la direction de Bertille Lyonnet. Paris, 2007.
- Marro C. Upper Mesopotamia and Transcaucasie in the late chalcolithic period (4000–3500 BC) // Les Cultures du Caucase (VIe–IIIe millénaires avant notre ère): leur relations avec le Proche-Orient / Sous la direction de Bertille Lyonnet. Paris, 2007.
- Mentesh Tepe // Early Farming remains of Azerbaijan (last investigations). Baku, 2011.
- Muscarella O.-W. The Tumuli at Se Girdan // Metropolitan Museum Jr. 1969. V. 2.
- Muscarella O.-W. The Tumuli at Se Girdan: Second report // Metropolitan Museum Jr. 1970. V. 4.
- Narimanov I., Akhundov T., Aliyev A. Leylatepe. Settlement, tradition, a stage in ethnocultural history of South Caucasus. Baku, 2007.
- Nechitajlo A. La ceramique de Ust'-Dzeguta, établissement du début de la culture de Maikop en Karachaevo-Tcherkessie // Les Cultures du Caucase (VIe–IIIe millénaires avant notre ère): leur relations avec le Proche-Orient / Sous la direction de Bertille Lyonnet. Paris, 2007.
- Oates J., Oates D. Tell Brak 1997 // Chronique archéologique en Syrie. V. II. Damascus, 1998.
- Reimer S. Tell Qrayya on the Middle Euphrates. Out of Heartland: The Evolution of Complexity in Peripheral Mesopotamia during Uruk period // Paleorient. 1989. 15.
- Schmidt A., Fazeli H. Tepe Ghabristan: A Chalcolithic Tell Buried in Alluvium // Archaeological Prospection. 2007. 14 (1).
- Seyidov A., Bakhchaliyev V. Sederek. Baki, 2011.
- Stein G.J., Bernbeck R., Coursey Ch. et al. Uruk Colonies and Anatolian Communities: an Interim report on 1992–1993 Excavations at Hacinebi, Turkey // American Jr. Archaeology. 1996. № 100.
- Strommenger E. Habuba Kabira. Eine Stadt vor 5000 Jahren. Mainz am Rhein, 1980.
- Weiss H., Young T.C. Merchants of Susa: Godin V and Plateau-Lowland Relations in the Late Fourth Millennium B.C. // Iran. 1975. V. 13.
- Young T.C. Godin Tepe. Period VI/V and Central Western Iran at the End of the Fourth Millennium / Eds U. Finkbeiner, W. Röhl. Gamdat Nasr. Period or Regional Style? Wiesbaden, 1986.

ЭНЕОЛИТИЧЕСКИЙ МОГИЛЬНИК НА ТЕЛЛЕ ЮНАЦИТЕ: ПРОБЛЕМЫ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

© 2012 г. В.И. Балабина, Т.Н. Мишина

Институт археологии РАН, Москва (balabina@mail.ru)

Ключевые слова: энеолит, Фракия, телль Юнаците, могильник, погребение, обрядовые характеристики, микростратиграфия, планиграфия, демография.

The article considers the specific features of the evolution of the Eneolithic cemetery at Tell Yunatsite, its chronostratigraphy, demography, planigraphy and details of the rite. The stratigraphy of the burials can be ascertained through correlating their depth with the ground surface of the destroyed settlement (on the basis of sections and floors of buildings). Comparison of the demography of the cemetery and of the destroyed settlement has demonstrated uniformity of population. The disproportionate sex-age structure of the cemetery can only be explained through the hypothesis of its long-lasting existence. The variations of placing and position of the bodies at Yunatsite can also be observed at other cemeteries. The alignment of the bodies does not indicate any specific features of Yunatsite as compared with the tendencies observed at other burial grounds.

Телль Юнаците расположен в Верхней Фракии – контактной зоне культур Караново VI и Селкуца III. На его раскапывавшейся половине в пределах разгромленного энеолитического поселка выявлен могильник, разбросанный по всей площади и недоследованный (планомерно раскапывалась лишь восточная часть памятника). Существуют две гипотезы о его сложении и особенностях функционирования. Согласно первой, могильник синхронен разгрому поселка. Указывается на упрощение обрядности, сокращение числа ее характеристик как свидетельство поспешности (Мацанова, 2000; Бояджиев, 2006).

Полагаем, что функционирование некрополя было растянуто во времени. Часть погребений действительно привязывается к данному эпизоду, прочие были совершены позднее. За время работы Болгаро-российской экспедиции (к 2001 г.) было зафиксировано множество микростратиграфических сюжетов, позволяющих уточнить соотношение погребений с поселком и проследить особенности формирования могильника. Начнем с общей стратиграфии верхнего энеолитического горизонта. В центральном профиле (ЦП) телля Юнаците под погребенной почвой видны три его подгоризонта (рис. 1), которые фиксировались и планиграфически, и по профилям. Самый нижний подгоризонт “а” – разрушенный поселок. Под руинами построек найдены останки их обитателей. Дневная поверхность “а” восстанавливается и по бровкам, и по покрытым золой и пеплом либо утоптаным участкам рядом с постройками, а в их пределах – по

полам, расположению артефактов и человеческих останков. Ее же отчасти маркируют сочлененные фрагменты скелетов, растащенные хищниками из-под руин по дневной поверхности. Разрозненные человеческие кости могут фиксировать и более поздние уровни.

Согласно палинологическим спектрам, поселок мог пустовать до нескольких лет (Балабина и др., 1999а), что не очень согласуется с наблюдаемыми на дневной поверхности частями скелетов. О том, что руины стали засыпать не сразу, свидетельствуют и некоторые ямы, попавшие в разрезы в районе постройки 3. Они были заполнены слоистыми затеками, а это указывает на два-три дождевых сезона и позволяет сократить интервал до полутора-двух лет. Потом большая часть поселка была перекрыта специфическим серым грунтом, насыщенным битой керамикой и костями животных (подгоризонт “б”) – переотложенным культурным слоем. Это фиксируется в ЦП (Мерперт и др., 2007. Рис. 111а, 115) и других разрезах. Столь масштабные земляные работы предполагают перемещение колоссального количества грунта, требуют соответствующих трудозатрат и значительного времени. Возможно, именно с этим сюжетом следует связывать следы обитания, выявленные в середине ЦП на сером слое подгоризонта “б”, которые обозначаются как подгоризонт “в”. Здесь зафиксирована постройка 5 с печью, пережившей три ремонта пода, что указывает на ее функционирование в течение ряда сезонов (рис. 1). Со временем, распределяясь вниз по наклонной поверхности телля (к югу) под воз-

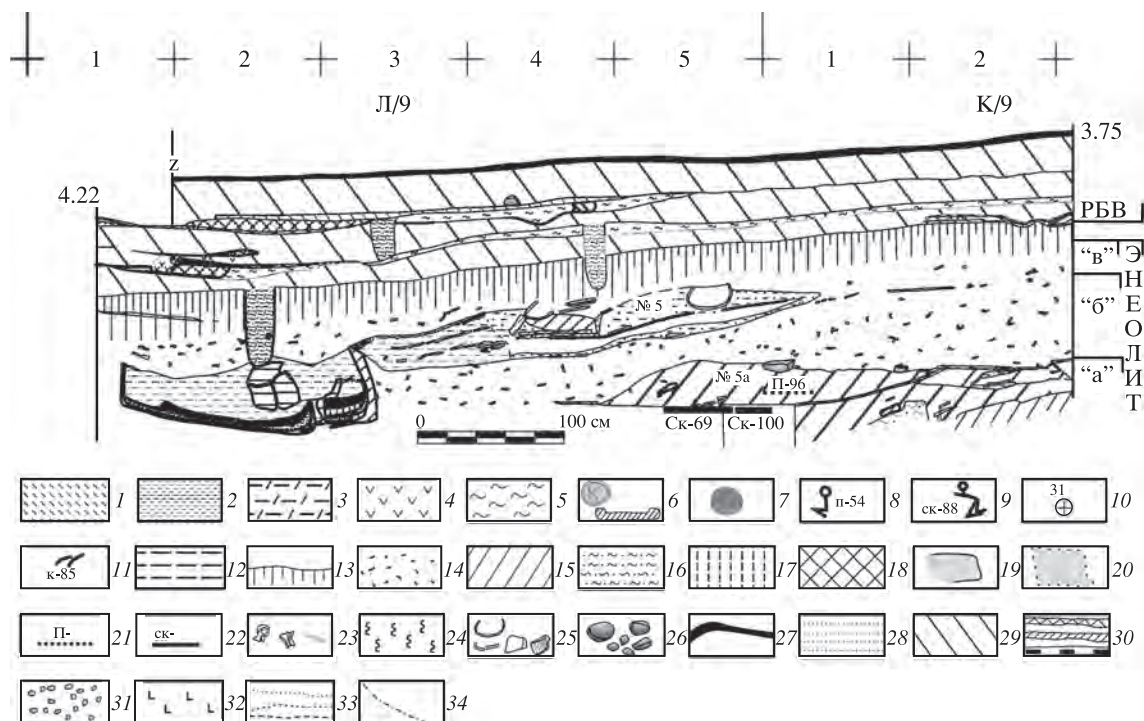

Рис. 1. Стратиграфия финала энеолита теля Юнаците по ЦП, кв. Л-К/9. Условные обозначения (ко всем рисункам): 1 – обожженный оранжевый суглинок; 2 – обожженные руины; 3 – заполнение ям; 4 – угли; 5 – пепел; 6 – зернохранилище; 7 – печь; 8 – погребение; 9 – скелет в постройке; 10 – отдельные кости человека; 11 – кости в сочленениях; 12 – светло-серая плотная глина; 13 – погребенная почва; 14 – подгоризонт “б”; 15 – необожженные руины; 16 – зола; 17 – заполнение землянки раннего бронзового века (РБВ); 18 – темно-коричневая прослойка органики; 19 – прослеженные планы построек; 20 – контуры руин построек; 21 – уровень залегания погребений; 22 – уровень залегания скелетов; 23 – кости животных; 24 – темно-серый грунт с пеплом; 25 – керамика; 26 – камни; 27 – углистая прослойка; 28 – затек розового цвета; 29 – горизонты РБВ; 30 – дневные поверхности; 31 – галька; 32 – коричневый суглинок; 33 – реконструкции; 34 – контур рва РБВ.

действием дождей, серая подсыпка превратилась в “нивелировочный прослой”, перекрывший значительную часть разрушенного поселка и остатки подгоризонта “в” (Балабина и др., 1999б; Мерперт и др., 2007. Рис. 115).

На Юнаците помимо скелетов в постройках обнаружено не менее 13 погребений¹. Среди них есть как прикопанные в руинах, так и образующие небольшие группы вне их (рис. 2). С антропологическим материалом верхнего энеолитического горизонта Юнаците за последние 20 лет работали: С. Чолаков (София) – 1994, 1997; А.П. Бужилова (Москва) – 2001, 2002; Ст. Цойнер (Тюбинген) – после 2002. Наш демографический анализ основывается на результатах С. Чолакова и А.П. Бужиловой (Балабина, Мишина, 2010; Balabina, Mishina, 2011). Отметим, что определения С. Цойнера, выборочно приведенные в его статье (2011), с этими данными иногда расходятся, что, несомненно, отражается и на демографии, и обязывает отмечать варианты.

¹ Болгаро-российская экспедиция к 2001 г. исследовала 10 комплексов, еще 3 несомненных погребения выявлены позже (Boyadzhiev et al., 2011; Бояджиев и др., 2011).

В Болгарии исследовано около двух десятков погребальных памятников двух синхронных культур финального энеолита: Караново VI и Селкуца III (Бояджиев, 2006). Для таких сравнительно полно документированных могильников, как Голямо Делчево (Тодорова и др., 1975), Девня (Тодорова-Симеонова, 1971), Винаца (Радунчева, 1976), Търговище (Ангелова, 1986), где есть данные о поле, возрасте, позе и ориентировке погребенных, составе сопутствующего набора, не найдется сведений о хроностратиграфии комплексов, эта информация о могильниках только появляется (Славчев, Бояджиев, 2011). Редки сведения о планиграфии некрополей и глубине ям. Для прочих памятников информации еще меньше. В Демир баба теке исследовались остатки периферийной части некрополя, затронувшего поселение. В публикации нет информации о возрасте погребенных (Матеева, 1994; 1997). Для могильника Пчелина отсутствуют антропологические определения (Ангелова, 1989; 1990). Единичны могильники Селкуца III на западе и северо-западе Болгарии. В распоряжении результаты раскопок могильника Лига III, существовавшего на месте заброшенного поселения (Merkyte et al.,

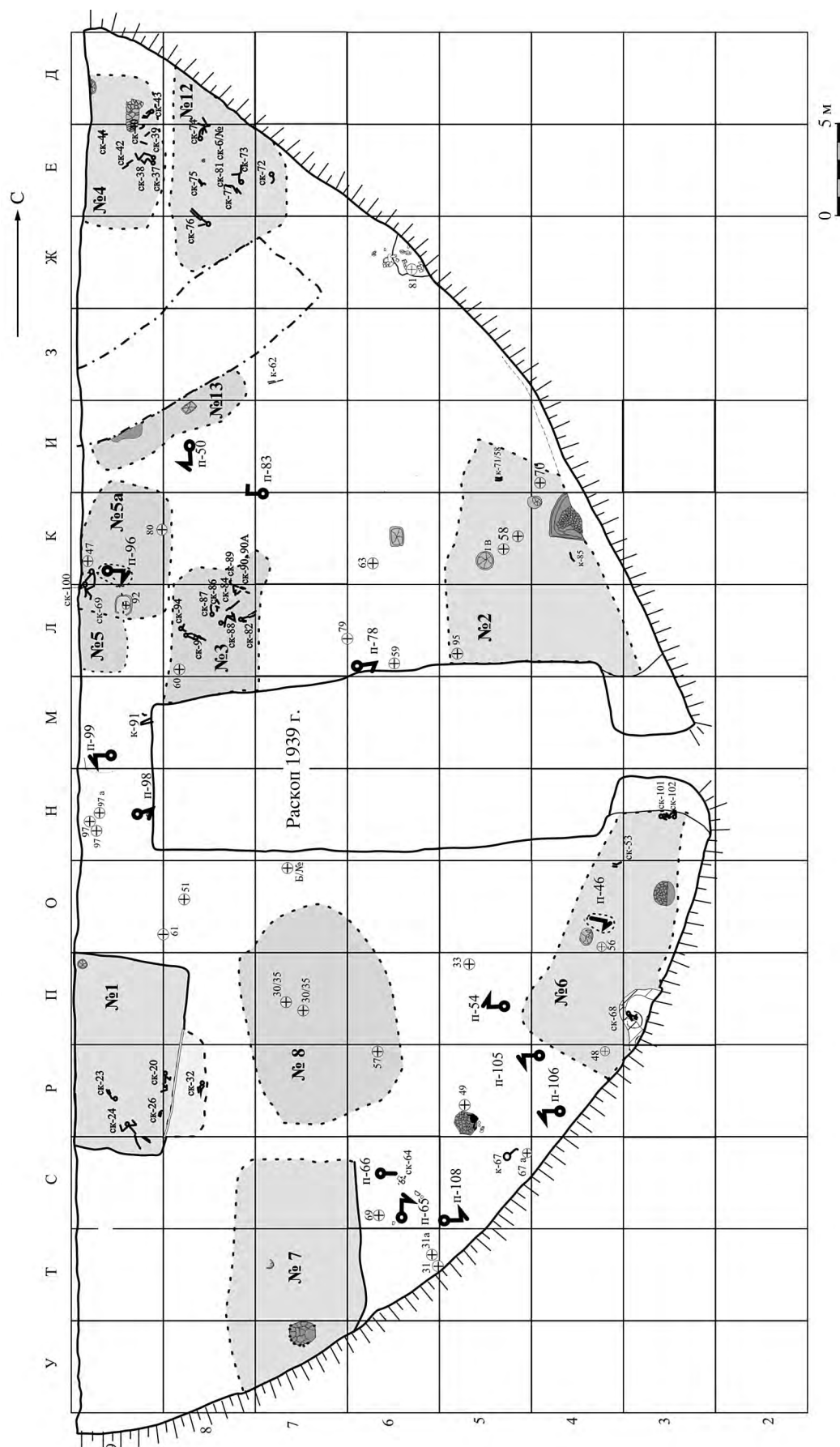

Рис. 2. План-схема последнего энеолитического поселка на темле Юнаците.

2005). Известны могильники на поселениях Балбунар, Русе (Миков, 1926–1927; Георгиев, Ангелов, 1952; 1957). Возможно, телль Русе был бы наиболее близкой аналогией финальному энеолитическому поселку на Юнаците. Там тоже есть и погребения, и скопления скелетов (в постройках и вне их). Но в опубликованной документации масса лакун, что не позволяет даже соотнести горизонты западной и восточной частей памятника, исследовавшихся в разные годы. Останки людей не имеют определений пола и возраста и привязаны к горизонтам по обнаружению. Все перечисленные памятники важны для понимания погребальных комплексов на телле Юнаците, но пришлось использовать имеющиеся материалы согласно их информативности.

В Юнаците устройство могил тоже прослежено фрагментарно или вовсе не прослежено. В единичных случаях частично зафиксированы контуры придонной части небольших овальных ям, длиной немногим более 1 м, в которых мог поместиться человек на боку с подогнутыми ногами. Для сравнения отметим, что лишь в Лиге III (Селкуца III) дважды (и только для детских погребений) описывают овальные ямы (Merkyte et al., 2005)². В пользу того, что энеолитические погребения на Юнаците находились именно в ямах, свидетельствует прекрасная сохранность большинства из них. Можно отметить лишь единичные и значительно более поздние повреждения³. Скелеты же под руинами построек сохранились хуже, именно им принадлежат фрагментированные костные останки, в том числе кости в сочленении, растащенные хищниками. Проанализированы планиграфия и стратиграфия сочлененных костей (чаще всего, конечностей). Оказалось, что они концентрируются либо внутри построек, либо рядом и в отдельных случаях принадлежат скелетам из построек.

Более вероятно, что могильник на разрушенном поселении лишь отчасти соответствует моменту его гибели – есть примеры захоронения убитых людей. Но в процессе раскопок фиксировались и погребения, впущенные в подсыпку, перекрывающую руины поселка. Позиция большинства из них устанавливается по соотношению глубин залегания останков с дневной поверхностью подгоризонта “а” с учетом планиграфии. Этот анализ позволил разделить 10 погребений на: 1) совершенные в руинах и 2) нахо-

дящиеся вне построек: а) с отметками выше дневной поверхности поселка, б) на ней, в) чуть ниже.

1. *Синхронными разгрому поселения* можно считать два погребения в руинах – № 96 и 46. Первое – останки женщины (?) 40–49 лет (по А.П. Бужиловой; согласно С. Цойнеру (2011), – пожилого мужчины) с черепными травмами, приведшими к гибели, прикопанные в разрушенной постройке 5а. В руинах было вырыто углубление, не достигшее пола, где женщину похоронили на боку с подогнутыми ногами, головой к западу. Туловище плотно заложено фрагментами крупного сосуда-хранилища. На руках и ногах фрагментов керамики меньше, и лежали они не столь плотно. На голове их не было вовсе. Смешанная засыпь включала фрагменты руин разного размера, цвета и плотности, благодаря чему все заполнение ямы оказалось покрашено с потоками дождя. Они же фиксировались и на дне (рис. 3). Следы от двух смертельных ударов на черепе этой женщины оказались идентичными столь же фатальным ранениям еще у двух людей (№ 87 и б/н – 2002), найденных под завалами построек (Бужилова, 2005. С. 106–114). Погр. 46 (рис. 4) – мужчина 35–40 лет (определение А.П. Бужиловой), головой к западу – зафиксировано в верхней части руин постройки 6 (гл. –6.49... – 6.53), на 20 см выше ее пола, который, судя по уровню дна, находившегося внутри зернохранилища, и залеганию останков нескольких человек (№ 53, 101, 102), имел отметки –6.70...–6.89 м. Проекция погр. 46 на разрез постройки 6 по линии Н–О (рис. 4, в) подтвердила его расположение почти на уровне нивелировки поверхности эпохи раннего бронзового века (РБВ), снесшей верх руин. Это объясняет и его единственное нарушение – утрату верхней части черепа, фрагменты которого оказались перемещенными по горизонтали. Они найдены в том же квадрате на 2 м южнее на глубине –6.57 и получили № 56 (мужчина 35–45 лет, определение А.П. Бужиловой).

2. *Остальные восемь погребений находятся за пределами построек.*

а – погребения с отметками выше дневной поверхности подгоризонта “а”. На залегание нескольких погребений выше этой дневной поверхности указывают разрезы. Погр. 98, 99 расположены у ЦП. Они были впущены в серый слой, что для № 99 документируется по проекции на ЦП, находящийся на расстоянии 0.7 м, и по бровке М–Н/9 (рис. 5), а для № 98 – по западному фасу раскопа 1939 г. (рис. 6). Микростратиграфию погр. 78 (гл. –5.69...–5.77), частично разрушенного траншеей 1939 г., иллюстрируют два разреза: северный борт траншеи и восточный фас бровки по линии

² Ямы близких размеров и похожей формы сравнительно недавно были зафиксированы в могильнике рядом с известным теллем Султана в Румынии (Lazăr et al., 2008; 2009).

³ Нарушения от столбовых ям эпохи раннего бронзового века в погр. 66; погребения, частично срезанные границами раскопа-траншеи 1939 г. (№ 78, 98).

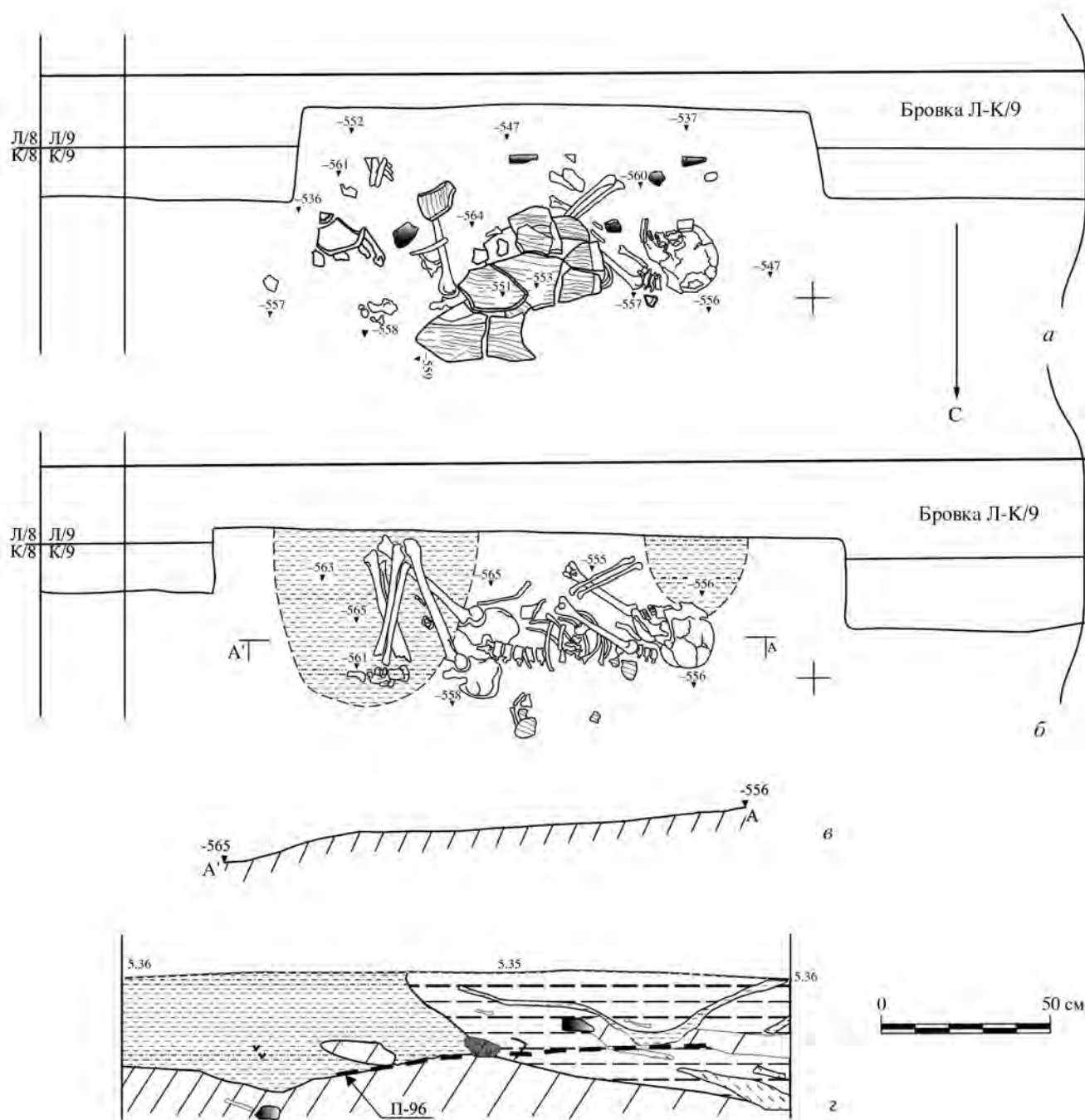

Рис. 3. Погребение 96 в руинах постройки 5а: а – верхний уровень расчистки; б – нижний уровень расчистки; в – линия дна по А–А'; з – разрез погребения по бровке Л–К/9.

Л/6–7 на глубинах –5.20...–5.80 (рис. 7). Эти три комплекса оказываются выше дневной поверхности подгоризонта “а”, что свидетельствует о впуске в подгоризонт “б”, перекрывший большую часть разрушенного поселка. Глубина ям, скорее всего, близка толщине “серого слоя” (порядка 50 см) и

оказалась достаточной для хорошей сохранности останков. Такая яма восстанавливается по бровке М–Н/9 и ЦП для погр. 99 (рис. 5, б, в).

б – погребения на уровне дневной поверхности разрушенного поселка. Погр. 50 (отметки –5.30...

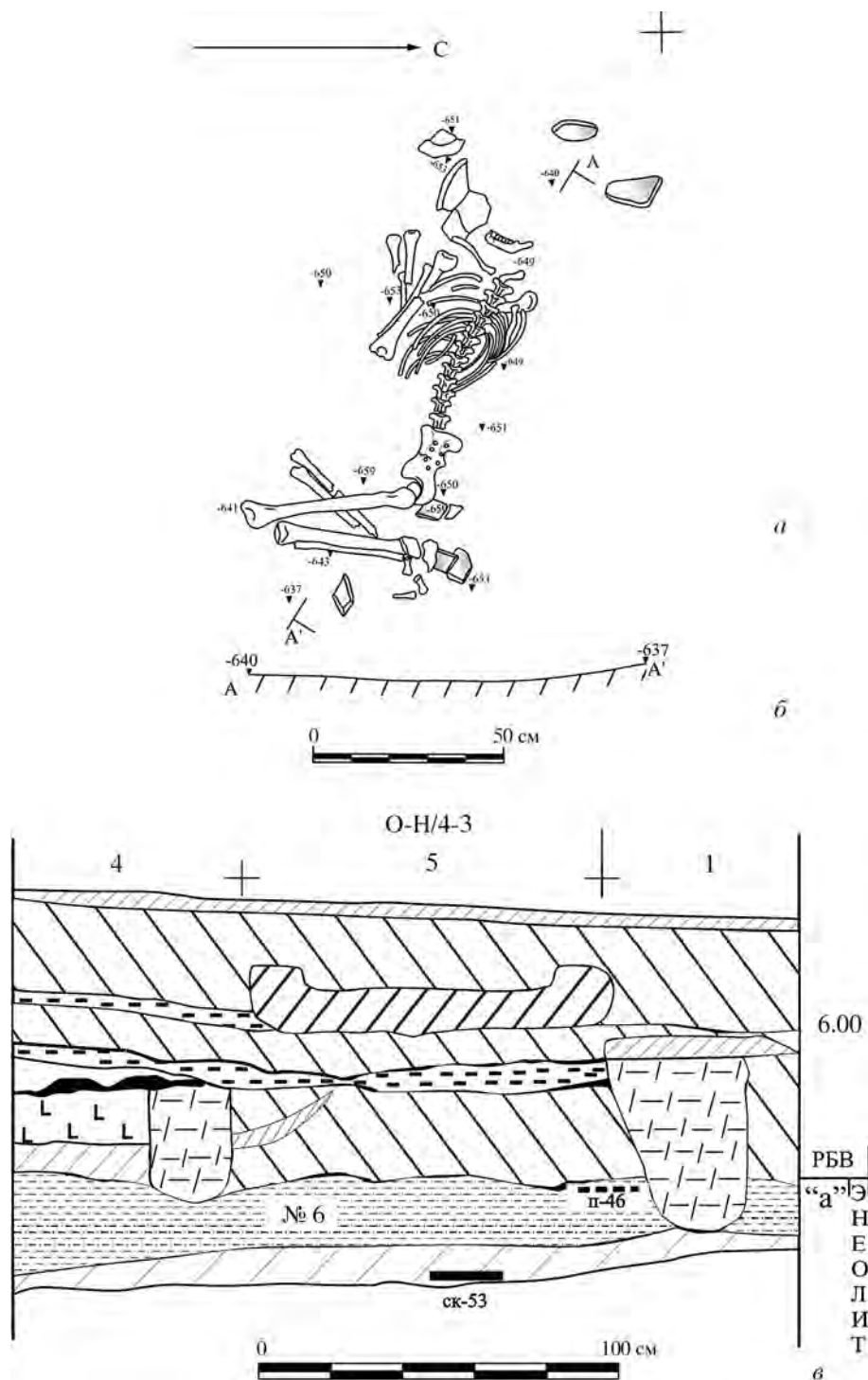

Рис. 4. Погребение 46 в руинах постройки 6: а – план; б – линия дна по А–А'; в – проекция погребения и скелета 53 на участке разреза постройки в бровке О-Н/4-3 (фрагмент чертежа Н.Я. Мерперта, 1992 г.).

–5.31 м) (рис. 8, 1) выявлено рядом с постройкой 13 (полы: –5.25...–5.35 м) и не прорезало дневной поверхности. Погр. 54, имеющее отметки –6.62...–6.67 м, расположено чуть выше дневной поверхности между постройками 6 (полы: –6.70...–6.89 м) и 7 (полы: –6.70...–6.79 м) (рис. 8, 3).

в – погребения, выявленные чуть ниже этой дневной поверхности. Погр. 65 (отметки –6.87...–6.92 м) (рис. 8, 5) и 66 (отметки –6.79...–6.81 м) (рис. 8, 4), расположенные рядом у постройки 7, оказываются чуть ниже дневной поверхности. Погр. 83 (отметки –5.68...–5.73 м) (рис. 8, 2) непо-

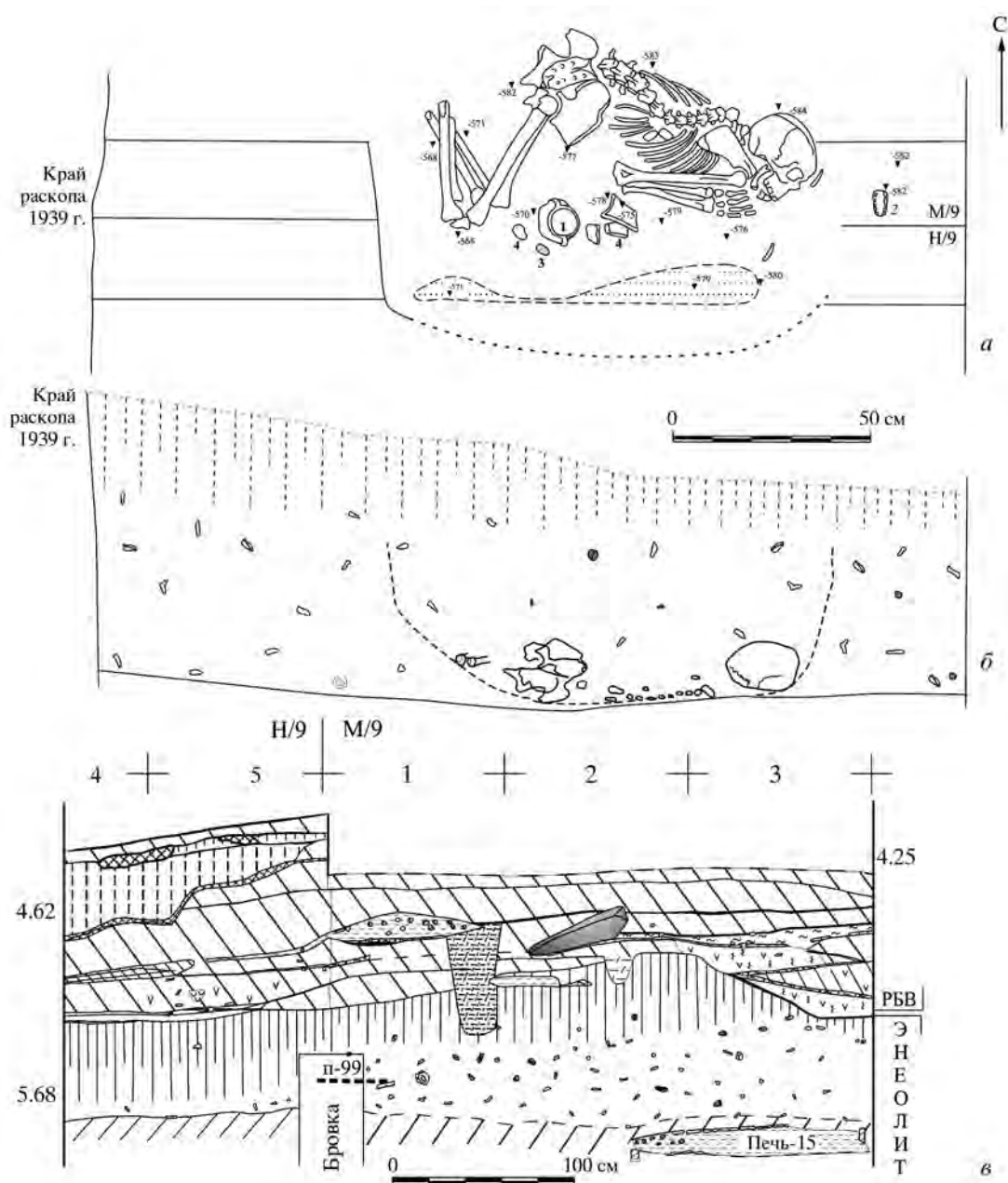

Рис. 5. Погребение 99: а – план (1 – сосуд; 2 – скребок; 3 – галька; 4 – фрагменты керамики); б – разрез по бровке М-Н/9; в – проекция погребения на ЦП (М-Н/9).

далеку от постройки 3 (полы: $-5.49...-5.62$ м) также несколько ниже дневной поверхности.

Особенности планиграфии и микростратиграфии погребений за пределами построек, зафиксированных к 2001 г. На телле Юнаците способ захоронения останков, выявленных на дневной поверхности энеолитического подгоризонта “а” и незначительно углубленных, давно является предметом дискуссии. Оппоненты считают их синхронными разгрому поселка (Мацанова, 2000; Бояджиев, 2006), засыпанными “строительным мусором”

(Бояджиев и др., 2011). Напомним, дневная поверхность плотно утоптана.

Но руинированные постройки, под которыми остались скелеты людей, представляют собой именно такую модель. Действительно, это мощные скопления “строительного мусора”. Они имели и большую площадь, и толщину – порядка 40 см. Однако скелеты на полах преимущественно фрагментированы. В свою очередь над погребениями вне построек не было заметных скоплений “мусора”, но все они сохранились хорошо. Поэтому допускается, что

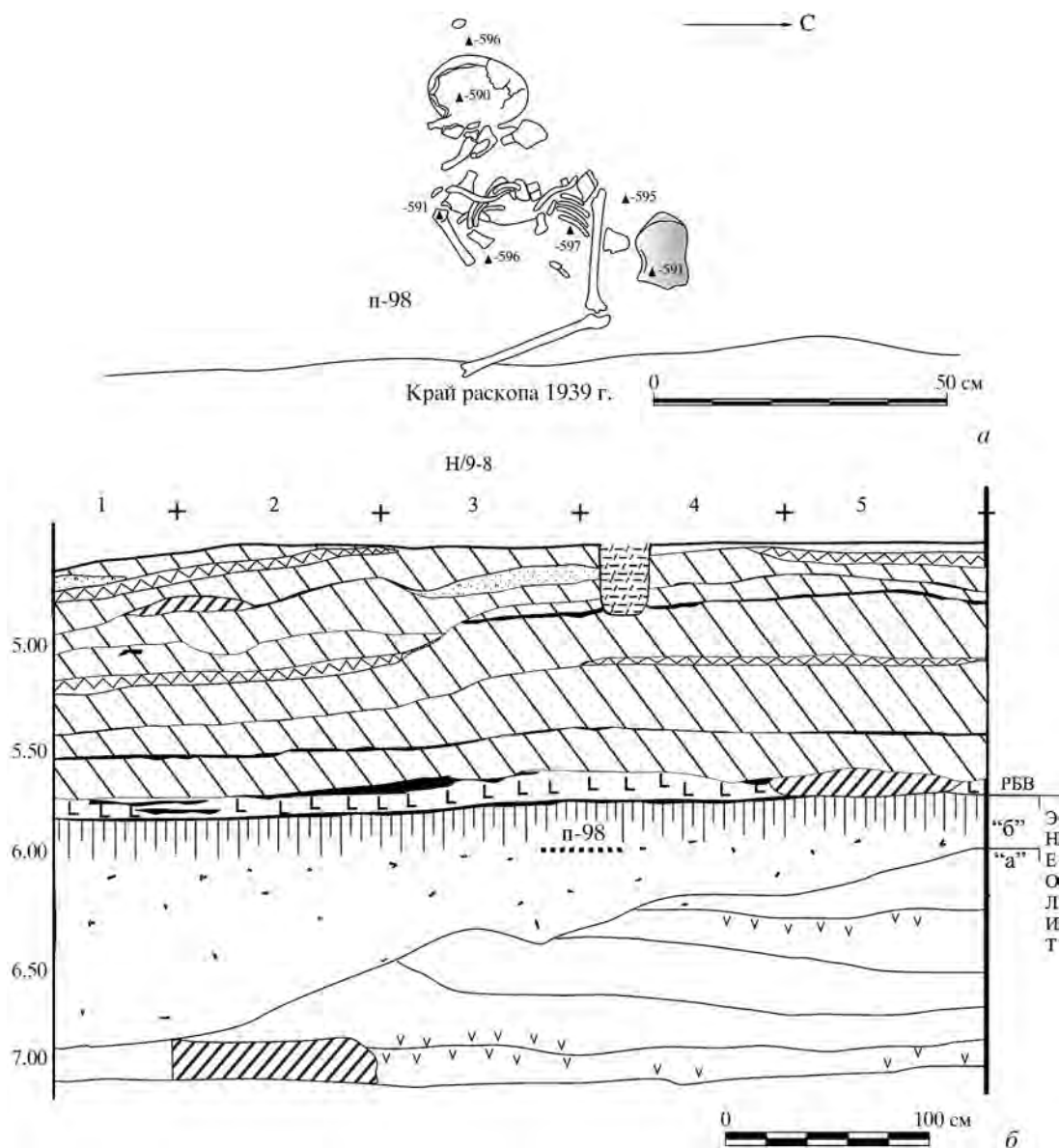

Рис. 6. Погребение 98: *а* – план; *б* – погребение в западной стенке раскопа 1939 г. (уровень погребения отмечен на чертеже Н.Я. Мерперта 1983 г.).

погребения, оказавшиеся как на уровне дневной поверхности, так и чуть ниже, тоже впускные. Они совершены в ямах после того, как разрушенное поселение было засыпано серым рыхлым грунтом (Балабина и др., 1999б; 2002). Распределение по площади поселка восьми предположительно впускных погребений нельзя назвать равномерным, но очевидна их тенденция к группировке на нескольких участках (рис. 2).

Группа 1 – два погребения, впущенные в серую подсыпку: № 98 (женщина 50–55 лет⁴, головой к

востоку) и № 99 (женщина 35–45 лет⁵, головой к западу). Они найдены на расстоянии 2 м друг от друга. Одно из них – в бровке М/Н-9, а второе – на границе кв. Н/9-8 и задето траншеей 1939 г. Оба выше дневной поверхности подгоризонта “а”.

Группа 2 – погр. 78 (мужчина 35–45 лет, головой к западу), на границе кв. М-Л/7-6 и частично срезано траншеей 1939 г. Залегаet выше дневной поверхности подгоризонта “а”.

Группа 3 – два погребения между постройками 3 и 13: № 50 (мужчина 35–40 лет, головой к северу),

⁴ По А.П. Бужиловой; С. Цойнер (2011) оценивает возраст женщины иначе – 70 лет.

⁵ По А.П. Бужиловой; согласно определению С. Цойнера (2011), этой женщине 70 лет.

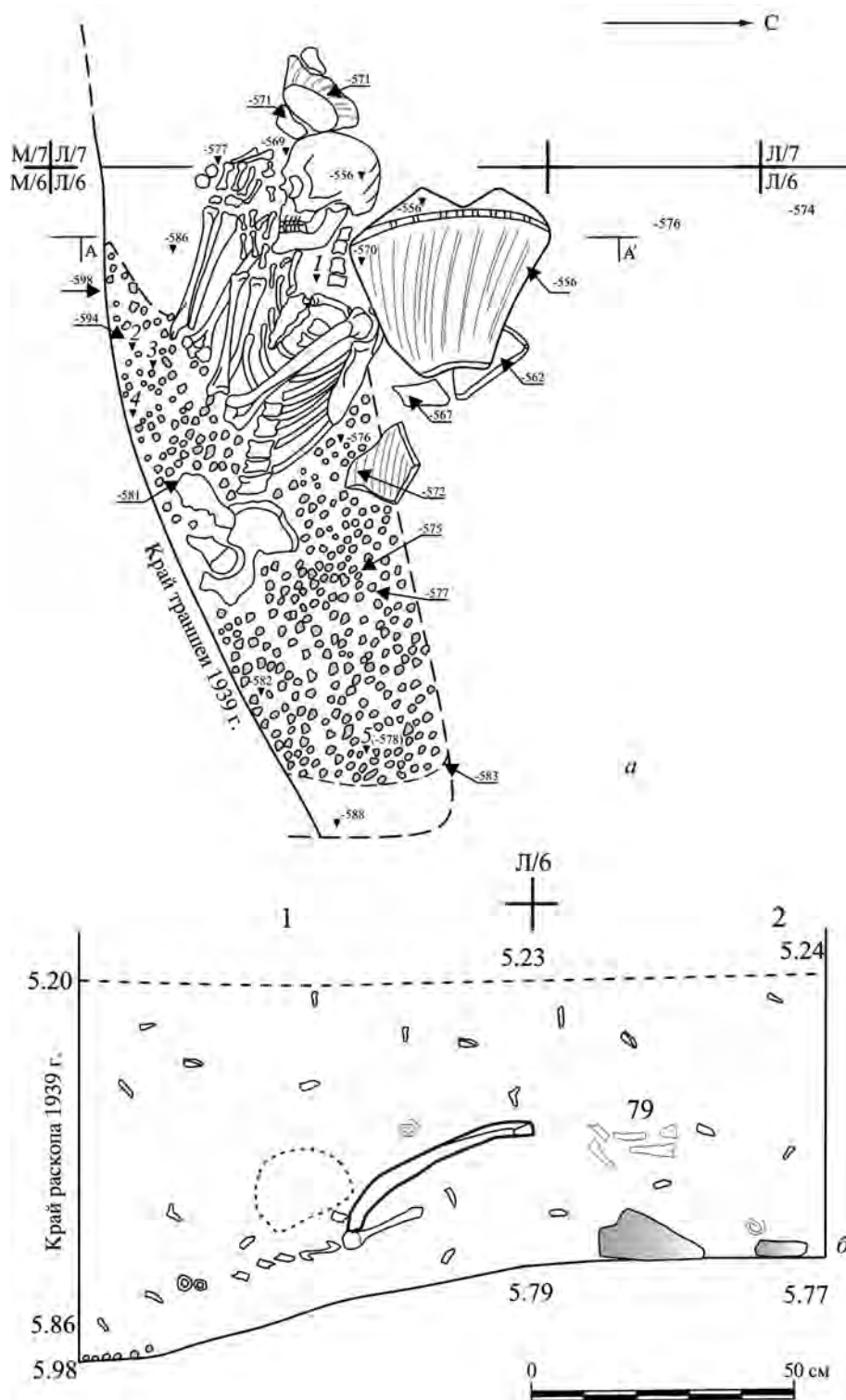

Рис. 7. Погребение 78: а – план (1–5 – кремневые скребки); б – погребение в бровке Л/7-6.

близко к дневной поверхности подгоризонта “а”; и № 83 (женщина 25–29 лет, головой к востоку), чуть ниже дневной поверхности. Зафиксированы на расстоянии 5 м друг от друга в кв. И/8 и в бровке И/8-7.

Группа 4 – на юго-восточном краю поселения между постройками 6 и 7. Болгаро-русской экспедицией здесь было обнаружено три погребения: № 54 (мужчина 40–49 лет, головой к востоку), близко к дневной поверхности; № 65 (женщина 25–36

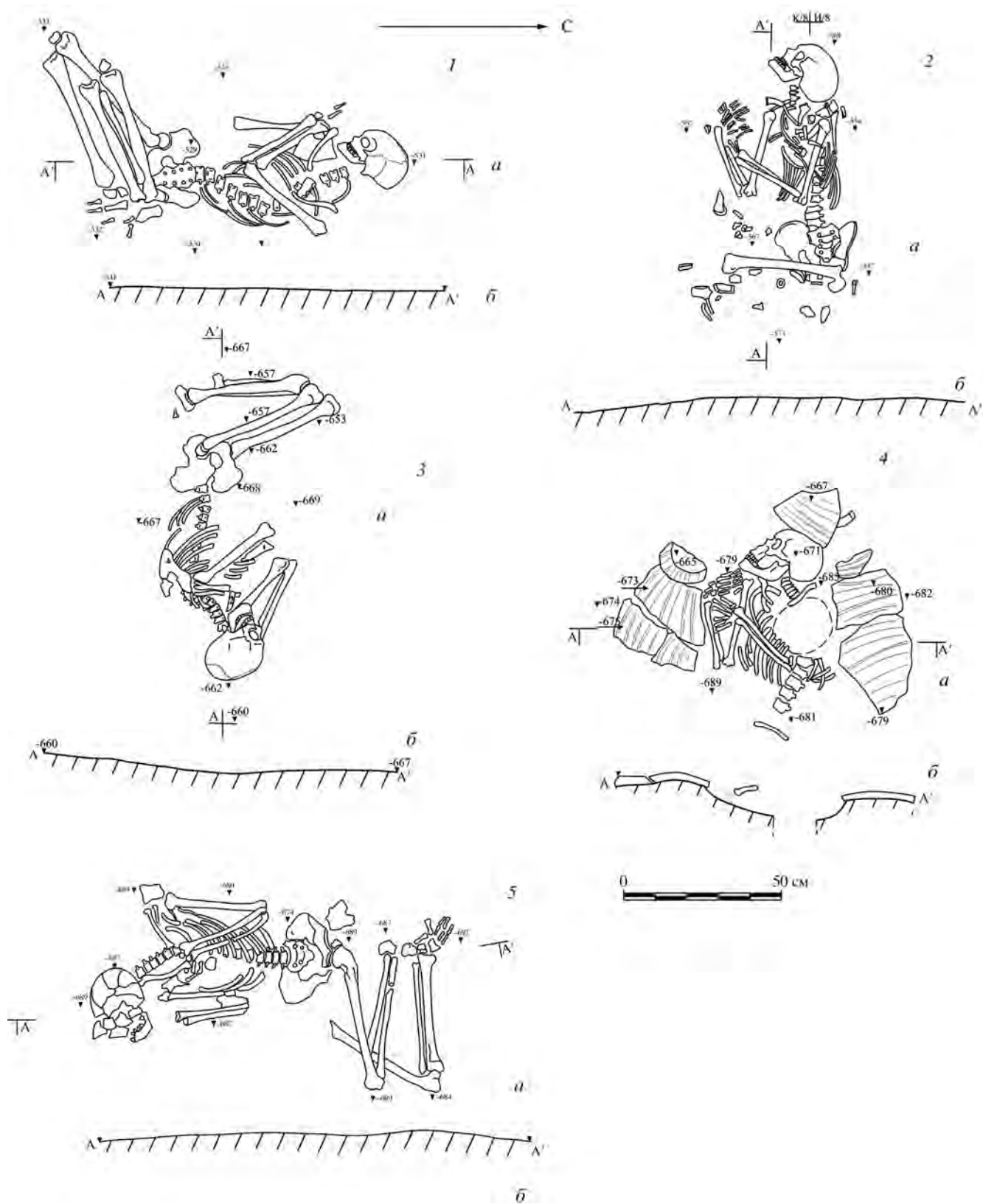

Рис. 8. Планы (а) и контуры дна (б) следующих погребений: 1 – № 50; 2 – № 83; 3 – № 54; 4 – № 66; 5 – № 65.

лет, головой к югу), чуть ниже дневной поверхности; № 66 (женщина 30–39 лет, головой к западу), близко к дневной поверхности. Последние два расположены рядом, но друг друга не нарушают, что может указывать на наличие какой-то маркировки могил, а глубина ям варьирует.

Отметим, что группы 1–3 могли быть многочисленнее (две задеты раскопом 1939 г., а третья расположена рядом со рвом времени первого поселка раннего бронзового века). Группы 1 и 2 состоят из впускных погребений, залегающих выше дневной поверхности. В группах 1, 3, 4 погребенные ориентированы по-разному, в 3 и 4 выявлены их гендерные различия.

Болгаро-греческой экспедицией в 2007 г. исследованы три погребения (Бояджиев и др., 2011; Boyadzhiev et al., 2011; Zäuner et al., 2011). Коснемся этого материала, поскольку все вновь открытые погребения оказались в пределах группы 4, которую они дополнили без каких-либо нарушений: № 105 – женщина чуть старше 50 лет, головой к востоку (Zäuner et al., 2011), № 106 (?), головой к востоку, № 108 – молодая женщина 16–18 лет, головой к западу (Boyadzhiev et al., 2011). Эти останки по отношению к дневной поверхности поселка залежали значительно глубже прочих⁶. Но планиграфически все они увязаны с соседними погребениями без взаимных нарушений.

Авторы раскопок полагают, что погр. 105, 106 и 108 синхронны разрушению поселка и были засыпаны строительным мусором (Бояджиев и др., 2011) либо находились в неглубоких ямах, а сверху были засыпаны строительным мусором (Zäuner et al., 2011). Примечательно, что одинаково ориентированные погр. 54, 105 и 106 оказались на равном расстоянии друг от друга и образуют диагональный ряд, хотя первое из них залегает несколько выше дневной поверхности подгоризонта “а”, а два другие могли иметь глубины на 40 см ниже той же дневной поверхности. Погр. 108 находится в одном квадрате с № 65 и 66, но значительно глубже, при этом у него с № 66 совпадает ориентировка. Мы допускаем, что на незастроенном юго-восточном краю поселка имела возможность вырыть ямы для погр. 105, 106, 108. В этом случае должна была сохраняться их маркировка, различимая даже после насыпки серого слоя.

Особенности могильных ям. Плохая читаемость планов ям в данном могильнике объяснима их при-

надлежностью к рыхлому насыпному слою подгоризонта “б”, на котором впоследствии образовался гумус – свидетельство хиатуса между пластами энеолита и раннего бронзового века (Александровский и др., 2003; 2011; Balabina et al., 2003).

Контуры ям в энеолитических некрополях на территории Болгарии фиксируются редко. Больше данных оказалось о глубине могил. Они известны для Виницы, Лиги III и опосредованно для Търговища. По современным меркам ямы сравнительно мелкие, редко глубже 1 м. Преобладающая их глубина – 0.5–0.8 м характерна не только для разных возрастных и гендерных групп, но даже для могил, содержащих более одного индивида. Все это вполне согласуется с тем, что зафиксировано в Султане-Малу Рошу (Lazăr et al., 2008; 2009), и с картиной на Юнаците.

Возрастные и гендерные характеристики. В Юнаците выявлены только одиночные могилы. Их состав отражает (в тенденции) узкую возрастную группу пожилых мужчин 35–49 лет и не специфичную группу взрослых женщин от 15–20 до 55 лет. Эту особенность данного могильника обсудим с двух позиций: в сравнении с половозрастным составом обитателей Юнаците, обнаруженных под руинами построек; и на фоне информации о демографии других энеолитических некрополей Болгарии, которую дополним сопоставлениями имеющихся обрядовых характеристик.

Демография могильника и поселка на Юнаците. К 2002 г. всего под развалинами зафиксировано 47 скелетов разной сохранности. Четверть выборки составляют дети двух возрастных групп: до 5 и 6–10 лет. Присутствуют подростки 11–15 лет и молодые индивиды обоего пола 16–20 лет. Взрослые мужчины и женщины, по меркам традиционных обществ, оказались преимущественно “зрелого” и “пожилого” возраста. Среди мужчин преобладают 35–40-летние. Женщины несколько старше – 40–50 лет, с преобладанием 45-летних. Демография этого социума выглядит естественнее, чем своеобразный “суженный состав” могильника (Балабина, Мишина, 2010. Гист. 1, 3, 4). Если считать весь могильник синхронным разгрому поселка, такая избирательность вызывает недоумение. Сомнительно, чтобы только женщины и пожилые мужчины могли оказаться убитыми вне домов и потому удостоиться отдельного погребения. Логичнее было бы увидеть гендерное и возрастное соответствие могильника и погибших под руинами построек.

Гипотеза о продолжительном существовании могильника эту избирательность объясняет. По нашему мнению, помимо индивидов, подхороненных в руины и погребенных в ямах на юго-восточном

⁶ В архиве Н.Я. Мерперта на чертеже восточного сектора раскопа 1992 г. дневная поверхность на юго-восточном краю телла, между постройками 6 и 7 с отметками –6.70...–6.75 м, была пройдена. На этом участке был достигнут уровень –6.92.

Таблица 1. Половозрастной состав Юнаците и близких по времени энеолитических могильников Болгарии

Могильники, количество определений пола и возраста	Возраст- ные, лет Гендер- ные группы	До 10	11– 15	15– 20	20– 25	26– 30	31– 35	36– 40	41– 45	46– 50	51– 55	55– 60	61– 65	65– 70
Юнаците 12	Дети													
	Подростки													
	Мужчины													
	Женщины													
Виница 34	Дети													
	Подростки													
	Мужчины													
	Женщины													
Голямо Делчево 20	Дети													
	Подростки													
	Мужчины													
	Женщины													
Търговище 10	Дети													
	Подростки													
	Мужчины													
	Женщины													
Девня 11	Дети													
	Подростки													
	Мужчины													
	Женщины													
Лига III 6	Дети													
	Подростки													
	Мужчины													
	Женщины													

краю телля сразу после разрушения поселка, все остальные могилы принадлежат обитателям Юнаците, умершим позже и в разное время уже после засыпки руин серым слоем. На это отчасти указывает тенденция к их группировке на нескольких участках, где было легче выкопать ямы.

Демография могильника на Юнаците в сравнении с другими некрополями Болгарии. Демография большинства некрополей (в меру репрезентативности выборок) выглядит более или менее полной, но стремится к норме (табл. 1). В Винице представлены все возрастные и гендерные группы: дети (до 10 лет), подростки, мужчины от 15 до 70 лет, женщины от 15 до 60 лет. В Голямо Делчево также присутствуют дети и подростки, но возрастные группы взрослых уже: мужчины от 15 до 40 лет, женщины от 26 до 50 лет. В Търговище похоронены дети, мужчины от 20 до 50 лет и женщины от 15 до 50 лет. В Девне помимо детей есть мужчины от 20 до 35 лет и женщины от 15 до 30 лет. В Балбуна-

ре нет определений пола и возраста, но выявлено некоторое количество детских погребений (Миков, 1926–1927). В Лиге III зафиксированы дети и мужчины от 15 до 25 лет. Здесь возможна гендерная специфика обряда, подобная обособленному захоронению мужчин и женщин в Търговище (Merkyte et al., 2005; Ангелова, 1986). Лишь в Пчелине (без определений пола и возраста), как и в Юнаците нет детских погребений (Ангелова, 1989; Бояджиев, 2006).

Позы погребенных. В Юнаците все индивиды были похоронены на боку с подогнутыми ногами, что обычно и для других близких по времени могильников. Однако эта обрядовая характеристика достаточно вариативна, в частности, возможно несколько вариантов подогнутости ног. Часть из них подразумевает особую фиксацию конечностей, поскольку углы в суставах оказываются меньше их естественных анатомических вариаций. На данных материалах выделены три устойчивые позы, разли-

Таблица 2. Вариации поз в энеолитических некрополях с учетом половозрастных характеристик

Могильники, число доступных погребений	Поза Возраст	На боку						На спине	
		левый			правый			вытянут	ноги подогнуты
		Ск-1	Ск-2	Ск-3	Ск-1	Ск-2	Ск-3		
Юнаците 12	Дети								
	Подростки								
	Мужчины					4			
	Женщины		1	2		4			
	Взрослые		1						
Търговище 11	Дети			1					
	Подростки								
	Мужчины			3					
	Женщины		1	3					
	Взрослые			3					
Пчелина 22	Дети								
	Подростки								
	Мужчины								
	Женщины								
	Взрослые	6	6	1	8	1			
Демир баба теке 10	Дети	4	3						
	Подростки								
	Мужчины				1	1			
	Женщины	1							
	Взрослые								
Лига III 7	Дети	1?			3				
	Подростки								
	Мужчины					2			1 (расчленен)
	Женщины								
	Взрослые								
Виница 42	Дети	8							
	Подростки	2	2						
	Мужчины	8	4	4					
	Женщины	6	3	2					
	Взрослые		1	2					
Голямо Делчево 20	Дети	2	1						
	Подростки	1	1	1					
	Мужчины	5	4						
	Женщины	2		1		1			
	Взрослые	1							
Девня 14	Дети							2	
	Подростки								
	Мужчины							5	
	Женщины				2	1		2	
	Взрослые		1?					1	

чающиеся по “степени скорченности” (Ск): колени подтянуты к груди, а пятки притянуты к тазу – углы и тазобедренных, и коленных суставов меньше возможных естественных (Ск-1); углы в тазобедренных суставах близки 90° или несколько больше, пятки притянуты к тазу, а углы в коленных суставах меньше 30°, т.е. меньше возможных естественных

(Ск-2); углы в тазобедренных суставах также близки 90° или несколько больше, а углы в коленных суставах в “естественных пределах” – от 30 до 90° (Ск-3).

В Юнаците, согласно принятым дефинициям, присутствуют два варианта скорченности: Ск-2 и Ск-3. У большинства индивидов руки сильно согнуты в локтях, кисти у лица. Уложены они на правом

или на левом боку. На правом боку лежат мужчины (4 случая), и женщины (4 случая) с подтянутыми к тазу пятками (Ск-2). На левом боку – женщины (4 случая) и один “взрослый” (данные о поле и возрасте не опубликованы). Для погребенных на левом боку возможны два варианта скорченности: Ск-2 и Ск-3.

При рассмотрении материалов других могильников всюду выявляется вариативность поз и во всех случаях особая (табл. 2). Так, например, Девня – единственный некрополь, где преобладают погребения в вытянутом положении на спине. Исключения составляют некоторые женщины, уложенные с подогнутыми ногами на правом боку (Ск-1 и Ск-2), а также “взрослый” без гендерной атрибуции на левом боку (Ск-2). В ряде могильников культуры Караново VI доминирует положение на левом боку. Это норма для всех возрастных и гендерных групп в Винице, Търговище, Голямо Делчево. Однако позы погребенных в этих некрополях не одинаковы. В Винице и Голямо Делчево преобладает сильная скорченность (Ск-1), а в Търговище – поза со свободно подогнутыми ногами (Ск-3). Именно с этим могильником выявляется близость поз женщин, похороненных в Юнаците на левом боку. Положение же на правом боку для большинства могильников Караново VI – редкость. В Винице и Търговище оно вообще не фиксируется, а в Голямо Делчево и Девне – это единичные исключения для женских погребений. Однако в двух разнокультурных могильниках – Демир баба теке (Караново VI) и Лиге III (Селкуца III) – так уложены мужчины. Для некрополя Пчелина, где зафиксированы взрослые индивиды и на левом, и на правом боку, к сожалению, нет половозрастных определений.

Специфические детали обряда. На Юнаците у двух людей, достаточно пожилых по меркам традиционных обществ, похороненных в разных частях поселка, в головах оказались размещены крупные фрагменты толстостенных тарных сосудов. Это № 78 (мужчина 36–45 лет, Ск-2) и № 66 (женщина 30–40 лет, Ск-2). Оба впущены в серую подсыпку, лежали на правом боку головой на запад. Пока нам не удалось обнаружить соответствий этой детали оформления могил в каких-либо близких по времени погребальных памятниках. Лишь в Лиге III дно одной из ям было выстлано черепками.

Сопутствующий набор. В Юнаците в двух могилах найдены сосуды. В первом случае – это впускное погр. 99 (женщина на левом боку, головой на восток). Между ее локтями и коленями стоял типичный двуручный сосуд культуры Селкуца. В женском погр. 108, ориентированном к западу, между

кистями рук и подбородком найден миниатюрный сосудик, не являющийся маркером.

В могильнике Лига III культуры Селкуца III сосуды в могилах вообще не обнаружены, но в каждой из них у детей разного возраста и молодых мужчин (до 25 лет) найдены украшения либо детали костюма, иногда амулеты. В одном детском погребении – два кремневых ножа. В некрополях Караново VI состав погребального набора заметно варьирует, а его присутствие в могилах имеет разную частоту, лишь отчасти соотносящуюся с половозрастными характеристиками. Так, для Демир баба теке вообще нет данных о сопутствующем наборе и деталях костюма. В Пчелине сосуды, украшения и изделия из кремня найдены в четверти могил. В Голямо Делчево сосуды присутствуют не во всех могилах женщин, детей и подростков, но в мужских они обязательны. Число их варьирует от 1 до 4. Прочие артефакты в погребальном наборе: у одного из детей ложило, у женщин – костяные стрела, игла, в нескольких мужских могилах предметы из меди (шило, тесло, топор), присутствуют также кремневые скребки и ножевидные пластины. В Винице у детей и подростков сосуды выявлены в половине случаев (от 1 до 3), единичны кремневые ножи и костяные стрелы. У женщин и мужчин сосуды обязательны (от 1 до 7). В нескольких женских погребениях найдены медные тесла, в одном – кремневый нож. Мужчин иногда сопровождали кремневые ножи, каменные топоры-молоты, медные тесла.

И лишь в Девне во всех могилах присутствовали сосуды (от 1 до 5), у большинства индивидов также были кремневые скребки, ножевидные пластины и шилья. Таким образом, редкость предметов погребального набора в Юнаците не стоит считать исключением даже для могильников Караново VI, в половине которых он не обязателен.

Ориентировка. В Юнаците все погребенные ориентированы строго по сторонам света, преимущественно в широтном направлении. Как помним, на правом боку – и мужчины, и женщины, а на левом – женщины и “взрослый”. Мужчины (на правом боку) ориентированы головой на север, восток, запад. У женщин в том же положении встречена ориентировка на запад и юг. Женщины на левом боку ориентированы на восток и на запад, а “взрослый”, на левом боку – на восток, что, похоже, указывает на тот же пол. Попробуем оценить ориентировку погребенных в соответствии с полом, положением на том или ином боку, позой и хроностратиграфической позицией в могильнике (табл. 3).

Таблица 3. Ориентировка погребенных в Юнаците в соответствии с их полом и позой на фоне хроностратиграфии

Пол	Синхронные разгрому поселения					
	Положение	Поза	Ориентировка (№ погребений)			
			В	Ю	З	С
Мужчины	Правый бок	Ск-2			46	
		Ск-3				
	Левый бок	Ск-2				
		Ск-3				
Женщины	Правый бок	Ск-2			96	
		Ск-3				
	Левый бок	Ск-2				
		Ск-3				
	Раскопанные после 2001 г.					
Женщины	Правый бок	Ск-2				
		Ск-3				
	Левый бок	Ск-2	105			
		Ск-3			108	
«Взрослые»	Правый бок	Ск-2				
		Ск-3				
	Левый бок	Ск-2	106			
		Ск-3				
	Впущенные в серую подсыпку					
Мужчины	Правый бок	Ск-2	54		78	50
		Ск-3				
	Левый бок	Ск-2				
		Ск-3				
Женщины	Правый бок	Ск-2		65	66	
		Ск-3				
		?			98	
	Левый бок	Ск-2	83			
		Ск-3	99			

Поскольку имеющаяся выборка невелика, отметим лишь наблюдаемые тенденции. Ориентировка головой на запад бывает как у погребений, синхронных разрушению поселка, так и у впускных. Она сочетается с положением на правом боку у мужчин и женщин при Ск-2, а также известна у женщин на левом боку при Ск-3. В этой группе оказались оба индивида с фрагментами кухонных сосудов в голо-

вах. Восточная ориентировка характерна для женских погребений на левом боку (и впускных, и, предположительно, синхронных разрушению поселка), для “взрослого” и одного мужского впускного (на правом боку), Ск-2, Ск-3. Единичные случаи ориентировок головой к югу (у женщины) и к северу (у мужчины) соотносятся с положением на правом боку при Ск-2.

Таблица 4. Ориентировка погребенных (в соответствии с их полом и возрастом) в энеолитических могильниках Болгарии

Могильники, число наблюдений	Ориентировка Возрастные и гендерные группы	В	ЮВ	Ю	ЮЗ	З	СЗ	С	СВ
Демир баба теке 9	Дети	5	1						
	Подростки								
	Мужчины			1					
	Женщины	1				1			
	Взрослые								
Юнаците 13	Дети								
	Подростки								
	Мужчины	1				2		1	
	Женщины	3		1		3			
	Взрослые	1				1			
Пчелина 22	Дети								
	Подростки								
	Мужчины								
	Женщины								
	Взрослые	15	1			5		1	
Балбунар 23	Дети					1			
	Подростки								
	Мужчины								
	Женщины								
	Взрослые	14		1				8	
Лига III 8	Дети			1?				4?	
	Подростки								
	Мужчины							3?	
	Женщины								
	Взрослые								
Девня 14	Дети							3	
	Подростки								
	Мужчины							5	
	Женщины							4	
	Взрослые							2	
Търговище 11	Дети	2							
	Подростки								
	Мужчины	4							
	Женщины	3	1						
	Взрослые	1							
Голямо Делчево 23	Дети	2							
	Подростки	2	2						
	Мужчины	8	1						
	Женщины	2	1					1	
	Взрослые	2	2						
Виница 40	Дети	1	7						
	Подростки		4						
	Мужчины		13		1				
	Женщины	1	9						
	Взрослые		4						

Рассмотрение ориентировок в энеолитических могильниках Болгарии с учетом обобщенных половозрастных дефиниций позволяет условно разделить могильники на две группы, в одной из которых – комплексы с единообразными и слабо варьирующими ориентировками, а в другой – с вариативными (табл. 4). В первой группе есть могильник с унифицированной ориентировкой (головой на север), не зависящей от пола, возраста и поз, – Девня. В Винице, Голямо Делчево и Търговище отчетливы преимущественные направления ориентировки. В Винице – это юго-восток, с отклонениями к востоку, а в двух других могильниках – наоборот. Всюду возможны и более редкие вариации.

В Демир баба теке, Пчелине, Балбунаре и Лиге III так же, как в Юнаците могилы ориентированы по сторонам света (в Демир баба теке и Пчелине возможны небольшие отклонения от востока к юго-востоку). Этот признак тоже не выявляет особой специфики Юнаците в сравнении с тенденциями прочих могильников.

Добавим, что унифицированную ориентировку не следует воспринимать и как территориальный признак. Памятники с разной унифицированной и вариативной ориентировкой нередко находятся по соседству, например: Пчелина, Търговище, Виница, Голямо Делчево, Девня.

Данный анализ имел два направления: уточнение хроностратиграфии могильника на телле Юнаците и оценка специфики его обрядовых характеристик.

Относительную стратиграфию погребений позволяет уточнить соотношение их глубин с дневной поверхностью поселка, (по разрезам, дневным поверхностям и полам построек). Погребения, синхронные разгрому поселка, прикопаны в руинах и в неглубоких ямах на краю телля. Впущенные в серую подсыпку, планиграфически с постройками не совпадают. Они залегают выше дневной поверхности разрушенного поселка, на ней или чуть глубже.

Сопоставление демографии могильника и разрушенного поселения выявляют единство популяции. Объяснить усеченный половозрастной состав могильника позволяет лишь гипотеза о его продолжительном существовании. Помимо нескольких индивидов, подхороненных в руины и погребенных у края поселения, впускные могилы принадлежат обитателям Юнаците, умершим в разное время уже после засыпки руин серым слоем. На это отчасти указывает их тенденция к группировке на нескольких участках между руинами, где было легче выкопать ямы. Демография близких по времени некрополей Болгарии (в меру репрезентативности

выборки) выглядит более или менее полной, но стремится к норме. Однако и в Караново VI, и в Сэлкуца III есть могильники со специфичным половозрастным составом.

Относительно специфики обрядовых характеристик могильника Юнаците отметим, что в могильниках культур Караново VI и Сэлкуца III тоже присутствует вариативность поз, во всех случаях особая. В ряде могильников Караново VI доминирует положение на левом боку. Однако позы погребенных в этих могильниках не одинаковы. Чаще всего преобладает Ск-1, но в Търговище – также Ск-2 и Ск-3. Именно с этим могильником выявляется близость поз женщин и “взрослого” на левом боку в Юнаците. Положение на правом боку, столь заметное в Юнаците, для ряда могильников Караново VI – редкость, выявляемая для отдельных женских погребений. Тем не менее находятся могильники этой культуры, равно как и Сэлкуца, в которых так уложены мужчины.

Редкость предметов погребального набора в Юнаците не стоит считать исключением даже для могильников Караново VI. Ориентировка погребенных тоже не выявляет особой специфики Юнаците в сравнении с тенденциями прочих могильников, а унифицированную ориентировку не следует воспринимать как территориальный признак.

Таким образом, могильник Юнаците не исключителен в обрядовом отношении. Для всех характеристик находятся соответствия в Караново VI и Сэлкуца III. В первой из упомянутых культур действительно выделяются могильники эпохи энеолита с разной степенью унификации составляющих погребального обряда. Существенно, что все эти составляющие при изолированном рассмотрении Юнаците казались своего рода исключениями (положение на правом боку, особенности позы, редкость набора и особенно ориентировки к западу, югу, северу).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Александровский А.Л., Балабина В.И., Мишина Т.Н. Материалы к истории палеоландшафта верхнего течения реки Марицы в среднем голоцене // Добруджа. 21. Варна, 2003.
- Александровский А.Л., Балабина В.И., Мишина Т.Н., Седов С.Н. Телль Юнаците и открытое поселение рядом с ним – сравнительный педологический анализ в контексте археологической стратиграфии // КСИА. 2011. Вып. 225.
- Ангелова И. Праисторически некропол при гр. Търговище // Интердисциплинарни изследованиа. XIV. София, 1986.

- Ангелова И. Праисторически некропол край гр. Омуртаг // АОР–1988. Кюстендил, 1989.
- Ангелова И. Праисторически некропол “Пчелина” край гр. Омуртаг // АОР–1989. Кюстендил, 1990.
- Балабина В.И., Мацанова В., Мерперт Н.Я. и др. Стратиграфия и палинология телля “Плоская могила” во Фракии // Естественные-научные методы в полевой археологии. Вып. 3. М., 1999а.
- Балабина В.И., Мерперт Н.Я., Мишина Т.Н. Стратиграфия и относительная хронология финального энеолита и начала РБВ на телле “Плоская могила” // 60 лет кафедре археологии МГУ им. М.В. Ломоносова: Тез. конф. М., 1999б.
- Балабина В., Мацанова В., Мерперт Н. и др. Относительная хронология на пластовите от късния халколит и ранната бронзова епоха на селищна могила Юнаците (по данни на микростратиграфията и планиграфията) // Годишник на археологически музей Пловдив. Т. IX/1. Пловдив, 2002.
- Балабина В.И., Мишина Т.Н. Последний энеолитический поселок на теле Юнаците: история гибели // Человек и древности: сб. ст. памяти А.А. Формозова. М., 2010.
- Бояджиев Я. Мобилност на индивидите и контакти между отделните общности през V хилядолетие пр. Хр. (по данни от некрополите) // ИАИ. XXXIX. София, 2006.
- Бояджиев Я., Асланис Й., Терзийска-Игнатова Ст., Мацанова В. Селищна могила Юнаците – проучвания през 2001–2011 г. // Годишник на регионален исторически музей Пазарджик. Т. 2. Пловдив, 2011.
- Бужилова А.П. *Homo sapiens*. История болезни. М., 2005.
- Георгиев Г., Ангелов Н. Разкопки на селищната могила до Русе през 1948–1949 г. // ИАИ. 1952. Т. 18.
- Георгиев Г., Ангелов Н. Разкопки на селищната могила до Русе през 1950–1953 г. // ИАИ. 1957. Т. 21.
- Мацанова В. Интрамурални погребения от късния халколит в селищната могила при с. Юнаците, Пазарджишко // Карановски конференции праисторията на Балканите I. Тракия и съседните райони през неолита и халколита. София, 2000.
- Матеева Б. Халколитен некропол при Демир баба теке в резервата “Сборятово” // Археологически разкопки на праисторически обекти през 1992 г. София, 1994.
- Матеева Б. Халколитен некропол “Демир баба теке” ИАР “Сборятово” // Алманах на историята на Русе. 2. Русе, 1997.
- Мерперт Н.Я., Мацанова В., Балабина В.И., Мишина Т.Н. Стратиграфия горизонтов ранного бронзового века // Телль Юнаците. Эпоха бронзы. Т. II. Ч. 1. М., 2007.
- Миков В. Селищна могила при с. Балбунар // Известия на Българския археологически институт. София, 1926–1927.
- Радунчева А. Винаца. Енеолитно селище и некропол // Разкопки и проучвания. Т. V. София, 1976.
- Славчев Вл., Бояджиев Я. Стратиграфия на Варненския халколитен некропол // Златното пето хилядолетие. Тракия и съседните райони през каменно-медната епоха. София, 2011.
- Тодорова Х., Иванов Ст., Василуи В. и др. Селищна могила при Голямо Делчево // Разкопки и проучвания. Т. V. София, 1975.
- Тодорова-Симеонова Х. Късноенеолитният некропол край гр. Девня // Известия на Народния музей Варна. № 7 (22). Варна, 1971.
- Телль Юнаците. Эпоха бронзы. Т. II. Ч. 1. М., 2007 / Ред. Н.Я. Мерперт, В.И. Балабина, Т.Н. Мишина.
- Цойнер С. Един поглед върху населението на последното селище от късния халколит // Годишник на регионален исторически музей Пазарджик. Т. 2. Пловдив, 2011.
- Balabina V., Mishina T. Considering the Destruction of the Latest Eneolithic Village at Tell Yunatsite // Златното пето хилядолетие. Тракия и съседните райони през каменно-медната епоха. София, 2011.
- Balabina V.I., Mishina T.N., Alexandrovskiy A.L. Interdisciplinary studies of soils and sediments of tell Yunatsite, Bulgaria // Second Intern. conf. on Soils and Archaeology: Extended Abstracts. Pisa, 2003.
- Boyadzhiev Ya., Aslanis I., Terzijska-Ignatova St., Mazanova V. Yunatsite: Ein Bulgarisch-Griechisches Grabungsprojekt. Die Jahre 2002–2008 // Златното пето хилядолетие. Тракия и съседните райони през каменно-медната епоха. София, 2011.
- Lazăr C., Andreescu R., Ignat T. et al. The Eneolithic Cemetery from Sultana-Malu Roșu (Călărași county, Romania) // Studii de Preistorie. 2008. 5.
- Lazăr C., Andreescu R., Ignat T. et al. New Data on the Eneolithic Cemetery from Sultana-Malu Roșu (Călărași county, Romania) // Studii de Preistorie. 2009. 6.
- Merkyte I., Albek S., Bstergaard J.S., Zidarov P. Liga. Copper age strategies in Bulgaria // Akta archaeologica. V. 76. № 1. København, 2005.
- Merpert N.J. Bulgaro-russian Archeological Investigations in the Balkans. Ancient Civilisations from Scythia to Seberia // Intern. Jr. Comparative Studies in History and Archeology. V. 2. № 3. Dezember 1995 (Ancient Civilizations. 2.3; Leiden, 1995).
- Zäuner S. The Dark Side of the Chalcolithic. Evidence for Warfare at Tell Yunatsite? An anthropological approach // Златното пето хилядолетие. Тракия и съседните райони през каменно-медната епоха. София, 2011.
- Zäuner S., Wahl J., Boyadzhiev Ya., Aslanis I. A more than 6000 year old hand amputation from Bulgaria – the oldest case in south-eastern Europe? // Intern. Jr. Osteoarchaeology. doi: 10.1002/oa.1277. 2011.

СИМВОЛИКА ПОГРЕБАЛЬНОГО НАБОРА МАЙКОПСКОГО КУРГАНА И КУЛЬТ ИНАННЫ-ИШТАР

© 2012 г. С.Н. Корневский

Институт археологии РАН, Москва (skorenevskiy@yandex.ru)

Ключевые слова: *ранний бронзовый век, Майкопский курган, погребальный обряд, богиня Инанна-Иштар.*

The article investigates the symbolic assemblages from Maykop kurgan, which is dated broadly to the 37th–34th/33^d cc. BC. On the basis of analogies to the gold headbands from the main burial, the gold flowers and their symbols on the various items from the assemblage, and the Tree of Life on the cup, it appears possible to assume that the main burial in Maykop kurgan is that of a priestess of Inanna-Ishtar, a deity whose androgynous qualities were reflected in the specific features of the worship rite.

Майкопский курган – феноменальный памятник урукского времени на Кавказе и на всем Переднем Востоке. Он обладает богатейшей утварью и многообразием предметов заупокойного культа. Вопрос о том, кому принадлежало основное захоронение Майкопского кургана, освещался в печати неоднократно. Как правило, выводы сводились к констатации захоронения вождя, лидера, жреца или иной персоны “царского ранга”. Автор раскопок Н.И. Веселовский упоминал основного погребенного в Майкопском кургане в мужском роде. Двух других (в боковых камерах) исследователь рассматривал как женщин, объясняя это тем, что при них были найдены только украшения (Веселовский, 1900. С. 3).

Можно ли сейчас уточнить, для кого был сооружен Майкопский курган? Полностью – конечно, нет. Ведь костные останки не сохранились. Однако можно еще раз проанализировать символику погребального инвентаря этого комплекса и попытаться выяснить ее знаковую роль как показатель престижа мужского или женского захоронения¹.

¹ Историческая этнология показывает, что в обществах ранних земледельцев и скотоводов существовало разделение труда по половому признаку на специфические мужские и женские занятия. Такое деление было всегда конкретно и могло изменяться со временем. Каждое занятие имело свои инструменты и производило различные изделия. Помимо этого существовали одни и те же виды деятельности, одинаково высоко престижные как для мужчин, так и для женщин, но символы этого престижа у мужчин и женщин могли быть неодинаковыми. Разделение труда по полу и статусу особенно четко прослеживается в обществах позднего предгосударственного периода на всех континентах и в ранних государствах. Оно составляет одну из показательных черт быта средневековья, т.е. носит универсальный характер.

Наш подход учитывает факт тысячелетней устойчивости культовых традиций Переднего Востока и сильной мифологической преемственности образов отдельных персонажей пантеона божеств, что дает возможность применять ретроспективный метод.

Итак, Майкопский курган был раскопан Н.И. Веселовским в 1897 г. (рис. 1, 1). В настоящее время данный комплекс может быть отнесен ко времени среднего урукского периода. Его диапазон укладывается, примерно, в 37–34 вв. до н.э. Основанием для такого вывода служит датировка кургана по возрасту реберчатых мисок из золота и серебра (рис. 1, 2, 3), устанавливаемому по аналогиям (Корневский, 2011. Лист 2–4). Так, реберчатые круговые миски из глины в слое Усть-Джегутинского поселения майкопско-новосвободненской культурной общности (МНО) имеют дату 3640–3550 BC² (Корневский, Резепкин, 2008. С. 199–206). В погребении Иноземцевского кургана (раскопки 1976 г.) реберчатая миска определяется несколько более молодым возрастом – 3499–3349 BC. Похожие реберчатые круговые миски (рис. 1, 4) есть на поселении Зейтенили бехче в Восточной Анатолии. Они относятся ко времени 3650–3510 BC (Restelli, 2006. P. 29). Приблизительно таким же временем датируется погр. 70 кургана 1 у с. Заманкул в Северной Осетии (3640–3500 BC), содержавшее бронзовую мотыгу типа Майкопского кургана и идентичную ему керамику (Корневский, 2011. С. 20). Следует отметить, что в эпоху ранних династий из Царского кладбища в Уре такие реберчатые миски не зафиксированы (Woolley, 1934). Поэтому более древний

² Запись даты с прибавлением букв BC говорит о том, что использована калиброванная радиоуглеродная дата. По сути, это эквивалент традиционной записи “гг. до н.э.”

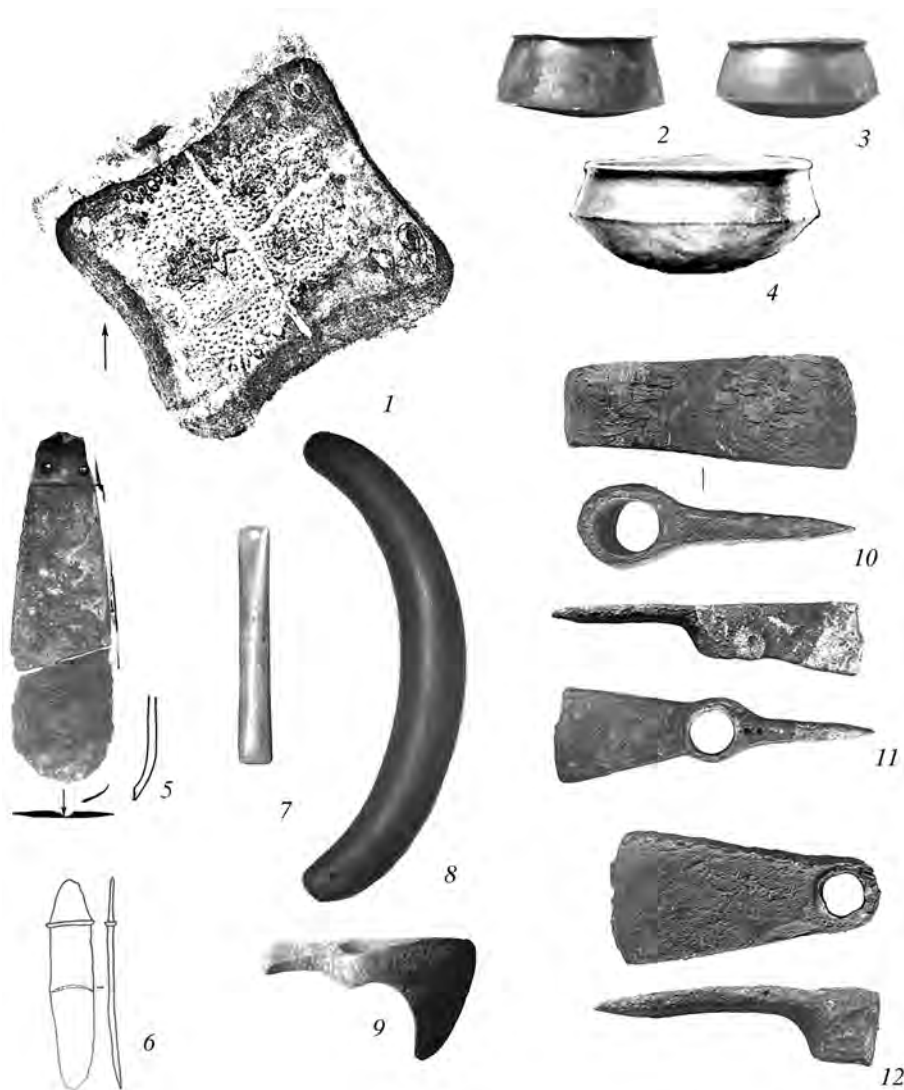

Рис. 1. План-схема Майкопского кургана (1), его находки (2, 3, 5–8, 10, 12) и аналогии (4, 9). 2 – серебряная чаша; 3 – золотая чаша; 4 – глиняная чаша, пос. Зейтенли бехче (по: Restelli, 2006); 5 – кинжал-бритва; 6 – кинжал без черенка; 7 – стержень с золотой заклепкой; 8 – изогнутый стержень коричневого цвета; 9 – топор-мотыга, тепе Габристан, случайная находка (по: Helwing, 2004); 10 – топор; 11 – топор-мотыга; 12 – мотыга. 7, 8 – камень; 9–12 – бронза. Размеры (см): 1 (план выполнен Н.К. Рерихом) – 533 × 373; 2 – диам. 9.3; 3 – диам. 7.8; 4 – диам. 43; 5 – длина 34.7; 6 – длина 11; 7 – длина 14.2; 8 – длина 43; 10 – длина 13.8; 11 – длина 20.7; 12 – длина 17.5; 9 – без масштаба.

возраст Майкопского кургана по сравнению с эпохой ранних династий Шумера выглядит вполне обоснованным.

Майкопский курган по набору найденной в нем керамической посуды принадлежит к галюгаевско-серегинскому варианту МНО, если быть более точным, – к серегинскому (прикубанскому подварианту этой разновидности МНО) (Кореневский, 2004. С. 50–53).

Напомним в самых общих чертах, что погребение, раскопанное Н.И. Веселовским, было совершено в грунтовой яме размерами 5.33×3.73 м, глубиной 1.42, ориентированной по длинной оси

ЮЗ–СВ (рис. 1, 1). Стенки ямы были обложены деревом, углы растянuty, и там были поставлены столбы для перекрытия, дно устилала галька. Яма имела Т-образную перегородку из дерева. Погребенные были положены необычным для ритуалов бронзового века способом: на спину, с поднятыми вверх коленными суставами и с руками, согнутыми в локтях, с кистями у лица. Такую позу рук можно рассматривать как особое их положение при адорации (молитве) и как жест божества. Нередко так изображаются боги и богини на произведениях Переднего Востока в III тыс. до н.э. и древнего искусства на более широких территориях.

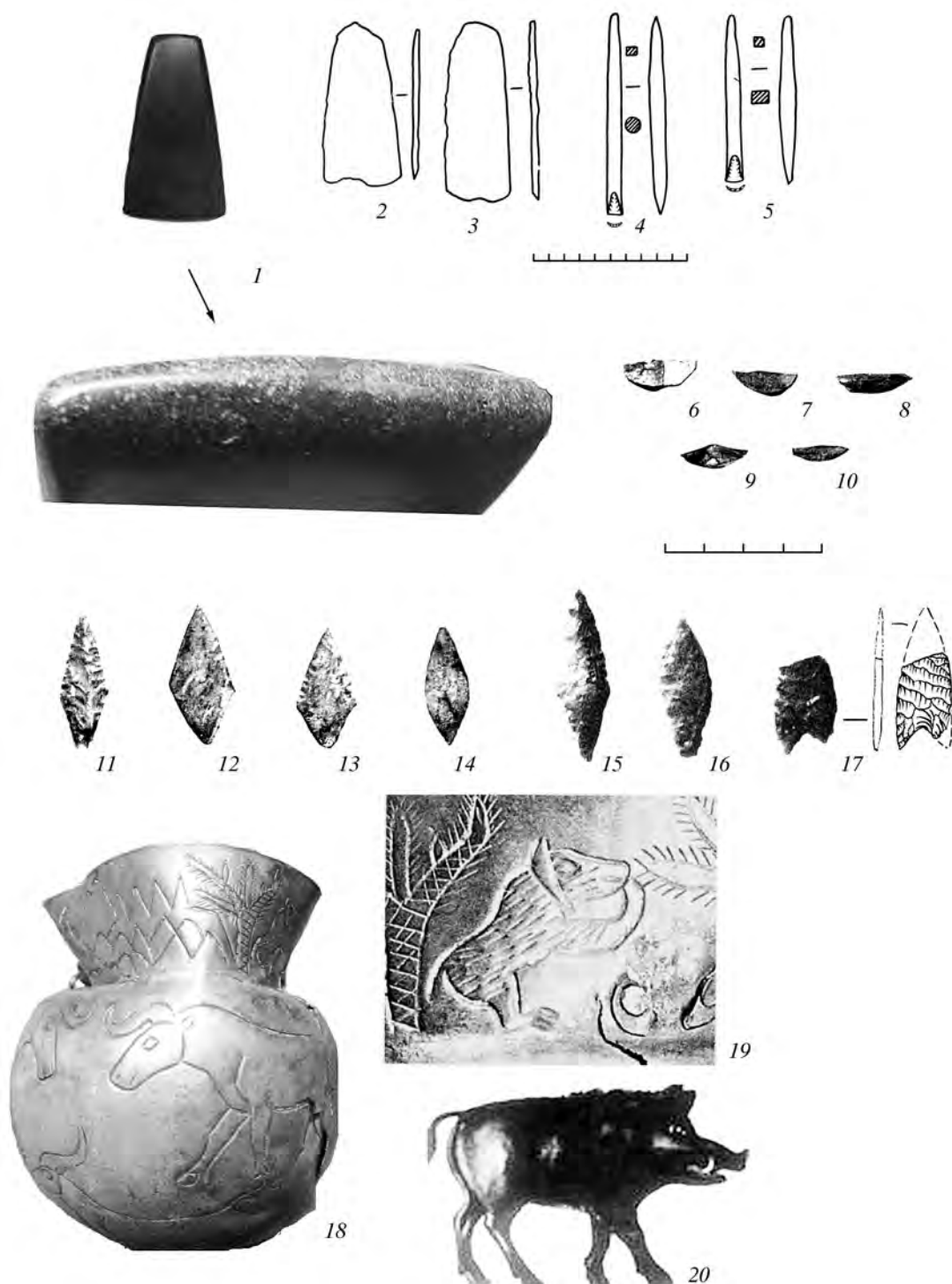

Рис. 2. Предметы Майкопского кургана и их аналогии. 1 – каменное тесло, длина 10 см; 2, 3 – бронзовые тесла; 4, 5 – бронзовые долота; 6–10 – сегменты кремневые; 11–14 – подромбические наконечники стрел (размеры от 2.9 до 3.7 см) Майкопского кургана; 15–17 – наконечники стрел Раздорского поселения, слой 8: 15, 16 – подромбического типа; 17 – асимметричного типа (по: Кияшко, 1987; 1999); 18 – сосуд с пейзажным декором, высота 9.6 см; 19 – изображение зверя у Древа; 20 – рисунок реального кабана.

Поза покойного на спине скорчена с согнутыми руками в локтях, кистями у лица – реальна. Н. Мусеибли зафиксировал подобную позу в погр. 1 на поселении лейлатепинской культуры Пойлу II (2010. С. 208). Другой пример происходит из раскопок Большого Ипатовского кургана, погр. 182. Его можно отнести к ямной культуре (Кореневский и др., 2007. Лист 1, 1).

Костяки в Майкопском кургане были окрашены в красный цвет из-за обилия охры. Особенно много ее было у основного погребенного (костяк 1) (Веселовский, 1900. С. 3). Густой окрас охрой покойных в Майкопском кургане – явная дань энеолитическим традициям местного протоямного населения Предкавказья.

Скелет 1 находился в большем отсеке и лежал поперек него, был ориентирован головой на юго-запад. При нем были обнаружены сложенные в углу ямы орудия и оружие из бронзы, расставленная вдоль стенки металлическая драгоценная посуда, а на самом костяке находилось множество украшений из золота, сердолика, бирюзы.

Неподалеку, напротив туловища, лежали шесть серебряных тонких трубочек длиной около 1.03 м. На четырех из них были надеты две фигурки золотых и две фигурки серебряных бычков. Б.В. Фармаковский полагал, что они представляют собой детали балдахина (1914). Находка в Старомышастовском кладе маленькой серебряной фигурки лани с подобным отверстием размером 1-2 мм в тулове (Отчет..., 1900. С. 64. Рис. 158) не допускает такую идею реконструкции. Для балдахина столь тонкие опоры слишком ненадежны.

У окончаний трубочек были найдены 12 небольших наконечников стрел подромбической формы (рис. 2, 11–14) из коричневого кремня размером около 3 см и 17 маленьких кремневых сегментов такого же коричневого кремня – вкладышей для серпа (рис. 2, 6–10).

Теперь перейдем к анализу инвентаря и его символики в поисках ее “мужской” или “женской” направленности. С мужскими видами занятий можно связать упоминаемые ниже инструменты и оружие. Таков кинжал-бритва (рис. 1, 5), меньший кинжал (рис. 1, 6). Последний – типичное оружие в погребениях галюгаевско-серегинского варианта МНО (Кореневский, 2008. С. 5–49).

Каменные стержни-оселки (рис. 1, 7, 8) Майкопского кургана (прямой из золотистого по цвету камня с забитым золотом отверстием и изогнутый из коричневого камня) являются некими орудиями погребального престижа. Они тесно связаны в своей символике с погребениями, в которых най-

дены бесчеренковые кинжалы (Кореневский, 2008. С. 5–49). Следующим предметом мужской воинской символики и высокого престижа мог считаться бронзовый топор (рис. 1, 10).

Подромбические небольшие наконечники стрел (рис. 2, 11–14) в этом захоронении найдены в количестве 12. Они также ассоциируются с мужским занятием войной и охотой³. Все наконечники тщательно отделаны двусторонней ретушью с выступающими на окончаниях пальчатыми краями. Правда, в мифологии известны примеры богинь – охотниц с луком (Диана, Артемида). Но по примерам Переднего Востока женщин-лучниц для времени IV–III тыс. до н.э. не известно. Зато лук входит в арсенал богов-мужчин, возможно, Нинурты – бога, приближенного к Инанне-Иштар (Афанасьева, 2007. С. 175).

Аналогии таким наконечникам стрел (рис. 2, 15–17) происходят из слоя 8 поселения Раздоры на Нижнем Дону (Кияшко, 1999). Для погребальной практики МНО они не характерны, на Нижнем Дону – тоже редки.

Топор-мотыга (рис. 1, 11) мог служить как оружием, так и аграрным инструментом. В мифологии данные о связи таких предметов с трудом мужчин или женщин не сохранились. Ясно только, что такая категория предметов была распространена в культурах Дунайского энеолита и у племен Северо-Западного Ирана начиная с урукского периода до времени Тепе Гиссара III (времени ранних династий Шумера). Для дунайских орудий типа Ариушд, Ясладань можно предполагать их военно-аграрные функции, так же как и для топоров-мотыг древнего Ирана. Один из них, топор-мотыга из тепе Габристан (рис. 1, 9), имеет лезвие, явно приспособленное для военных действий.

Комплекс инструментов деревообработки Майкопского кургана отражает находки двух бронзовых тесел (рис. 2, 2, 3), двух желобчатых долот (рис. 2, 4, 5) и шила. Деревообработка у многих народов на разных континентах – традиционно мужское и весьма престижное занятие. У шумеров бог Энки был плотником Эредуга града, сочетающим мастерство деревообработки с высшим жреческим

³ Тип подромбических наконечников стрел Майкопского кургана отмечен в слое 8 кв. 6 Раздорского поселения на Нижнем Дону (Кияшко, 1999. Табл. XV, 1, 2). В.Я. Кияшко относит данный слой к одному из поздних (энеолитических) по форме керамики, напоминающей керамику репинской культуры времени МНО. Асимметричные наконечники появляются раньше, в 6–7 слоях. Энеолитические крупные наконечники стрел с плоским основанием типа наконечников Триполья VI–VIBII прослеживаются в слое 5 Раздорского поселения (Кияшко, 1987. С. 76).

Рис. 3. Сцена у Древа Жизни в разных трактовках. 1, 3 – рисунок и оттиск с печати: медведь у дерева (по: van Buren, 1939); 2 – кубок с пейзажем, Майкопский курган; 4 – звери у Древа Жизни и священный цветок Древа Жизни из погр. PG/779 samder D, Ур, царское кладбище; 5 – изображение животных у Древа Жизни из гробницы Шубад; 6 – цветок Древа Жизни (увеличен); 7 – козел из Большой Ямы Смерти (по: Woolley, 1934).

титолом: “Энки – жрец верховный, храм самшитовый топором себе вырубивший” (Афанасьева, 1997. С. 121). А вот полированное тесло из камня черного цвета в наборе инструментов Майкопского кургана было чисто ритуальным изделием. Его

лезвие скруглено, заполировано и никогда не предполагалось для использования в качестве рабочего края настоящего инструмента (рис. 2, 1).

Бронзовая мотыга Майкопского кургана – редкое изделие в майкопских комплексах именно

галюгаевско-серегинского варианта МНО (рис. 1, 12). Это самое эффективное орудие аграриев до появления плуга. Мотыга была открытием конца убейдского – начала урукского периода в Месопотамии. В Двуречье с ней связан заметный подъем сельского хозяйства, рост храмов. Согласно одному шумерийскому мифу, ее изобретение приписывается богу Энлилю, который ею отделил землю от воды (Афанасьева, 1997. С. 84). По другому мифу мотыгу сделал бог Энки и передал ее богине зерна Ашнан, которая провела мотыгой первые борозды (Редер, 1965. С. 31). В этом мифе четко отмечена ранняя связь земледелия с женским трудом. (Ситуация изменилась здесь только с появлением плуга, требующего мужской силы.)

В какой-то мере такая встречаемость топора и мотыги повторена в Заманкульском кургане 1, погр. 70. Кроме того, в этом комплексе также были найдены черепа мужчины и женщины (Кореневский, Ростунов, 2004. С. 146–167).

В погр. 150 Псекупского могильника бронзовая мотыга была найдена без оружия или рабочих инструментов (Ловпаче, 1985. С. 31. Табл. II, 1). Ее связь с символикой мужских занятий войной, деревообработкой здесь явно отсутствует.

По данным исторической этнологии, примитивное земледелие связывалось как с мужским, так и с женским трудом. В обществе инков мотыгами активно работали женщины (Гарсиласо де ла Вега, 1974. Рис. 25, 35).

С аграрными работами, видимо, связана находка вкладышей серпа Майкопского кургана (рис. 2, 6–10). По крайней мере в других многочисленных комплексах с оружием МНО, независимо от варианта, никаких вкладышей серпов нет.

В целом, вполне можно допустить, что орудейный набор Майкопского кургана отражает большей частью предметы мужского престижа из военной, производственной области, магии, а также символики женских занятий (мотыга, вкладыши серпа).

Следующий шаг в анализе утвари Майкопского кургана – это разбор многочисленного набора посуды из золота, серебра и меди. В главном отсеке погребения были помещены вдоль стены 17 сосудов различных форм и размеров, включая один каменный псевдососуд без дна (Веселовский, 1900. Рис. 17–19; Кореневский, 2011. С. 311, 312. Рис. 92, 1; 92, 2). Из числа последних особо выделяются два сосуда с прочеканенными орнаментами: с пейзажем (рис. 2, 18; 3, 3); “процессией” животных на тулове и с фестоном-розеткой на дне (рис. 4, 3, 7, 8, 10).

Прежде чем перейти к описанию последних шедевров первобытного искусства, необходимо от-

метить следующее. Все стоявшие в ряд 17 сосудов имели небольшие объемы (от 50–100 до 300 мл). Они были предназначены для личного использования во время священной или культовой трапезы. Изготовление их из золота или серебра (электрума?) показывает, что это была посуда элиты общества, приравниваемой к божествам, т.е. лиц самого высшего ранга. Но в данном случае все они предназначались для основного погребенного, возможно, использовали в церемониях ритуального распития каких-то (магических) напитков, были связаны с его статусом и символикой.

На многочисленных сценах с изображениями божеств времени ранних династий и аккадского периода Переднего Востока такое “распитие” напитка (волшебного?) из небольших чаш составляет сюжеты из жизни главным образом богинь. Например, как показано на печати из Ура (рис. 4, 1), а также на двух круглых печатях-амулетах из Ирана с символикой Инанны-Иштар (Boehmer, 2002. Abb. 1–3, 1a–f).

У противоположной стенки главного отсека погребения в ряд были поставлены глиняные прекрасно выделанные круговые сосуды емкостью 1–3 л и один лепной плоскодонный сосуд (Веселовский, 1900. С. 10. Рис. 36; 40). Такая посуда обладала гораздо большими емкостями и предназначалась для иных целей.

Посуда находилась также в боковых отсеках могилы. В северо-восточном отсеке (при костяке 2) вдоль стенки были поставлены медные сосуды: ведро с дужкой, чаша, два котла, раздавленный сосуд в обломках (Веселовский, 1900. С. 10, 11. Рис. 36–40). В северо-западном (у костяка 3) в углу стоял большой круговой пифос из глины. Его форма хорошо известна по находкам в жилищах Галюгаевского поселения (Веселовский, 1900. С. 11. Рис. 42).

Особую роль в наборе электровых кубков, по-видимому, играли два сосуда с чеканными изображениями, “излагавшими” легенду, в которой действие разворачивается на фоне пейзажа, общей картины мира с участием зверей и птиц, а также священных деревьев (или дерева). Детали этой картины многократно описывались в литературе. Наиболее полно они рассмотрены в трудах Н.И. Веселовского (1900. С. 8, 9), Б.В. Фармаковского (1914. С. 68, 69), М.И. Ростовцева (Rostovtzev, 1920a. Р. 14; 1920b. Р. 1–37; Rostovtzeff 1922. Р. 17–34), Р.М. Мунчаева (1975. С. 222–225), М.В. Андреевой (1979. С. 22–34), С.Н. Кореневого (1988. С. 86–104; 2004. С. 198. Рис. 70; 2011. С. 11, 89). Сейчас обратим внимание в основном на главное в сюжетах “легенд” на данных кубках.

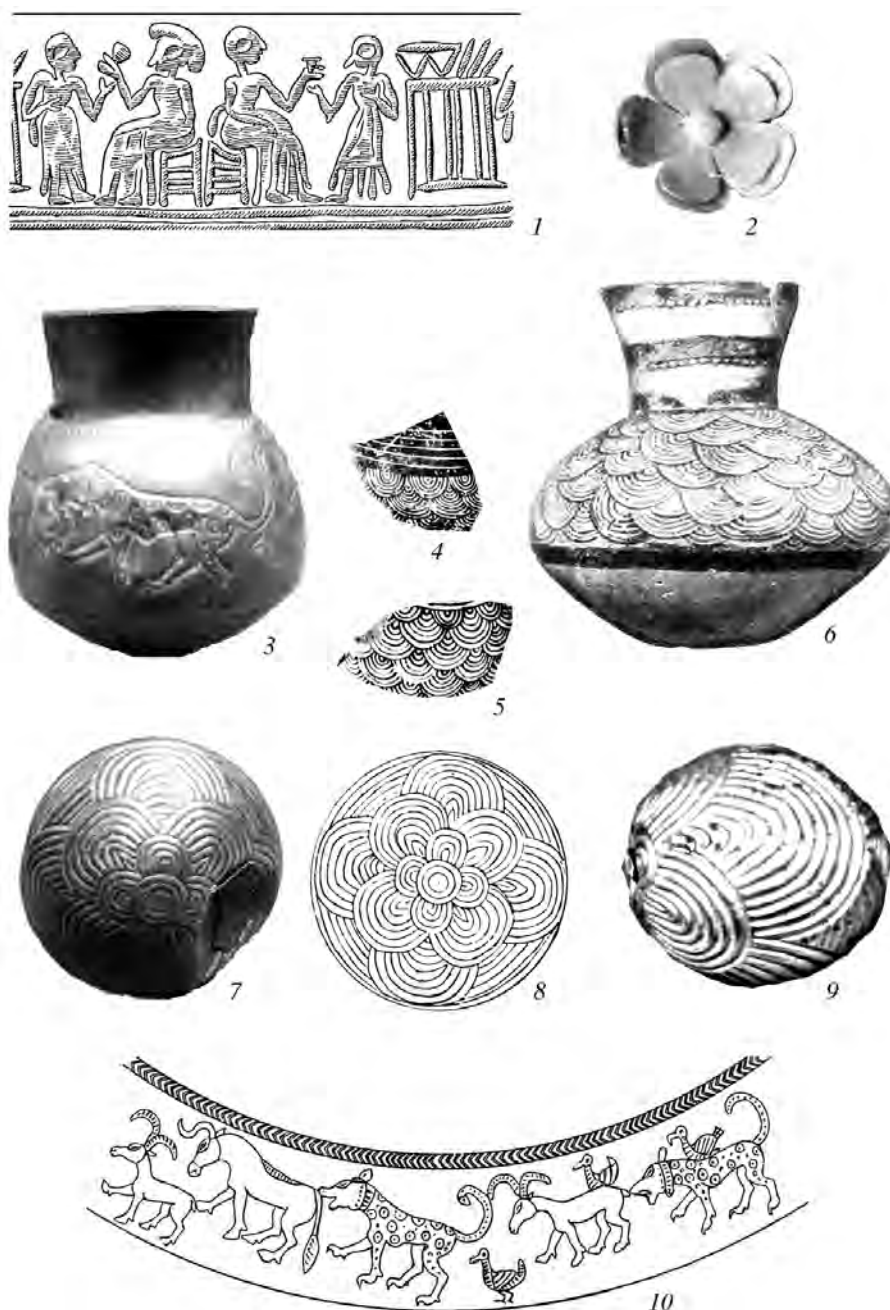

Рис. 4. 1 – сцена “чашепития” священного напитка (по: Woolley, 1934); 2 – золотая розетка-цветок, Майкопский курган; 3, 7, 8, 10 – сосуд (высота – 10,2 см) с фестоном-розеткой на дне, Майкопский курган (8 – прорисовка Б.В. Фармаковского; 10 – развертка прочеканенного рисунка); 4, 5 – черепки сосудов Телль Халафа (по: von Oppenheim, 1943); 6 – сосуд из Арпачии с орнаментом в виде каскада фестонов (по: История Древнего Востока, 1983); 7 – золотая крупная бусина, Майкопский курган.

На обоих сосудах есть изображения Древа Жизни и его символа плода – волшебного цветка в виде переплетающихся фестонов. Так, на кубке с пейзажем чеканкой показаны два дерева и привставший на задние лапы перед ними зверек (рис. 2, 19; 3, 2). На кубке с гепардами дно сосуда покрыто фестоном-розеткой – сложной композицией, имитацией цветка Древа Жизни (рис. 4, 3, 7, 8).

В роли зверьков у Древа Жизни в искусстве Двуречья и Ирана могут выступать разные животные: бык, козел, газель, баран, медведь, лев (рис. 3, 3–7) (Woolley, 1934. Pl. 89; 103, *U 9112*; Frankfort, 1954. Fig. 9).

В данном случае породу зверька определить трудно. В литературе распространено мнение, что это “медведь” (Андреева, 1979. С. 33). В работе ван

Бурена о фауне Древней Месопотамии (van Buren, 1939. Fig. 23, 24) изображен рисунок с печати эпохи Джемдет Насра, на которой действительно очевиден стоящий у дерева медведь (рис. 3, 1). Но это только вольная современная трактовка образа в графике. На оригинале показан хищник с подтянутым туловом у веток дерева (рис. 3, 3). Медведь ли он? Может быть, так и есть. Но на зверька на Майкопском кубке он не очень похож. Последний (рис. 2, 19) по главным признакам профиля фигуры более похож на кабана (рис. 2, 20). У него поджарое тулово, длинная вытянутая морда и хорошо обозначенный хвост. Таких длинных хвостов у медведей не бывает.

Само Древо Жизни в искусстве Переднего Востока могло изображаться по-разному: от схемы со стволом и палками-ветками до натуральных рисунков пальм или кустарниковых растений. Место, где растет дерево, различно. В одном случае это берег Евфрата, куда оно непонятно как попало, и на него обратила внимание богиня Инанна: "...хулуппу дерево на берегу Евфрата чистого посажено" (Афанасьева, 1997. С. 215). В другом – его родина – далекая горная страна, где живет Инанна: "Издревне благородное древо Энки среди пестро-каменных гор Инанны, как великан, стоит на вершине" (Афанасьева, 1997. С. 193). В нашем случае Древо Жизни тоже растет у подножия горной страны, откуда вытекают две реки.

Композиции с Древом Жизни в искусстве III тыс. до н.э. нередко полны драматических схваток, борьбы, которые сопровождают процессии животных, особенно это свойственно мифологическим сценам времени раннединастического II периода – ваза из Хафадже, коллекция Джирофта (Frankfort, 1954. P. 18–20. Fig. 9; Majidzadeh, 2003. P. 1–19. Plates).

На рассматриваемом примере майкопских кубков IV тыс. до н.э. сцен борьбы нет, поэтому можно думать, что майкопские сосуды относятся к более раннему циклу мифов о Древе Жизни. В его сюжетах царит еще мирная атмосфера даже среди зверей антагонистов – жертв и хищников⁴.

Частый атрибут Древа Жизни – его плод-цветок, добыть который стремятся животные (рис. 3, 6, 7; 4, 3, 7, 8, 10). В Майкопском кургане найдено 10 золотых изображений цветов Древа Жизни размером 2–2.5 см (Фармаковский, 1914. Табл. XXIV). По реконструкции Б.В. Фармаковского, они состав-

ляли головной убор и крепились к золотым лентам. Но эти розетки были найдены не рядом с лентами у головы, а в области груди покойного. Если бы они крепились к лентам, то, скорее всего, находились вместе с ними (рис. 4, 2; 5, 3). (На это обстоятельство мое внимание обратил Ю.Ю. Пиотровский, и я его разделяю.) Скорей всего, цветы нашивались на некую основу, но сейчас ее трудно реконструировать.

Золотые розетки представляют собой вырезанные из фольги двойные 5-лепестковые цветы с кнопкой-умбоном в центре. По своей форме они похожи на цветы фруктового дерева (яблони, вишни, черешни и т.д.), которым свойственны также пять лепестков, но в то же время они имеют множество аналогий и среди других 5-лепестковых растений.

Среди погребальной утвари основного захоронения Майкопского кургана есть немало украшений из золота и серебра, имеющих знаки священного цветка – плода Древа Жизни. Таковы прежде всего бусы, украшенные "плетенками" в стиле переплетающихся лепестков волшебного дерева. Они выполнены в единичных экземплярах и в массовых сериях (рис. 5, 4, 5). Фестоны – символы цвета Древа Жизни – украшают лбы священных бычков-туров из связки со стержнями в основной могиле (рис. 5, 6–8).

Массовые чеканные фигурки львов также указывают на их причастность к мифам о волшебном Древе Жизни и его плодах (рис. 5, 9). С этими мифами связаны также литые и штампованные фигурки быков (Веселовский, 1900). Кроме того, лев и бык могли быть символами божества – хозяйки Древа Жизни.

Персональные украшения костюма, зафиксированные на скелете 1, могут недвусмысленно указывать на высочайший или даже божественный статус человека. Самые важные из них для нашей темы – это две ленты из золота, формирующие головной убор, так называемую диадему или древнейшую "корону" (рис. 5, 1, 2). Ленты были найдены под черепом, одна (длиной 39 см) немного короче другой (длиной 42 см), ширина лент – 1 см. Концы лент скруглены, в них были пробиты двойные отверстия: по девять пар на каждой ленте. Расстояния между парами отверстий выдержаны нестрого. Скорей всего, через них ленты крепились к головному убору (Фармаковский, 1914. Табл. XXIII, 10). Н.И. Веселовский предполагал, что они завязывались спереди на шнурах. Рядом с лентами были найдены пять золотых ободков, две подвески в виде кольца и золотые кнопки ("серьги") (Веселовский, 1900. С. 4). По всей видимости, все эти детали относились к головному убору – комплексу диадемы.

⁴ В перечень животных на кубке с пейзажем входят: верхний ряд – два тура, лев, онагр; нижний ряд – львица, два горных барана, кабан. На кубке с фестон-розеткой в шестви животных принимают участие гепард, горный баран, гепард, тур, горный баран, три птицы.

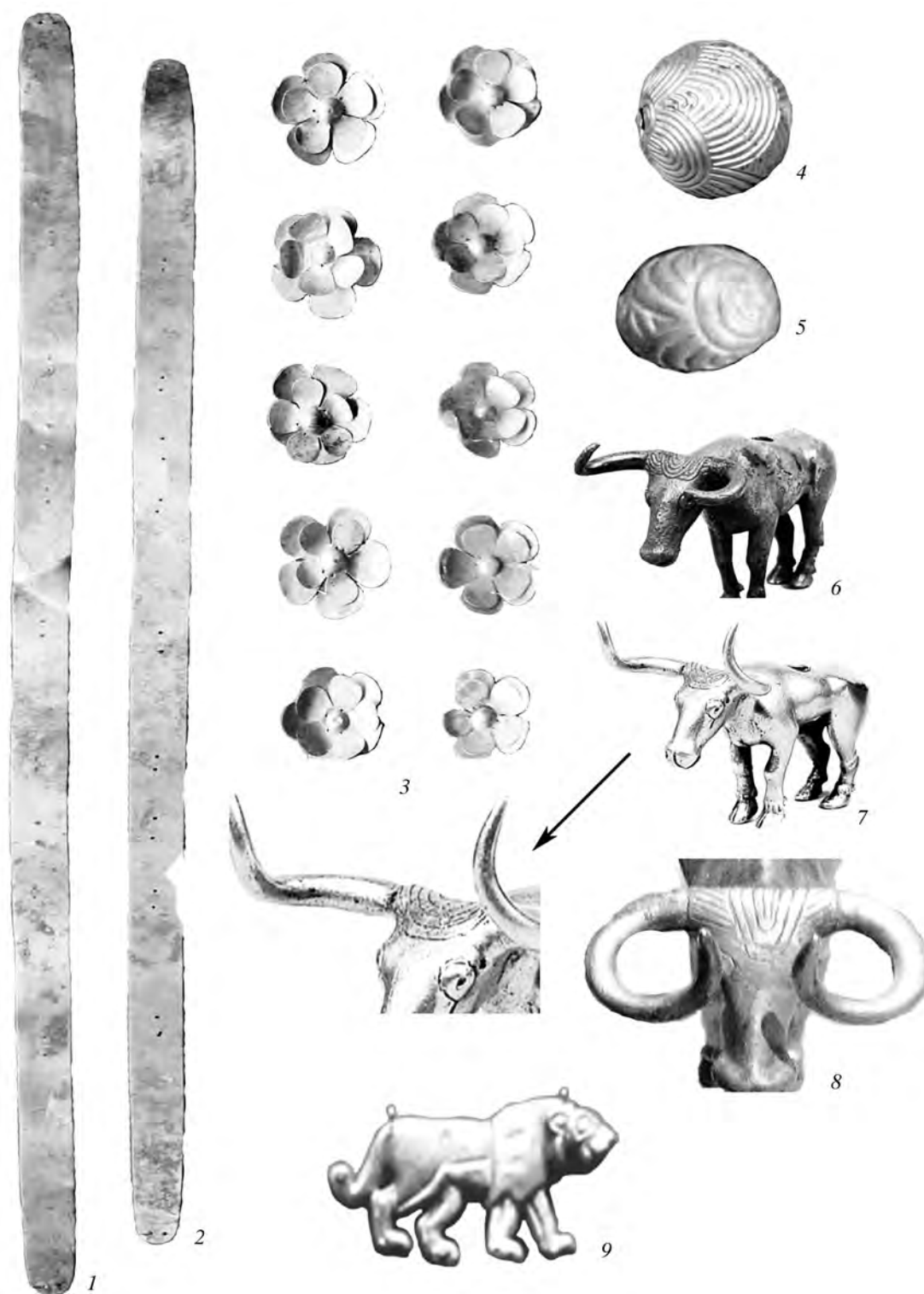

Рис. 5. Украшения Майкопского кургана. 1, 2 – диадемы; 3 – цветы; 4, 5 – бусины (увеличено); 6–8 – фигурки быков со знаками на лбах; 9 – лев.

Мы не находим аналогий золотым лентам Майкопского кургана на Западе. Здесь упоминание о медной диадеме имеется при описании клада Городница времени Триполья ВІІ (Бурдо, 2004). На Перед-

нем Востоке в дошумерийское время фиксируются только бронзовые диадемы. Ближайшая территориально параллель – диадема из женского погр. 2 могильника Твлепиас Цкаро времени Квацхелеби С

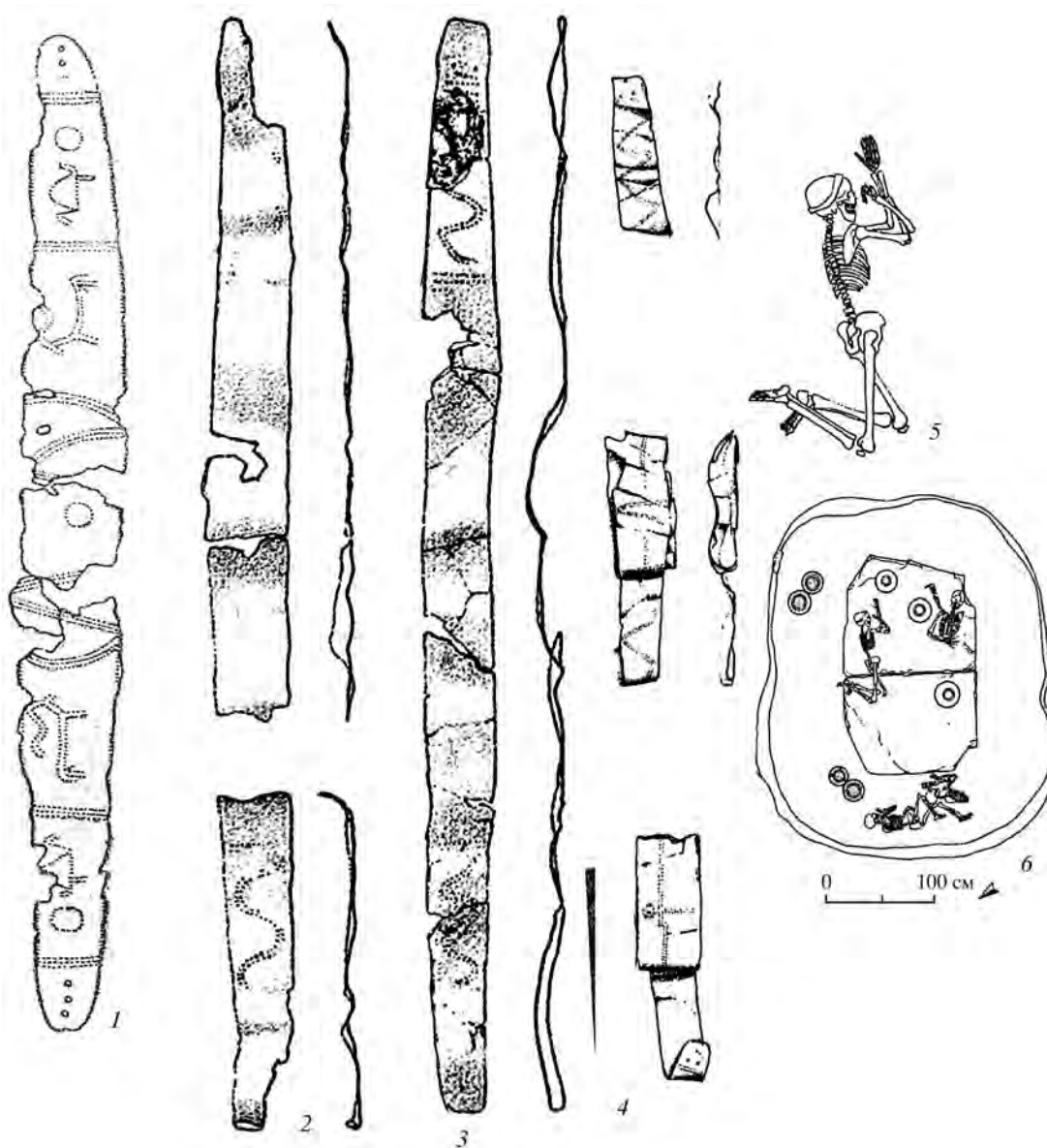

Рис. 6. Диадемы (бронза). 1 – Квацхелеби, погр. 3 (по: Джавахишвили, Глonti, 1962); 2–6 – Арслантепе, гробница T1 (по: Frangipane et al., 2001).

(Джавахишвили, Глonti, 1962. Табл. XXXVI) ранней куро-аракской культуры (рис. 6, 1). Внутренняя хронология куро-аракской культуры не позволяет датировать рассматриваемое захоронение уже, чем диапазон 3800–3000 гг. до н.э. (Кушнарева, Чубинишвили, 1970).

Другая находка диадем из металлической ленты связана с гробницей T1 в Арслантепе VI B1 (рис. 6, 2–6). Дата гробницы 3000–2900 гг. до н.э. (Frangipane et al., 2001. P. 106). Она соответствует времени Джамдет Насра в Месопотамии и предшествует времени ранней династии Шумера (Frangipane et al., 2001. P. 105–139). Лента из сплава меди и серебра была найдена на голове молодой женщины

(девушки?) 12–14 лет, принесенной в жертву погребенному в основной могиле (Frangipane et al., 2001. P. 108–113).

Диадемы из золота появляются в эпоху ранних династий (РДII, РДIII) в царском некрополе Ура (27–24 вв. до н.э.). Они подробно описаны Л. Вулли в монографическом отчете о его раскопках (Woolley, 1934; Вулли, 1961).

Л. Вулли при изложении материалов о женских украшениях отмечает, что женщинам были свойственны налобные ленты из золота и серебра, венки из листьев бука и других деревьев, гребни с трехзубчатым (или более) окончанием с двойными

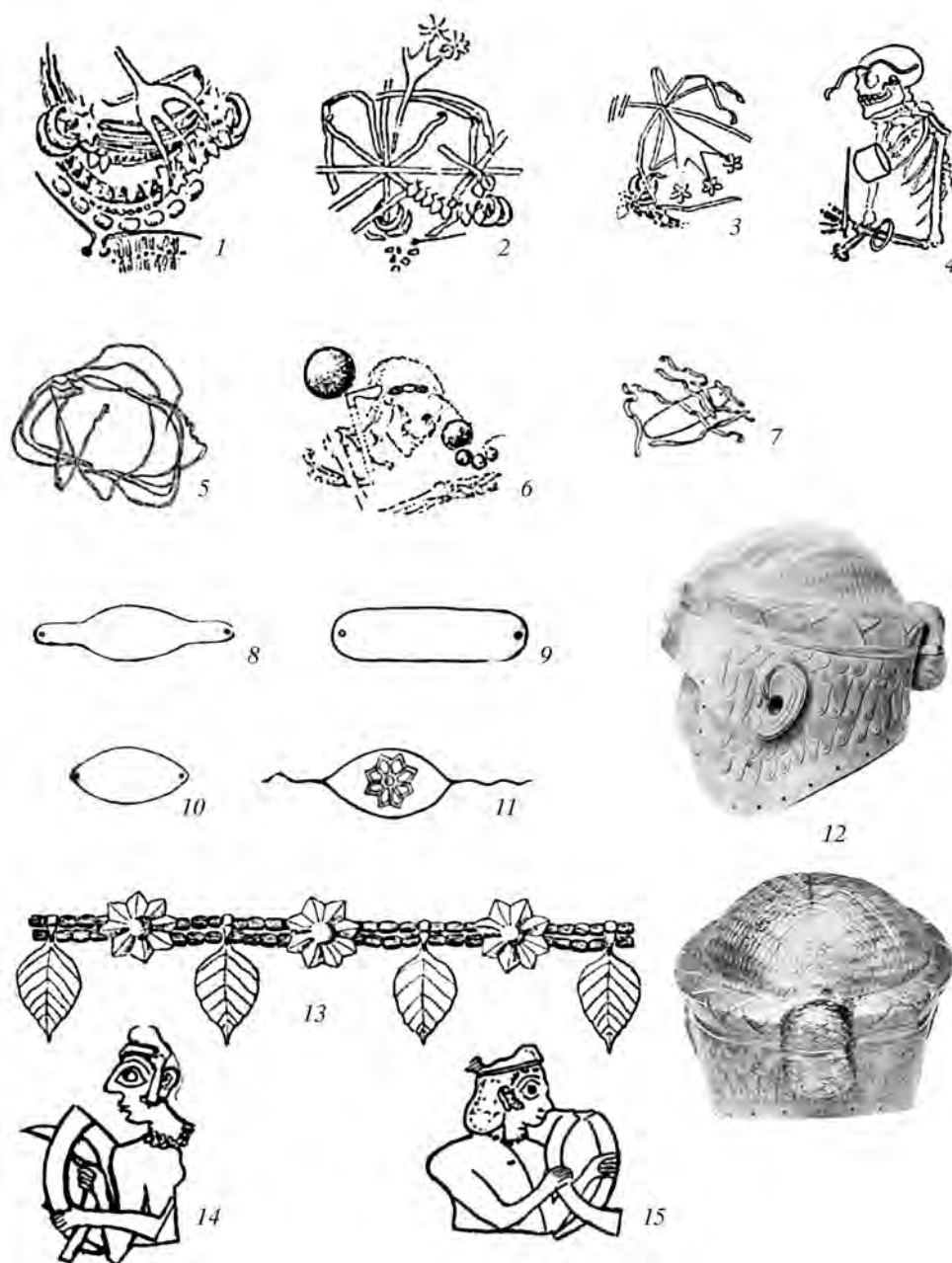

Рис. 7. Украшения головы из Царского кладбища в Уре (по: Woolley, 1934).

нитями бус, сделанных из лазурита и сердолика, а также с золотыми розетками-цветами, которые имитировали части Древа Жизни (рис. 7, 1–11, 13) (Woolley, 1934. Р. 173).

Помимо лент Л. Вулли упоминает пластины овальной формы. Последние он называет “frontlets” (рис. 7, 8–11). Некоторые из них имеют знак розетки – цветка Древа Жизни (рис. 7, 11). Ленты из золота, украшающие длинные волосы, в Шумере могли носить только женщины (рис. 7, 14, 15), как отмечает Л. Вулли. Знатные мужчины и воины брили голову, носили парик, а поверх него тоже

ленту – головное украшение. Именно такой парик был на юном воине Мескалмдуге (рис. 7, 12). На этой ленте никаких символов Древа Жизни не было.

Иллюстрации в книге Л. Вулли дают представление о типологии и разнообразных изображениях лент, в том числе лент из золота и серебра в комплексе с булавками вильчатого типа. Последние украшения имели зубцы, которые заканчивались коническими выступами или цветами (рис. 7, 1–3). По сути, такая булавка имитировала ветку Древа Жизни, к которому стремятся животные (рис. 8, 2, 6).

Показательна золотая диадема из могилы “маленькой принцессы” PG/153. Она относится к времени, близкому времени могилы Шубад (рис. 8, 1). Оружия в могиле не было. В захоронении были найдены три низки ожерелья и печать с изображением скота и птицы. Золотая диадема имела длину около 33 см (Woolley, 1934. Р. 299, 300). Налобное украшение имело два отверстия по окончаниям, через которые они, видимо, связывалась друг с другом шнурком. Спереди или сзади головы – неизвестно. По краям лента декорирована кантом – пуансонным орнаментом, так же как ленты из Квацхелеби С погр. 3 и Арслантепе гробницы T1. Сюжетный фриз выглядит наподобие иллюстрации мифологической повести о плодах Древа Жизни. На окончаниях ленты прочеканены два 8-лепестковых цветка – символы этого волшебного растения. Точно такие же цветы изображены на булавках из других могил царского кладбища, например на булавке из головного убора царицы Шубад (рис. 8, 2, 6) или на скульптурной композиции в виде волшебного дерева и с козлом, стоящим перед ним на задних ногах (рис. 3, 6, 7).

Мне кажется, что здесь очевиден сюжет мифа о Древе Жизни и связанных с ним персонажах, стремящихся его достичь, а также с монстрами или с богами, которые вмешиваются в этот процесс. Пока добраться до Древа Жизни удалось только козлу и быку (рис. 8, 1).

Изображения на диадеме из погр. PG/153 позволяют ответить на важный вопрос: что означают вереницы (шествия) зверей, известные уже на печатях урукского периода, в том числе и на кубках Майкопского кургана. Скорей всего эти шествия подразумевали процессии животных к Древу Жизни и его плодам. Они “шли” по кругу или цепочкой, так как наносились на замкнутую шарообразную поверхность или кольцевидную ленту.

Сюжет Древа Жизни как символа плодородия также отражен в головном уборе “царицы” Шубад из погр. PG/1130 (рис. 8, 2–6). Он включал налобные ленты из лазуритовых бус, парик, золотые кольца, наборы из листьев бука и иных деревьев, булавку – имитацию Древа Жизни с волшебными цветами в виде 8-лепестковых розеток, а также подвески в виде цветка Древа Жизни.

Другие находки лент связаны с погребениями “придворных дам”, как пишет Л. Вулли (Woolley, 1934). По крайней мере мы учли еще восемь захоронений с украшениями головы в виде лент или пластин, при которых не найдено боевое оружие. Их интерпретация как женских могил весьма вероятна. Особо следует отметить, что некоторые из них дополнительно имеют знаки розетки или цвет-

Рис. 8. Головные уборы цариц-жриц (золото). 1 – диадема “маленькой принцессы”; 2 – реконструкция убора царицы Шубад; 3–5 – ожерелья; 6 – булавка в виде ветки Древа Жизни (по: Woolley, 1934)

ка жизни, венки из листьев, булавки с тремя-семью окончаниями и прикрепленными к ним цветами.

Налобное украшение найдено еще один раз в могиле PG/697 с оружием (топорами, кинжалами). Однако ни в могиле Мескаламдуга PG/753, ни в могиле PG/697 нет ни булавок – символов Древа Жизни, ни розеток-цветов, ни амулетов в виде козлов, быков – спутников растения вечной молодости.

Таким образом, мы можем сформулировать тезис о том, что головные украшения в виде лент, венков из листьев, розеток-цветов Древа Жизни служили в Шумере времени ранних династий знаками культа плодородия, символами мифа об этом растении

вечной молодости и жизни. В погребениях они маркировали могилы женщин, девушек, которые рассматривались как особо причастные к этому культу.

Мифическим лицом, которое возглавляло культ плодородия с его главным атрибутом – Древом Жизни, была Инанна – великая богиня любви, домашнего очага, покровительница женщин, а также войны и распри. Она приобрела в Аккаде имя Иштар, у семитов Сирии и Палестины – Астарты, у хурритов Малой Азии – Шавушки, а спустя тысячелетия у древних армян и персов – Анахит. В мифологии шумеров Инанна к тому же была покровительницей плотницкого, медницкого, кузнечного дела, шорничества, строительства домов, плетения циновок, т.е. обширной области первобытных ремесел (Афанасьева, 1997. С. 60).

По письменным источникам известно, что богиня Инанна носила налобную ленту – “прелесть чела” (Афанасьева, 1997. С. 140). Это престижное украшение “венец могучий” она получила от бога Энки (ее отца – по одной версии) (Афанасьева 1997. С. 52)⁵. Налобная лента четко прослеживается в описании украшений Инанны при ее странствии в подземный мир богини Эрешкигаль (Афанасьева, 1997. С.140). Таким образом, комплекс женских головных украшений из могил в Уре несет все признаки культа Инанны и связанного прямо с ней культа Древа Жизни. Таковы розетки-цветы, животные – персонажи мифа: бык, козел, лев (знак богини-воительницы).

Антропологических определений погребенных из комплексов МНО немного (около 15). Захоронений, для которых четко определен женский пол, еще меньше. Одно из них – это погр. 1 кургана 1 могильника Кудахурт (Кореневский и др., 2008. С. 123–155). Скелет в нем находился под западной длинной стенкой в сильно скорченном положении на правом боку, ориентирован по линии таз–череп на юго-запад. Он принадлежал женщине в возрасте 16–20 лет (определение М.Б. Медниковой). Кости скелета несут следы посыпки тела охрой. Охра окрасила кости черепа, таза, позвоночника, коленных суставов и стоп. В области черепа у нижней челюсти были расчищены колечки – три серебряные подвески с нанизанными на них камешками и

гишеровая бусина, за затылочными костями – костяная булава.

Этот пример показывает, что интерпретация находок погребенных в боковых камерах Майкопского кургана как лиц, наделенных женской символикой, не противоречит канонам погребальной практики МНО, хотя статистически это обосновано еще не вполне убедительно.

Подытожим изложенное выше. Приведенные примеры находок налобных лент из металла в погребениях Южного Кавказа, Восточной Анатолии и Южной Месопотамии во время позднего урукского и раннединастического периодов подтверждают, что такие украшения были связаны с захоронениями женщин, служительниц культа плодородия.

Шумерийские примеры однозначно связывают налобные ленты, венки из листьев, розетки-цветы, булавки в виде Древа Жизни с атрибутами культа Инанны, причастность к которому отдельных знатных дам достаточно определена.

Зачатки шумерийского культа Древа Жизни и его материального воплощения в символике украшений прослеживаются в предшествующее время. Майкопский курган, видимо, дает более ранние свидетельства этого культа в его ирано-месопотамском варианте. В Майкопском кургане мы видим не только две золотые ленты, но и сами цветы волшебного дерева, изображение этого растения в горной стране, орнаменты в стиле “плетенки” – символы цвета Древа Жизни.

Вместе с тем символика Древа Жизни и его плодов и их заменителей (композиции фестонов-плетенок) уводят нас еще в большую древность к культуре Халафа в Месопотамии (рис. 4, 4–6). В ней ярко расцвели традиции расписной керамики с изображениями деревьев, а также их плодов – фестонов-плетенок (von Oppenheim, 1943. Taf. XLIX, 7, 9; История Древнего Востока, 1983. С. 79).

Но как тогда обстоит дело с инвентарем, который явно связан с мужскими видами занятий, а не с женскими? Для ответа на этот вопрос обратимся к особенностям культа Инанны-Иштар на Переднем Востоке и других великих богинь-женщин на Кавказе.

В индоевропейских религиях и мифологии древних иранцев имеются божества особого рода. Они обладали чертами как женщины, так и мужчины. Их называют андрогенными божествами, выступающими то в женской ипостаси, то в мужской. Эти божества объединяли женское и мужское начало, бог и богиня могли называться одним именем. Например, Геродот отождествляет западноиранского Митру с ассирийской Милиттой, тождественной по

⁵ Головной убор “шугур” фигурирует в повести о Лугальбанде. Лугальбанда использует его при знакомстве с детенышем птицы-монстра Арзундом. Он возложил на голову орленку венец “шугур” (Афанасьева, 1997. С. 193). Трудно идентифицировать “шугур” с находками царского кладбища в Уре. Может быть, это особая лента, покрыта плетенкой на золотом парике Мескаламдуга (рис. 7, 12).

функциям с древнеиранской Анахит и Афродитой Уранией. Андрогенным был, скорей всего, древнеиранский прототип богини Табити. Она имеет родство с авестийским Атаром и древнеиндийским Агни. Сам Агни – также андрогенное существо: он был отцом и матерью для людей. Андрогенным был изначальный бог (асура) в ведийской мифологии, который, будучи богом мужского пола, “первым стал рождать”. Осетинская богиня животных и охоты в мифах Дал сливается с мужским персонажем в виде всадника, образуя пару Дал/Апсат, параллели этой паре есть в мифах абхазов, адыгов, древних индийцев, скифов.

Но, конечно, андрогенные божества были не только в индоевропейских религиях. У абхазов бог лесной дичи Ажвейпшаа в древности выступал в женской ипостаси (Дзицойты, 2003. С. 60–63). Согласно мифам Ближнего Востока, единственным божеством, которое имеет мужскую и женскую ипостаси, является богиня Инанна, хурритский эквивалент – Шавушка. В святилище Язылика она изображена как среди женских божеств, так и среди мужских. Хурриты приносили ей в жертву как женские атрибуты (веретено), так и мужские (топор, лук, стрелы). Своих врагов Инанна–Шавушка наказывала изменением пола. Это свойство характерно также и для месопотамской Инанны (Wegner, 1981; Тамазашвили, 2011. С. 230, 231). Само имя богини – Шавушка, – возможно, происходит от хурритского слова “оружие”. Она – сестра бога Тешуба. Ее священное животное – лев. Шавушка – богиня-воительница, победительница змея Хедammu (Хачикян, 1988. С. 637).

Таким образом, погребенная в Майкопском кургане с необычной пышностью и обилием золота могла быть жрицей – служительницей или земным воплощением самой Инанны, богини плодородия и войны. На нее могли распространяться черты андрогенного существа, которому приносят в дар предметы мужской и воинской деятельности наряду с символами женских занятий. Ее похоронили с соблюдением особых почестей и отправили в загробный мир в сопровождении двух служанок знатного рода.

Означает ли это, что культ Инанны возник именно на Кавказе? Нет, конечно. Но Предкавказье и территория майкопско-новосвободненской общности могли входить в обширную зону к северу и востоку от Месопотамии, где формировался культ этой горной великой богини, вырабатывались ее символы и символы южного⁶, ирано-месопотамского варианта

мифа о Древе Жизни. Сам же этот процесс начался задолго до эпохи ранних династий шумеров и майкопско-новосвободненской общности, по крайней мере, с культуры Халафа в V тыс. до н.э. и соответствующих ей по времени культур Ирана.

Благодарю Ю.Ю. Пиотровского за очередную возможность познакомиться с коллекцией Большого Майкопского кургана в Государственном Эрмитаже.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Андреева М.В. Об изображениях на серебряных сосудах из Большого Майкопского кургана // СА. 1979. № 1.
- Афанасьева В.К. От начала начал. Антология шумерийской поэзии. М., 1997.
- Афанасьева В.К. Орел и змея в изобразительности и литературе Двуречья. М., 2007.
- Бурдо Н.Б. Городница-II, скарб // Енциклопедія Трипільської цивілізації. Київ, 2004.
- Веселовский Н.И. Раскопки Майкопского кургана // ОАК за 1897 г. СПб., 1900.
- Вулли Л. Ур халдеев. М., 1961.
- Гарсиласо де ла Вега И. История государства Инков. Л., 1974.
- Джавахишвили А.И., Глonti Л.И. Урбниси I. Тбилиси, 1962.
- Дзицойты Ю.А. Нартовский эпос и Амираниани. Цхинвал, 2003.
- История Древнего Востока. Зарождение древнейших классовых обществ и первые очаги рабовладельческой цивилизации. Ч. I. Месопотамия / Под ред. И.М. Дьяконова. М., 1983.
- Кияшко В.Я. Многослойное поселение Раздорское 1 на Нижнем Дону // КСИА. 1987. Вып. 192.
- Кияшко В.Я. Отчет о работах на Раздорском поселении в 1988 г. // Архив ИА РАН. 1999. Р-1. № 12 596.
- Кореневский С.Н. К вопросу о месте производства металлических вещей Майкопского кургана // Вопросы археологии Адыгеи. Майкоп, 1988.
- Кореневский С.Н. Древнейшие земледельцы и скотоводы Предкавказья (Майкопско-новосвободненская общность, проблемы внутренней типологии). М., 2004.
- Кореневский С.Н. Кинжалы раннемайкопского типа на Кавказе // Население Кавказа и его соседей в эпоху бронзы и раннего железа. Армавир, 2008.
- Кореневский С.Н. Древнейший металл Предкавказья (Типология. Историко-культурный аспект). М., 2011.
- Кореневский С.Н., Атабиев Б.Х., Аккизов А.Я., Хаширов А.Х. Майкопские погребения кургана 1 на р. Кудахурт в Балкарии // Археология Кавказа и Ближнего Востока. М., 2008.

⁶ Миф о Древе Жизни имеет несколько вариантов: например северный, отраженный в германо-скандинавской мифологии.

- Кореневский С.Н., Белинский А.Б., Калмыков А.А.* Большой Ипатовский курган на Ставрополье. М., 2007.
- Кореневский С.Н., Резепкин А.Д.* Радиоуглеродная хронология памятников круга Майкопского кургана и Новосвободненских гробниц // Проблемы истории, философии, культуры. Вып. XXII. М.; Магнитогорск; Новосибирск, 2008.
- Кореневский С.Н., Ростунов В.Л.* Большие курганы майкопской культуры у с. Заманкул в Северной Осетии // Памятники археологии и древнего искусства Евразии. М., 2004.
- Кушнарева К.Х., Чубинишвили Т.Н.* Древние культуры Южного Кавказа. Л., 1970.
- Ловпаче Н.Г.* Могильники в устье реки Псекупса // Вопросы археологии Адыгеи. Майкоп, 1985.
- Мунчаев Р.М.* Кавказ на заре бронзового века. М., 1975.
- Музебли Н.* Результаты раскопок поселения Пойлу II Лейлатепинской культуры // Археология, этнография и фольклористика Кавказа. Тбилиси, 2010.
- Отчет Археологической комиссии за 1897 г. СПб., 1900.
- Редер Д.Г.* Мифы и легенды Древнего Двуречья. М., 1965.
- Тамазашвили К.* Антропоморфные очаги и очажные подставки куро-аракской культуры // Археология, этнология, фольклористика Кавказа. Тбилиси, 2011.
- Фармаковский Б.В.* Архаический период в России. СПб., 1914.
- Хачикян М.Л.* Шавушка // Мифы народов мира. Т. 2. М., 1988.
- Boehmer R.M.* Der figürlich verzierte Becher von Karašamb // Archäologische Mitteilungen aus Iran und Turan. Bd. 34. Berlin, 2002.
- Frankfort H.* The Art and Architecture of the Ancient Orient. L., 1954.
- Frangipane M., di Nocera G.M., Hauptmann A. et al.* New Symbols of New Power in a "Royal" Tomb from 3000 BC Arslantepe, Malatya (Turkey) // Paléorient. 2001. V. 27/2.
- Helwing B.* Early Towns in Iran // Eds T. Stöllner, R. Slotta and A. Vatandoust. Persiens Antike Pracht. Bochum, 2004.
- Majidzadeh Y.* Jiroft: The Earliest Oriental Civilization. Tehran, 2003.
- Restelli F.* The local Late Chalcolithic (LC3) occupation at Zeytinal Bahce (Birecik, Sanli-Urfu): the ceramic production // Anatolian Studies. 2006. № 56.
- Rostovtzev M.* L'age du cuivre dans le Caucase septentrional et les civilisations de Soumer et de l'Egypte protodynastique // Revue archéologique. 1920a. XII.
- Rostovtzev M.* The Sumerian treasure of Astrabad // Jr. Egyptian archaeology. V. VI. L., 1920b.
- Rostovtzeff M.* Iranians and Greeks in South Russia. Oxford, 1922.
- van Buren E. Duoglas.* The Fauna of Ancient Mesopotamia as represented in Art. Roma, 1939.
- von Oppenheim M.F.* Tell Halaf. Berlin, 1943.
- Wegner I.* Gestalt und Kult der Istar-Savuska in Kleinasien. Neukirchen-Vluyn, 1981.
- Woolley C.L.* The Royal Cemetery. V. I, II. L.; Philadelphia, 1934 (Ur Excavations; II).

МОДЕЛИРОВАНИЕ ЧЕРЕПОВ НА ТЕРРИТОРИИ ЛЕВАНТА В ПЕРИОД ДОКЕРАМИЧЕСКОГО НЕОЛИТА Б

© 2012 г. Т.В. Корниенко

Воронежский государственный педагогический университет (zigzina@rambler.ru)

Ключевые слова: *Левант, докерамический неолит, моделированные черепа, культ предков, жертвоприношения, продуцирующие обряды.*

The so-called modeled skulls that have been found at several sites in the Levantine region (in Jericho, Bay-samun, Tell Ramad, Ayn Ghasal, Yiftahel, Tell Aswad, Nahal Hemar and Kfar Hahoreh) continue to be a much-discussed topic among researchers. At present we know of about 100 such objects, which date mainly to Middle Pre-Pottery Neolithic B (MPPNB). The discussions have been focusing on two main questions, namely, who was it that the skulls belonged to, and what was the meaning of the rites they were used for. The author uses archaeological, anthropological and ethnographic data to give an interpretation of the skull-modeling tradition as part of the fertility rites that were practiced in the Pre-Pottery Neolithic.

Свидетельства зарождения культа черепов – животных и человека – известны с эпох раннего и среднего палеолита. В период верхнего палеолита широкое распространение получает культ человеческих черепов. В ранненеолитических поселениях он приобретает новую значимость и новые черты выражения, зафиксированные, в частности, на территории Ближнего Востока традицией выставления и/или помещения моделированных (с глиняной обмазкой) человеческих черепов в специальные хранилища. Для данного периода и региона также характерны скопления отделенных от тела черепов без обмазки и их изолированное или совместное с другими человеческими останками хранение в границах помещений. В редких случаях фиксируются находки одиночных черепов. Среди немоделированных объектов встречаются покрытые красной охрой экземпляры. Погребения обезглавленных тел обычно устраивали под полами строений.

Уже материалы раскопок Айн Маллахи, Хайони-ма и Нахал Орена, натуфийских поселений эпохи эппалеолита представили специально оформленные – раскрашенные и/или украшенные раковинами моллюсков – отдельно хранимые черепа людей (Cauvin, 1994; Мерперт, 2000. С. 55, 58. Рис. 3, 4). Наибольший же интерес и неутрачивающие споры исследователей вызвали встреченные на ряде памятников левантийского региона моделированные черепа, которым после удаления мягких тканей и высушивания, с помощью глиняной и гипсовой обмазки, иногда битума и натуральной краски, инкрустации глаз морскими раковинами придавалось подобие головы с восстановленными чертами лица.

Впервые такие черепа с “восстановленными” лицами (10, по другим данным – 12 объектов) были открыты в 50-е годы XX в. в Иерихоне раскопками К. Кеньон (Kenyon, 1956; 1957). За последующие десятилетия подобные свидетельства обнаружены в особых местах расположения на поселениях Бейсамун, Телль Рамад, Айн Гхасаль, Ифтахель, Телль Асвад, а также в пещере Нахал Хемар и в Кфар Хахореше¹ (рис. 1). В двух последних памятниках сопутствующие материалы показывают, что эти комплексы были полностью посвящены культовой ритуальной сфере (Arensburg, HersHKovitz, 1988; Goring-Morris, 2000).

Всего известно более 100 моделированных черепов, относящихся преимущественно к периоду MPPNB (для Телль Рамада и Телль Асвада возможна датировка поздним периодом LPPNB)². Все они географически соответствуют сравнительно

¹ Обзор моделированных черепов из Иерихона, Айн Гхасали, Телль Рамада, Нахал Хемара и Бейсамуна с описанием их мест обнаружения и результатами антропологических исследований на русском языке дан в работах В.А. Алекшина (1994) и М.Б. Медниковой (2001. С. 230–232; 2004. С. 164–167). Отчеты недавнего времени о подобных находках в Телль Асваде, Ифтахеле и Кфар Хахореше см. Stordeur, 2003; Stordeur, Khawam, 2007; Khalaily et al., 2008.

² Обнаружен также целиком покрытый гипсом и поверхностным слоем охры череп женщины 21–24 лет в ходе раскопок поздненеолитических слоев Кейс Гуока в Центральной Анатолии (Медникова, 2001. С. 232). Эта уникальная для позднего неолита находка соответствует другим свидетельствам отзвуков символических традиций Северной Месопотамии и Леванта времени PPNB в поздненеолитических памятниках, Центральной Анатолии, фиксирующихся, например, на таких поселениях, как Чатал Гуок и Хаджилар.

Рис. 1. Карта Леванта с памятниками натufийского периода и эпохи докерамического неолита, упоминаемыми в статье.

небольшому региону, включающему район Иорданской низменности и прилегающие к Дамаску территории. Отмечаются различия в контексте и оформлении находок (рис. 2, 1–3; 3). Однако в любом случае материалы свидетельствуют о производимых с ними сложных манипуляциях и их отдельной локализации. На поверхности черепов фиксируются следы от орудий, которыми удалялись мягкие ткани. Нижняя челюсть у некоторых черепов отсутствует, она восстанавливалась искусственным путем при помощи обмазки. Обнаружены специальные, в том числе антропоморфного вида подставки для выставления черепов (Rollefson, Simmons, 1984. Р. 25; Алекшин, 1994. С. 60, 61, 65. Рис. 1, 5). Исследователи сходятся в оценке того, что моделированные черепа не только являются свидетельствами особого вида погребальных практик, но в свое время, несомненно, служили важными предметами культа. Судя по незначительному количеству обнаруженных моделированных черепов, даже если сравнивать его с находками погребений обезглавленных тел и групп черепов без следов моделирования, понятно, что такое оформление осуществлялось только по отношению к избранным (по тем или иным критериям) останкам. Основная дискуссия развернулась вокруг двух во-

просов: кому принадлежали эти черепа и значение осуществлявшихся с ними обрядов.

Со времен К. Кеньон и до сих пор наиболее распространенной остается точка зрения о принадлежности моделированных черепов выдающимся предкам. Соответственно поклонение этим предкам, способствовавшее интеграции коллектива родственников, – главный смысл осуществлявшихся с моделированными черепами обрядов.

Тщательно проработанные индивидуальные черты восстановленных лиц отмечались некоторыми исследователями в качестве важного аргумента для определения моделированных черепов как своеобразных портретов или даже погребальных масок конкретных людей, почитаемых после смерти родственниками (Kenyon, 1956. Р. 186; Казанский, 1985; Антонова, Литвинский, 1998. С. 44). С другой стороны, замечено, что многие восстановленные головы сделаны схематично, с искаженными пропорциями и не могут изображать реальных покойников (Strouhal, 1973. Р. 243; Алекшин, 1994. С. 62).

По отношению к теории отражения культа предков в традиции моделирования черепов высказывались разные мнения. Например, авторитетный исследователь доистории и ранней истории Ближнего Востока Д. Шмандт-Бессерат резко заявила, что на древнем Ближнем Востоке никогда не выражали почтение к предкам путем отрезания у них голов. В соответствии с ближневосточными верованиями, замечает она, человеческие черепа содержат исцеляющую и предсказательную силу, следовательно, моделированные черепа весьма вероятно имели лечебное и гадательное предназначение, при этом вряд ли принадлежали предкам (Schmandt-Besserat, 2003). С выводом исследовательницы о том, что люди, поклоняясь черепам, стремились во благо себе использовать сакральную силу, заключенную в голове как вместилище важных жизненных потенций, на наш взгляд, нельзя не согласиться. Эта мысль обосновывалась и ранее (см., например: Авдеев, 1959. С. 94). Однако тезис Д. Шмандт-Бессерат о сомнительной принадлежности моделированных черепов предкам вызывает закономерный вопрос. Кому же тогда принадлежат погребенные в жилых частях поселения в массовом количестве, главным образом под полами домов, обезглавленные тела, как не жившим там прежде людям? Судя по всему, именно из их могил, по крайней мере в большинстве случаев, извлекались черепа для последующей обработки и применения в обрядовой деятельности (как и другие черепа, немоделированные, которые погребались по отдельности или группами, иногда вместе с восстановленными черепами тоже под полами домов). По справедливому замечанию

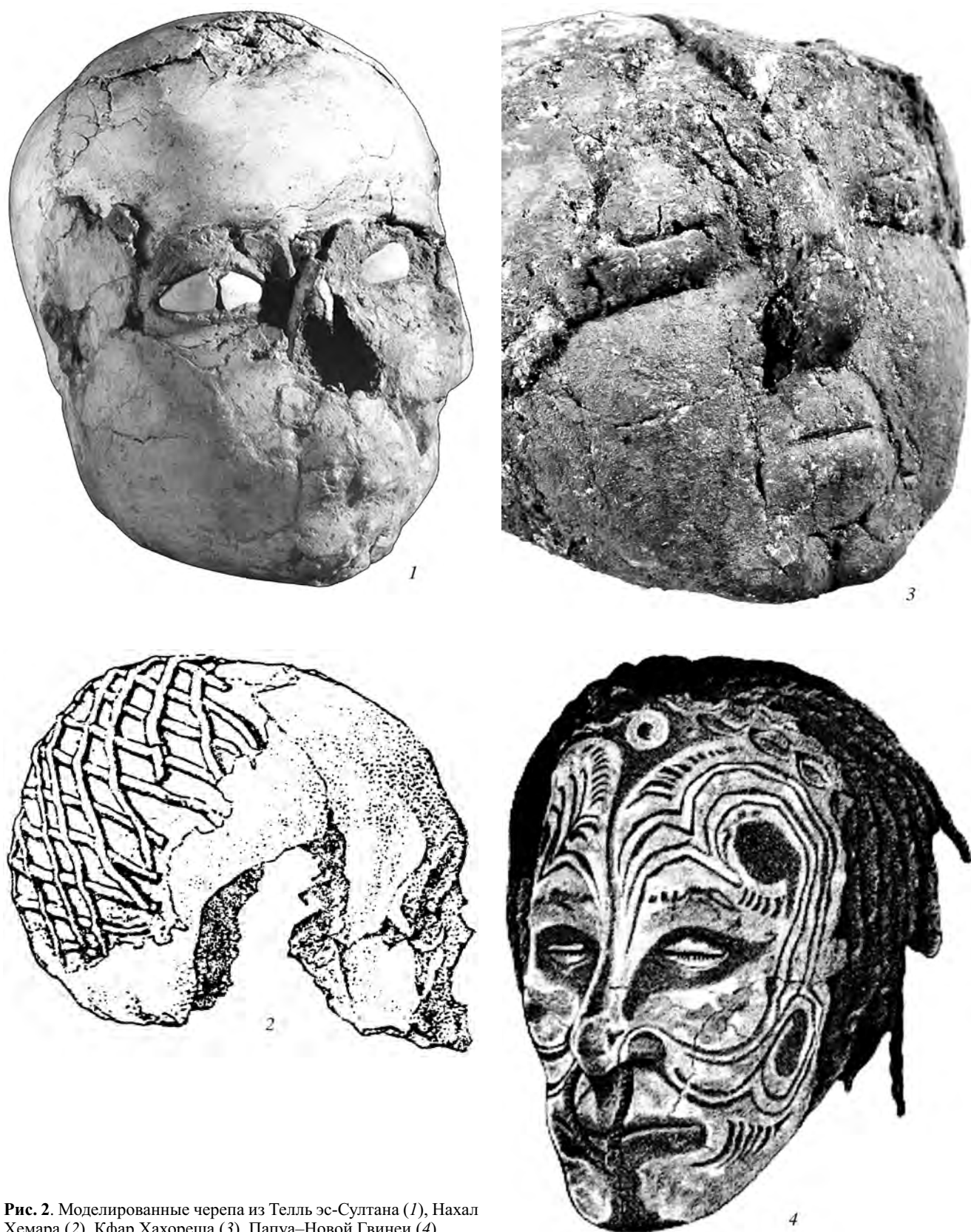

Рис. 2. Моделированные черепа из Телль эс-Султана (1), Нахал Хемара (2), Кфар Хахореша (3), Папуа–Новой Гвинеи (4).

В.А. Алекшина, враждебных общине людей не стали бы хоронить на территории поселения, особенно в таком количестве (1994. С. 62). Проведенные антропологические исследования человеческих останков нескольких сот индивидов и сопутствующих им материалов из Телль эс-Султана (Иерихона) позволили в общих чертах реконструировать проводимые здесь с умершими действия. Черепа изымались по прошествии определенного времени после погребения либо из первичных захоронений, либо в процессе перезахоронения. К моменту вскрытия могилы связки уже успевали истлеть и голову легко можно было отделить от туловища. Очевидно, после похорон участок могилы, где размещалась голова покойного, отмечался на поверхности надмогильным знаком (Kurth, Röhrer-Ertl, 1981. Р. 433, 435). Следует заметить, что фиксируемые для эпохи докерамического неолита традиции обращения с телами умерших родственников действительно сильно отличаются от тех, которые появились в более поздние периоды на территории Ближнего Востока. Однако и в эпоху раннего неолита почтение к умершим членам коллектива соблюдалось, только иным образом – путем проведения похорон и последующих сложных постпогребальных процедур с останками тела: вскрытия и перезахоронения основной части скелета; отделения и перезахоронения или же выставления черепов, в особых случаях после их восстановления. Моделированные черепа располагались в специально оборудованных хранилищах (часто совместно с немоделированными). Время от времени их извлекали оттуда для участия в событиях обрядовой жизни коллектива, интегрируя в мир живых (о свидетельствах “сработанности” таких культовых объектов см., например: Stordeur, 2003. Р. 114; этнографические данные о подобных действиях с черепами: Авдеев, 1959. С. 94, 95). В дальнейшем, после периода активного использования, их либо изолировали как вышедшие из употребления культовые объекты, либо помещали в семантически значимые конструкции построек. М.Б. Медникова обращает внимание на разное значение частей тела в данном контексте. Тело (скелет) связано с нижним миром; голова (черепа) становится элементом архитектуры жилищ и культовых сооружений, возможно, принимая на себя позитивную функцию, воплощенную в культе предков (Медникова, 2004. С. 166).

М. Верховен ссылается на интересные этнографические примеры об использовании человеческих черепов, моделированных и нет, в ритуалах разных народов. В племенах нага, живущих в районе северной границы Индии и Пакистана, верят в существование мощной жизненной силы, которая, главным образом, сосредоточена в голове. Она обеспечивает

Рис. 3. Моделированные черепа *in situ* в момент раскопок: Ифтахель (1), Телль Асвад (2).

богатство, плодородие и благополучие во всем и может быть передана различными способами: как при жизни, так и после смерти человека. В связи с этим охота за головами – довольно распространенное явление среди нага. Взять голову врага и принести ее в деревню значит увеличить запас плодородия и процветания для всего сообщества. Черепа используются как предметы культа в ритуалах на праздниках нага, связанных со смертью и севом.

По этнографическим данным также известно, что мужские дома племени иатмул в Новой Гвинее украшены выставленными в нишах или повешенными на специальные крючки моделированными черепами предков и убитых врагов. По способу оформления эти восстановленные черепа (рис. 2, 4) сильно напоминают моделированные черепа с территории Леванта периода PPNB. Как выяснили этнографы, среди рассматриваемых объектов культа племени иатмул находятся черепа важных членов сообщества и “особенно красивых людей”. Моде-

лированные черепа используются в различных ритуалах, связанных, главным образом, с рождением и смертью (Verhoeven, 2002. Р. 249–251. Fig. 9). В книге М.Б. Медниковой также приводится значительное количество сравнительного археологического и этнографического материалов, иллюстрирующих возможные проявления обычая отчленения, моделирования и хранения черепов, в том числе черепов, принадлежавших врагам (2004. С. 162. Рис. 42, 44).

Таким образом, этнографические данные показывают возможность одновременного использования восстановленных черепов предков – важных членов сообщества, черепов врагов и черепов особенно красивых людей в качестве культовых объектов, которые выставлялись (или хранились) как в общественно важных постройках на поселении, так и в жилищах. Во всех случаях несомненную ценность представляла сама голова/череп человека, где, как верили, заключена особая сакральная сила.

М. Боногофски, проводивший лабораторные антропологические исследования более 60 моделированных черепов эпохи PPNB, указывает на тот факт, что среди обезглавленных скелетов и найденных восстановленных черепов представлены останки молодых мужчин и женщин, а также детей, т.е. людей слишком юных, чтобы быть для кого-то предками (Bonogofsky, 2004). Г.О. Роллефсон возражает ему, отмечая, что молодой возраст не обязательно должен служить помехой при рассмотрении человека как важного звена культа предков. Наоборот, через законы о первородстве (или по каким-то другим социальным критериям) к самому старшему ребенку в семье всегда особое отношение, поскольку именно он является важным связующим звеном с предыдущими родственниками по прямой линии. Останки этого человека независимо от его возраста и пола вполне могут рассматриваться как наделенные особой силой, включая способности к исцелению, защите от зла, предсказанию и прорицанию (Rollefson, 2005. Р. 51). Но в данном случае понятно, что речь идет не о культе конкретных предков, скорее направленность совершавшихся с останками подобных индивидов обрядов касается решения задач поддержания непрерывности в развитии рода, его продолжения и процветания.

К интересным выводам приходит В.А. Алекшин после тщательного анализа доступных в начале 90-х годов прошлого века материалов, связанных с участием человеческих черепов в обрядах неолита Юго-Западной Азии. Ученый выявил устойчивую традицию укладывания вместе мужских и женских черепов, что, по его мнению, указывает на обряды, которые требовали совместного участия в них

символов мужского и женского начала. Ритуальные действия в этом случае, безусловно, были связаны с культом плодородия. Обряд символизировал брачное соединение для усиления плодovitости природы с целью получить не только богатый урожай, но и благополучие для всей общины. Исследователь заключает, что перед нами одно из самых ранних свидетельств обряда “священного брака”, хорошо известного по древневосточным письменным источникам. Детские черепа, часто сопровождавшие головы священных супругов, вероятно, символизировали плодovitость их брачного союза (Алекшин, 1994. С. 63–65).

Скопления моделированных черепов, как правило, связаны с местами захоронений, жертвоприношений и/или собраний предметов символического характера (Нахал Хемар, Кфар Хакореш, Телль Асвад, Телль Рамад, Иерихон и др.). Следует обратить внимание на совместное расположение останков человека (в том числе восстановленных черепов), животных (бык, газель) и растений (фиштакки), зафиксированное в Кфар Хакореше, Телль Асваде и на других памятниках. В качестве сопутствующих им артефактов отмечаются наконечники стрел, терочные камни, бусины, жемчужины, следы долгое время использовавшихся очагов, принесенного издалека пепла и остатков сожженных органических материалов. Эти свидетельства относятся не к конкретным черепам или захоронениям, но в целом к выделяющимся из общего поселенческого пространства ритуальным зонам.

Данные факты соответствуют другим известным материалам, говорящим в пользу функционирования системы видимого эгалитаризма в регионе того времени. Особенно впечатляюще среди рассматриваемых комплексов свидетельства манипуляций с нижними челюстями людей и животных, а также выложенные из костей человека и животных “фигурные мозаики” в Кфар Хакореше (Goring-Morris et al., 1998; Goring-Morris, 2000). Эти действия могли быть связаны с родовыми тотемными представлениями, но также с идеей возрождения и всеобщего плодородия, благополучия и умножения (в том числе в орудийном производстве).

Оформление черепов из Нахал Хемара и некоторые их иные характеристики во многом отличны от материалов всех остальных исследованных к настоящему времени восстановленных черепов. Обнаруженный на данном памятнике тайник содержал не менее восьми мужских черепов, три из них (по другим данным, пять) имели покрытие из битума в затылочной области. Поверх первого сплошного слоя обмазки тем же материалом в виде тонких жгутов были рельефно сделаны сетчатые узоры

(Arensburg, Hershkovitz, 1988. P. 53, 54), которые воспроизводят прическу, “сетку для волос” или головной убор (рис. 2, 2). “Судя по опубликованным фотографиям, латеральная поверхность этих черепов сильно разрушена, возможно, искусственно” (Медникова, 2001. С. 232). Вероятно, лицевые части закрывались каменными масками (отсюда и следы разрушений). Две такие маски обнаружены здесь же. Одна из них, с пятнами красной краски на подбородке, сохранилась фрагментарно. Вторая (26 × 24 см) с красным пятном на щеке, прочерченными усами и отпечатками волос на подбородке имитирует мужское лицо. По ее краям просверлено 18 дырочек, очевидно, для привязывания к черепу. Кроме того, в тайнике найдены остатки крупноформатной антропоморфной статуи, фигурки животных и фрагменты шапочки, орнамент которой аналогичен “прическам” на черепах (Schick, 1988). По мнению В.А. Алекшина, шапочку мог надевать человек, игравший главную роль в обрядах. В пещере-святилище, видимо, разыгрывались сцены вызывания предков и общения с ними для успешного осуществления дел, требующих проявления лучших мужских качеств (охота, война, инициация). Таинственная сила, исходящая от черепов, была нейтрализована с помощью каменных масок. Учитывая то обстоятельство, что пещера направлена входом на восток, обряды могли быть приурочены к восходу солнца. Исследователь полагает, что святилище Нахал Хемар, вероятно, было аналогом мужского дома (Алексин, 1994. С. 71, 72).

Выявленные моделированные черепа молодых индивидуумов обоего пола, по мнению ряда ученых, могли принадлежать лидерам, которые рассматривались современниками как культурные герои (например, удачливым охотникам), по другой версии – специально заранее отбиравшимся по неким иным, в том числе формальным, критериям для данной ритуальной процедуры людям (Dialogue on..., 2005). Антропологические исследования человеческих останков из пещеры Нахал Хемар Б. Эренсбургом и И. Гершковитцем дали неожиданные результаты. Ученые заметили, что обнаруженные там восстановленные черепа отличались особыми морфологическими характеристиками. Процедуре моделирования подвергались только черепа с ненормально широкими лицами. Весьма вероятно, что деформировались они еще в ранние годы жизни людей (Arensburg, Hershkovitz, 1988). Аналогичные результаты были получены С. Меикледжо с группой коллег при изучении скоплений немоделированных черепов из четырех иранских поздненеолитических памятников. Их исследования также выявили доказательства культурной деформации черепов (Meiklejohn et al., 1992).

Подходить к вопросу о существовании зависимости между деформацией и отбором черепов для посмертного ритуального использования на поселениях эпохи неолита следует весьма осторожно, привлекая в каждом конкретном случае широкую выборку антропологического материала. Далеко не все исследованные антропологами моделированные или отделенные от скелета и помещенные в хранилища немоделированные черепа несут следы культурной деформации. Однако интересно, что по времени появления и региону распространения обычай деформации черепа совпадает с фиксацией других материальных свидетельств, указывающих на кульминацию в развитии культа человеческих голов/черепов на Ближнем Востоке, что, в частности, проявилось и в традиции моделирования черепов, проведения с этими культовыми объектами различных обрядов. Палеоантропологами отмечается, что возникновение и устойчивое бытование обычая деформации головы совпадает с территорией Плодородного полумесяца, где расселялись народы древности, осуществлявшие переход к производящему хозяйству (Özbek, 2001; Медникова, 2006. С. 215). Феномен прижизненных и посмертных манипуляций с головой (черепом) человека, ярко проявившийся в эпоху эппалеолита и раннего неолита в зоне Плодородного полумесяца, несомненно, был важной частью складывавшейся в новых условиях системы культовых практик, центральной идеей которой стала идея возрождения и всеобщего плодородия.

По внешнему виду моделированных черепов можно заметить, что для использования в культовых практиках требовались черепа особой формы – с высоким широким сводом и низкой широкой лицевой частью. Для этого черепа отдельных людей намеренно деформировались еще при жизни, либо после смерти посредством обмазки, иногда за счет удаления нижней челюсти. Одна линия интерпретации связывает этот обычай с желанием придать моделируемой голове “геронтоморфологические” характеристики, что отражало представления о преимуществах старых людей и доминирование в религиозной практике того времени культа предков, хотя не все восстановленные черепа были биологически старыми.

Долгое время в рамках данной гипотезы моделированным черепам приписывали ритуальное посмертное удаление зубов (до нанесения обмазки) – обычай дедентации – с целью придания им старческого вида, т.е. вида умудренных опытом уважаемых людей, которые жили достаточно долго, чтобы потерять зубы. Изменяемые таким образом черепа молодых людей в соответствии с культом

предков должны были представлять мифологических отцов-прародителей, вождей или старейшин (см., например: Arensburg, Hershkovitz, 1988. Р. 57; 1989. Р. 129). Исследования М. Боноговски доказали непреднамеренность прижизненной и посмертной потери того или иного количества зубов у черепов, которые впоследствии подверглись процедуре моделирования. Важно, что остальная часть зубов у многих из этих объектов сохранилась и после обмазки. Более того, на многих моделированных черепах потерянные зубы были искусственно восстановлены гипсом (Bonogofsky, 2003. Р. 5–8). Другая точка зрения на ритуальные изменения формы черепа рассматривает обычай деформации головы в контексте становления культа земледельческого плодородия и связанных с ним мотивов всеобщей плодovitости и процветания. При этом фиксируются параллели данных антропологических материалов со свидетельствами антропоморфной пластики ранних земледельцев, а также с древнейшими письменными источниками в истории Передней Азии (подробнее см. Медникова, 2006. С. 211–215. Рис. 1, 2. Табл. 1).

К. Шмидт – один из тех, кто говорит о возможности в коллективах эпохи докерамического неолита предварительного определения людей, чья форма головы либо изначально отличалась от обычной, либо ее преднамеренно деформировали прижизненно или посмертно. Черепа этих людей моделировались и становились предметами культа. Наличие большого количества среди моделированных черепов и среди погребенных в расчлененном состоянии костяков останков детей и людей молодого возраста наводит его на мысль о вероятности их насильственной смерти с целью жертвоприношения (Schmidt, 2006a, S. 41, 42, 245, 246). Различного рода косвенные данные указывают на возможное осуществление подобных действий в эпоху докерамического неолита.

В ранненеолитических слоях квадрата FI Иерихона раскопано круглое сооружение диаметром 2 м с центральным углублением-резервуаром глубиной 20 см. Под его каменным фундаментом найдены черепа пяти младенцев с шейными позвонками (Excavations at Jericho, 1981. Р. 49). Головы их были отрублены или отделены от тел, когда связки еще сохранялись. В квадрате EI, II, V между камнями основания стены одного из помещений расчищен череп ребенка (Excavations at Jericho, 1981. Р. 300). В.А. Алексин рассматривает оба случая как типичные закладные жертвы, при этом гипотезу о человеческих жертвоприношениях в связи с моделированными черепами ученый категорически отвергает (1994. С. 62, 75).

Здесь необходимо подчеркнуть, что известные варианты контекстов обнаружения моделированных и немоделированных черепов мало чем отличаются друг от друга: находились ли черепа в “гнездах” под полами жилых построек, выставлялись ли они на специальных подставках для обозрения или использовались в качестве закладных жертв, помещаясь в семантически значимые части домов или общественных сооружений специального назначения. Довольно часто те и другие черепа располагались совместно, без каких-либо предпочтений по отношению к восстановленным черепам. Эти обстоятельства, на наш взгляд, позволяют предполагать и для моделированных черепов, по крайней мере в некоторых случаях, применение процедуры отчленения головы от тела, а не изъятие этих черепов из могил по прошествии времени, когда связки успевали истлеть. В силу специфики проводившейся обработки – очищения от мягких тканей и высушивания перед восстановлением – такие черепа не сохранили позвонки в качестве наглядных свидетельств отчленения головы от тела.

Три плохо сохранившихся черепа обнаружены во время раскопок неординарного по многим показателям строения (дома 12) ранненеолитического поселения Букрас (Средний Евфрат, Сирия). Предположительно женский череп располагался в левом углу от входа. Вместе с ним обнаружено несколько позвонков, что указывает на отчленение головы от тела. В правом углу от входа найден череп ребенка примерно восьми лет. Оба объекта выявлены в заполнении над нижним полом и, видимо, относятся к верхнему уничтоженному эрозией полу. Обожженные фрагменты еще одного черепа были разбросаны по комнате (Akkermans et al., 1983. Р. 344, 355, 356, 365–370). Сопоставимые обстоятельства расположения в вестибюле у входа неординарной постройки периода PPNB зафиксированы для двух моделированных черепов на поселении Бейсамун. Они обнаружены между вымосткой пола вестибюля и стеной основной комнаты этого строения, на уровне пола предвратного помещения (Lechevallier, 1978. Р. 135. Fig. 47, 150, 151; Алексин, 1994. С. 69, 70).

С синхронных и близко сопоставимых с левантийскими памятников соседней территории Северной Месопотамии происходят изображения обезглавленных людей (не скелетов), нанесенные на семантически значимые объекты в общественных постройках культового назначения. Среди них можно назвать процарапанный рисунок на плите скамьи в общественном сооружении культового назначения строения ЕА 100 Жерф эль Ахмара (Stordeur, Brenet, 2000. Р. 40) и рельефное изобра-

жение на одной из Т-образных стел – столбе 43 – в строении D межплеменного ритуального комплекса Гёбекли Тепе (Schmidt, 2006b. Р. 38–40. Fig. 2). Весьма выразительны в данном контексте также свидетельства многокомнатного Дома черепов или Дома мертвых, функционировавшего с несколькими перестройками в PPNA, PPNB периоды на Чайёню Тепеси (подробнее см. Корниенко, 2006. С. 47–49, 51–54. Карта 1. Рис. 14, 17, 19).

В целом, в пределах этого сооружения обнаружены останки не менее 400 человек, что составило приблизительно 70% от общего количества выявленных на памятнике захоронений. В общей сумме здесь зафиксированы свидетельства около 90 черепов. Под полами и на территории, примыкающей к Дому мертвых, находились наполненные человеческими костями ямы, склепы и единичные захоронения. Некоторые из них содержали останки обезглавленных людей, реже – полных трупов и большинство – различные фрагменты человеческих скелетов. Определяются первичные и вторичные захоронения. Среди костей найдены бусины из камня и малахита.

В развалинах самого позднего строительного уровня собраны многочисленные фрагменты черепов, принадлежавших, как минимум, 71 индивидууму (44 принадлежали мужчинам и женщинам в возрасте 18–29 лет, 11 – детям, интересно, что черепа детей младше 2,5 лет не представлены). Отчлененные черепа в подавляющем большинстве хранились/выставлялись в верхних помещениях, остальные части скелетов, как правило, размещали под полами постройки, в ямах и склепах. Большинство черепов найдено в восточной части сооружения вместе с костями различных животных. Кроме того, одна из огораживающих двор стен с внутренней стороны была украшена рогатым черепом зубра. Строение уничтожено огнем, который сильно повредил черепа. Их изучение показало, что в момент отделения голов от тел нижние челюсти и некоторые позвонки были еще надежно связаны с черепами и что одни черепа были высушены перед пожаром, другие – еще нет. Следовательно накопление черепов в сооружении происходило постепенно. Рядом с западной стеной во дворе этого строения обнаружена отполированная каменная плита, размеры поверхности которой – 260 × 165 см. Розовый камень, из которого сделана плита, не встречается в окрестностях Чайёню (Mellink, 1990. Р. 127; Özbek, 1992. Р. 374; Алексин, 1994. С. 74; Özdoğan, 1999. Р. 51, 52; Le Mort et al., 2001. Р. 40). Есть основания рассматривать данный объект как место жертвоприношений. Лабораторные исследования выявили на плите следы человеческой крови

и крови животных (Özbek, 1988. Р. 127–138; Wood, 1992. Р. 374).

Свидетельства, полученные при исследовании Дома черепов Чайёню, а также другие приведенные выше данные заставляют серьезно относиться к гипотезе о человеческих жертвоприношениях, совершавшихся на поселениях докерамического неолита. Это впечатление усиливается, когда мы обращаемся к обширной этнографической и культурологической научной литературе, посвященной языческим культам раннеземледельческих народов и их отголоскам в более поздних религиозных традициях и фольклоре (Медникова, 2001. С. 136–175; 2004. С. 26–46). Распространение среди погребальных практик эпохи докерамического неолита обычая перезахоронений, разделения на части скелетов/тел умерших и их отдельного погребения не противоречит гипотезе об осуществлении жертвоприношений теми же коллективами. М.Б. Медникова, изучавшая на обширном антропологическом материале проблему человеческих жертвоприношений, отмечает: «Можно с достаточной уверенностью говорить о том, что мотив манипуляций с телом живого или мертвого человека смыкается с идеей жертвоприношения во благо общества, с попытками обеспечить плодородие, устойчивость мироздания и “мифом о вечном возвращении”» (2001. С. 142).

В целом представленные в данной статье археологические, антропологические и этнографические данные позволяют сделать вывод о том, что значение моделированных черепов в эпоху раннего неолита было шире, чем только лишь поклонение выдающимся предкам. Принадлежность всех этих черепов исключительно культурным героям, вождям или старейшинам, учитывая значительное количество черепов детей и подростков среди обсуждаемой выборки материалов, крайне сомнительна. Малоперспективной выглядит также выдвигавшаяся Дж. Меллартом гипотеза об изображении моделированными черепами ранненеолитических божеств (Mellaart, 1975. Р. 62), поскольку помимо самого моделирования индивидуальный подход в обращении с ними в сравнении с невосстановленными черепами четко не проявляется. Известны и промежуточные варианты оформления черепов – покрытие их слоем охры без обмазки.

Очевидна принадлежность большинства черепов, использовавшихся как культовые предметы, умершим членам коллективов. И в данном случае культ предков был совмещен с культом всеобщего плодородия/воспроизводства. Весьма вероятно наличие среди моделированных черепов останков людей, специально выбранных по тем или иным критериям и/или подготовленных и умерщвленных

во время соответствующих обрядовых церемоний. Особая форма головы в ряде случаев могла быть одним из таких критериев. На сегодняшний день нет достаточных оснований исключать и вероятность использования черепов убитых врагов или иных людей – не соплеменников – в качестве культовых предметов на поселениях докерамического неолита.

Комплексное рассмотрение источников показывает, что в эпоху неолита сама голова/череп человека, а также манипуляции, осуществлявшиеся с ней в ритуальных целях, имели важное сакральное значение. Голова человека определялась в качестве вместилища сверхъестественной силы, которая, очевидно, могла использоваться универсальным образом: для лечения, предсказаний, защиты от зла, обеспечения плодородности почвы, плодovitости растений, животных и людей, увеличения орудийного инвентаря и т.д. Имеющиеся материалы фиксируют различия в ритуалах, где использовались моделированные, а также немоделированные черепа: от совершения закладных жертв и обрядов, видимо, связанных с инициациями и охотой, до церемоний, посвященных культам плодородия и увеличения орудийного производства. Именно вариативность проводимых с моделированными черепами обрядов, а также заметные отличия в их оформлении, помимо известных сложностей в понимании особенностей духовной жизни доисторических обществ, привела к неутраченной уже несколько десятилетий дискуссии среди специалистов о роли и назначении этих объектов.

Общая направленность культовых практик Переднеазиатского региона эпохи докерамического неолита свидетельствует о доминировании продуцирующих обрядов (подробнее о сущности и сценариях продуцирующих обрядов см. Кабо, 2007) в религиозной деятельности того времени (Корниенко, 2008). Культ предков был одним из важных, но не единственным элементом этой системы. Восстановление, т.е. реконструкция или “оживление” человеческих голов в период PPNB путем разработанного ритуала их отделения от тела, очищения от мягких тканей, высушивания и моделирования с помощью глиняной обмазки, иногда с привлечением дополнительных материалов, несомненно, имело глубокий магический смысл. Значение глины в качестве исходного материала для создания новой жизни, в том числе для сотворения рода человеческого, хорошо известно по мифам Ближнего Востока. Очевидно, подобная метафора в отношении символического определения глины как оживляющей субстанции имеет глубокие корни. Полагаем, что выставление/помещение моделированных

черепов в специальные места и их участие в обрядовой жизни раннеолитических коллективов должно было наглядно передавать идею всеобщего возрождения, обновления и воспроизводства в рамках новой системы верований, формировавшейся в эпоху перехода к производящему хозяйству.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Авдеев А.Д. Происхождение театра. Л.; М., 1959.
- Алекшин В.А. Черепа людей в обрядах неолитических земледельцев Юго-Западной Азии // Памятники древнего и средневекового искусства. Проблемы археологии. Вып. 3. СПб., 1994.
- Антонова Е.В. Антропоморфная скульптура древних земледельцев Передней и Средней Азии. М., 1977.
- Антонова Е.В., Литвинский Б.А. К вопросу об истоках древней культуры Переднего Востока (раскопки Невали Чори) // ВДИ. 1998. № 1.
- Кабо В.Р. Круг и крест. Размышление этнолога о первобытной духовности. М., 2007.
- Казанский Н.Н. Маска в погребальном обряде Восточного Средиземноморья // Балто-славянские этнокультурные и археологические древности. Погребальный обряд: Тез. докл. конф. М., 1985.
- Корниенко Т.В. Первые храмы Месопотамии. Формирование традиции культового строительства на территории Месопотамии в дописьменную эпоху. СПб., 2006.
- Корниенко Т.В. Новые археологические данные “революции символов” в контексте изучения вопросов “неолитической революции” // Тр. II (XVIII) ВАС в Суздале. Т. I. М., 2008.
- Медникова М.Б. Трепанации у древних народов Евразии. М., 2001.
- Медникова М.Б. Трепанации в древнем мире и культ головы. М., 2004.
- Медникова М.Б. Феномен искусственной деформации головы: евразийский контекст // Искусственная деформация головы человека в прошлом Евразии. М., 2006 (OPUS: Междисциплинарные исследования в археологии; Вып. 5).
- Мерперт Н.Я. Очерки археологии библейских стран. М., 2000.
- Akkermans P.A., Boerma J.A.K., Clason A.T. et al. Bouqras Revisited: Preliminary Report on a Project in Eastern Syria // Proceedings Prehistoric Society. 1983. V. 49.
- Arensburg B., Hershkovitz I. Nahal Hemar cave: Neolithic human remains // Atiqot. 1988. V. 18.
- Arensburg B., Hershkovitz I. Artificial Skull “Treatment” in the PPNB Period: Nahal Hemar // People and Culture in Change: Proceedings of the Second Symposium on Up-

- per Paleolithic, Mesolithic and Neolithic Populations of Europe and the Mediterranean Basin / Ed. I. Herskovitz. 2 v. Oxford, 1989 (BAR; Intern. Ser.).
- Bonogofsky M.* Neolithic Plastered Skull and Railroading Epistemologies // Bulletin American Schools Oriental Research. 2003. № 331.
- Bonogofsky M.* Including women and children: Neolithic modeled skulls from Jordan, Israel, Syria and Turkey // Near Eastern Archaeology. 2004. V. 67.
- Cauvin J.* Naissance des divinités, naissance de l'agriculture. Paris, 1994.
- Dialogue on the Early Neolithic Origin of Ritual Centers // Neo-Lithics. 2005. V. 2.
- Excavations at Jericho. V. 3 / Eds K.M. Kenyon, T.A. Holland. Jerusalem; L., 1981.
- Goring-Morris A.N.* The quick and the dead: the social context of Aceramic Neolithic mortuary practices as seen from Kfar HaHoresh // Social Configurations of the Near Eastern Neolithic: Community Identity, Hierarchical Organization, and Ritual / Ed. I. Kuijt. N.Y., 2000.
- Goring-Morris A.N., Burns R., Davidzon A. et al.* The 1997 season of excavations at the mortuary site of Kfar HaHoresh, Galilee, Israel // Neo-Lithics. 1998. V. 3.
- Khalaily H., Milevski I., Getzov N. et al.* Recent Excavations at the Neolithic Site of Yiftahel (Khalet Khalladyiah), Lower Galilee // Neo-Lithics. 2008. № 2.
- Kenyon K.M.* Jericho and its setting in Near East History // Antiquity. 1956. V. 30/120.
- Kenyon K.M.* Digging up Jericho. L., 1957.
- Kurth G., Röhrer-Ertl O.* On the Anthropology of the Mesolithic to Chalcolithic Human Remains from Tell es-Sultan in Jericho, Jordan // Excavations at Jericho. V. 3 / Eds K.M. Kenyon, T.A. Holland. Jerusalem; L., 1981.
- Le Mort F., Erim-Özdoğan A., Özbek M., Yılmaz Y.* Feu et archéoanologie au Proche-Orient (épipaléolithique et néolithique). Le lien avec les pratiques funéraires. Données nouvelles de Çayönü (Turquie) // Paléorient. 2001. V. 26/2.
- Lechevallier M.* Abou Gosh et Beisamoun. Deux gisements du VIIe millénaire avant l'ère Chrétienne en Israël. Paris, 1978.
- Meiklejohn C., Agelarakis A., Akkermans P.A. et al.* Artificial Cranial Deformation in the Proto-Neolithic and Neolithic Near East and its Possible Origin: Evidence from Four Sites // Paléorient. 1992. V. 18/2.
- Mellaart J.* The Neolithic of the Near East. L., 1975.
- Mellink M.J.* Archaeology in Anatolia // American Jr. Archaeology. 1990. V. 94/1.
- Özbek M.* Culte des crânes humains à Çayönü // Anatolica. 1988. № 15.
- Özbek M.* The Human Remains at Çayönü // American Jr. Archaeology. 1992. V. 96/2.
- Özbek M.* Cranial Deformation in a Subadult Sample from Değirmentepe (Chalcolithic, Turkey) // American Jr. Physical Anthropology. 2001. V. 115.
- Özdoğan A.* Çayönü // Neolithic in Turkey. Istanbul, 1999.
- Rollefson G.O.* Reply to Commentators Dialogue on The Early Neolithic Origin of Ritual Centers // Neo-Lithics. 2005. V. 2.
- Rollefson G.O., Simmons A.H.* The 1983 season at 'Ain Ghazal: Preliminary Report // Annual Department Antiquities Jordan. 1984. V. 28.
- Schmandt-Besserat D.* Masks of Death // Archaeology Odyssey. 2003. V. 6/2.
- Schick T.* Cult Headdress from the Nahal Hemar Cave // The Israel Museum J. 1988. V. 7.
- Schmidt K.* Sie bauten die ersten Tempel. Das rätselhafte Heiligtum der Steinzeitjäger. Die archäologische Entdeckung am Göbekli Tepe. München, 2006a.
- Schmidt K.* Animals and Headless Man at Göbekli Tepe // Neo-Lithics. 2006b. V. 2.
- Stordeur D.* Des crânes surmodelés à Tell Aswad de Damas-cène (PPNB – Syrie) // Paléorient. 2003. V. 29/2.
- Stordeur D., Brenet M.* Der Aprahamian G. and Roux J.-C. Les bâtiments communautaires de Jerf el Ahmar et Mureybet horizon PPNA (Syria) // Paléorient. 2000. V. 26/1.
- Stordeur D., Khawam R.* Les crânes surmodelés de Tell Aswad (PPNB, Syrie). Premier regard sur l'ensemble, premières réflexions // Syria. 2007. V. 84.
- Strouhal E.* Five plastered skulls from the Pre-Pottery Neolithic B Jericho: Anthropological Study // Paléorient. 1973. V. 1/2.
- Verhoeven M.* Ritual and Ideology in the Pre-Pottery Neolithic B of the Levant and Southeast Anatolia // Cambridge Archaeology Jr. 2002. № 12.
- Wood A.P.* The Detection, Removal, Storage, and Species Identification of Prehistoric Blood Residues from Çayönü // American Jr. Archaeology. 1992. V. 96/2.

РАБОТЫ МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ
ПО ЭПОХЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

ДАТИРОВКА КАМЕРНОГО ПОГРЕБЕНИЯ
В КУРГАНЕ 348 ТИМЕРЕВСКОГО НЕКРОПОЛЯ

© 2012 г. С.С. Зозуля

Государственный Исторический музей, Москва (z@gnezdovo.com)

Ключевые слова: *дружинные некрополи, древности эпохи викингов, погребальный обряд, образование Древнерусского государства.*

The dates of the “*druzhina*” necropolises which go back to the time of emergence of the Old Russian state have long been the focus of attention for scholars in this country and abroad. The cemetery at Timeryovo has also been an object of interest. One of the most vivid burials at the site is chamber grave 348, which yielded rich grave goods, clearly Scandinavian in appearance. The article attempts to date the burial on the basis of analyzing the archive materials, the grave goods and the funeral rite, and suggests a new date: 990–1010 AD. Even though many assertions in the article may appear disputable, we are of the opinion that the most probable date of the burial is the turn of the 10th and 11th cc. Thus, chamber burial 348 may be one of the most recent “classical” chamber burials.

О комплексе археологических памятников вблизи д. Большое Тимерево Ярославской обл. написаны десятки статей и книг. Дискуссия, касающаяся некрополя, не умолкает более века. Один из наиболее актуальных вопросов – временная локализация функционирования всего могильника в целом и каждого конкретного погребения в частности.

Исследования Тимеревского археологического комплекса проходили с 1872 по 1990 г. За это время раскопано 472 кургана, исследовано около 6000 м² на прилегающем поселении. Накопленный объем материала позволяет делать выводы о хронологии поселения и могильника.

Курган 348 Тимеревского курганного кладбища был раскопан экспедицией Государственного Исторического музея (ГИМ) под руководством М.В. Фехнер летом 1976 г. Авторы раскопок отнесли комплекс к первой половине X в. (Недошивина, Фехнер, 1985. С. 110).

Насыпь кургана, находящегося в восточной части могильника, была раскопана на снос с оставлением двух перпендикулярных бровок, ориентированных по сторонам света. Высота составляла 0.9 м, диаметр по линии З–В – 8.5, по линии С–Ю – 8.75, вокруг кургана были отмечены следы ровика.

По данным отчета, курган уже подвергался раскопкам при невыясненных обстоятельствах. Есть и другая, более логичная версия: понижение в центральной части насыпи кургана образовалось вследствие обрушения деревянных перекрытий погребальной камеры и провала внутрь части на-

сыпи. Подобные западения над погребальными камерами известны в Гнёздово (Авдусин, Пушкина, 1989. С. 191).

На глубине –75 см от вершины насыпи начали появляться следы кострища (мелкие угольки), наибольшее количество угля выявлено на глубине –80/–90 см. Кострище располагалось на материке, размеры погребального костра – 4 × 5 м при толщине зольно-угольного слоя, насыщенного мелкими кальцинированными костями, – 10–15 см. Кострище было окружено большими камнями, лежащими на глубине –85/–90 см. Небольшое скопление костей было выявлено в его восточной части, в нем были зафиксированы несколько обожженных фрагментов скорлупообразной фибулы, обломки одно-стороннего костяного гребня и три бусины (рис. 1; 2, 1–3)¹ (Фехнер, 1976. С. 7, 8).

По определению Е.Г. Андреевой, на кострище было совершено парное трупосожжение двух индивидов: взрослого, возможно, пожилого, и, судя по антропологическому материалу и погребальному инвентарю, молодой женщины (1976. С. 1, 2).

Юго-восточная часть кострища была разрушена могильной ямой размерами 290 × 190 см при углублении в материк на 60, ориентированной с северо-востока на юго-запад. Указанные размеры позволяют охарактеризовать погребение как камерное

¹ Планы кургана взяты из отчета, хранящегося в Научно-ведомственном архиве ГИМ, и оцифрованы с помощью программы CorelDRAW X4. Часть фотографий предметов из инвентаря кургана сделана И.А. Седеньковым.

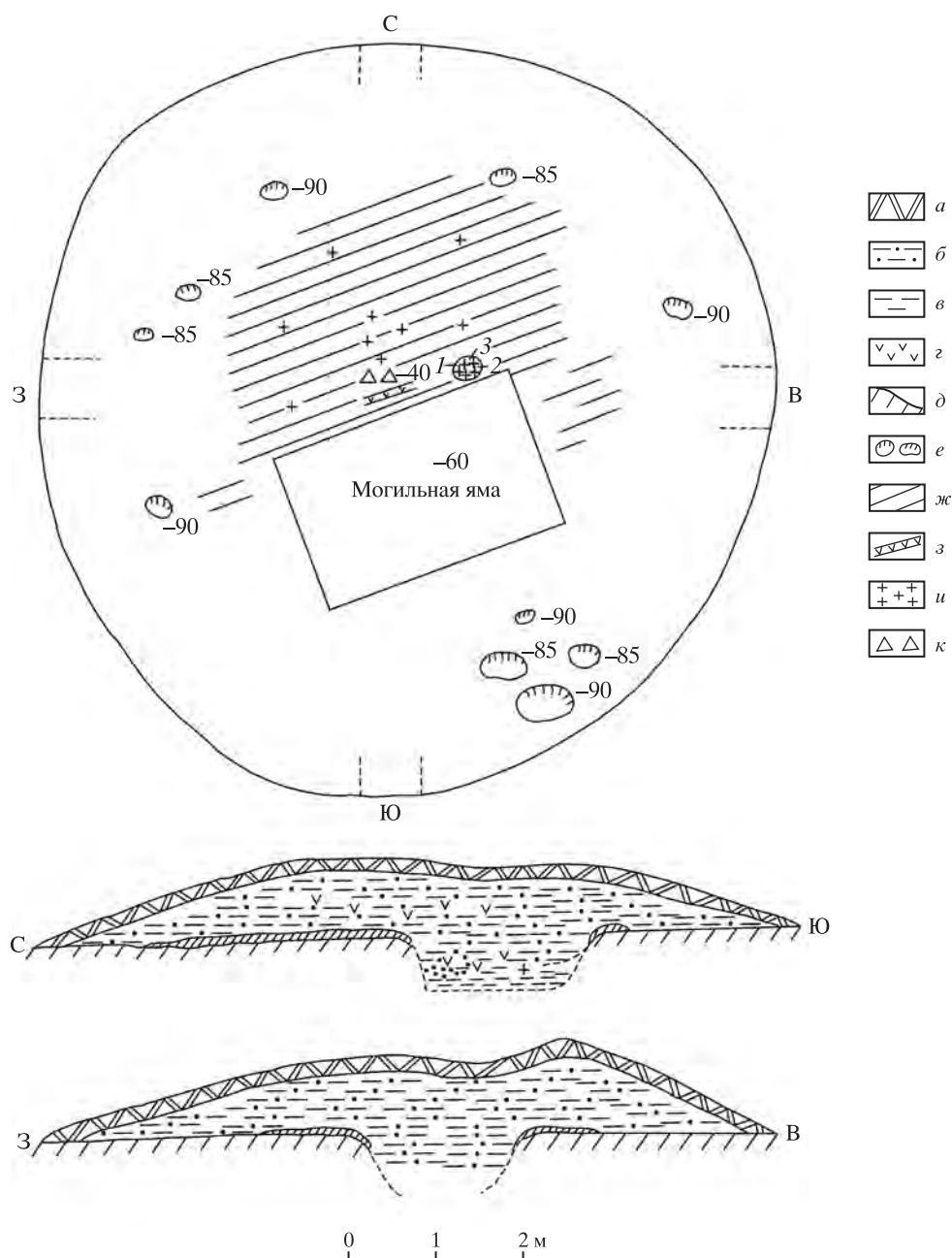

Рис. 1. План погребения 348/1. Условные обозначения: *а* – дерн; *б* – суглинок; *в* – глина; *г* – уголь; *д* – материк; *е* – камни; *ж* – кострище; *з* – обугленная плаха; *и* – кальцинированные кости; *к* – керамика; *1* – обломки скорлупообразной фибулы; *2* – бусы (3 экз.); *3* – обломок костяного гребешка.

(Жарнов, 1998. С. 95). В камере обнаружен скелет женщины, лежащей на левом боку с согнутыми ногами. В области груди – две овальные и одна круглая фибулы. На обратной стороне круглой фибулы – ушко для крепления железной цепочки, на которой, по мнению авторов раскопок, висели односторонний костяной гребень с бронзовыми позолоченными накладками и, возможно, небольшой нож

с рукояткой, обвитой тонкой серебряной проволокой². На фаланге пальца правой руки (мизинца?) найден серебряный перстень с сердоликовой вставкой, на которой вырезана арабская надпись. В районе тазовых костей лежали 18 бус (12 – из горного хрусталя различной формы и размера,

² Железная цепочка не поступала в коллекцию ГИМ.

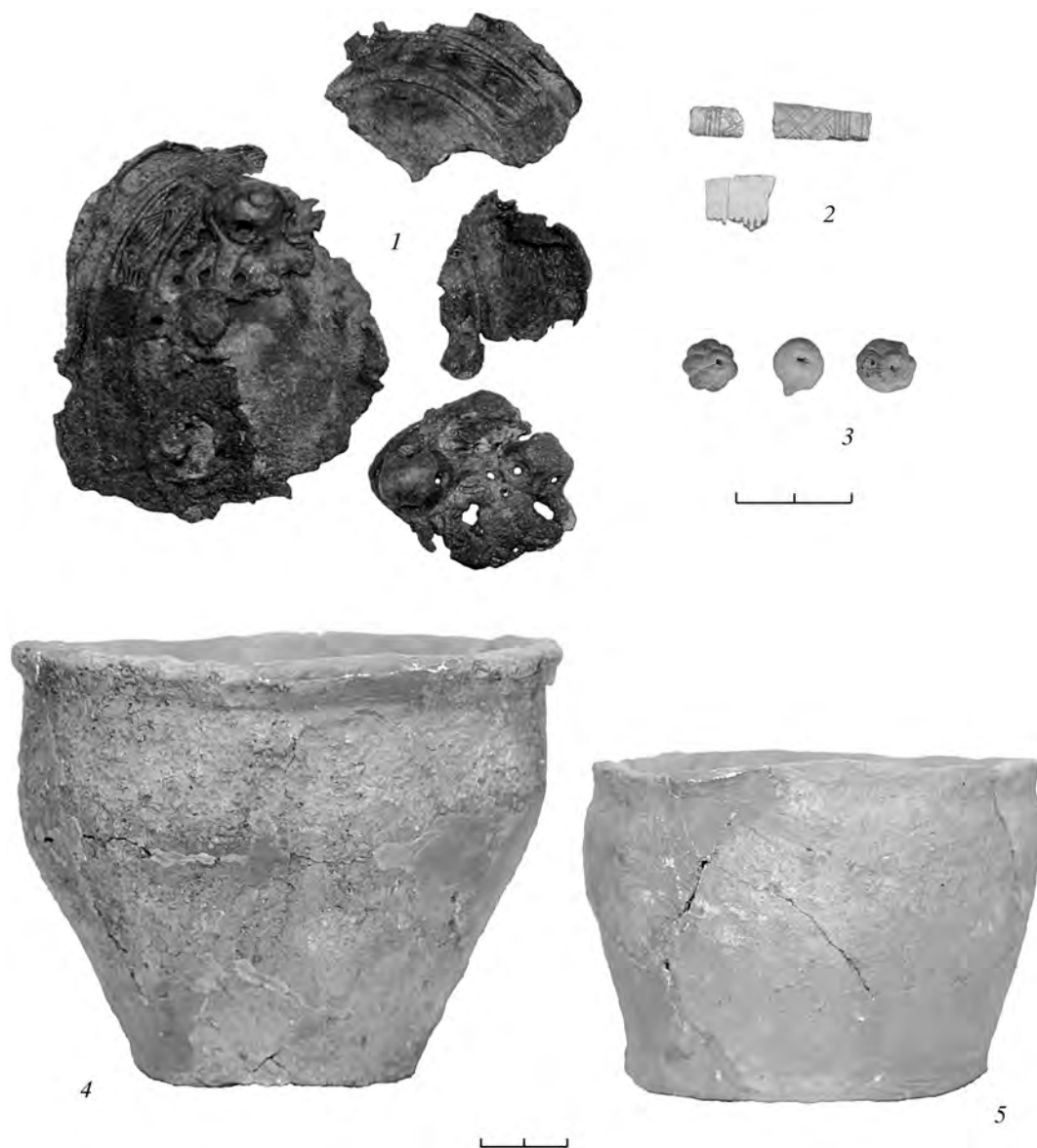

Рис. 2. Инвентарь погребения 348/1: 1 – фрагменты фибулы (бронза); 2 – фрагменты гребня (кость); 3 – бусы (стекло). Инвентарь погребения 348/2: 4, 5 – лепные сосуды (глина).

6 – из глухого стекла желтого, голубого и зеленого цветов), бутылковидная подвеска, 2 монеты, превращенные в подвески (дирхем и денарий), а также железные предметы в скоплении: обломок ключа от деревянного замка, четырехгранное массивное кольцо, фрагменты четырехгранного стержня (обломки иглы от скорлупообразной фибулы), оковки шкатулки с гвоздиками. На черепе и близ него обнаружены остатки металлизированной тесьмы – серебряные уточные нити со слабыми следами позолоты. М.В. Фехнер предполагала, что это остатки тесьмы от головного убора, тканной на дощечках. На черепе и в районе груди зафиксированы следы тончайшей шелковой ткани полотняного переплетения, по реконструкции авторов раскопок при-

крывавшей лицо и грудь покойной. В районе ног, с правой стороны от костяка – развалы двух лепных сосудов, нижняя часть челюсти свиньи и кость теленка (рис. 1; 2; 3, 4, 5; 4) (Фехнер, 1976. С. 7–9).

Соотношение длины и ширины ямы и сидячее положение погребенной позволяют определить захоронение как камерное. Деревянные стены, нижнее и верхнее перекрытия конструкции камеры авторами раскопок зафиксированы не были. Однако есть основания предполагать наличие как минимум деревянного перекрытия потолка могильной ямы. Ю.Э. Жарнов, рассматривая типы камерных захоронений в Гнёздово, отметил земляные камеры как один из вариантов этого обряда.

В них отсутствовала деревянная облицовка стен, но присутствовало перекрытие дощатым настилом сверху. Правда, описанный тип сравнительно редок: 1 захоронение (Ц-249) против 17 погребений в камерах с деревянной облицовкой стен, потолка, а иногда и пола из 18 относительно хорошо документированных комплексов со следами конструкций погребальных сооружений (Жарнов, 1998. С. 96).

Таким образом, в кургане было совершено погребение по обряду парного трупосожжения, а позже в этой же насыпи было совершено одиночное камерное погребение, нарушившее первоначальное.

Инвентарь парного трупосожжения довольно скуден. Кроме скандинавской фибулы типа ЯП 51С были обнаружены три бусины VIII группы 4 подгруппы по типологии З.А. Львовой и обломки гребня группы 2 по типологии О.И. Давидан. Погребение можно отнести к скандинавским (на это указывает не только наличие скорлупообразной фибулы типа ЯП 51С, но и погребальный обряд – кольцевая каменная оградка) и датировать второй половиной X в.

Инвентарь ингумации значительно богаче. Датировка погребения осложняется тем, что часть предметов имеет довольно широкое хождение. Так, о времени погребения уже, чем в пределах 100 лет, не свидетельствуют нож, обломок ключа, бронзовая привеска, круглая фибула, лепные сосуды, железное кольцо и остатки ткани. Стекланные бусы VIII группы 4 подгруппы также не дают узкой даты. Большие возможности для датирования представляет набор каменных бус: в ожерелье присутствуют типы каменных и стеклянных бус, характерных для середины – второй половины X в. Большие рифленные полусферические каменные бусы, встреченные в погребении, близки типу S010 по И. Каллмеру, который относит их к поздним формам, встречающимся в 980–1000 гг. (Callmer, 1977. P. 77, 91. Pl. 21). Однако слепо опираться на скандинавскую хронологию при исследовании древнерусского материала не следует. Так, фибулы, характерные для территории Скандинавии в первой половине X в., в этом погребении запаздывают на 50 лет.

Не вызывает сомнения этническая принадлежность обнаруженной в камере женщины: в инвентаре присутствуют четкие скандинавские индикаторы. Женщина была погребена в сидячем положении. Аналогичные случаи зафиксированы как на территории Древней Руси (Гнёздово, Киев, Шестовица), так и за ее пределами (Бирка). Причем во всех случаях погребения определяются как скандинавские (Авдусин, Пушкина, 1989. С. 203).

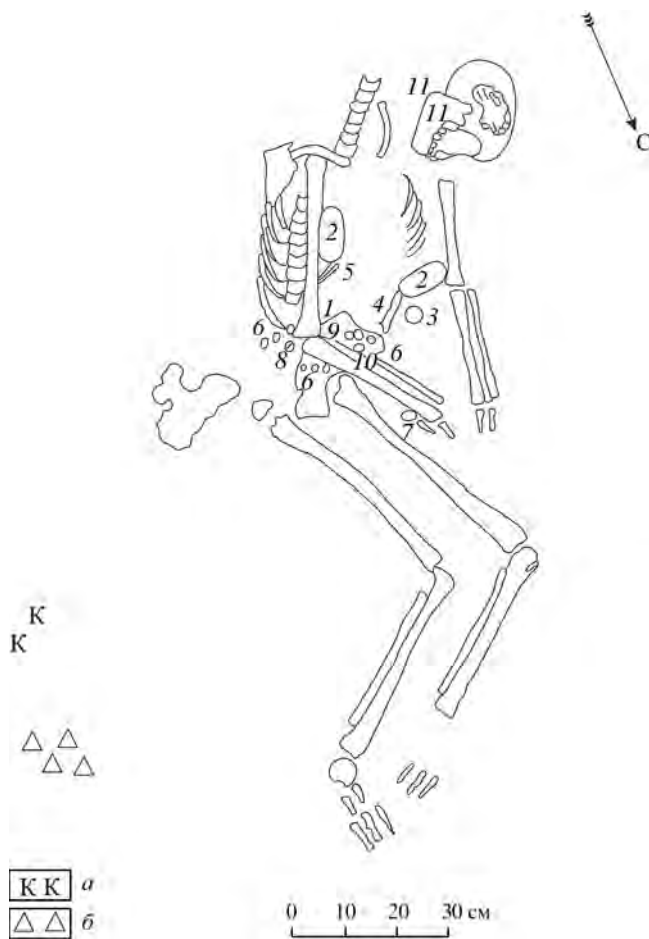

Рис. 3. План погребения 348/2. Условные обозначения: а – кости животных; б – обломки лепных горшков; 1 – обломки железных предметов; 2 – скорлупообразная фибула; 3 – круглая фибула; 4 – гребешок; 5 – нож; 6 – бусы; 7 – перстень; 8 – бубенчик; 9 – привеска-дирхем; 10 – привеска-денарий; 11 – серебряные нити от головного венчика.

В современной отечественной историографии утвердилось представление о появлении камерного обряда погребения усопших в Ярославском Поволжье (да и в Древней Руси в целом) во второй половине X в. (Жарнов, 1998. С. 99; Авдусин, Пушкина, 1989. С. 203). Авторы раскопок рассматриваемого комплекса датировали погребение как первой (Недошивина, Фехнер, 1985. С. 110), так и второй (Мальм и др., 1977. С. 60) половиной X в. Не совсем ясна позиция К.А. Михайлова: исследователь датирует погребение 348 первой половиной X в., но появление самого обряда камерных погребений в Ярославском Поволжье относит ко второй половине – концу X в. (2001. С. 168, 169, 173). И.В. Дубов и В.Н. Седых посвятили погребениям, совершенным в камерах и срубках, специальную работу: из 12 учтенных комплексов Ярославского Поволжья

Рис. 4. Инвентарь погребения 348/2: 1–3 – фибулы (бронза, позолота); 4 – денарий (серебро); 5 – дирхем (серебро); 6 – перстень (серебро, камень); 7 – фрагмент ключа (железо); 8 – фрагмент привески (бронза); 9 – фрагмент кольца (железо); 10 – гребень (кость, бронза, позолота); 11 – нож с деревянной рукоятью (железо, дерево, серебро); 12 – головной венчик (серебро, позолота?); 13 – бусы (стекло, камень).

лишь погребение из кургана 348 датируется ими первой половиной X в. (1993. С. 150).

Необходимо сказать, что датировка камерного погребения 348 первой половиной X в. основана на обнаружении фибул типа ЯП 51В, двух монет, пре-

вращенных в подвески, гребня с бронзовой накладкой на рукоять и перстня с арабской надписью.

Как Н.Г. Недошивина и М.В. Фехнер (1985. С. 110), так и И.В. Дубов и В.Н. Седых (1993. С. 146) приводят в качестве подтверждения ранней

даты захоронения наличие в погребении гребня с бронзовой накладкой. Подобных гребней, происходящих с территории Восточной Европы, всего 10 экз. Все комплексы, поддающиеся узкой датировке, относятся как раз ко второй половине X в.

Обоснование датировки первой половиной X в. перстней с арабскими надписями приведено не было (Дубов, Седых, 1993. С. 146). Недавно вышла работа Т.С. Дорофеевой, посвященная найденной на Рюриковом городище инталии (2010). В статье собрана информация о находках нескольких вставок от перстней, подобных происходящей из Тимерева захоронения. Из трех вставок с Рюрикова городища (еще одна, плоская, не рассматривается) две поддаются узкой датировке – вторая половина X в. Еще одна происходит из мешаного слоя. Единственная вставка из самого Новгорода также относится ко второй половине X в. (Дорофеева, 2010. С. 281, 282). Из раскопок в Старой Ладоге происходят как минимум три вставки от перстней с арабскими надписями. Одна из них относится к верхним слоям раскопа 2002 г., датированным 920–940 гг., две другие, к сожалению, датированы широко – X в. (Кирпичников, 2009. С. 339–342. Рис. 8; 9). Несколько перстней и вставок к ним салтовского типа известны и из раскопок Гнёздовского археологического комплекса. Точное их количество и датировку еще предстоит уточнить. Но можно отметить находку перстня в кургане Л-47 (раскопки Д.А. Авдусина 1950 г.). Автор публикации датирует курган серединой X в. (Подвигина, 1961. С. 53), но есть основания предполагать и более позднюю датировку, основанную на обнаружении в комплексе византийских монет. В ближайшей округе Гнёздова, на городище Рокот были найдены перстень салтовского типа со стеклянной вставкой и стеклянная вставка от подобного перстня. Однако перстень найден в ходе несанкционированных раскопок, а вставка – в распаханном слое. Поэтому единственной возможной датировкой этих предметов может являться датировка памятника в целом. Таким образом, обе находки, по мнению В.С. Нефедова, относятся к концу IX(?) – середине X в. (2004. С. 239, 240).

Из Тимерева археологического комплекса происходит не менее 11 серебряных перстней со вставками и просто вставок: 1 (с арабской надписью) – с территории поселения, еще 10 – из курганов. В трех погребениях на вставках были надписи (курганы 120, 348, 382), еще семь (курганы 95, 100, 265, 284, 297, 382, 459) надписей не содержали (Дубов, 1982. Рис. 40, 11; 1976. Рис. 2, 11; Дубов, Седых, 1992. Рис. 2, 2; Седых, 2001а. С. 180, 181; Фехнер, Недошивина, 1987. С. 82). Среди перечисленных курганов присутствуют насыпи второй

половины и даже последней четверти X в., поэтому вставка от перстня не может быть основанием для датировки комплекса 348 первой половиной X в.

О том, что фибулы типа ЯП 51С и 51В в течение какого-то периода бытовали на территории Древней Руси одновременно, наглядно свидетельствует материал из рассматриваемого кургана, хотя на территории Скандинавии тип ЯП 51С распространяется значительно позже, чем ЯП 51В (Jansson, 1985. Р. 224). Таким образом, обнаружение в первоначальном захоронении фибулы типа ЯП 51С³ отвергает датировку, основанную на хронологии распространения фибул типа ЯП 51В. К тому же мы располагаем фактами бытования фибул типа ЯП 51В на древнерусской территории и в последней четверти X в. – камерное погребение Ц-306 в Гнёздово. Напомним, что датировка этого захоронения опирается на дендродату – 979 г. (Авдусин, Пушкина, 1989. С. 203). По мнению А.А. Карпухина, пока нет возможности указывать даты для погребений из Гнёздова с точностью до года. Результаты статистической проверки позволили ему скорректировать дату погребения Ц-306 второй половиной 70-х годов X в. (Карпухин, 2001. С. 206). Удревнение на три-четыре года совсем не искажает выводы Д.А. Авдусина и Т.А. Пушкиной.

Еще одним аргументом служит обнаружение двух монет, превращенных в подвески: дирхема Аббасидов анонимного чекана ар-Рашида в мединах ас-Селама 188 г.х. (803–804 гг.) и английского пенни рубежа IX–X или, скорее, начала X в.

Дирхемы Харуна ар-Рашида (787–809 гг.) отчеканены в огромном количестве и присутствуют, зачастую преобладая, во всехкладах второго периода монетного обращения на территории Восточной Европы (с 833 г. до начала X в.). В.Л. Янин объясняет это тем, что именно ко времени правления Харуна ар-Рашида относится начало активных торговых связей арабов с Восточной Европой (2009. С. 124, 125). Таким образом, монета могла попасть в Тимерево либо в конце IX – начале X в. (нижняя граница хронологии могильника), либо позже.

По наблюдениям А.В. Фомина, монеты Харуна ар-Рашида не встречаются вкладах после 910 г. Однако в связи с восточным серебряным кризисом конца X в. вкладах 990–1010 гг. вновь начинают встречаться монеты чеканки Аббасидов.

³ К сожалению, исследователи, отстаивающие раннюю датировку камерного погребения 348, зачастую по непонятным причинам игнорируют захоронение по обряду трупосожжения, совершенное в этом же кургане. Что в свою очередь искажает историческую действительность.

Еще один дирхем Харуна ар-Рашида, чеканенный в 803–804 гг., найден в камерном погребении 297 Тимеревского некрополя. В кургане обнаружено парное погребение женщины 30–45 и девочки 11–13 лет. Ряд предметов из этого захоронения находит аналогии в инвентаре погребения 348/2: нож, рукоять которого оплетена серебряной проволокой, парные овальные фибулы (ЯП 51К по определению В.Н. Седых), серебряный перстень с сердоликовой вставкой (в этом случае он был одет на фалангу пальца медвежьей лапы), крупные круглые и рифленая хрустальные бусины. Авторы раскопок датируют погребение 297 второй-третьей четвертью X в. (Седых, 2001а. С. 179, 180), но оно, видимо, относится к более позднему периоду и синхронно камерному захоронению 348.

В своде Т.В. Равдиной зафиксирован еще только один случай обнаружения в древнерусских погребениях дирхема чеканки предположительно Харуна ар-Рашида⁴. Речь идет о знаменитом гнёздовском кургане Л-13, раскопанном экспедицией Московского государственного университета (МГУ) под руководством Д.А. Авдусина в 1949 г. (Равдина, 1988. С. 43). О датировке кургана Л-13 существуют разные мнения, наиболее аргументированной выглядит дата, предложенная В.С. Нефедовым, – 930–960 гг. (2001. С. 65. Обзор литературы). Но позиция автора небесспорна. Интересующая нас монета не учитывается при хронологических построениях, так как была превращена в подвеску и, следовательно, воспринимается исследователями исключительно как украшение. Необходимо заметить, что монеты чеканки Абассидов, в том числе и IX в., встречаются на поселениях и вкладах Гнёздовского археологического комплекса (Пушкина, 1999. С. 406–409).

Английскому пенни посвящена отдельная работа (Зозуля, Стукалова, 2010). Он относится к кругу коммеморативных монет в память ученика Эдмунда, убитого викингами. Считается, что такие монеты выпускались в 890–910 гг. (North, 1980. Р. 483). Стоит добавить, что точных аналогий находке из Тимерево найти не удалось, хотя известно более 1700 монет этой серии и более 200 штемпельных пар. Таким образом, рассматриваемый пенни относится к конечному этапу выпуска монет этого круга, одновременно являясь одной из самых ранних западноевропейских монет на территории Восточной Европы⁵.

Наиболее близкая по контексту находка раннего денария на территории Древней Руси – инвентарь кургана 124 Лесной группы Гнёздовского археологического комплекса, раскопанный экспедицией МГУ под руководством Д.А. Авдусина в 1980 г. Погребение было совершено по обряду ингумации в могильной яме. В ожерелье из пронизок, лимонок и других типов бус входили две монеты-привески – омеядский дирхем халифа Умара, чеканенный в Дамаске в 718–719 гг., и денарий из Фландрии, чеканенный графом Болдуином IV (989–1036 гг.) (Равдина, 1988. С. 46). Однако последние исследования говорят о том, что денарий более ранний – каролингский (Пушкина, Стукалова, 2011. С. 96, 97). Несмотря на изменение атрибуции монеты датировка погребения остается прежней – конец X или рубеж X–XI вв. Таким образом, погребение Л-124 в Гнёздово синхронно погребению 348/2 в Тимерево, а в инвентаре прослеживаются явные параллели: ожерелье, в состав которого входили подвеска-дирхем (в обоих случаях довольно ранние) и подвеска-денарий (в обоих случаях чрезвычайно ранние для древнерусской территории).

Пути проникновения на территорию Древней Руси ранних денариев из-за их малочисленности не исследовались специально. Но вполне разумно предположить, исходя из датировок комплексов, в которых обнаружены эти монеты⁶, что они поступили на территорию Древней Руси вместе с общим потоком европейских монет, начавшимся после сокращения поступления восточного серебра начиная с последней четверти X в.

М.В. Потин отмечал, что у нас практически отсутствуют свидетельства прямых связей Древней Руси и Англии эпохи викингов. Большинство монет, изготовленных на Британских островах, попали на древнерусскую территорию через скандинавские страны. В свою очередь абсолютное большинство английских монет попало на территорию Скандина-

рой Ладоге случайно найдена медная английская монета времен правления короля Нортумбрии Эанреда (810–840 гг.) (Гайдуков, 2010). В 1878 г. во дворе пивоварни в г. Лодейное Поле свинья разрыла горшочек с кладом из 3280 (?) монет. В их число входили две монеты Бургреда (852–874 гг.), хотя сам клад относится ко времени не ранее 1105 г. Однако он был распродан, описание его, сделанное Ю.Б. Иверсеном, не сохранилось, монетный состав реконструирован В.М. Потинным, поэтому к находке приходится относиться с определенной осторожностью (1967. С. 146; 1968. С. 124). К нехарактерным ранним находкам европейских монет на территории Древней Руси можно добавить полубрактеат Хедебю первой четверти IX в., обнаруженный у д. Кислая в 1967 г. в составе клада, включавшего куфические монеты и несколько сасанидских драхм. Клад датируется второй половиной IX в. (Шмидт, 1969. С. 64; 1983. С. 77).

⁶ Кроме клада из д. Кислое. В этом случае попадание полубрактеата на территорию Древней Руси произошло раньше начала регулярного поступления сюда европейских монет.

⁴ Монета Харуна ар-Рашида 796–797 гг. еще была найдена на месте кургана Ц-2 в Гнёздово. Но каким образом она связана с самим погребением, неясно (Равдина, 1988. С. 44).

⁵ На территории Древней Руси обнаружено несколько более ранних английских монет, чем находка из Тимерево. В Ста-

вии в составе так называемых датских денег, выплаты которых происходили с 991 г., особенно крупные суммы выплачивались в 994, 1002 и 1007 гг. Наблюдения над кладами с английскими денариями позволили М.В. Потину заключить, что наибольшее количество английских денариев в древнерусских кладах приходится на вторую четверть XI в., после чего их количество сокращается. Таким образом, большинство английских монет поступило на территорию Центральной и Восточной Европы через Скандинавские страны практически сразу после выплат датских денег (Потин, 1968. С. 109, 110, 120, 121).

Вероятно, денарий из погребения 348/2 попал в Скандинавию (а после – и в Древнюю Русь) именно таким путем – в качестве дани, выплаченной датчанам населением Англии в 90-е годы X в. И хотя доказать подобную гипотезу невозможно, этот путь кажется наиболее логичным и вероятным.

О превращении монет из кургана 348 в подвески в скандинавской среде говорит и форма ушка – использование ушек из узкой рубчатой пластины характерно для раннесредневековой Скандинавии (Пушкина, 2007. С. 327).

Невозможно не обратить внимания на то, что ушко на денарии из кургана 348 расположено так, что не нарушена геометрия креста. С большой долей вероятности можно считать, что монета использовалась в качестве христианского символа, да и сам обряд камерного погребения многие ученые связывают с христианизацией древнерусской территории. И хотя проникновение христианства в элитарную среду Древней Руси и Скандинавии произошло несколько раньше, чем акт официального крещения, все же это может послужить дополнительным косвенным аргументом в пользу датировки погребения временем после 988 г.

Использование монет в качестве христианских символов уже не раз привлекало внимание исследователей. Известны граффити на дирхемах с христианской символикой или тестом (Седых, 2001б. С. 107, 108), крестики, вырезанные из дирхемов и денариев (курганы 417 и 459 некрополя в Тимерево, курган 9 погр. 1 и 7 грунтового могильника Никольское III), подражающие крестовидным подвескам (Фехнер, Недошивина, 1987. С. 84; Макаров, 1990. С. 72; Недошивина, 1983; Пушкина, 1997. С. 123, 127). Описанное расположение ушка для подвешивания выявлено и на подвеске из погребения 348/2 в Тимерево, и на подвеске из кургана Л-124 в Гнёздово, и на целом ряде византийских монет, к примеру, из курганов Ц-171 и Ц-208 Гнёздовского могильника⁷.

⁷ Византийские монеты с расположенным подобным образом ушком встречаются в слоях поселений и в погребениях второй половины X в. крупных древнерусских центров. В задачи этой

Датировка погребения как минимум второй половиной X в. не вызывает сомнений. Но хотелось бы попытаться установить дату погребения точнее. Наиболее вероятной кажется гипотеза, что захоронение было совершено в 990–1010 или даже 990-е годы, исходя из анализа поступления восточного серебра и западноевропейских монет на территорию Древней Руси, наблюдений И. Каллмера за хронологией распространения каменных бус на территории Скандинавии и обнаружения монеты, превращенной в привеску с христианской символикой.

Таким образом, камерное погребение кургана 348 – отнюдь не самое раннее камерное захоронение в Тимерево. Совершенно очевидно, что погребение не выпадает из общей хронологии камерных захоронений Ярославского Поволжья (да и Древней Руси в целом). Если принять датировку 990–1010 гг., то погребение из насыпи 348 – одно из самых поздних классических камерных захоронений на территории Древней Руси.

Выражаю благодарность за консультации и помощь А.С. Дементьевой, активно занимающейся хронологией гребней с бронзовыми накладками на территории Древней Руси, и А.В. Фомину.

Выражаю благодарность Т.А. Пушкиной и Н.В. Енисовой за указание комплексов из Гнёздово, содержащих византийские монеты с приклепанными ушками.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Авдусин Д.А., Пушкина Т.А. Три погребальные камеры из Гнёздова // История и культура древнерусского города. М., 1989.
- Андреева Е.Г. Определение костных остатков из курганов Б. Тимеревского могильника, раскопанных в 1976 г. // НВА ГИМ. Д. № 352.
- Гайдуков П.Г. Англосаксонская монета IX в. из Старой Ладоги // Краеугольный камень. Археология, история, искусство, культура России и сопредельных стран. Т. I. М., 2010.
- Дорофеева Т.С. Инталия с городища под Новгородом // Новгород и новгородская земля. История и Археология. Великий Новгород, 2010.
- Дубов И.В. Новые раскопки Тимеревского могильника // КСИА. 1976. Вып. 116.
- Дубов И.В. Северо-Восточная Русь в эпоху раннего средневековья. Л., 1982.
- Дубов И.В., Седых В.Н. Новые исследования тимереvского могильника // Древности славян и финно-угров. СПб., 1992.
- Дубов И.В., Седых В.Н. Камерные и срубные гробницы Ярославского Поволжья // Историческая этнография. Вып. 4. СПб., 1993.

работы не входил сбор сведений о всех известных византийских монетах, использовавшихся в качестве христианских символов.

- Жарнов Ю.А.* Гнёздовские курганы с остатками труположения // Историческая археология. Традиции и перспективы. М., 1998.
- Зозуля С.С., Стукалова Т.Ю.* Английский денарий начала IX в. из Тимеревского археологического комплекса⁸ // Номизма. 2010. № 1.
- Карпунин А.А.* Некоторые результаты дендроанализа материалов из раскопок в Гнёздово // Археологический сборник. Гнёздово. 125 лет исследования памятника. М., 2001 (Тр. ГИМ; Вып. 124).
- Киртичников А.Н.* Историческое наследие Старой Ладogi // Археологические открытия 1991–2004 гг. Европейская Россия. М., 2009.
- Макаров Н.А.* Население русского Севера в XI–XIII вв. М., 1990.
- Мальм В.А., Недошивина Н.Г., Фехнер М.В.* Раскопки тимереvского могильника в Ярославле // АО–1976. 1977.
- Михайлов К.А.* Древнерусские камерные погребения в Гнёздово // Археологический сборник. Гнёздово. 125 лет исследования памятника. М., 2001 (Тр. ГИМ; Вып. 124).
- Недошивина Н.Г.* Средневековые крестовидные привески из листового серебра // СА. 1983. № 4.
- Недошивина Н.Г., Фехнер М.В.* Погребальный обряд тимереvского могильника // СА. 1985. № 2.
- Нефедов В.С.* Археологический контекст “древнейшей русской надписи” из Гнездово // Археологический сборник. Гнёздово. 125 лет исследования памятника. М., 2001 (Тр. ГИМ; Вып. 124).
- Нефедов В.С.* Городище Рокот в структуре синхронных поселений Днепро-Двинского междуречья // XV конференция по изучению истории, экономики, литературы и языка скандинавских стран и Финляндии. М., 2004.
- Подвикина Н.Л.* Перстни из Гнёздова // Археологический сборник. М., 1961.
- Потин В.М.* Топография находок западноевропейских монет X–XIII вв. на территории древней Руси. Л., 1967 (Тр. ГЭ; Т. IX).
- Потин М.В.* Древняя Русь и европейские государства в X–XIII вв. Историко-нумизматический очерк. Л., 1968.
- Пушкина Т.А.* Воск и свечи в древнерусских погребениях. М., 1997 (Тр. ГИМ; Вып. 93).
- Пушкина Т.А.* Нумизматические материалы из раскопок Гнёздова // Великий Новгород в истории средневековой Европы. К 70-летию В.Л. Янина. М., 1999.
- Пушкина Т.А.* Сувениры Аустровета // У истоков русской государственности. СПб., 2007.
- Пушкина Т.А., Стукалова Т.Ю.* Средневековые западноевропейские монеты в нумизматической коллекции Гнёздова // От палеолита до средневековья. М., 2011.
- Равдина Т.В.* Погребения X–XI вв. с монетами на территории Древней Руси. Каталог. М., 1988.
- Седых В.Н.* Новые данные к истории Великого Волжского пути // Великий Волжский путь. Казань, 2001а.
- Седых В.Н.* О функциях монет в погребениях Древней Руси // IX Всерос. нумизмат. конф. СПб., 2001б.
- Фехнер М.В.* Отчет о раскопках могильника близ д. Тимерево Ярославской обл. в 1976 г. // НВА ГИМ. Д. № 352.
- Фехнер М.В., Недошивина Н.Г.* Этнокультурная характеристика тимереvского могильника по материалам погребального инвентаря // СА. 1987. № 2.
- Шмидт Е.А.* Раскопки в Смоленской области // АО–1968. 1969.
- Шмидт Е.А.* Древнерусские археологические памятники Смоленской области. М., 1983.
- Янин В.Л.* Денежно-весовые системы домонгольской Руси и очерки истории денежной системы средневекового Новгорода. М., 2009.
- Callmer J.* Trade beads and bead trade in Scandinavia ca. 800–1000 A.D. Lund, 1977 (Acta Archaeologica Lundensia; Ser. Intern. 4. № 11).
- Jansson I.* Oval brooches. A study of Viking Period standard jewellery based on the finds from Birka, Sweden. Archeological Studies. Uppsala University Institute of North European Archeology. Aun 7. Uppsala, 1985.
- North J.J.* English hammered coinage. V. 1. Early Anglo-Saxon to Henry III, c. 600–1272. L., 1980.

⁸ В названии статьи допущена досадная опечатка. Денарий относится к X в.

СРЕДНЕВЕКОВОЕ ПОСЕЛЕНИЕ БОЛЬШОЕ ДАВИДОВСКОЕ 2 ПОД СУЗДАЛЕМ

© 2012 г. А.Н. Федорина*, А.М. Красникова**

* Институт археологии РАН, Москва (nasfed@gmail.com)

** Государственный Исторический музей, Москва

Ключевые слова: *Суздальское Ополье, средневековые поселения, Большое Давыдовское 2, хронология, динамика границ.*

The article is devoted to Bolshoye Davydkovskoye 2 settlement in the Suzdal Opolye. The settlement is among the best-studied ones in the region, with many surface finds and 865 m² of excavations. Analysis of the artifact and pottery assemblages, the radiocarbon dates and the stratigraphic observations allows identifying three periods of domestic and economic activity: late 10th – 11th cc. (probably until its second quarter), the 12th c. (mainly first half to middle), and second half of the 12th – 13th cc. There is a chronological gap in economic activity at the excavated part of the site, dating to the second half of the 11th – early 12th cc. The area of the initial settlement in the eastern part of the site was at least 3 ha. By the second period, development extended to the area near the river, whereas materials from the third chronological period can be found throughout the settlement area. Thus, Bolshoye Davydkovskoye 2 was a large settlement which was characterized by dynamic development and functioned for at least 300 years.

Актуальным направлением археологии средневековой Руси является реконструкция реалий повседневной жизни населения на основании изучения поселений различных регионов. Вопросы пространственной организации поселений, динамики границ, интенсивности хозяйственного освоения их территорий, а значит и вопросы статуса конкретных памятников в системе средневекового расселения остаются во многом открытыми. Ситуация осложняется преобладанием коллекций, полученных в ходе поверхностных сборов на долговременных поселениях, продолжительность существования которых 300–400 лет, что в сочетании со значительным повреждением культурного слоя глубокой распашкой затрудняет выделение узких хронологических горизонтов. Провести детализацию истории жизни конкретных поселений позволяет сопоставление сборов с материалами, полученными в ходе стационарных раскопок значительных участков культурного слоя. Перспективность такой работы наглядно демонстрируют результаты исследований памятников Русского Севера (Археология..., 2007–2009; Захаров, 2004) и центральных областей Руси (Гоняный и др., 2003; Культура..., 2004; Гоняный, 2009; Коваль, 2009).

На протяжении нескольких полевых сезонов Суздальская археологическая экспедиция Института археологии РАН (ИА РАН) работала на памятнике

Большое Давыдовское 2 (Б. Давыдовское 2), входящем в состав куста средневековых поселений у с. Шекшово – Б. Давыдовское. Наряду с селищами Гнездилово 2 (Лапшин, 1983; Горюнова, Лапшин, 2004), Васильково (Лапшин, Мухина, 1988), Весь 5 (Макаров и др., 2010) памятники Шекшово 2 и Б. Давыдовское 2 являются одними из ранних участков древнерусской колонизации центральной части Суздальской земли. Материалы этих памятников представляют значительный интерес для реконструкции особенностей хозяйства и материальной культуры средневекового населения Суздальской земли.

На основании анализа подъемного материала (около 300 вещей, свыше 1000 фрагментов керамики), собранного на распаханной поверхности, поселение Б. Давыдовское 2 можно датировать X – началом XIV в., при этом на большей части площадки представлены все хронологические группы древностей.

Исключение составляет северо-западная оконечность памятника, где ранние находки (лепная керамика или вещи – хроноиндикаторы X–XI вв.) не выявлены (рис. 1). Места скопления массового и индивидуального археологического материала хорошо соотносятся с зонами концентрации геофизических аномалий, интерпретируемых как остатки очагов, печей или сооружений, углубленных

Рис. 1. Селище Б. Давыдовское 2. Геомагнитный план памятника с указанием подъемного материала. Условные обозначения: *а* – места отбора ^{14}C -проб; *б* – вещи, собранные на поверхности; *в* – вещи X–XI вв., собранные на поверхности.

в материк (Федорина, 2010). Однако нельзя однозначно оценить объективность выявляемых участков хозяйственной активности лишь на основании сопоставления поверхностных сборов с данными геофизики.

Таким образом, можно реконструировать общие границы поселения, но динамика границ, а также особенности пространственной организации на отдельных этапах жизни селища остаются по-прежнему неясными. Обращение к материалам раскопок позволяет охарактеризовать планировку поселения и ее изменения во времени.

На сегодняшний день Б. Давыдовское 2 – одно из немногих селищ Ополья, исследованное широкой площадью. Раскопками изучено 865 м², открыто более 150 объектов, связанных с антропогенной деятельностью, коллекция вещей и керамики составила свыше 1180 предметов и 25 000 фрагментов соответственно. Вскрытый участок, первоначально оценивавшийся как периферия раннего поселения, продемонстрировал значительную концентрацию объектов, что позволило уже на первом этапе скорректировать представления о динамике границ поселения.

Таблица 1. Хронология раскопанных объектов

Объект (яма)	Период	Керамика (шт.)		Венчики круговых сосудов (шт.)		Декор с эле- ментом “волна” (шт.)	Всего		Предметы – хроноин- дикаторы периода			Всего вещей (шт.)
		лепная	ранне- круго- вая	X–XII вв.	XII– XIII вв.		круговых фрагмен- тов (шт.)	кера- мики (кг)	1	2	3	
1	1	260	39	2		5	45	2	+			46
2	1/2	35	35	1			28	0.65	+			2
2a	1	8	2	1			1	0.16	+			8
П5	1								+			9
П8	1											1
9	3				1		1	0.01				
12	1 (?)	1						0.01				
16	1	23						0.26				2
17	2			1			4	0.02				
20	2	1	1	1			2	0.12				1
21	1 (?)	2	3					0.05				
26	1 (?)	1						0.01				
30	1 (?)	1						0.01				
33	2	14				7	13	0.14				
43	?											1
44	1 (?)						3	0.02				
45	1 (?)	3						0.04				
60	2	1	1	1			2	0.04				
64	1/2	14					3	0.15				
66	1 (?)	4						0.04				
66a	1 (?)		1					0.01				1
69	1 (?)	1						0.01				
72	2/3		2		1		2	0.1				
73	1 (?)	1						0.01				
75	1 (?)	4					2	0.16				
76	?											1
77	2/3				1		3	0.02				
78	1 (?)	2	1				5	0.04				
79	1	7	2				17	0.17				1
80	2	21	6	21	36	5	425	6.28	+	+		51
81	1	2	6				3	0.2				
82	1	31					6	0.63	+			2
83	3			1	3	11	81	0.82	+			12
83a	3	3		5	20	2	122	1.5				
85	1 (?)	3					4	0.11				
86	2	15		7	3	9	117	1.8				2
88	1/2	12		3			5	0.24				1
89	1 (?)	6						0.07				
90	1 (?)	1						0.01				
91	2	30	10	1			33	1.1				1
93	1 (?)						1	0.02				
95	2	7				12	21	0.06				
95a	2			1			2	0.02				
95b	1	17	1				1	0.2				
98	2	1			1		22	0.31				
99	1		2	2	1	3	33	0.32				1
108	1 (?)						1	0.02				
112	1	11						0.06				
113	3	2					4	0.04				

Таблица 1 (окончание)

Объект (яма)	Период	Керамика (шт.)		Венчики круговых сосудов (шт.)		Декор с эле- ментом “волна” (шт.)	Всего		Предметы – хроноин- дикаторы периода			Всего вещей (шт.)
		лепная	ранне- круго- вая	X–XII вв.	XII– XIII вв.		круговых фрагмен- тов (шт.)	кера- мики (кг)	1	2	3	
115	1	14+п/п*					1 (?)	0.7				15
115a	1	14	2					0.3				
117	1 (?)	3						0.03				
119	?											2
122	1 (?)		2					0.01				
123	3	5		4	7		68	1.03			+	11
123a	1	7		3	1	1	31	0.65	+			2
124	1/2	27	1				4	0.35				2
125	2	6	4	8		1	39	0.49				6
126	2	6	17	9	6	21	216	3	+	+		19
127	1/2	1	4	4		1	10	0.38	+			3
128	3			4	2		50	0.77	+		+	19
129	1	27	2	3		1	28	1.26	+			5
130	2	34	23	12	2	3	113	2.74	+			5
131	3	1	5			1	6	0.17			+	17
132	3	3		2	1		43	0.48				5
134	3										+	1
136	3			1			13	0.1			+	5
140	3	1			1		7	0.04			+	8
141	3	49	2	40	84	11	1113	15.123				
145	3										+	1
151	2/3	6		4	2		57	0.6	+	+	+	9
152	1 (?)	1					1	0.03				
153	1/2	5		9	2	2	86	1.56				4
154	3	2		2	7		62	1.07			+	10

* п/п – полный профиль сосуда.

Немногочисленность находок в отдельных комплексах и преобладание в коллекции предметов с достаточно широкой датировкой осложняют характеристику отдельных сооружений (данные о датированных объектах представлены в табл. 1).

На основании анализа вещевой и керамической коллекций, а также стратиграфических наблюдений на изученной раскопом территории удалось выделить три периода жизни: конец X – XI (вероятно, до второй четверти), XII (преимущественно первая половина – середина), вторая половина XII – XIII в. (рис. 2).

К первому этапу использования площадки достоверно относятся 15 объектов, в том числе яма 1, интерпретируемая как подполье жилого дома. Остальные ямы представляются остатками различных хозяйственных строений. Для вещевого комплекса этого этапа характерны находки каменных бус (сердоликовых и янтарных), стеклянных мозаичных

бус и так называемых лимонок, изготовленных из тянутой трубочки, “рубленого” бисера, узколезвийных ножей, шумящих бронзовых украшений и их деталей, амулетов из костей животных: астрагалов бобра, клыка медведя (рис. 3). Важным хроноиндикатором этого периода является находка скандинавского амулета – кольца со стерженьками (Макаров, Федорина, в печати; аналогии см. Дорофеева, 2010). Керамический комплекс X–XI вв. составлен как “чистыми” лепными (ямы 16, 82, 112, 115, П5, П8), так и комплексами с присутствием раннекруговой посуды S-видного профиля с частым линейным орнаментом (ямы 1, 2а, 79, 81, 95б, 99, 129). Доля лепной керамики колеблется в пределах 75–100% (для комплексов, где общий вес керамики составлял не менее 0.5 кг: ямы 1, 82, 115), в одном случае (яма 129) она падает до 47%. С определенной долей условности к этому же периоду можно отнести те ямы, коллекции которых представлены единичны-

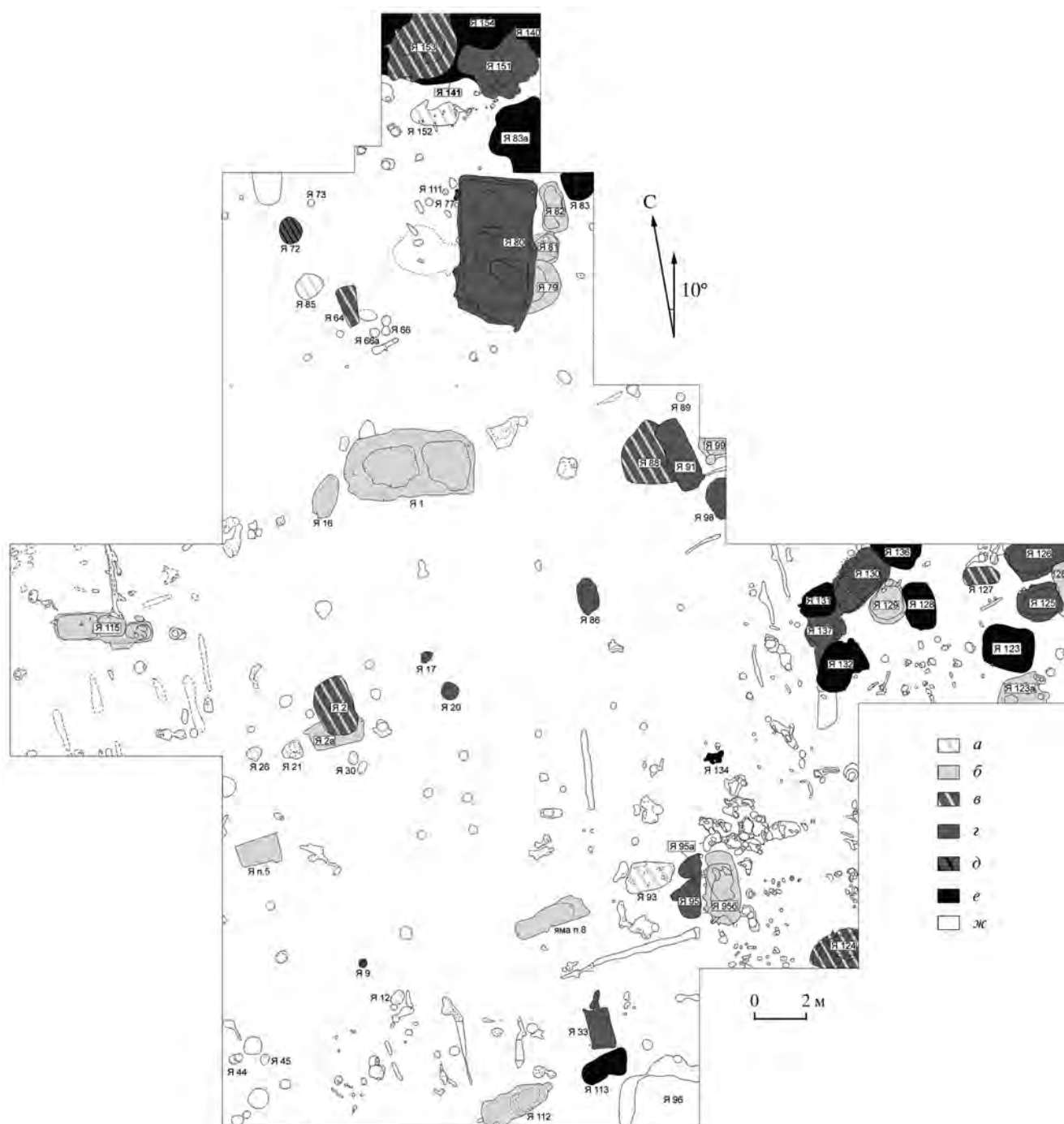

Рис. 2. Селище Б. Давыдовское 2. Сводный план раскопов 2008–2011 гг. с объектами различных хронологических периодов. Условные обозначения: а – объекты периода 1 (?); б – объекты периода 1; в – объекты периода 1–2; г – объекты периода 2; д – объекты периода 2–3; е – объекты периода 3; жс – объекты, не содержавшие материалов.

ми фрагментами лепной керамики. Выявлено 20 таких объектов (табл. 1).

На всей площади раскопа насыщенность пахотного горизонта массовым материалом X–XI вв. примерно одинакова. Исключение составляют юго-западная зона раскопа, где его концентрация значи-

тельно снижается, и участки, расположенные над углубленными в материк объектами, где наблюдается обратная ситуация.

Комплексы X–XI вв. распределены по всей вскрытой площади равномерно и несколько разрежено. Наблюдается небольшое увеличе-

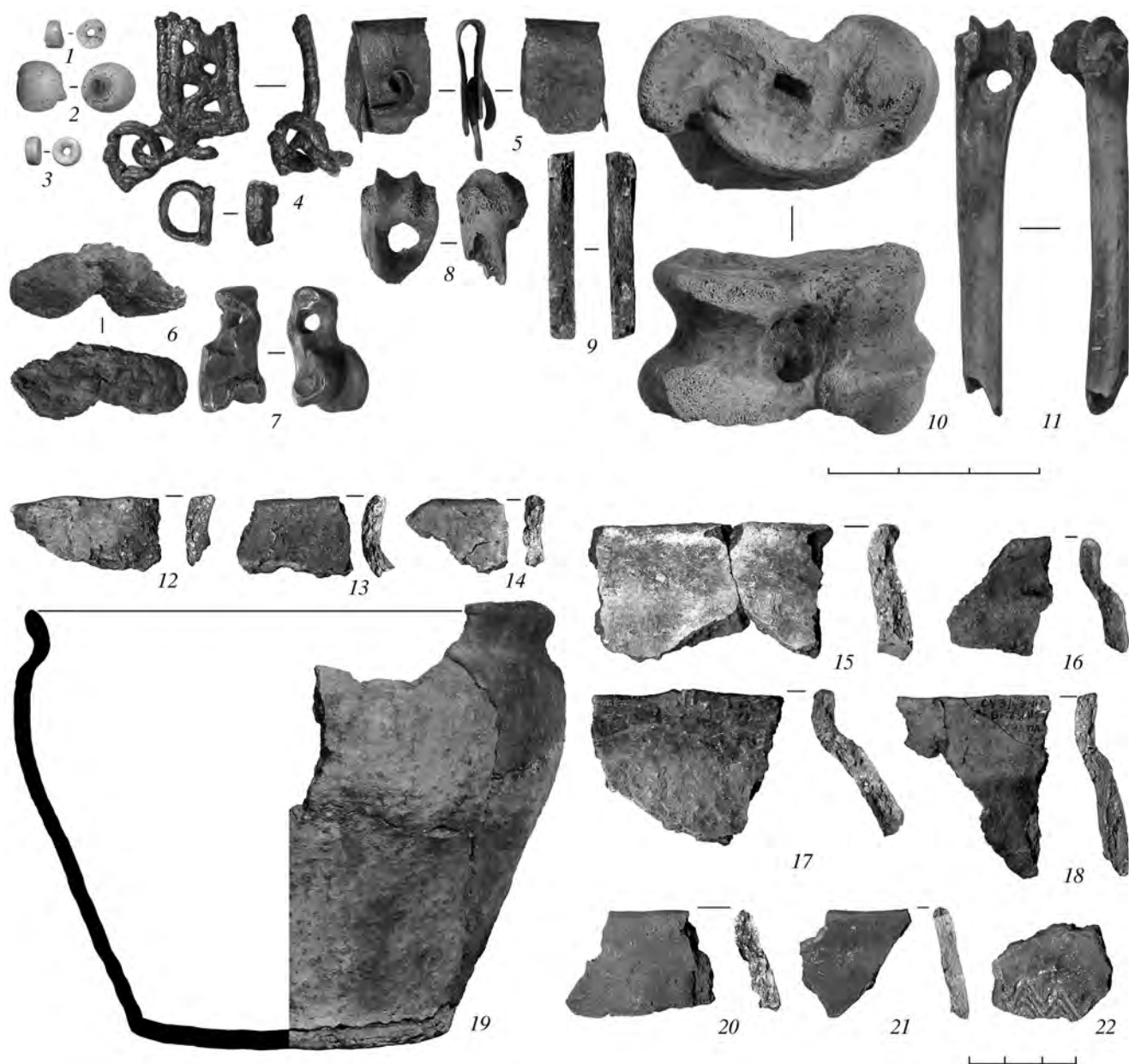

Рис. 3. Объект 1-го хронологического периода – яма 115. Вещевой и керамический материал. 1–3 – бусы; 4 – перстень; 5 – привеска; 6–8, 10, 11 – обработанные кости животных; 9 – пронизка. 1, 2 – желтое стекло; 3 – окаменелость; 4, 5, 9 – цветной металл; 6–8, 10, 11 – кость; 12–22 – глина.

ние плотности в северном и восточном направлениях.

Этот период существования селища маркируется серией из 12 радиоуглеродных дат, охватывающих период 680–1033 гг. (табл. 2)¹. В серии выделяется группа из четырех дат, не выходящих за рамки X в. (692–970 гг.). Они происходят преимущественно из

недостаточно однозначных контекстов (три пробы отобраны в ходе бурений отдельных геомагнитных аномалий, одна – из полностью раскопанного объекта). Четыре даты из объектов, раскопанных полностью, охватывают интервал конца X – первой трети XI в. с нижней границей 991–995 гг. Из пяти раскопанных полностью объектов происходят даты с нижней границей, находящейся в интервале 880–890 гг., при верхней границе 1020–1030 гг. Одна дата дает очень широкий хронологический интервал 680–1030 гг. Эти данные позволяют поставить

¹ В таблице приведены даты образцов, отобранных из объектов раскопа; даты образцов, отобранных в ходе бурения геомагнитных аномалий, опубликованы ранее (Макаров и др., 2011).

Таблица 2. Радиоуглеродные даты образцов из раскопанных объектов

Лабораторный номер	Место отбора (яма)	¹⁴ C-возраст (BP)	Интервалы калиброванного календарного возраста, Cal AD		Датируемый материал	Глубина (см)
			1σ: 68.5% вероятности	2σ: 95.4% вероятности		
Ле-8882	64	970±70	1010–1160	890–1220	Уголь	459–463
KIA-41068	80	1025±27	993–1022	903–1040	»	Прослойка гумуса под желтым песком
KIA-41069	»	1047±24	987–1017	900–1025	»	Профиль, углистая прослойка, 690
KIA-41070	»	958±23	1026–1149	1022–1054	»	Профиль, прослойка гумуса, 654
Ле-8879	»	1260±100	660–870	610–990	»	738
Ле-8881	86	890±40	1040–1210	1030–1220		
KIA-41066	», нагар на сосуде	1009±25	995–1029	982–1147	Нагар	
Ле-8883	96	870±45	1050–1220	1030–1260	Тлен/почва	Тлен от стенок
KIA-41071	98	941±23	1034 – 1152	1030 – 1155	Уголь	Профиль, углистая прослойка
KIA-41072	99	1003±22	997–1033	987–1147	»	Пл. 2 Дно Пл.7, 649 Пл. 3 » Пл. 2 701–690 Пл. 2 » » » » Пятно золы и угля, 711–709 Под развалом сосуда, 712–709
Ле-9283	115a	1100±60	880–1020	770–1030	»	
Ле-9284	115b	1120±25	890–970	870–990	»	
Ле-9274	124	1470±150	413–760	244–889	»	
Ле-9278	125	950±60	1022–1159	991–1216	»	
Ле-9275	126	910±35	1040–1170	1030–1210	»	
Ле-9280	126A	925±70	1028–1181	998–1254	»	
Ле-9270	127	1080±70	880–1030	770–1160	»	
Ле-9268	128	1360±150	540–868	420–996	»	
Ле-9269	129	1110±60	880–1020	770–1030	»	
Ле-9277	130	1060±60	890–1030	810–1160	»	
Ле-9273	131	860±40	1050–1230	1040–1270	»	
Ле-9276	136	900±90	1030–1220	980–1280	»	
Ле-9279	141	870±50	1045–1221	1035–1262	»	
Ле-9281	»	850±130	1039–1277	900–1396	»	

вопрос о некотором удревнении времени возникновения поселения.

Важно отметить, что уже в конце X – начале XI в. памятник представлял собой достаточно крупное поселение: анализ пространственного распространения вещей ранних типов, лепной и раннекруговой керамики, а также мест отбора проб ¹⁴C, давших ранние даты, позволяет говорить о площади не менее 3 га.

По-видимому, застройка столь обширной территории не была слишком плотной: об этом свидетельствует ситуация, зафиксированная в раскопе, расположенном недалеко от западной границы первоначального поселка. Расстояние между объектами и их скоплениями составляет от 4 до 12 м,

ориентировка ям различна, хотя есть некоторая тенденция к широтной ориентации. В отдельных случаях прослеживается устойчивость в размещении объектов (ямы 115 а–в; 2, 2а; 79, 81, 82), сменяющих друг друга на достаточно коротком хронологическом отрезке. Незначительное увеличение плотности застройки, зафиксированное в восточной части раскопа, по-видимому, связано с приближением к центру поселения, отсутствие же объектов в юго-западном углу раскопа объясняется естественным понижением рельефа.

Объекты второго этапа выделены по особенностям керамического комплекса. Основные маркеры – это значительное снижение доли лепной керамики (до 20% от общего количества в комплексах с общим весом керамики не менее 0.5 кг), присутствие в кол-

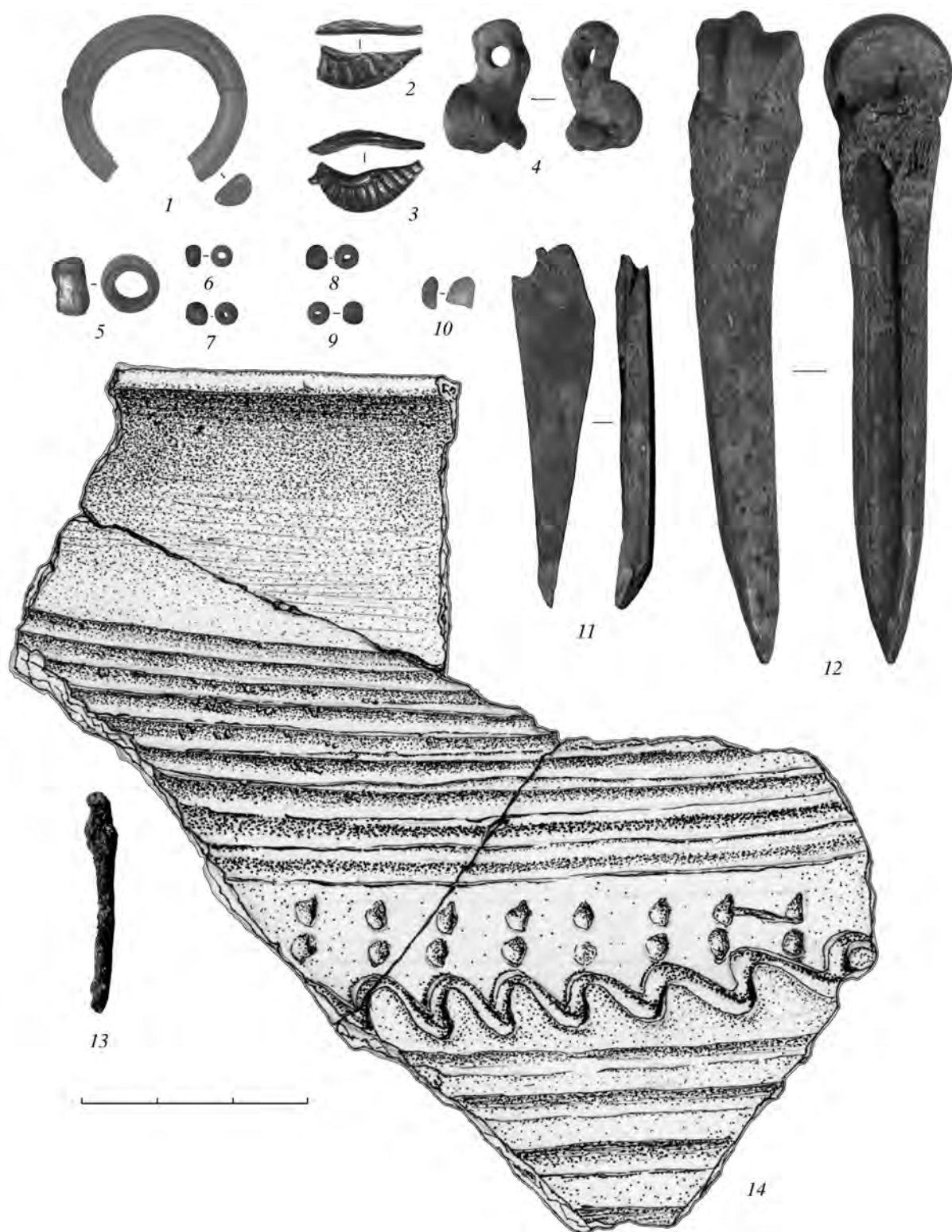

Рис. 4. Объект 2-го хронологического периода – яма 126. Вещевой и керамический материал. 1 – перстень; 2, 3 – фрагменты пряжки; 4 – амулет; 5–10 – бусы; 11 – кость со следами обработки; 12 – кочедык. 1, 5–10 – стекло (1 – желтое; 5, 10 – золотостеклянное; 6–9 – зеленое); 2, 3 – цветной металл; 4, 11, 12 – кость; 13 – железо; 14 – глина.

лекции манжетовидных и секировидных венчиков IV типа по В.А. Лапшину (1992), а также фрагментов сосудов типа Va с вертикальным горлом (рис. 4). Этот период существования селища маркируется двумя радиоуглеродными датами, охватывающими период 1026–1152 гг. (KIA-41070, KIA-41071, ямы 80 и 98). К этой группе дат примыкают датировки образцов, отобранных в трех геомагнитных аномалиях, с верхней границей 1117–1151 гг. (Макаров и др., 2011).

Правомерность выделения второго периода подтверждается также присутствием единичных находок – хроноиндикаторов XII в., преимущественно ювелирных изделий (Зайцева, в печати) и некоторых типов бус.

Первой половиной – серединой XII в. уверенно датируются 13 ям, еще 9 объектов могут быть отнесены к этой группе с некоторой долей условности. Яму 80 можно интерпретировать как подполье жилой постройки, остальные представляют собой остатки хозяйственных сооружений. Объекты этого времени концентрируются в северной и восточной частях раскопа, занимая зону, ориентированную по линии СЗ–ЮВ, и в некоторых случаях перекрывают ямы предшествующего времени.

Для комплексов третьего хронологического этапа (таких объектов выявлено 14, в том числе комплекс ям 141, вошедший в раскоп лишь частично; еще 3 объекта отнесены к этому периоду условно) характерно отсутствие или незначительная примесь лепной керамики (не более 6%), вероятно, переотложенной, и присутствие “поздних” типов венчиков круговых сосудов (VIB, VIIB, VIIIB, VIIIB – по А.В. Лапшину). Вещевые коллекции характеризуются большим количеством стеклянных браслетов, присутствием ключей типа Б и широколезвийных ножей. Большая часть шиферных пряслиц обнаружена в комплексах этого времени (рис. 5).

В раскопе жилые постройки второй половины XII – XIII в. не зафиксированы. Почти все сооружения третьего этапа группируются в северной и восточной оконечностях раскопа, занимая ту же зону, что и большая часть построек второго периода. На этом же участке концентрируются находки круговой керамики из пахотного горизонта.

Девять радиоуглеродных дат с верхней границей 1160–1284 гг. (табл. 2) хорошо согласуются с датировкой этого периода хозяйственной активности, выделенного по археологическим материалам (Макаров и др., 2011).

Несмотря на очевидное сужение зоны распространения керамики в конце XII – XIII в., на площадке раскопа происходит увеличение абсолютных

показателей количества массового материала. Так, если средний вес лепной керамики, собранной с 1 м², равняется нескольким десяткам граммов (30–40 г), то вес круговой керамики значительно возрастает и составляет несколько сотен граммов (в зоне концентрации материала более 100 г) на ту же единицу площади.

Возможно, открытый раскопом участок использовался и в более позднее время. Об этом косвенно свидетельствуют предметы, верхняя граница бытования которых выходит в XIV в.: ключи типа В, элементы железной ременной гарнитуры и единичные находки керамики с профилировкой, характерной для конца XIII – начала XIV в., найденные преимущественно в пахотном горизонте. Однако материковые объекты этого времени не выявлены, поэтому уточнить характер использования этой территории не представляется возможным.

Говоря о хозяйственном укладе населения поселка, хотелось бы подчеркнуть его комплексный промыслово-земледельческий характер, наличие среди занятий ремесел, а также товарных отношений. Среди ремесел можно отметить обработку цветных металлов и ювелирное дело, его признаки – присутствие в слое тиглей, льячек, выплесков металла и вещей со следами производственного брака (Зайцева, в печати); косторезное дело, наличие которого подтверждается многочисленными находками костей со следами обработки, отдельных изделий из рога и кости. Занятие рыболовством и охотой, в том числе пушной, подтверждается отдельными находками, а также составом остеологической коллекции: среди костей диких животных чаще встречаются кости бобра, куницы и зайца (определение Е.В. Добровольской).

Вовлеченность в торговлю прослеживается по отдельным предметам импорта: фрагментам тарной и поливной керамики, находкам весовой гирьки и подражания немецкому денарию (определение П.Г. Гайдукова). Такие предметы, как скандинавский амулет с подвесками-стерженьками, имеющий яркую этническую окраску, одномоментное появление сложившихся раннекруговых керамических форм, значительное количество стеклянных и каменных бус говорят об активном вовлечении местного населения в широкий круг не только древнерусских, но и общеевропейских связей.

Комплекс находок, включающий в себя изделия из драгоценных металлов, в том числе золотую полу бусину, серебряный крестик скандинавского типа, отдельные фрагменты серебряных изделий, говорит о нерядовом статусе поселения и высоком уровне благосостояния жителей уже на ранних этапах существования памятника. На следующем

Рис. 5. Объект 3-го хронологического периода – яма 123. Вещевой и керамический материал. 1 – кость со следами обработки; 2 – затыльник ножа (?); 3–8 – браслеты; 9 – пластина. 1, 2 – кость; 3–8 – стекло (3 – коричневое; 4 – фиолетовое; 5, 6 – голубое; 7, 8 – оливковое); 9 – железо; 10 – глина.

этапе жизни поселения (середина XII – XIII в.) это проявляется в присутствии комплекса таких предметов, как фрагмент кольчуги, булава, наконечники бронебойных стрел, фрагмент псаля, связанных с профессиональным воинским снаряжением, в сочетании с фрагментами амфорной тары, поливной посуды, а также предметами личного благочестия со сложной семантикой.

Отмеченное выше уменьшение степени хозяйственного использования юго-западной и западной частей раскопа, увеличение плотности размещения объектов в северо-восточной половине участка, пространственная организация объектов второго и третьего хронологических периодов дают возможность говорить о некой стабилизации внутренней структуры поселения. Судя по всему, этот процесс завершается в конце XII в., что подтверждается со-

Рис. 6. Изменения структуры использования площадки раскопа по данным распределения массового материала: фрагментов лепной (1) и круговой (2) посуды в пахотном горизонте.

хранением пространственной организации объектов на вскрытом раскопке участке в последующем столетии. Об этом также свидетельствует изменившаяся картина распределения массового материала: круговая керамика в значительной мере сосредоточена в северо-восточной половине раскопа, с резким падением плотности к юго-западу (рис. 6). Такая четкая граница может быть свидетельством

того, что в раскоп попала периферия одной или двух усадеб. Отсутствие на открытой раскопке значительной площади каких-либо следов изгородей, частокольных канавок или других свидетельств визуального обозначения границ, зафиксированных, например, на средневековых сельских поселениях Кистыш 3, Владимирская обл.; Лисковское, Черниговская обл. (Шекун, Веремейчик, 1999); Ближнее Константиновское, Нижегородская обл. (Грибов, 2008); Мякинино 1, Московская обл. (Энговатова, Коваль, 2008), свидетельствует об открытом характере дворовладения.

Таким образом, Б. Давыдовское 2, примыкающее к основному памятнику микрорегиона – селищу Шекшово 2, представляет крупное, динамично развивавшееся стационарное поселение, существовавшее на протяжении не менее 300 лет без значительных перерывов. Освоение площадки памятника начинается с восточной, приовражной его части. Уже ко второму периоду жизни объекта исследования осваиваются напольный и приречный участки площадки, о чем свидетельствуют находки в сборах железных булавок с кольцевидной головкой, узколезвийных ножей, небольшого количества лепной керамики и фрагментов круговой посуды ранних типов. Материалы третьего хронологического периода представлены на всех участках. Отмеченный для второй половины XI – начала XII в. хронологический разрыв в хозяйственном использовании изученной раскопками зоны памятника ставит очередной вопрос в изучении истории освоения и динамики развития (как этого локального участка поселения, так и микрорегиона в целом) и дает новые возможности для понимания характера колонизационных процессов.

Работа выполнена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 11-31-00304).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Археология севернорусской деревни X–XIII вв. Т. 1–3. М., 2007–2009.
- Гоняный М.И. Методика комплексных разведочных археологических исследований на средневековых селищах в Подмоскowie // Археология Подмоскowie. Вып. 5. М., 2009.
- Гоняный М.И., Кац М.Я., Наумов А.Н. Древнерусские археологические памятники конца XII – третьей четверти XIV века в приустьевой части Непрядвы на Куликовом Поле // Русь в XIII в. Древности темного времени. М., 2003.
- Горюнова В.М., Латишин В.А. О появлении раннекруговой керамики в Северо-Восточной Руси // Археоло-

- гия, история, нумизматика, этнография Восточной Европы. СПб., 2004.
- Грибов Н.Н.* Русское Владельческое село удельного периода (по материалам раскопок селища Ближнее Константиново-1) // Сельская Русь в IX–XVI вв. М., 2008.
- Дорофеева Т.С.* Скандинавский амулет с Городища под Новгородом // Диалог культур и народов средневековой Европы: К 60-летию со дня рождения Е.Н. Носова. СПб., 2010.
- Зайцева И.Е.* Изделия из цветных металлов древнерусского селища Большое Давыдовское 2 в Суздальском Ополье. В печати.
- Захаров С.Д.* Древнерусский город Белоозеро. М., 2004.
- Коваль В.Ю.* Хронологическая стратификация памятника методами археологической керамологии (на примере селища Мякинино-1) // Археология Подмосковья. Вып. 5. М., 2009.
- Культура Средневековой Москвы. Исторические ландшафты. Т. 1. М., 2004.
- Латишин В.А.* Археологический комплекс у с. Гнездилова под Суздалем // КСИА. 1983. № 195.
- Латишин В.А.* Керамическая шкала домонгольского Суздаля // Древнерусская керамика. М., 1992.
- Латишин В.А., Мухина Т.Ф.* Раннесредневековый археологический комплекс у с. Васильково под Суздалем // Проблемы изучения древнерусской культуры. М., 1988.
- Макаров Н.А., Захаров С.Д., Шполянский С.В.* О датировке средневекового поселения Весь 5 под Суздалем // Диалог культур и народов средневековой Европы: К 60-летию со дня рождения Е.Н. Носова. СПб., 2010.
- Макаров Н.А., Федорина А.Н.* Суздальская земля в IX–XI вв.: расселение, культура и балтийские связи // Археология Балтийского региона: новые открытия и исследования: Матер. междунар. конф. В печати.
- Макаров Н.А., Федорина А.Н., Зайцева Г.И., Гроотс П.М.* Радиоуглеродные даты памятников раннего железного века – средневековья в Суздальском Ополье // РА. 2011. № 4.
- Федорина А.Н.* Средневековые сельские поселения Суздальской земли по данным археологии и геофизики. Исследования 2008 г. // Археология и геоинформатика. Вып. 6. М., 2010.
- Шекун О.В., Веремейчик О.М.* Давньоруське поселення Ліскове. Чернігов, 1999.
- Энговатова А.В., Коваль В.Ю.* Мякининское 1 селище в поселенческой структуре Северо-Западного Подмосковья // Сельская Русь в IX–XVI вв. М., 2008.

НАХОДКИ КУЗНЕЧНЫХ ИЗДЕЛИЙ НА СРЕДНЕВЕКОВОМ ПОСЕЛЕНИИ КРУТИК

© 2012 г. А.Ю. Кашинцев

Научно-производственный центр “Древности Севера”, Вологда
(kahincev@bk.ru)

Ключевые слова: Белозерье, средневековые, поселение Крутик, кузнечное ремесло, находки из железа, шлаки.

The article presents new materials from the 2008–2010 joint investigations of the Onega-Sukhona archaeological expedition of the IA RAS and the Antiquities of the North science and production center (city of Vologda) at the medieval settlement Krutik. The article gives a brief characteristic of the artifact collection and analyzes in detail the iron items. The forged pieces have been analyzed as to category and layers where they occur. Especial attention has been given to the amount of iron finds in different layers and their share as compared to artifacts made of other materials. The article also identifies a special area for smithcraft, which was removed from both dwellings and other production zones. The interpretation is based on the analysis of various types of slag or other finds which are related to the activity in question. In conclusion, the author surmises on the nature and specific features of production at Krutik settlement.

Поселение Крутик, существовавшее в IX–X вв. в верхнем течении р. Шексна, хорошо известно в археологической литературе. Оно относится к числу немногих археологических памятников Центрального Белозерья, возникших в конце I тыс. н.э. — на начальных этапах становления Древнерусского государства. Широкомасштабные раскопки памятника, проведенные Л.А. Голубевой в 1970–1980-е годы, выявили уникальный по сохранности культурный слой, содержащий чрезвычайно яркий и обильный вещевой материал. Опираясь на результаты раскопок, исследовательница сопоставила Крутик с поселениями, получившими в археологической литературе название “торгово-ремесленные” или “протогородские” (Голубева, Кочуркина, 1991. С. 9, 10). В ходе многолетних работ удалось вскрыть значительную по размерам площадь — около 1600 м², в связи с чем до недавнего времени считалось, что Крутик исследован практически полностью.

Однако в процессе археологического обследования памятника в 2006 г. были выявлены новые, не известные ранее участки культурного слоя (Захаров, 2009. С. 21). Эти обстоятельства, а также ключевая роль Крутика в воссоздании ранней истории региона привели к тому, что с 2008 г. начался новый цикл исследований поселения, проводимых Онежско-Сухонской экспедицией Института археологии РАН (ИА РАН) совместно с Научно-производствен-

ным центром “Древности Севера”, г. Вологда (НПЦ “Древности Севера”).

За три полевых сезона удалось получить качественно новую информацию о характере и особенностях развития поселения. Основные работы в эти годы были сосредоточены на северо-западном склоне поселенческого холма, на раскопе, получившем порядковый номер IX, продолживший существовавшую нумерацию (рис. 1). В раскопе площадью 58 м² каких-либо следов жилых или иных стационарных построек выявлено не было. Несмотря на это и на удаленность исследуемого участка от центра поселения, применение новых методов раскопок позволило зафиксировать здесь значительно более высокую концентрацию находок, чем в тех частях поселения, где наличие жилой и хозяйственной застройки было установлено в ходе раскопок Л.А. Голубевой.

При отсутствии стационарных построек на исследованном участке выявлены следы достаточно масштабных земляных работ. Подрезка и выравнивание верхней части склона четко фиксируются в одном из профилей раскопа IX. Уровень материка здесь резко, через три ступенчатых уступа понижается, переходя в слабопокатую площадку (рис. 2, 2). В северной части раскопа располагались большая корытообразная яма 3 и мощный выброс из нее. У юго-восточного края ямы удалось расчистить две столбовые ямки, возможно — свидетельства существования над ней небольшого навеса. Еще две

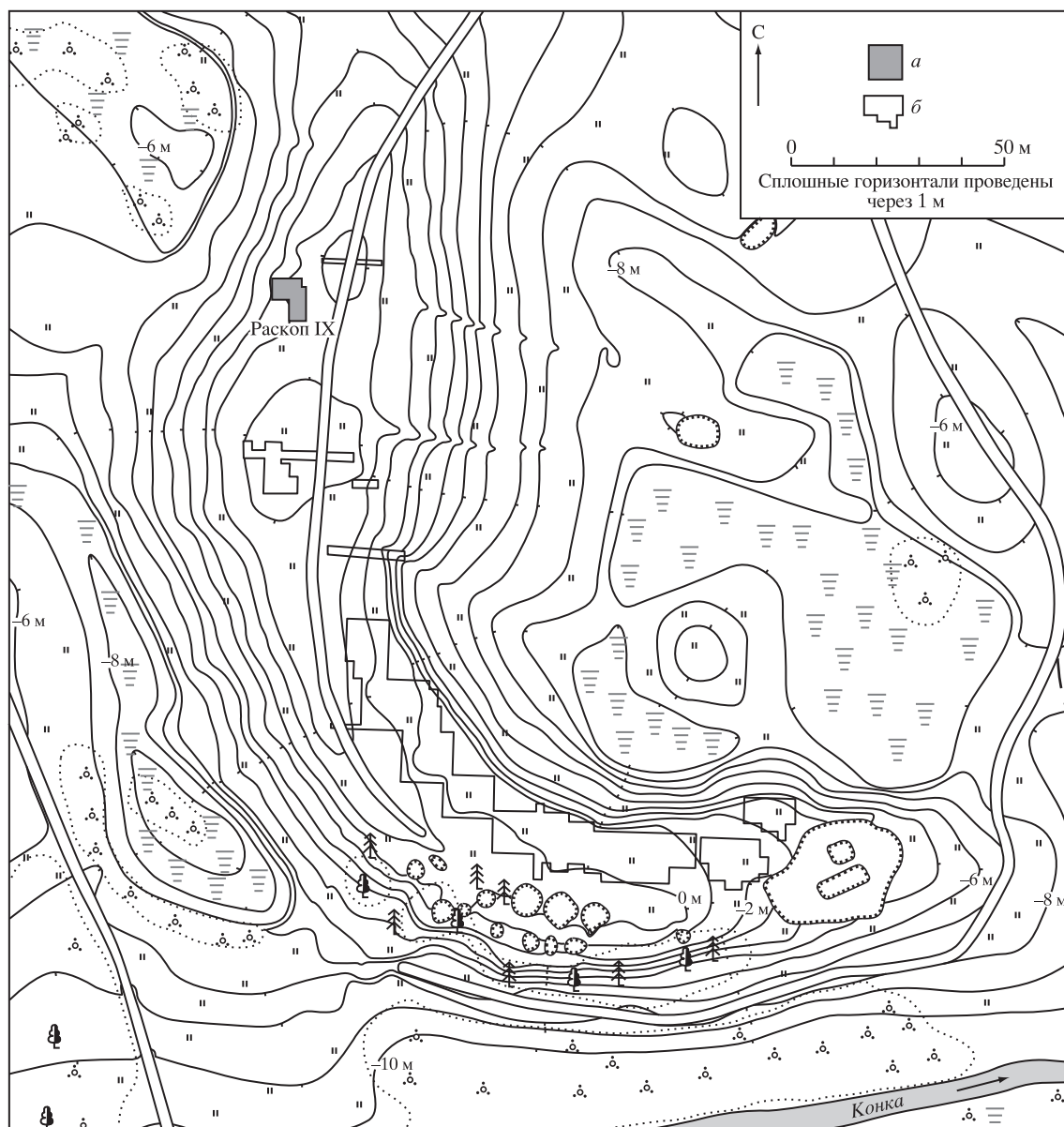

Рис. 1. План поселения Крутик: а – место положения раскопа IX; б – раскопы Белозерской экспедиции 70–80-х годов XX в. под руководством Л.А. Голубевой.

ямы зафиксированы в юго-восточной части раскопа. Эти обстоятельства обусловили существование в раскопе достаточно сложной стратиграфической картины.

Благодаря ведению раскопок по литологическим слоям на участке удалось выявить 12 слоев, относящихся к трем основным свитам напластований. В первую из них вошел дерн и переотложенный пахотой слой. К нижней, третьей свите были отнесены предматериковые слои, связанные с начальным периодом заселения данной территории. Однако наибольший интерес представляет вторая свита напластований, состоящая из слоев, формирова-

ние которых связано с интенсивной хозяйственной и производственной деятельностью. Самый верхний во второй свите – слой 2А, занимавший юго-западную часть раскопа. Он представлял собой насыщенную органикой коричневую (местами темно-коричневую) супесь с большим количеством печных камней и крупных фрагментов лепной керамики. Небольшое пятно аналогичного слоя в северо-западном углу раскопа было обозначено как слой 2Б1. Слой 2А по большей части подстилался слоем 2Б – темно-серой, практически черной супесью, насыщенной углем, печными камнями и фрагментами печной обмазки. Из-за близкой окраски

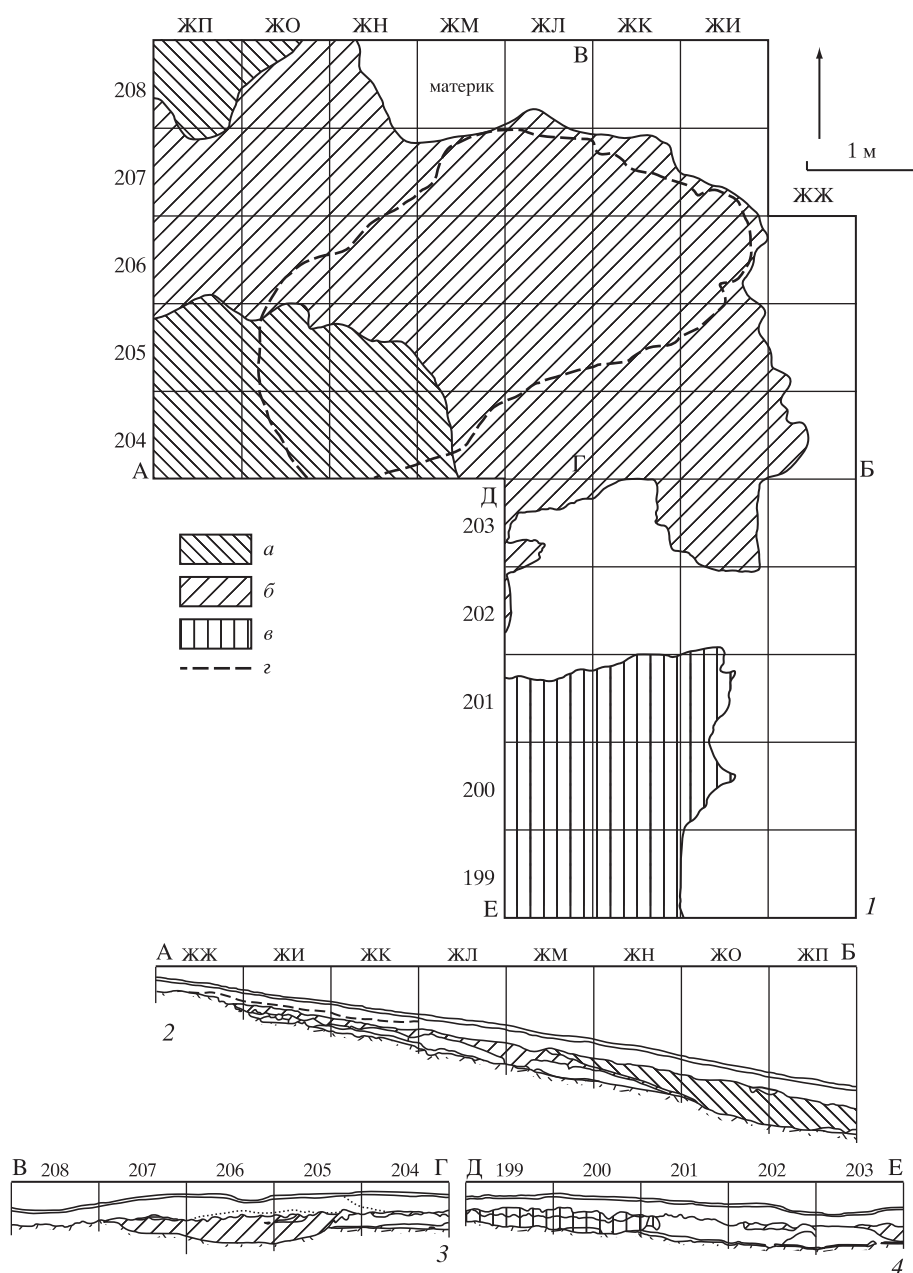

Рис. 2. Поселение Крутик. Раскоп IX. 1 – план раскопа IX с обозначением трех основных производственных зон; 2 – стратиграфический разрез А–Б; 3 – стратиграфический разрез В–Г; 4 – разрез Д–Е. Условные обозначения: а – слои, связанные с бронзолитейным производством; б – слой, связанный с косторезным ремеслом; в – слои, связанные с кузнечным ремеслом; 3 – контуры ямы 3.

этого слоя и периферии слоя 2А установление их точной границы вызывало определенные затруднения. Слой 2Б занимал большую часть северной половины раскопа. Данным слоем была заполнена и яма 3 (рис. 2, 1–3).

В юго-восточной части раскопа были выделены еще два слоя. Слой 2 представлял собой интенсивно гумусированную темно-серую супесь, насыщенную печными камнями, углем, крупными фрагментами керамики и печной обмазки. Верхняя часть

этого слоя, как и слоя 2А, была уничтожена пахотой, поэтому установить стратиграфическое соотношение между слоями пока не удалось. На всей площади распространения слой 2 подстилался слоем 2Г, представляющим собой насыщенную остатками органики (древесный тлен?) коричневою и ярко-коричневою супесь, что сближает его со слоем 2А. Слой 2Г была заполнена и яма 5, расположенная в юго-западной части раскопа, на дне которой зафиксированы следы прокала (рис. 2, 1, 4).

Несмотря на относительно небольшую вскрытую площадь, полная промывка изученных в раскопе напластований позволила собрать необычную по объему коллекцию артефактов. Она насчитывает более 3500 индивидуальных находок и свыше 170 кг разнообразного массового материала. Именно этот материал и детальный анализ соотношения различных групп находок в выделенных слоях стали основой для их интерпретации. Выяснилось, что в слоях 2А и 2Б1 основное число находок, исключая изделия из стекла (бусы и бисер), преобладающие во всех слоях, связано с бронзолитейным производством, — более 17%. Преимущественно это фрагменты тиглей и льячек, а также выплески цветных металлов. В то время как на долю отходов косторезного производства приходится лишь 2% находок. Совершенно иная картина зафиксирована в слое 2Б, подстилающем слой 2А. Здесь доля отходов косторезного производства (обрезки и опилки кости и рога, а также заготовки костяных изделий и производственный брак) приближается к 28%, а доля находок, связанных с ювелирным производством, составляет чуть более 4. Такое соотношение различных групп находок позволяет полагать, что во время отложения слоя 2А одним из важных занятий на изучаемом участке было бронзолитейное производство, а в более ранний период — период формирования слоя 2Б — косторезное ремесло.

Отличительная особенность слоев 2 и 2Г — наличие в них большого количества шлаков (главным образом, мелких пластинок окалина — кузнечного шлака) и мелких фрагментов железных изделий (Захаров, 2010а). Несмотря на небольшую долю содержащихся в слоях изделий из железа (не более 18% от общего числа находок), это позволяет говорить об их связи с кузнечным производством.

Первое место в общей вещевой коллекции раскопа, как уже отмечалось, занимают изделия из стекла (бусы, бисер) — 45.3%, второе — находки из кости, представленные в основном отходами косторезного производства, — 25, третье — изделия из железа (409 экз.) — 11.4.

Более половины коллекции железных изделий (54.9%) составляют бесформенные пластины и стержни — 225 экз. Среди определимых предметов, большинство из которых — небольшие фрагменты, что в ряде случаев не позволяет дать их полноценную характеристику, наиболее многочисленна группа универсальных инструментов.

Ножи, большая часть которых представлена фрагментами черенков и лезвий, найдены в количестве 31 экз. — 7.4 % от всей коллекции железных изделий. Среди целых (10 экз.) присутствуют как ножи с прямой спинкой (7), так и с уступом при

переходе черенка к клинку (рис. 3, 1–7). По соотношению длины клинка и черенка преобладают ножи, соответствующие отделам 1 и 3 по классификации А.Е. Леонтьева, у которых данные параметры варьируются от 2:1 до 3:1 (1976. С. 34–36). Длина ножей в среднем не превышает 10–14 см. По конструктивным особенностям — соотношению осей клинка и черенка — большинство ножей можно отнести к категории универсальных, имевших хозяйственное назначение. Примечательным является и тот факт, что по крайней мере один из найденных ножей никогда не использовался — нет следов заточки.

Наиболее массовые находки из железа, как ни странно, — иглы (67 экз.) — 16.3%, что в разы больше, чем найдено на многих памятниках. В большом количестве находок данной категории изделий, вероятно, немалую роль сыграла методика раскопок (при промывке найдено более 90% игл и только 10 происходит непосредственно из слоя).

Шильев найдено 9 экз., что составляет 2.2% от общего числа находок из железа. Большинство из них довольно массивны и достигают в длину 14 см. Среди них присутствуют как экземпляры квадратного, так и округлого и ромбовидного сечений (рис. 3, 8–13).

Условно в категорию универсальных инструментов включены также железные клинья (9 экз.). Традиционно их относят к группе хозяйственного и домашнего инвентаря. Однако клинья, использовавшиеся для крепления топоров и других проушных инструментов на рукоятях, можно считать составными частями этих инструментов (Захаров, Адаменко, 2008. С. 10). Соответственно информация об их количестве может служить для характеристики распространения на памятниках данного вида инструментов.

Специализированный инструментарий представлен находками двух маленьких фрагментов лезвий топоров и одного фрагмента губец клещей (рис. 3, 16). К данной группе инструментов были отнесены и три изделия, точное функциональное назначение которых пока установить не удалось (рис. 3, 14, 15, 19).

Находки сельскохозяйственного инвентаря и промысловых орудий представлены одним небольшим по размеру фрагментом лезвия косы (рис. 3, 23), переметным рыболовным крючком (рис. 3, 20) и тремя наконечниками стрел. Два наконечника входят в группу плоских черешковых и аналогичны типам 29 и 46 по классификации А.Ф. Медведева (1966) (рис. 3, 17, 18). Еще один, втульчатый, представлен фрагментом, и тип его неопределим.

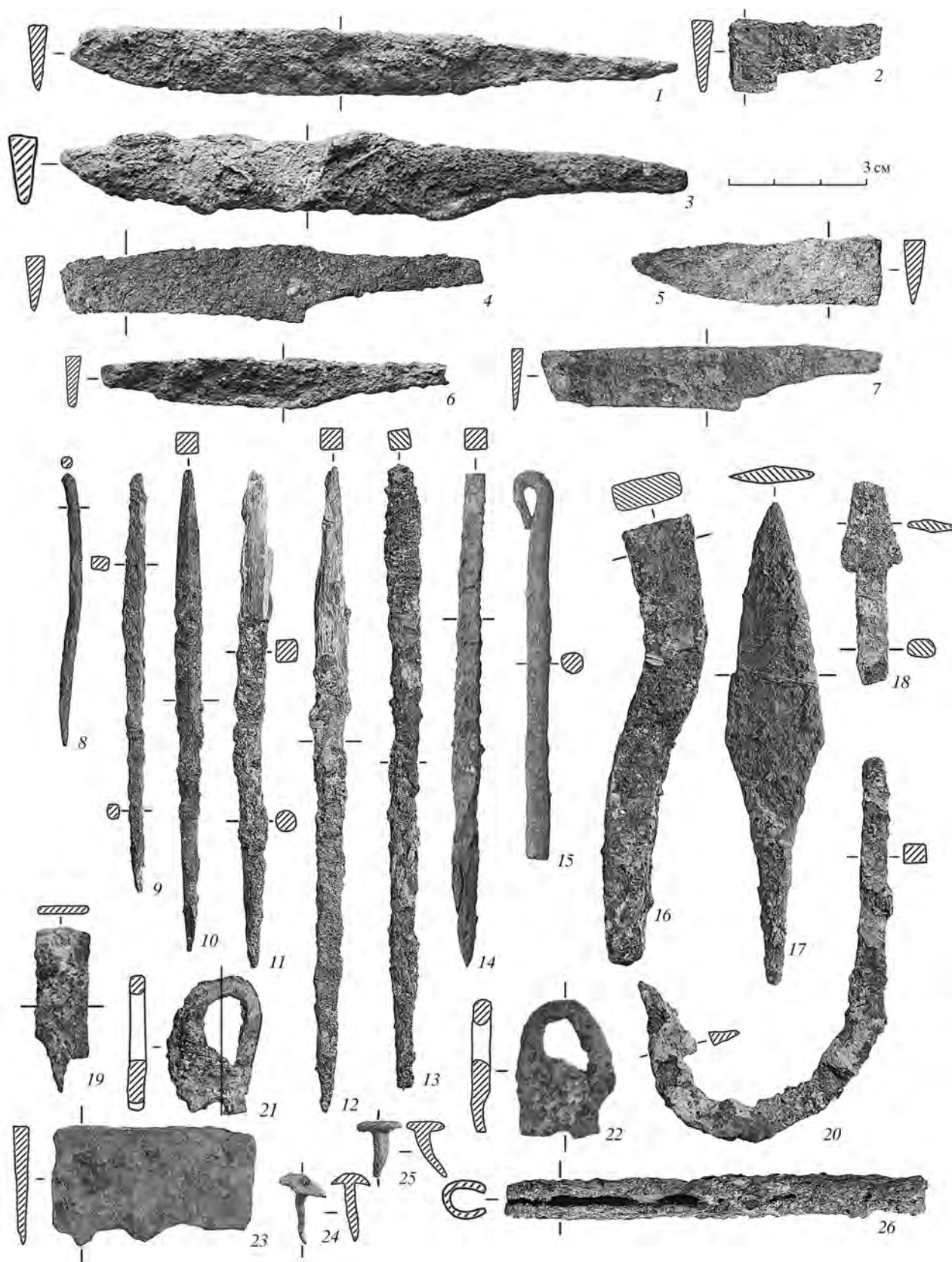

Рис. 3. Железные изделия: 1–7 – ножи; 8–13 – шилья; 14, 15, 19 – инструменты неясного назначения; 16 – губца клещей; 17, 18 – наконечники стрел; 20 – рыболовный крючок; 21, 22 – ушки ведер; 23 – обломок лезвия косы; 24, 25 – обойные гвоздики; 26 – фитильная трубка.

На долю крепежных приспособлений (гвозди, скобы, заклепки) приходится 10.8%. Наряду с обычными коваными гвоздями (17 экз.), использовавшимися при строительстве, в коллекции присутствуют небольшие по размеру обойные гвоздики с полусферической (6) и плоской (3) шляпками (рис. 3, 24, 25), применявшиеся, вероятно, при оковке деревянных изделий (например, сундуков).

Находки двух шпенок, очевидно использовавшихся для скрепления элементов роговой расчески или иного составного изделия, были отнесены к группе украшений, деталей одежды и обуви.

Предметы, относящиеся к группе хозяйственно-го и бытового инвентаря, представлены находками двух ушек ведер, относящихся к типу одноплощадных, одной фитильной трубки и фрагмента ключа от кубического замка типа А с Т-образной прорезью (рис. 3, 21, 22, 26).

Столь незначительное количество находок хозяйственного и бытового инвентаря в раскопе (2.2% от общего числа находок), вероятно, указывает на отдаленность данного участка от жилой застройки.

Примечательным является и тот факт, что среди находок нет ни одного предмета боевого вооружения. Наконечники стрел, традиционно относимые к данной категории, были включены в состав промыслового инвентаря. Главным критерием отнесе-

дит 23 экз. (5.4%). Характерная категория находок для данного слоя, помимо изделий производственного характера, – иглы (21.7% от всех железных находок из слоя); еще 8 экз. зафиксировано в тех же квадратах в пахотном слое.

В слое, связанном с косторезным производством, найдено 140 (34.6%) железных изделий. Примечательно, что к нему относятся находки большинства шильев (6 экз.), остальные (3 экз.) найдены в слое пахоты непосредственно над зоной его распространения. Аналогичная ситуация наблюдается и с распределением предметов охотничьего и рыболовного снаряжений.

На долю слоев, непосредственно связанных с обработкой железа, приходится 22 экз. (5.4%), из которых 15 экз., как и в остальных слоях, представлены бесформенными железными пластинами и стержнями, частично имеющими следы рубки зубилом. С данными слоями можно предположительно связать и находки фрагментов неопределенных инструментов, зафиксированные в пахоте непосредственно над зоной распространения слоя.

Такая незначительная концентрация железных изделий в месте их предполагаемой обработки кажется нелогичной, если не учитывать того, что слои вскрыты разными площадями, различна и концентрация в них находок (табл. 1).

Таблица 1. Концентрация железных изделий в различных слоях

Слой	Площадь, м ²	Количество всех находок	Количество железных изделий	Концентрация на 1 м ²
Пахотный	58	1481	212	3.6
Связанные с кузнечным производством	7.5	127	22	2.9
Связанные с ювелирным производством	10	276	23	2.8
Связанный с косторезным производством	28	1578	139	5

ния найденных в раскопе наконечников к промысловым орудиям послужило отсутствие у них упора для древка, что может свидетельствовать об их преимущественно охотничьем, а не боевом применении (Захаров, 1996. С. 217).

Распределения находок по слоям показывает, что более половины всех железных изделий происходит из слоя пахоты, – 211 экз. (51.5%). Из слоев, связанных с ювелирным производством, происхо-

Сопоставление количества железных находок с количеством находок из других материалов внутри одного слоя показало, что на долю железных изделий в слое косторезного производства приходится не более 9%, что сопоставимо с долей железных изделий в других слоях, где концентрация всех категорий находок не столь велика. В слоях, связанных с кузнечным производством, доля изделий из железа достигает 17.3% (табл. 2). При этом надо учесть,

Таблица 2. Доля изделий из железа в общей массе находок из одного слоя

Слой	Количество всех находок	Количество железных изделий, %	Доверительные интервалы для железа, % (мин./макс.)
Пахотный	1481	212 (14.3)	12.6/16.2
Связанные с ювелирным производством	276	23 (8.3)	5.6/12.2
Связанные с кузнечным производством	127	22 (17.3)	11.6/25
Связанный с косторезным производством	1578	140 (8.9)	7.6/10.4

что центральная часть слоя, где концентрация находок, вероятно, будет больше, осталась пока за пределами исследованной раскопом площади.

Изучая находки кузнечных изделий на поселении, нельзя обойти вниманием вопрос о месте их производства. В ходе работ 2010 г. в юго-западной части раскопа были зафиксированы контуры слоев 2 и 2Г, как было сказано выше, предположительно связанных с обработкой железа. Основанием для такого предположения послужило необычно большое содержание в них шлаков. Так, если в слое, связанном с косторезным производством, на 1 м² приходится в среднем 8 г шлаков, то в слое, связанном с обработкой железа, – 180 г, т.е. в 22 раза больше.

В данной связи стоит отметить, что найденные на поселении шлаки различны по своей структуре и внешнему виду, поэтому их подсчет производился по трем основным группам. Первая – легкие шлаки – пористые, местами стекловидные, с малым содержанием металла. Определенная концентрация данного вида шлаков отмечена в юго-западной части раскопа 2008 и 2010 гг. в слоях, связанных с производством и обработкой цветного металла, и в слое пахоты.

Находки тяжелых шлаков с большим содержанием железа (предположительно железоделательных) немногочисленны. Большинство их происходит из пахотного слоя. Концентрация тяжелых шлаков отмечена также и в слоях, связанных с железообработкой, где на 1 м² приходится 137.1 г, а с учетом шлаков, найденных в слое пахоты в зоне распространения данных слоев, – 163. Находки данного вида шлаков отмечены и в остальных слоях, но в значительно меньшем количестве.

Несмотря на наличие в слое шлаков с большим содержанием металла, косвенно указывающих на то, что на данном участке или в непосредственной близости от него могло существовать и железоделательное производство, надежных доказательств этого пока, на мой взгляд, недостаточно.

Благодаря применению методики полной промывки слоя на ситах удалось установить и коли-

чественное содержание в слоях кузнечных шлаков – тонких пластинок (окалины), имеющих характерный серебристый цвет с одной стороны, образующихся в процессековки железа. Большинство их, как и следовало предполагать, происходит из слоев, связанных с обработкой железа, где их концентрация составляет 18.4 г на м², а с учетом шлаков из слоя пахоты – 22.6 (рис. 4).

Причем, как показал проведенный опыт промывки слоя на ситах с размером ячеек 0.25 мм, значительная доля совсем мелких фрагментов кузнечного шлака проходит сквозь отверстия стандартных сит, размер ячеек которых равен 2. Однако вес этой порошкообразной магнитящейся массы может достигать 3/4 от общего веса кузнечных шлаков в слое.

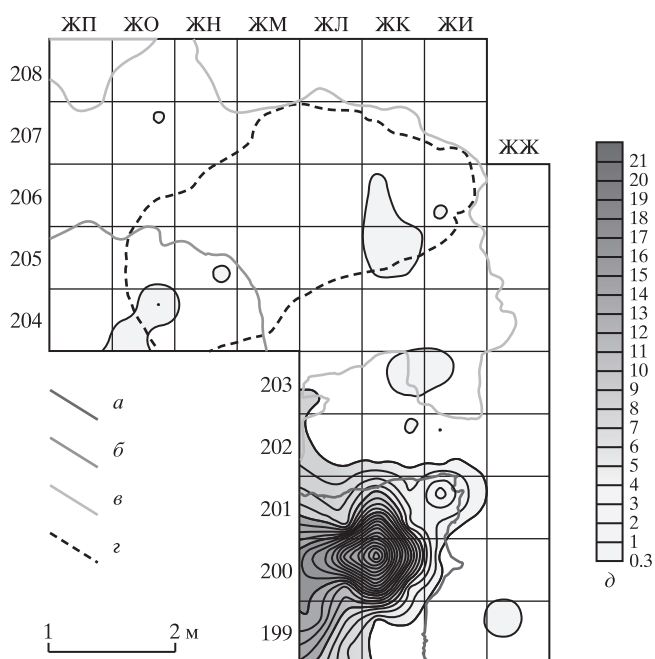

Рис. 4. Схема распределения кузнечных шлаков по площади раскопа (без учета шлаков из слоя пахоты): а – слой, связанные с бронзолитейным производством; б – слой, связанный с косторезным ремеслом; в – слой, связанные с кузнечным ремеслом; з – контуры ямы 3; д – показатель плотности находок (от 0.3 до 22 гр.).

Для оценки насыщенности шлаками культурного слоя Крутика можно использовать данные, полученные в процессе раскопок на средневековом поселении Никольское V, проведенных в 2006–2007 гг. с применением аналогичной методики сбора материала (Захаров, 2010б. С. 19).

Исследованная там часть поселения X – начала XI в. была перекрыта напластованиями второй половины XII – XIII в., насыщенными отходами производства железа. Можно полагать, что варку железа осуществляли жители расположенного рядом поселения Никольское VII, существовавшего на данной территории в этот хронологический промежуток. Производство железа, вероятно, было вынесено за границы поселения. А обработка происходила уже на поселении, о чем свидетельствуют находки большого количества кузнечных шлаков в шурфах, заложенных непосредственно в границах памятника Никольское VII.

На все 35 м², вскрытых на поселении Никольское V, приходится менее 1 г кузнечных шлаков. В шурфе, заложенном на Никольском VII и, вероятно, наиболее приближенном к центру железообрабатывающего производства, на 1 м² пришлось 18,7 г кузнечных шлаков, что вполне сопоставимо с их концентрацией в слоях 2 и 2Г на Крутике.

Сосуществование на ограниченном участке трех разных по характеру ремесел имеет много примеров в научной литературе и интерпретируется как совмещение разнообразных производственных навыков в руках одного ремесленника. Нам же, по всей видимости, удалось установить разновременность существования различных производств, последовательно сменяющих друг друга. И хотя вопрос о хронологическом разделении или совмещении кузнечного и ювелирного производств остается открытым, можно заключить, что свое кузнечное ремесло на Крутике не только существовало, но и было достаточно развито, о чем свидетельствуют как высокая концентрация находок, так и выделение для занятия им специальной производственной зоны, обособленной от жилого района.

Выявление такого обособленного района, своеобразного “ремесленного квартала”, может рассматриваться как свидетельство достижения жителями Крутика определенного уровня развития ремесла, приобретающего характер специализированного производства. Подтверждением такому предположению может служить факт отсутствия жилой застройки и малая доля находок бытового инвентаря, характерного для жилой зоны.

Однако более правдоподобной представляется иная интерпретация. Площадь, на которую была вынесена производственная зона, представляет собой весьма крутой склон, непригодный для жилой застройки. Такое распределение участков, отведенных под жилые и производственные зоны, может отражать рациональный подход населения к использованию особенностей рельефа местности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Голубева Л.А., Кочкуркина С.И. Белозерская весь (по материалам поселения Крутик IX–X вв.). Петрозаводск, 1991.
- Захаров С.Д. Железные наконечники стрел из Белоозера // РА. 1996. № 2.
- Захаров С.Д. Работы Онежско-Сухонского отряда Суздальской экспедиции ИА РАН // АО–2006. 2009.
- Захаров С.Д. Новые полевые исследования средневековых памятников Белоозерья // <http://www.archaeolog.ru/index.php?id=233> (электронный ресурс). 2010а.
- Захаров С.Д. Работы Онежско-Сухонской экспедиции ИА РАН // АО– 2007. 2010б.
- Захаров С.Д., Адаменко О.А. Вещевой материал Мининского археологического комплекса. Изделия из железа // Археология севернорусской деревни X–XIII вв.: средневековые поселения и могильники на Кубенском озере. Т. 2: Материальная культура и хронология. М., 2008.
- Леонтьев А.Е. Классификация ножей Сарского городища // СА. 1976. № 2.
- Медведев А.Ф. Ручное метательное оружие (лук и стрелы, самострел) VIII–XIV вв. Л., 1966.

ХРОНОЛОГИЯ ЗАМКОВ И КЛЮЧЕЙ СРЕДНЕВЕКОВОГО НОВГОРОДА (по материалам Неревского раскопа)

© 2012 г. А.А. Кудрявцев

Институт археологии РАН, Москва (migell1988@mail.ru)

Ключевые слова: замки, ключи, замочный механизм, Неревский раскоп, Новгород, хронология.

The entire assemblage of the locks, lock details and keys from Nerevsky excavation site has been analyzed with regard to the typology introduced by B.A. Kolchin. The analysis has revealed certain discrepancies as to the time of use for some of the items and allows making their chronology more precise. The article describes some rare types of keys which were not included in B.A. Kolchin's typology, and the lock details (latches) which have allowed identifying, with the help of West European analogies, the functional scheme of an all-metal dead lock.

Замки и ключи представляют неотъемлемую часть бытовой культуры древнерусского города и деревни. Их отличает массовость и высокая степень стандартизации. В то же время они выделяются среди основного перечня древнерусских кузнечных изделий, о чем свидетельствуют трудоемкость процесса их изготовления и многообразие замочных механизмов. Замки и ключи – важный маркер высокого уровня развития железоделательного ремесла Древней Руси.

В конце 50-х годов XX в. Б.А. Колчиным была разработана типология замков и ключей, основанная на материалах Неревского раскопа. Опубликованная в 1958 и 1959 гг., впоследствии она стала классической и сохраняет свою актуальность по настоящее время (Колчин, 1958. С. 94–98; 1959. С. 78–92).

Типология, предложенная Б.А. Колчиным, включает в себя 10 типов висячих замков, получивших буквенные обозначения, и 4 типа нутряных и ярко демонстрирует развитие этой категории вещей в Новгороде со второй половины X по вторую половину XV в.

Типологическое развитие висячих (навесных) замков основано на изменении конфигурации скважины в большом цилиндре замка и эволюции формы рабочей лопасти ключа (рис. 1).

Развитие замков этой группы, выразившееся в постоянном появлении новых типов этих изделий, обуславливали такие факторы, как увеличение числа пружин, более сложный рисунок рабочей лопасти ключа, накладывание на донце большого цилиндра различных предохранительных штифтов, что преследовало цель максимально обезопасить замок и исключить любую возможность подобрать к нему

ключ. Это особо ярко проявляется в XII–XIII вв., когда в довольно небольшой временной промежуток появляется несколько типов замков и ключей и их вариантов, впоследствии сосуществующих параллельно. Помимо этого можно отметить и качественные изменения этих изделий: корпус замка становится более массивным, изменяется толщина и ширина стержня ключей.

Поздние типы висячих замков, относящиеся к XIV–XV вв., являются уже переходными, предвещающими появление новых принципов работы замочных механизмов, которые распространились в XVI–XVII вв.

Несмотря на многообразие типов этих запирающих устройств, схема работы их механизмов, основанная на принципе расхождения пружин, применявшемся еще в античности, не менялась.

Нутряные (врезные) замки в силу своих конструктивных особенностей сохраняются плохо, как правило, при археологических исследованиях выявляют только их отдельные детали и фрагменты, поэтому у этой группы основным типологическим индикатором служит ключ, точнее, изменение его бородки и стержня (рис. 2).

По конструкции и материалу замки этой группы разделены на три вида: цельнодеревянные, комбинированные (сочетание деревянных и металлических деталей) и цельнометаллические. Совсем небольшое число типов нутряных замков объясняется тем фактом, что ими пользовались значительно меньше, чем висячими замками. Сундучные замки были распространены не так широко, а в качестве запоров дверей висячие замки – более универсальны, а возможно, они были

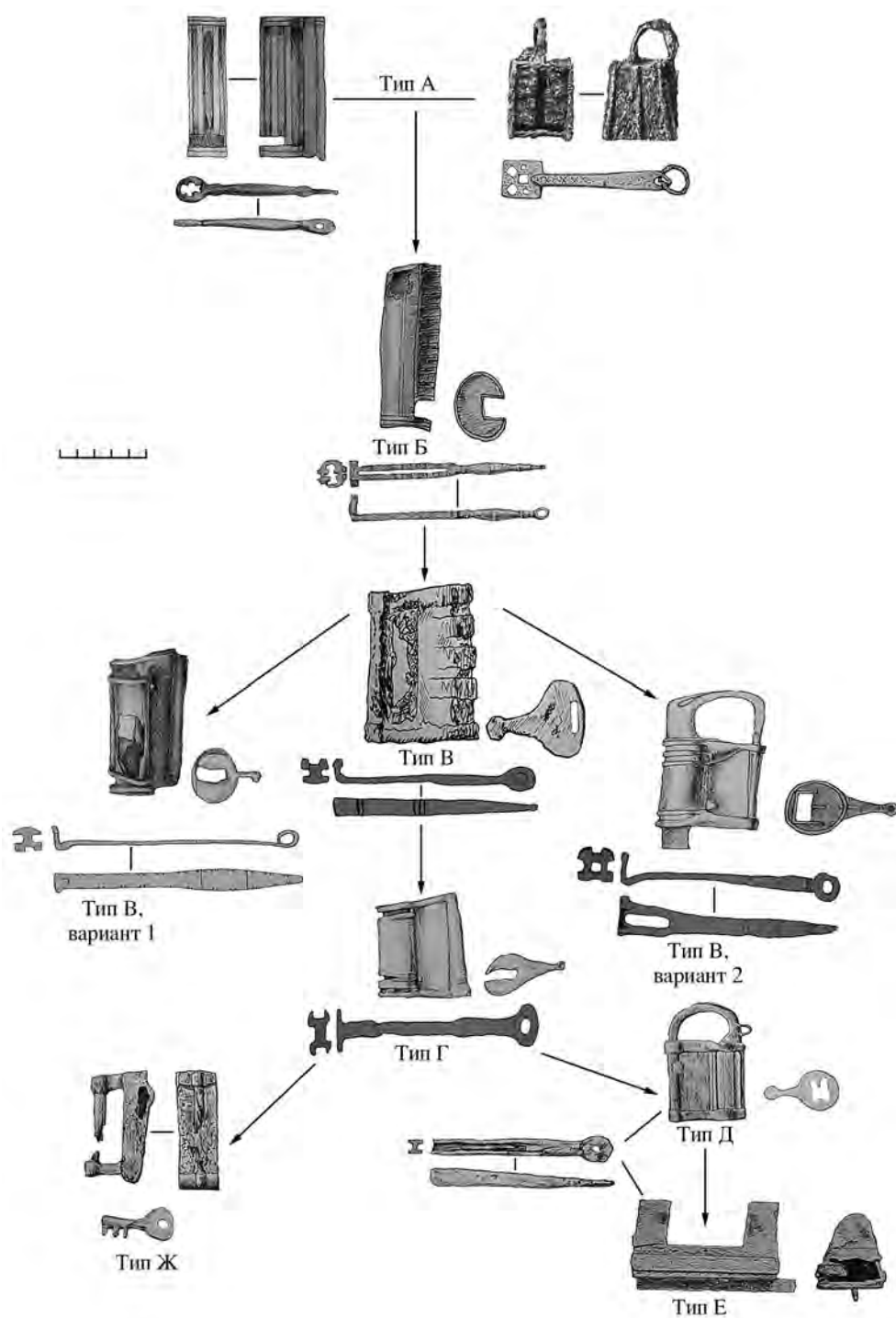

Рис. 1. Схема развития висячих (съёмных) замков.

и более надежны, чем замки, относящиеся к группе нутряных.

Б.А. Колчин при разработке типологии этих изделий использовал массовый материал и широкие возможности стратиграфии Неревского раскопа, поэтому каждый тип обеих групп замков получил четкие хронологические рамки бытования. Вследствие этого эти изделия стали важным хронологиче-

ским индикатором, что повысило значение их находок при раскопках древнерусских городов, городищ и селищ, особенно с “сухим” слоем.

С учетом того, что хронология Неревского раскопа была в дальнейшем уточнена и Б.А. Колчиным была обработана только часть всего материала, представляется важным проанализировать все изделия рассматриваемой категории вещей с целью

более точного определения времени бытования различных типов замков и ключей на территории, которую охватывает крупнейший новгородский раскоп.

Б.А. Колчин по материалам Неревского раскопа обработал 541 предмет рассматриваемой категории (за 1951–1958 гг.): замки висячие – 133; ключи от висячих замков – 197; фрагменты механизмов нутряных замков – 34; ключи от нутряных замков – 120; ключи-отмычки от деревянных задвижек – 12; путы с замками – 3.

Составлен полный свод замков и ключей (а также их деталей), происходящих из Неревского раскопа 1951–1962 гг. Для определения их хронологии проанализирован 1151 предмет. В это число входят также дужки и замочные пружины от висячих замков, которые Б.А. Колчин не рассматривал. Всего на Неревском раскопе были выявлены: замки висячие – 139; ключи от висячих замков – 396; дужки и пружины от замков висячих – 185; фрагменты механизмов нутряных замков – 36; ключи от нутряных замков – 251; пружины и накладки от нутряных замков – 120; засовы от нутряных замков – 5; ключи-отмычки от деревянных задвижек – 16; путы с замками – 3.

В ряде типов выявлены расхождения с хронологическими данными, полученными в 1959 г. (таблица).

1. Бытование замков и ключей типа А завершается в середине XIII, а не во второй половине XII в.

2. Замки и ключи типа Б появляются во второй половине XI, а не в начале XII в. и выходят из употребления к середине XIV, а не в XIII в.

3. Ключи типа Д или Е появляются во второй половине XIII, а не в XIV в.

4. Появление ключей к цельнометаллическим замкам отмечено во второй половине XIII, а не в XIV в.

В 1982 г. Б.А. Колчин (с. 160, 161) еще раз представил свою типологию рассматриваемой категории вещей. При этом рамки бытования некоторых типов замков и ключей были изменены с учетом привлечения материала из новгородских раскопов 1960–1970 гг.

1. Завершение бытования замков и ключей типа А отнесено к середине XIII в.

2. Завершение бытования замков и ключей типа Б отнесено к первой половине XIV в.

3. Появление ключей к цельнометаллическим замкам отмечено в конце XIII в.

Эти положения совпадают с данными по Неревскому раскопу, полученными с учетом уточнения его хронологии. При этом некоторые позиции по рамкам бытования ряда типов остались неизменными со времени публикаций 1958–1959 гг., в то время

Рис. 2. Схема развития ключей от нутряных (врезных) замков.

как новые данные по Неревскому раскопу указывают на возможность более раннего распространения в Новгороде замков и ключей типов Б, Ж, Д и Е. Для окончательного определения времени бытования различных типов замков и ключей необходимо провести анализ всего массива этой категории вещей с других новгородских раскопов.

Анализ материалов Неревского раскопа позволил выявить ряд существенных моментов, которые не были затронуты Б.А. Колчиным при разработке рассматриваемой типологии. Прежде всего это единичные находки чрезвычайно редких для Новгорода форм замков и ключей и ряд замочных деталей, позволяющих с помощью западноевропейских аналогий проанализировать схему работы механизмов некоторых типов замков.

В напластованиях, датирующихся последней четвертью XII в., выявлен ключ с плоской Т-образной лопастью от нутряного замка, приспособленного для сундуков и ларцов (рис. 3, 2). На Троицком раскопе найдены только два подобных ключа, датированные этим же временем, столько же на Ильинском раскопе в напластованиях, относящихся к первой половине XII и первой половине XIII в. соответственно. Аналогичный ключ выявлен на Дубошином раскопе, он датируется второй половиной XII в.

При археологических исследованиях в Историческом проезде в Москве аналогичный ключ был найден в заполнении сруба, по данным дендрохро-

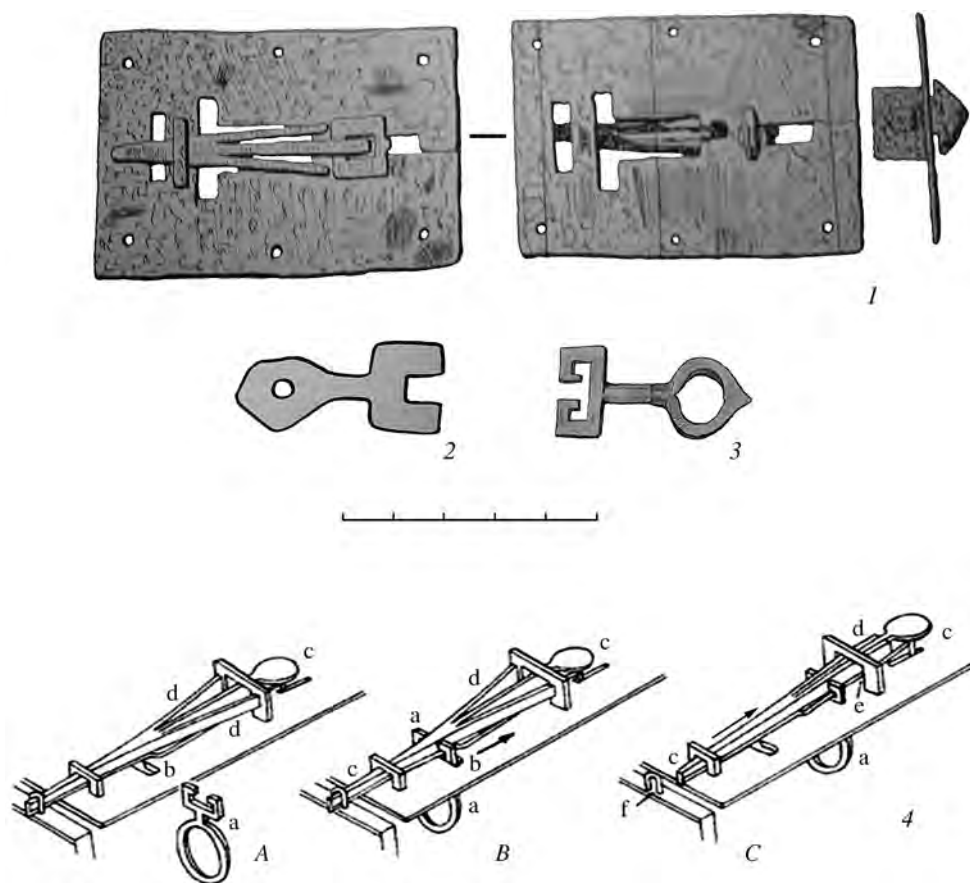

Рис. 3. 1 – внутренняя замок для ларцов и сундуков (Славенский-8-18-25); 2 – ключ с Т-образной лопастью (Неревский XIII-17-19-940); 3 – ключ с Т-образной лопастью (Дубошин-13/14-31-39); 4 – схема работы механизма внутреннего замка (по: Herrmann, 2005. Р. 81. Abb. 75).

нологии датирующемся временем после 1248 г. Авторами раскопок он отнесен к ключам от висячих замков типа А (Чернов, Бойцов, 1992. С. 218. Рис. 5, 4). Подобные ключи относил к этому типу и А.С. Хорошев (1997. С. 251. Табл. 5, 7, 8). Некоторая схожесть формы рассматриваемых ключей от внутренних замков с ключами типа А (плоская лопасть) объясняется тем фактом, что схемы работы механизмов замков, к которым они относятся, фактически одинаковы.

Замки, к которым относятся ключи с Т-образной лопастью, монтируются на прямоугольной пластине, характеризуются они наличием трех щелей, одна из которых имеет Т-образную форму. Их конструктивная схема описана Р.Л. Розенфельдом (1951. С. 140), отмечавшим их единичные находки во Вщиже и Старой Рязани (датируются XII в.).

В Новгороде подобных замков выявлено только два: на Кировском (рис. 3, 1) и Троицком X раскопках. Датируются они третьей четвертью XIV и второй половиной XII в. соответственно.

Единичный характер находок подобных ключей и замков, не включенных в типологию Б.А. Кол-

чина, указывает на чрезвычайно низкую распространенность подобных изделий в средневековом Новгороде. При этом во многих североевропейских городах зафиксированы многочисленные находки аналогичных ключей и деталей внутренних замков, к которым они относятся (Herrmann, 2005. Р. 88).

Этот тип внутреннего замка, имеющий механизм висячего замка (рис. 3, 4), будучи приспособленным для ларцов и сундуков, не получил широкого распространения в Новгороде. Хронологические рамки его бытования ограничены XII – второй половиной XIII в.

Описывая ключи от внутренних цельнометаллических замков с втульчатым стержнем, Б.А. Колчин отмечал, что не представляется возможным узнать конструкцию таких замков, поскольку не найден ни один целый механизм данной системы, за исключением отдельных находок ригелей (засовов) от подобных замков (1959. С. 91).

Всего на Неревском раскопе выявлено пять железных засовов (рис. 4, 2–4), представляющих собой прямоугольный стержень с приваренными к нему двумя выступами для передвигания ригеля

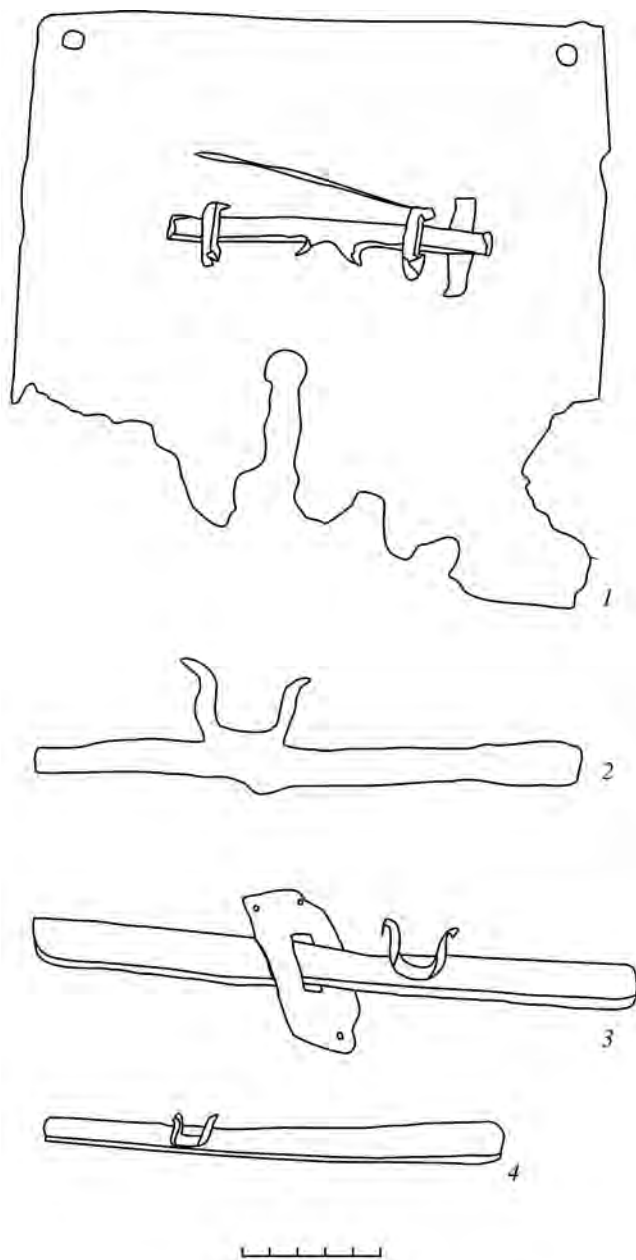

Рис. 4. 1 – фрагмент цельнометаллического внутреннего замка (Неревский III-13-18-282); 2–4 – железные засовы.

ключом. Их длина варьирует в пределах 11–26 см, ширина – 1.2–1.7. Указанные засовы датируются XIV в., что полностью соотносится с бытованием ключей от цельнометаллических замков. Необходимо также отметить находку фрагмента внутреннего замка сохранившимся железным засовом (рис. 4, 1), датирующегося третьей четвертью XIII в.

Более архаичные формы подобных засовов, относящихся ко времени эпохи викингов, найдены в Хедобю (Westphalen, 2002. Taf. 71, 1–12). Они использовались, вероятно, только для сундучных замков. В Йорке найдены аналогичные засовы, дати-

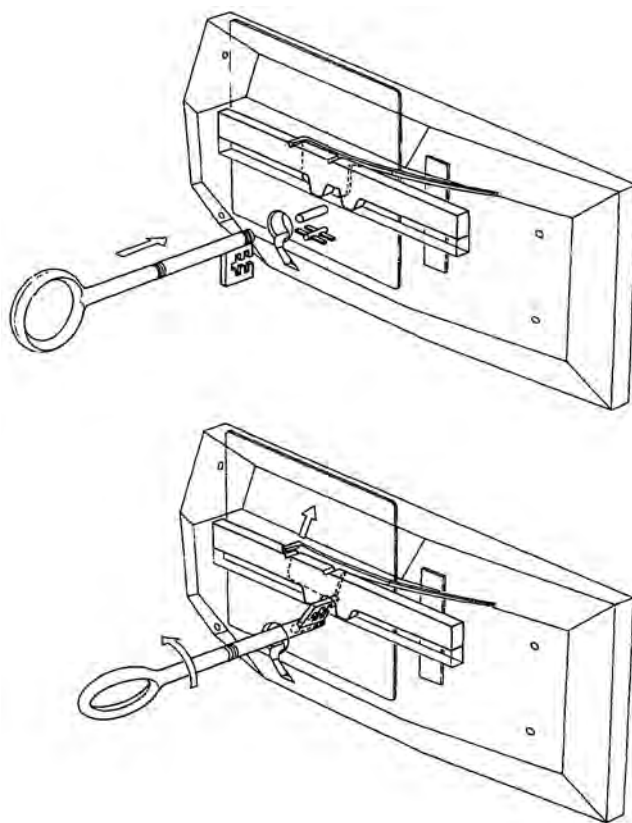

Рис. 5. Схема работы механизма цельнометаллического внутреннего замка (по: Ottoway, Rogers, 2002. P. 2862. Fig. 1439).

рующиеся XIII в., и механизм описываемого замка, на основе которого реконструирована схема его работы (рис. 5).

Очевидно, что истоки появления в Новгороде замков такой конструкции связаны с Северной Европой. Несмотря на то что они являлись более сложными и надежными запирающими устройствами, где засов был железным, а не деревянным, как у более ранних форм замков этой группы, и передвигался не рукой, а уже непосредственно при помощи ключа, эти замки не получили широкого распространения в Новгороде.

Обработка всего массива рассматриваемой категории вещей, происходящих из Неревского раскопа, позволила уточнить хронологические рамки бытования различных типов замков и ключей, соотнести их с материалами других новгородских раскопок. Выявлены единичные находки некоторых форм замков и ключей. Благодаря привлечению североευропейских аналогий можно сделать вывод об их западноевропейском происхождении и незначительном распространении в средневековом Новгороде.

Хронология замков и ключей Неревского раскопа

Дата			Вторая половина X в.	Первая половина XI в.	Вторая половина XI в.	Первая половина XII в.	Вторая половина XII в.	Первая половина XIII в.	Вторая половина XIII в.	Первая половина XIV в.	Вторая половина XIV в.	Первая половина XV в.
Тип	З	К										
А	4	55	————— -----									
Б	25	81	----- —————									
В	35	74	----- —————									
В1	10	49	----- —————									
В2	5	32	----- —————									
Г	16	40	----- —————									
Д	1	13	----- —————									
Е	3	13	----- —————									
Ж	3	8	----- —————									
К деревянным замкам		49	----- —————									
Комбини- рованные замки вариант 1	24	69	----- —————									
Комбини- рованные замки вариант 2	24	54	----- —————									
Цельноме- таллические замки	1	13	----- —————									
Сундучные замки	5	20	----- —————									
Ключи- отмычки		20	----- —————									

Обозначения: ————— — уточненная хронология, ----- — хронология по: Колчин, 1959.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Колчин Б.А. Хронология новгородских древностей // СА. 1958. № 2.
- Колчин Б.А. Железодельное ремесло Новгорода Великого. М., 1959 (МИА; № 65).
- Колчин Б.А. Хронология новгородских древностей // Новгородский сборник: 50 лет раскопок Новгорода. М., 1982.
- Розенфельдт Р.Л. Новая конструкция древнерусских врезных замков // КСИИМК. 1951. Вып. XXXIX.

- Хорошев А.С. Замки, ключи и замочные принадлежности // Древняя Русь. Быт и культура. М., 1997 (Археология).
- Чернов С.З., Бойцов И.А. Раскопки в Историческом проезде и изучение Великого Посада Москвы XIII–XV вв. // СА. 1992. № 1.
- Herrmann J. Ralswiek auf Rügen. Schwerin, 2005.
- Ottoway P., Rogers N. Craft, industry and everyday life: finds from medieval York. York, 2002.
- Westphalen P. Die Eisefunde von Haithabu. Neumünster, 2002.

ПОЛИВНЫЕ КУВШИНЫ ВИЗАНТИЙСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ НА САМОСДЕЛЬСКОМ ГОРОДИЩЕ

© 2012 г. Е.М. Болдырева

*Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
(embold@mail.ru)*

Ключевые слова: Самосдельское городище, поливная керамика, импорт, Византия, художественный контекст.

The article studies the group of glazed jars that were found in 2010 at Samosdelka site. The author uses a wide range of analogies from medieval sites in modern Bulgaria, Crimea, the Azov region, and from Constantinople. The origin and dates of the ware are analyzed on the basis of both the archaeological material and the context of the picture by Duccio di Buoninsegna, which dates to a narrow chronological interval. The article identifies the possible source of import of the jars and the time when they were used.

Самосдельское городище расположено в дельте Волги, на правом берегу р. Старая Волга или Би-рюль, в 43 км к югу от г. Астрахань. В последнее десятилетие оно привлекло внимание научной общественности, так как является самым крупным памятником археологии, отражающим сразу три исторические эпохи в развитии нижневолжского региона: хазарскую, постхазарскую (домонгольскую) и золотоордынскую. Городище представляет собой остров, со всех сторон окруженный пересохшими руслами рек, которые разделяют его на несколько частей. В самой высокой части, возможно, располагается треугольная в плане крепость.

Начало археологических исследований на городище относится еще к 90-м годам XX в. В 2000 г. была организована Самосдельская археологическая экспедиция¹ (Зиливинская и др., 2003. С. 85, 87; Зиливинская и др., 2006. С. 24, 25), которая продолжает свою работу уже более 10 лет.

В 2010 г. в северо-западной части предполагаемой крепости с целью исследования прибрежной зоны городища был заложен раскоп 3. В течение полевого сезона были вскрыты первый, второй и третий пласты раскопа, относящиеся к золотоордынскому периоду существования городища и датируемые не позднее первой трети XIV в. Датировка основывается на анализе нумизматического материала (Гончаров, 2011. С. 150), а также на ре-

зультатах проведенных ранее почвенно-ландшафтных исследований (Бронникова и др., 2001. С. 47).

На раскопе были обнаружены остатки строений золотоордынского времени, связанных с каким-то производством, а также собрана коллекция красноглиняной круговой керамики, характерной для этого же времени, в которой выделяется серия поливных фрагментов, по морфологическим особенностям относящаяся к кувшинам. Было найдено четыре фрагмента от двух разных кувшинов (рис. 1, 1–4, 1А–4А).

Три фрагмента (рис 1, 1–3, 1А–3А) относятся к одному кувшину. Первый из найденных образцов – часть горла сосуда с горизонтальным выступающим ребром. Диаметр горла – около 6 см. Второй – часть стенки сосуда с прикрепленной к ней вертикальной, овальной в сечении ручкой (2 × 1,3 см). Третий – небольшой кусочек стенки сосуда. Сам сосуд – круговой, выполнен из плотной глины коричнево-красного оттенка без видимых примесей; снаружи покрыт тонким слоем светлого ангоба. Внешняя поверхность украшена гравировкой (сграффито), состоящей из тонких и широких линий, и покрыта слоем желтой прозрачной поливы; внутренняя – очень тонким слоем той же поливы. Несмотря на небольшие размеры, фрагменты дают некоторое представление о системе орнаментации кувшина. Его горло разделено по вертикали на несколько орнаментальных зон. На сохранившемся фрагменте центральное положение занимает широкая вертикальная полоса, с двух сторон от которой прочерчены две тонкие параллельные ей линии. Левая часть полностью заполнена пересекающимися диагональными линиями, образующими

¹ Экспедиция была организована и проводилась с 2000 по 2008 г. в рамках “Хазарского проекта” при поддержке Российского Еврейского конгресса. Руководители Хазарского проекта – В.Я. Петрухин, И.А. Аржанцева, руководители работ на городище – Э.Д. Зиливинская, Д.В. Васильев.

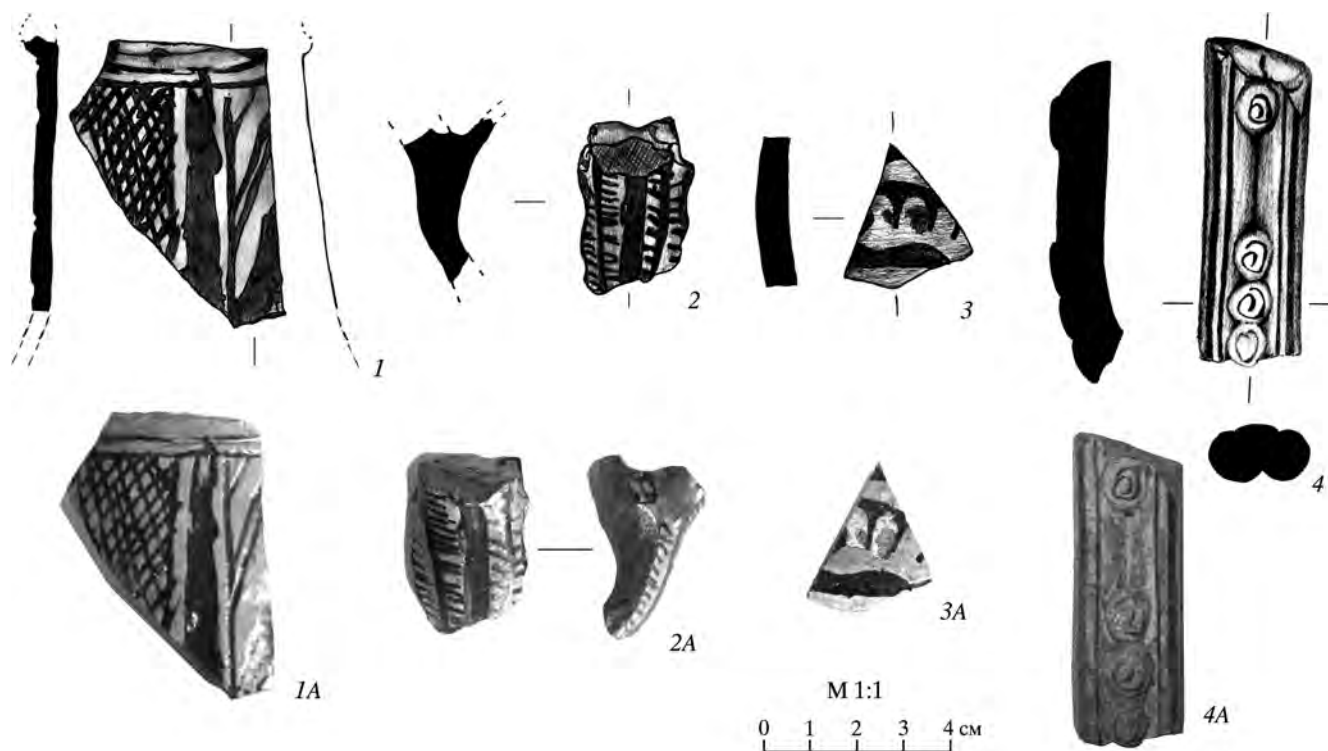

Рис. 1. Самосдельское городище, фрагменты кувшинов. Рисунки и фото.

сетчатый орнамент. Правая представлена несколькими тонкими диагональными линиями и одной широкой. В верхней части фрагмента прочерчены две горизонтальные линии, подчеркивающие переход от горла к венчику сосуда.

Основание ручки декорировано в том же стиле. Одна широкая вертикальная линия и несколько тонких составляют основу композиции. Остальное пространство заполнено горизонтальными параллельными неравномерно распределенными штрихами, направленными к центру. Фрагмент стенки сосуда декорирован в подобном стиле.

Последний экземпляр – это обломок ручки кувшина, изготовленный из двух соединенных круглых в сечении жгутов (рис. 1, 4, 4A). Внешняя сторона украшена поясом дисковидных глиняных налепов. Вся поверхность ручки покрыта белым ангобом и практически полностью утраченным слоем желтой прозрачной поливы, а также украшена гравированным декором из тонких линий. На изломе черепок трехслойный: внешняя граница – светло-красного цвета, середина – серо-черного с размытым переходом из-за неполного обжига глины при изготовлении сосуда. В составе формовочной массы не прослеживаются видимые примеси.

Находки керамики такого типа достаточно редки, но распространены на значительной территории.

Известные экземпляры представляют собой небольшого размера кувшины на высоком полом поддоне с вертикальной ручкой, которая верхним краем (в большинстве случаев) крепилась к краю венчика, а нижним – к плечу сосуда (рис. 2, 1–8). Сосуды украшались гравировкой тонкими линиями, иногда в сочетании с выемчатой техникой (*champleve*). Сходная техника орнаментации прослеживается не только на кувшинах, но и на сосудах открытых форм. Среди работ, посвященных данному вопросу, следует упомянуть исследование С.Г. Бочаровым поздне-византийских поливных чаш (1998. С. 50–54). В зарубежной литературе керамика, декорированная в данной технике, получила наименование *Elaborate Incised Ware* (François, 2003. P. 151).

Кувшины с идентичными ручками из двух жгутов с дисковидными налепами и характерным полым высоким поддоном были выделены А.Н. Масловским в отдельный тип на материалах Азака (Масловский, 2006. С. 399. Рис. 36). Единичные экземпляры их встречаются среди находок г. Каффы (Кравченко, 1991. С. 116. Рис. 2, 3). Фрагмент аналогичной ручки от кувшина был найден на селище Ближнее Константиново-1, расположенном на окраине Нижнего Новгорода (Коваль, 2010. С. 128. Рис. 42, 3; 48, 4). В небольшом объеме такие кувшины найдены в средневековом Белгороде на Дне-

Рис. 2. Кувшины. 1 – Степное Предкавказье; 2 – Кафа; 3 – Азак; 4 – Северный Кавказ; 5 – Варна; 6 – Царевское городище; 7 – Константинополь (по: Крамаровский, 2001. С. 199–201. Рис. 104); 8 – Азак (по: Масловский, 2006. С. 400. Рис. 36, 3); 9 – городище Хаджитархан (по: Крамаровский, 2001. С. 199–201. Рис. 105); 10 – Азак (по: Масловский, 2006. С. 400. Рис. 36, 1).

стре. На период публикации работы их количество не превышало 10 фрагментов (Кравченко, 1986. С. 113, 114. Рис. 41, 9, 10). Та же группа кувшинов выделяется И.А. Барановым на материалах Судака (2004. С. 547. Рис. 20). Находки данной керамики в Херсонесе отражены в публикации А.И. Романчук (1997. С. 235. Рис. 131, 3, 4).

М.Г. Крамаровским подобные сосуды выделены в отдельную латино-палеологскую керамическую группу и датируются рубежом XIII–XIV вв. По его же мнению, формы, орнаментальный декор и золотистая колористическая гамма данного вида керамики свидетельствуют о том, что его прототипом были металлические сосуды Ближнего и Среднего Востока (Крамаровский, 2001. С. 201–203).

Несмотря на единичность находок ареал их распространения значителен: от Болгарии (Варна и Несебр) до степного Предкавказья и Нижнего Поволжья (Царевское городище). Единичные находки такой керамики есть и в Крыму: в Каффе, Солхате и Херсонесе, а также в Приазовье (Азаке) и

Константинополе (Крамаровский, 2001. С. 199–201. Рис. 104, 1–7).

Кувшин, найденный в Варне, близок формой тулова, а также местом перехода от широкого тулова к узкому высокому горлу кувшину из степного Предкавказья (рис. 2, 1, 5). Тулово кувшина из Варны украшено объемными фигурками птиц, такая же фигурка птицы, но с несохранившимися стенками сосуда, была обнаружена в ходе раскопок на городище Хаджитархан в Нижнем Поволжье (Крамаровский, 2001. С. 199, 202. Рис. 104, 2; 105) (рис. 2, 9). Еще несколько фигурок, но с частично сохранившимися стенками сосуда, были найдены в ходе раскопок в Азаке (Масловский, 2006. Рис. 36, 1) (рис. 2, 10).

Все исследователи едины во мнении относительно византийского происхождения данных кувшинов. Однако существует версия о возникновении их местного производства. Так, при раскопках землянки конца XIII в. в Солхате М.Г. Крамаровским был обнаружен упрощенный вариант кувшина, анало-

Рис. 3. Кувшины для вина. “Свадьба в Кане” Дуччо ди Буонинсеня. Фрагменты картины (по: Крамаровский, 2009. Ил. 3).

гичного кувшину из Варны, что, по мнению исследователя, свидетельствует о возникновении традиций местного производства подобных сосудов, подражавших импортным образцам (2001. С. 201. Рис. 106а).

Относительно датировки кувшинов мнения исследователей расходятся. Так, М.Г. Крамаровский определяет период их бытования не позднее второй половины XIII – начала XIV в., аргументируя столь раннюю дату находками подобных сосудов в Константинополе в слое XIII в. (2001. С. 339, 340, 344). И.А. Баранов выделяет эти сосуды в комплексе третьей четверти XIV в. (2004. С. 547. Рис. 20). А.И. Романчук кувшины из Херсонеса склонна относить к XIII–XIV вв. (1997. С. 235). И.В. Белинский и А.Н. Масловский утверждают, что этот тип керамики “в небольшом количестве, но устойчиво поступал в Азак в первой половине XIV в.” (2005. С. 162). В.Ю. Коваль датирует данную керамику второй половиной XIV в. (2010. С. 129).

Дополнительным уточняющим компонентом к установлению датировки найденных фрагментов может стать исследование М.Г. Крамаровским художественного контекста известного библейского сюжета (2009. С. 333–345). Им был рассмотрен вопрос о культурной принадлежности пирушественной посуды, изображенной на одной из 46 сохранившихся картин-фрагментов иконы “*Maestà*”, написанной итальянским художником, основоположником сиенской школы живописи Дуччо ди Буонинсеня в период между 1308 и 1311 гг. На картине, находящейся в собрании Сиенского музея, изображена сцена заключительного этапа пира библейского сюжета “Свадьба в Кане”, положившего начало 35 чудесам Иисуса Христа (Крамаровский, 2009. Ил. 1).

Обращаясь к картине, М.Г. Крамаровский концентрирует внимание на сосудах, которые держат в руках виночерпий и два его помощника: это кувшины для вина из желтоватой обожженной глины на высоком поддоне. Они украшены в геометрическом стиле и, как полагает исследователь, оригиналы, с которых писалась картина, были орнаментированы в технике сграффито. Автор отмечает, что на сосудах, изображенных у Дуччо, и на археологических аналогиях совпадают даже детали узора (Крамаровский, 2009. С. 339, 340, 344). По мнению исследователя, это винные кувшины византийского происхождения, украшенные желтой глазурью и гравировкой линиями (Крамаровский, 2001. С. 200, 201).

Таким образом, византийские красноглиняные кувшины, появившиеся в конце XIII в. в Константинополе, стали известны не только в Болгарии, Крыму, степных районах Предкавказья, но и довольно

быстро распространились в отдаленные регионы Нижнего Поволжья (на Царевское городище, городище Хаджитархан), а в первой половине XIV в. были известны уже в дельте р. Волга на Самосдельском городище.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Баранов И.А.* Комплекс третьей четверти XIV в. в Судакской крепости // Сугдейский сборник. Киев, 2004.
- Белинский И.В., Масловский А.Н.* Импортная поливная керамика Азака (XIV в.) // Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья X–XVIII вв. Киев, 2005.
- Бочаров С.Г.* Две группы поздневизантийских поливных чаш второй половины XIV – первой четверти XV в. // Историко-культурные связи Причерноморья и Средиземноморья в X–XVIII вв. по материалам поливной керамики: Тез. докл. Ялта 25–29 мая 1998 г. Симферополь, 1998.
- Бронникова М.А., Зазовская Э.П., Аржанцева И.А.* Городище “Самосделка”: предварительные результаты и перспективы комплексных почвенно-ландшафтных исследований // Матер. Всерос. науч.-практ. конф. “Археология Нижнего Поволжья на рубеже тысячелетий”. Астрахань, 2001.
- Гончаров Е.Ю.* Очерк нумизматики Самосдельского городища // Самосдельское городище: вопросы изучения и интерпретации. Астрахань, 2011.
- Зиливинская Э.Д., Васильев Д.В., Гречкина Т.Ю.* Раскопки на городище Самосделка в Астраханской обл. в 2000–2004 гг. // РА. 2006. № 4.
- Зиливинская Э.Д., Гречкина Т.Ю., Васильев Д.В.* Городище Самосделка – памятник домонгольского периода в низовьях Волги // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 3. Половецко-золотоордынское время. Донецк, 2003.
- Коваль В.Ю.* Керамика Востока на Руси IX–XVII вв. М., 2010.
- Кравченко А.А.* Средневековый Белгород на Днестре (конец XIII – XVI вв.). Киев, 1986.
- Кравченко А.А.* Импортная поливная керамика XIII–XIV вв. из Кафы (собрание Одесского археологического музея) // Северо-Западное Причерноморье – контактная зона древних культур. Киев, 1991.
- Крамаровский М.Г.* Золото Чингисидов: культурное наследие Золотой Орды. СПб., 2001.
- Крамаровский М.Г.* “Свадьба в Кане” Дуччо ди Буонинсенья (библейские контексты и археологический комментарий) // Лазаревские чтения. Искусство Византии, Древней Руси, Западной Европы: Матер. науч. конф. М., 2009.
- Масловский А.Н.* Керамический комплекс Азака. Краткая характеристика // Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 2004 г. Вып. 21. Азов, 2006.
- Романчук А.И.* Итоги раскопок в портовом квартале II Херсонесского городища // Археологические исследования в Крыму. 1994 г. Симферополь, 1997.
- François V.* Elaborate Incised Ware: une preuve du rayonnement de la culture byzantine à l’époque paléologue // Byzantinoslavica: Revue internationale des études byzantines. LXI. Prague, 2003.

ТЕКСТИЛЬ В МАРИЙСКИХ И МОРДОВСКИХ ПОГРЕБЕНИЯХ XVI–XIX вв.

(по материалам Государственного Исторического музея)

© 2012 г. Н.А. Павлова

*Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
(nina_vladykina@mail.ru)*

Ключевые слова: *марийцы, эрзя, мокша, текстиль, ткани, технологический анализ.*

The article investigates the textiles from Mordva and Mari cemeteries of the Modern Age. The author gives a detailed analysis of the fabrics and braid from the burials. The raw materials, thread, fragments of fabric and other textile items are analyzed. Especial attention is given to the décor of the costume. On the basis of the above data, the article attempts to identify ethnic features in archaeological textiles.

Народный костюм — важный этноопределяющий элемент. Восточнофинские народы (речь идет прежде всего о мордве (эрзе, мокше) и марийцах) нашей страны постоянно находились в контакте между собой, поэтому многие составляющие их культуры схожи, хотя, безусловно, сохраняются межэтнические различия, что проявляется и в костюме.

Материалы могильников этих этнических объединений, функционировавших в позднее время, дают огромное количество информации, но до сих пор они исследовались очень мало. Стоит отметить прежде всего работы Т.Б. Никитиной (см., например, Шикаева, 1987), посвященные могильникам марийцев, Н.М. Малковой (2004. С. 347–363), связанные с исследованием погребальных даров у мордвы.

Текстиль же, довольно часто обнаруживаемый в поздних погребениях этих племен, до сих пор не становился объектом изучения, несмотря на то что этнографические исследования описываемых народов, относящиеся к тому же периоду, довольно обширны. Следует особо подчеркнуть важность работ таких исследователей-этнографов, как П.С. Паллас, И.Г. Георги, А.О. Гейкель. Благодаря их экспедициям были частично сформированы фонды Мордовского республиканского краеведческого музея, Российского этнографического музея и т.д. Работа А.О. Гейкеля, поражающая скрупулезностью в фиксации материала (буквально прорисован каждый стежок), до сих пор не утратила актуальности.

Существует довольно обширный блок этнографических работ, основанных на материалах экспедиций упомянутых авторов, в частности, ис-

следования В.Н. Белицер (1973), Н.И. Гаген-Торн (1960), В.Н. Мартыанова (1991). В настоящее время все большее внимание уделяется интеграции этнографических и археологических исследований. Очевидной кажется необходимость хотя бы кратко осветить археологический материал, касающийся традиций ткачества мордвы и марийцев в XVI–XIX вв., сравнить имеющиеся данные с данными этнографии и, возможно, частично прояснить очень часто возникающий в погребальной археологии вопрос о наличии или отсутствии различий между погребальной и повседневной одеждой.

Анализу были подвергнуты фрагменты текстиля из следующих могильников мордвы и марийцев: Ревезенский, Рыбкинский, Большой Макалем, Сарлейский; могильник Одошнур (таблица); учитывались некоторые другие материалы. Эти памятники были выбраны неслучайно: они охватывают основные этнические группировки мордвы (эрзя, мокша, терюхане, причем для эрзи выбраны два памятника с разным погребальным обрядом — курган и могильник), а также находящийся на значительном удалении памятник марийцев (чтобы исключить взаимовлияние расположенных близко друг к другу памятников). Хронологические рамки в целом укладываются в указанный в названии работы период, датировки проводились исходя из нумизматического материала (находки монет в восточнофинских погребениях нередки, поскольку они часто входили в состав костюма). В основном эти памятники исследовали в первой половине XX в. в ходе изысканий Антропологической экспедиции Московского университета под руководством

Рис. 1. Ткань полотняного переплетения. Ревезенский могильник: ГИМ. Оп. 2403. № 295.

Б.С. Жукова. Всего рассмотрено более 100 текстильных остатков.

Судя по находкам в погребениях, текстильные изделия использовались для изготовления различных деталей костюма; погребального инвентаря (саванов и т.п.); футляров для вещей, помещенных в погребения.

В основу изучения текстильных находок положен принцип анализа технологических характеристик сырья, нитей, тканых и плетеных изделий. Исследование сырья показало, что подавляющее большинство изделий изготовлено из шерстяных волокон; однако встречены отдельные ткани из растительных волокон. Шерсть по своему составу неоднородна, в нити встречаются и пух, и полуостевые и остевые волокна.

При исследовании нити внимание обращалось на порядок крутки и ее тип. Зафиксировано преобладание нитей крутки S первого порядка¹ (74% исследованных образцов, 95 фрагментов), в то время как нити крутки Z первого порядка составляют четверть от всех изученных образцов (34 фр., далее фр.). Следует отметить, что подобная традиция характерна для изучаемого региона начиная с эпохи средневековья (см., например, материалы Ефаевского, Муранского могильников), и принципиально отличает его от Северной Европы, где преобладает нить крутки Z (Нахлик, 1963. С. 240–247).

¹ Порядок крутки нити уточнен по сравнению с данными в краткой публикации (Павлова, 2011).

По толщине и шагу крутки все исследованные нити были разделены на варианты: 1 – толщина (от 0.7 до 1.2 мм) меньше шага крутки (43%, 55 фр.); 2 – толщина (от 0.7 до 1.5 мм) больше шага крутки (18%, 23 фр.); 3 – толщина (от 1.2 до 2 мм) меньше шага крутки (28%, 36 фр.); 4 – толщина (больше 1.5 мм) больше шага крутки (5%, 6 фр.); 5 – толщина (больше 2 мм) меньше шага крутки (6%, 8 фр.). Колебания в пределах одного варианта объясняются различиями в качестве сырья.

Фрагменты собственно тканей составляют довольно скромный процент среди исследованных образцов: ткани – 19 фр., 15%; иные текстильные изделия – 59 фр., 46%; остальные изученные фрагменты представлены либо нитями (в том числе вышивки), либо жгутами; по типам ткацких переплетений преобладает полотняное, однако есть и саржевое переплетение (рис. 1).

Изученные тканые изделия выполнялись с помощью разных устройств: можно говорить о наличии помимо ткацкого стана (очевидно, уже горизонтального) и таких приспособлений, как бердо или сволочки (рис. 2, 1), а также дощечки (рис. 2, 2).

Следует отметить, что различить тесьму, изготовленную на бердо и на сволочке, невозможно – техника их выполнения принципиально не отличается, поэтому остается лишь предполагать, какое конкретно приспособление использовалось.

Тесьма такого рода отмечена в марийских памятниках (помимо могильника Одошнур аналогии есть в могильнике Микряково: ГИМ. Оп. 2490 № 29, 30), причем использовалась она очень широко: как

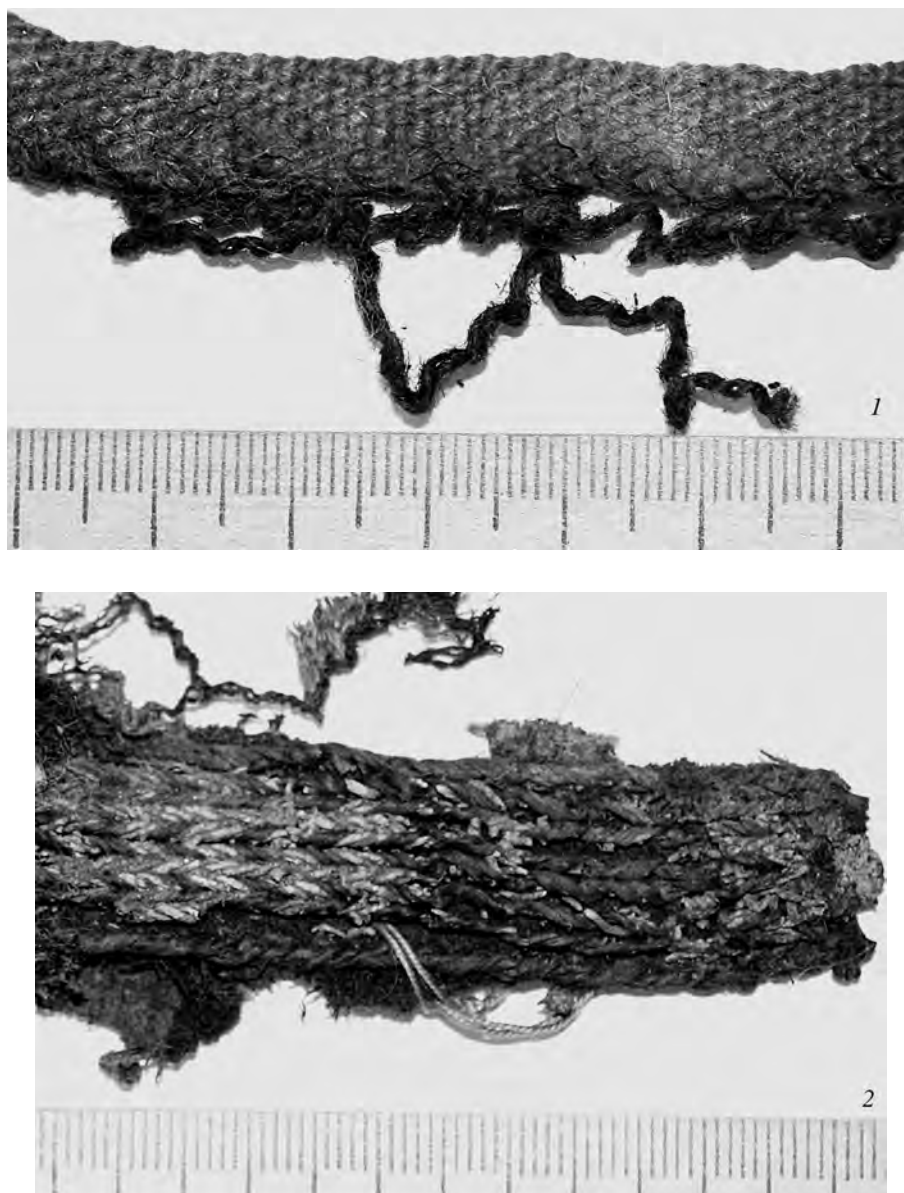

Рис. 2. Тканая тесьма. Могильник Одошнур. 1 – бердо: ГИМ. Оп. 2486. № 78; 2 – дощечки: ГИМ. Оп. 2486. № 47.

отделка края тканого изделия, в качестве декора, как основа для кистей (на нее надевалась бронзовая трубка). Поскольку ни разу не был зафиксирован край, можно предположить, что подобная тесьма изготавливалась значительной длины, затем, по мере надобности, от нее отрезалась нужная часть.

В мордовских памятниках отмечался и другой тип тканой тесьмы – тесьма на дощечках (ГИМ. Оп. 1437. № 91; Оп. 2486. № 47). Этот довольно традиционный способ изготовления тесьмы представлен многообразием вариантов и отмечен в материалах Сарлейского могильника, могильника Одошнур. Дощечки могут чередовать направления наклона (S/Z) или располагаться бессистемно. Осо-

бенно интересно использование металлических нитей в такой тесьме, что характерно как для мордовских, так и для марийских памятников.

Значительное количество текстильных изделий составляют вязаные вещи, техника близка вязанию крючком. Чаще всего эта техника применялась для изготовления узкой длинной тесьмы (для отделки края тканого изделия).

Также фиксируются различные варианты плетения, в частности, шнуры, выполненные в технике дерганья (см., например, ГИМ. Оп. 538. № 169). Необходимо отметить, что такими шнурами, совершенно не характерными для северных памятников, очень часто украшали так называемые пулокери –

Рис. 3. Вышивка. Ревезенский могильник: ГИМ. Оп. 2403. № 11.

футляры для кос. Эта традиция, зафиксированная в средневековых памятниках (Муранский могильник, верхняя хронологическая дата XIV в.), доживает до XVIII в.

Особое внимание следует уделить орнаментальным элементам, прежде всего вышивке (рис. 3). Исследованные памятники предоставляют уникальный шанс сравнить орнаментацию погребального и праздничного костюмов. Все нити, которыми выполнялась вышивка, шерстяные. Поскольку ткань, по которой выполнена вышивка, не сохранилась, можно предположить, что она была изготовлена из растительных волокон (преобладание шерстяных волокон в сырье связано не с этническими особенностями, а с вопросами сохранности (Нахлик, 1963. С. 250). Часто вышивкой закрывались довольно обширные по площади фрагменты одежды: был отмечен образец, выполненный в технике «косая стежка» (ГИМ. Оп. 2403. № 161), размеры которого превышают 5×15 см. Многие из представленных в материалах исследованных могильников мотивы вышивки схожи с зафиксированными исследователями-этнографами. Так, практически аналогичны мотивы из Ревезенского могильника мокши и элементы вышивки марийской рубахи, приводимые Т.А. Крюковой (1968. С. 28) орнаменты с мокшанской рубахи повторяют обнаруженные в марийском могильнике Одошнур и т.п. Это указывает на этническую близость изучаемых народов, и поэтому обнаруживаемые в погребальных памятниках фрагменты декора одежды нельзя считать достаточным этноопределяющим элементом. Особо следует указать на вариант растительного орнамента, выполненный

в технике счетной глади (образец из кургана Большой Макателем: ГИМ. Оп. 121. № 16). Прямые аналогии в этнографических исследованиях не зафиксированы, что можно объяснить либо недостаточностью источников, либо, возможно, особым погребальным узором.

Кроме того, стоит отметить наличие большого количества разнообразных кистей и жгутов с бронзовыми обоймицами или обмоткой. Подобные жгуты представляют собой пучок ниток, иногда расходящийся на два или три конца, иногда с завязанными на нем узлами. Такие жгуты известны как в мордовских (Сарлейский могильник), так и в марийских (Кужадонский могильник: ГИМ. Оп. 2445. № 23, 93 и др.; могильник Одошнур: ГИМ. Оп. 1437. № 88) материалах. По мнению Е.И. Горюновой (1948. С. 22), ими украшали края рукавов верхней одежды. Есть варианты, в которых подобные кисти входили в состав ожерелья вместе с бусинами и раковинами-каури (ГИМ. Оп. 1437. № 268).

Итак, можно отметить некоторые этнические различия для этой группы археологического материала: более частое использование тесьмы, выполненной на бердо, у марийцев; употребление у мокши «дерганой тесьмы» для украшения косы, помещаемой в погребение; отдельные орнаментальные мотивы в вышивке нельзя считать этноопределяющими.

В целом, по сравнению с предыдущим периодом (Ефимова, 1966. С. 127–134) наблюдается усложнение декора текстильных изделий и большее разнообразие техник их исполнения.

Технологические характеристики текстиля в марийских и мордовских погребениях XVI–XIX вв.

Мо- гиль- ник, опись	Обра- зец	Описание образца	Природа волокон	Тип перепле- тения/номер нитей (для разных цве- тов)	Характеристика нитей								Характеристика тканей			
					крутка								расстоя- ние меж- ду нитя- ми (мм)		плот- ность, число нитей на 1 см	
					поря- док		тип		шаг (мм)		толщина (мм)					
О	У	О	У	О	У	О	У	О	У	О	У	О	У			
Одо- шнур, оп. 2486	16	Монета, 1811 г., на обратной стороне – минерализованная ткань	Шерсть	Полотно	I	I	Z	Z	1	1	1	1	0.1	0.1	9	9– 10
»	38	Жетон, на нем – жгу- тик, расходящийся на 3 нити	»	Жгут	II		Z2S		8		4–6					
»	39	2 жетона на тесьме, пришиты светло-ко- ричневыми нитками, уток темно-коричне- вый, тесьма черная	»	Дощечки	I	I	Z	Z	1	4– 5	1– 1.2	0.9– 1			8	
»	39	Нить, которой при- шиты жетоны, с од- ной стороны – буси- на для усиления узла	»	Нить	I		S		1.2		0.8– 8–9					
»	40	2 шнура, на которые надеты бронзовые трубочки (2 и 1), прикреплены к куску ткани; на конце за- вязаны	Шерсть (следы валя- ния)	О – часть без трубочек; У – часть с трубочками и узелками	I	II	S	Z2S	3	8	1.5	5–6				
»	42	Кусок ткани, пришит крючок, кромка с двух сторон	Шерсть	Полотно	I	I	Z	Z	0.1	0.1	0.5– 0.6	0.5– 0.6	0.1– 0.5	0.1– 0.5	9	8– 9
»	48/1a	Кусок ткани с при- шитой тесьмой, нити 4 цветов (темно-ко- ричневый (a), черный (б), зеленый (в), свет- ло-коричневый (г))	»	Полотно; вышивка		I		S		2		0.9				
				б		I		S		2		1				
				в		I		S		4		1.1				
				г		I		S		3		1.3				
»	48/1б	Тесьма	»	Полотно	I	I	Z	Z	0.1	0.1	1	1	0.1– 0.3	0.1– 0.3	9	9– 10
»	48/2a	Кусок ткани с при- шитой тесьмой, нити 3 цветов (черный (a), темно-коричневый (б), зеленый (в))	»	Полотно; вышивка	a	I		S		2		0.8				
				б	I			S		2		1.1				
				в	I		Z		0.2		1					
»	48/2б	Тесьма	»	Полотно	I	I	Z	Z	0.1	0.1	1	1	0.1	0.1	9– 10	9– 10
»	47	Тесьма с металличе- ской нитью, (уток – бронзовый). На куске войлока	»	Дощечки	I		Z				1.2					
»	77a	Кусок ткани с при- шитой тесьмой, нити 3 цветов (черный (a), темно-коричневый (б), зеленый (в))	»	Вышивка	a	I		S		1		1.4				
				б	I			S		1		1.2				
				в	I			S		1.5		1				
»	77б	Тесьма	»	Полотно	I	I	Z	Z	0.2	0.2	1.5	1	0.1	0.1	6– 7	6– 7
»	78	Тесьма	»	Полотно	I	I	Z	Z	0.2	0.2	1	1	0.1	0.1	6– 7	6– 7
»	78a	Нить	»	Нить	I		S		1.5		1.5					

Мо- гиль- ник, опись	Обра- зец	Описание образца	Природа волокон	Тип перепле- тения/номер нитей (для разных цве- тов)	Характеристика нитей								Характеристика тканей			
					крутка								расстоя- ние меж- ду нитя- ми (мм)		плот- ность, число нитей на 1 см	
					поря- док		тип		шаг (мм)		толщина (мм)					
О	У	О	У	О	У	О	У	О	У	О	У	О	У			
»	79	Тесьма	»	Полотно	I	I	Z	Z	0.2	0.2	1	1	0.1	0.1	6–7	6–7
»	79a	Нить	»	Нити	I		S		1.5		1.5					
»	59	Монета 5 коп. с частично металли- зированной черной тканью	?	Полотно	I	I	I	I	?	?	0.9–1	0.9–1	?	?	9–10	11
»	73	Тесьма с узлом на конце, надеты 2 бронзовые трубочки и 2 бусины	Шерсть	»	I	I	Z	Z	0.2	0.2	1.5	1.5	0.1	0.1	8–9	8–9
»	74	Тесьма с узлом на конце, надеты 2 бронзовые трубочки и 2 бусины	»	»	I	I	Z	Z	0.2	0.2	1.5	1.5	0.1	0.1	8–9	8–9
»	76	Жгут из нитей, в нем – монета, бисер, нити черного (a) и коричневого цветов (б), на коже	»	Жгут	a	I	S		0.5–1		1–2.5					
					б	I	S		0.5–2		1–1.5					
»	91	Фибула, на ней отде- льные нити	»	Нити		I	S		3		2					
»	93	Серьга, на ней жгут, завязанный узлом	»	Жгут		I	S		2–3		2					
Реве- зенс- кий, оп. 2403	294	Войлок, на нем отде- льные минерализо- ванные нити	»	Нити		I	S		1–1.5		1					
»	295	Бронзовая цепочка с фрагментом ткани	Расти- тельное волокно	Полотно	I	I			0.2	0.2	0.8	0.8	0.2	0.2	12	12–13
»	227/1a	Нити, остатки кистей на жетоне	Шерсть			II		Z2S	3.5		1.8					
»	227/1б	Ткань, сильной мине- рализации	Расти- тельное волокно	Полотно	I	I	Z	Z	0.1	0.1	0.7	0.7	?	?	17–18	17–18
»	227/2б	Остатки ткани	Шерсть	Вышивка	I		S		3		1.2		До 2		7–8	7–8
»	227/1в	Отдельные нити	»	Нити		II		Z2S	1.1		1					
»	200/1	Фрагменты вышивки 3 цветов (светло-ко- ричневый (a), корич- невый (б), черный(в))	»	Вышивка	a	I	S		2		1.1					
					б	I	S		1.2		0.9–1.2					
					в	I	S		0.5–2		1.2–1.3					
»	200/2	Нити (коричневые (a) и черные (б))	»	Нити	a	II		Z2S	2–3		2–4					
					б	I	S		2		1					

Мо- гиль- ник, опись	Обра- зец	Описание образца	Природа волокон	Тип перепле- тения/номер нитей (для разных цве- тов)		Характеристика нитей								Характеристика тканей			
						крутка								расстоя- ние меж- ду нитя- ми (мм)		плот- ность, число нитей на 1 см	
						поря- док	тип		шаг (мм)		толщина (мм)						
													О				
»	11/1	Фрагменты вышив- ки коричневого (<i>а</i>) и черного (<i>б</i>) цветов	»	Вышивка	<i>а</i>	I		S		1.8		1					
				<i>б</i>	I		S		2		1.2						
»	11/2	Отдельные нити	?	Нити		I		S		3		1.2					
»	11/3	Фрагмент ткани; нити черного (<i>а</i>) и светло-коричневого (<i>б</i>) цветов	Шерсть; расти- тельное волокно	Нити	<i>а</i>	I		S		2.5		1– 1.2					
				<i>б</i>			Z		?		0.9						
»	27	Вышивка (нити свет- ло-коричневого (<i>а</i>), коричневого (<i>б</i>), чер- ного (<i>в</i>) цветов)	Шерсть; расти- тельное волокно	Вышивка	<i>а</i>	I		Z		0.8		0.6					
				<i>б</i>	I		S		1.5		1						
				<i>в</i>	I		S		2.5		1						
»	122	Вышивка (нити ко- ричневого (<i>а</i>), свет- ло-коричневого (<i>б</i>), зеленого (<i>в</i>), черного (<i>г</i>) цветов)	Шерсть	Вышивка	<i>а</i>	I		S		1.1		0.9					
				<i>б</i>	I		S		1.1		0.9						
				<i>в</i>	I		S		1.1		0.9						
				<i>г</i>	I		S		1.1		0.9						
»	124/1	Кисть; нити коричне- вого (<i>а</i>) и черного (<i>б</i>) цветов	»	Кисть	<i>а</i>	I		S		1.5–2		1.5					
				<i>б</i>	I		S		2.5–3		1.5–2						
»	124/2	Нити черного (<i>а</i>) и коричневого (<i>б</i>) цве- тов	»	Нити	<i>а</i>	I		S		2		0.8					
				<i>б</i>	II		Z2S		2		5–6						
»	124/3	Фрагменты вышивки черного (<i>а</i>) и корич- невого (<i>б</i>) цветов	»	Вышивка	<i>а</i>	I		S		2		0.9					
				<i>б</i>	I		S		2		1						
»	161/1	Фрагмент вышивки нитями черного (<i>а</i>) и коричневого (<i>б</i>) цветов	»	»	<i>а</i>	I		S		4		1.5					
				<i>б</i>	I		S		2		0.7						
»	161/2	Фрагмент вышив- ки нитями черного (<i>а</i>), коричневого (<i>б</i>), светло-зеленого (<i>в</i>) и зеленого (<i>г</i>) цветов	»	»	<i>а</i>	I		S		1.1		0.9					
				<i>б</i>	I		S		2		1						
				<i>в</i>	I		S		4		3						
				<i>г</i>	I		S		1.1		0.9						
»	161/3	Вязаная тесьма (<i>а</i>) и фрагмент вышив- ки (<i>б</i>)	»	Вышивка; вязание	<i>а</i>	I		S		1		1.5					
				<i>б</i>	II		S2S		0.5		2						
»	161/4	Вязаная тесьма (<i>а</i>) и фрагмент вышив- ки (<i>б</i>)	»	Вышивка	<i>а</i>	I		S		1.1		0.9					
				<i>б</i>	II		S2S		4		2						
»	161/5а	Фрагмент вышивки коричневыми (<i>а</i>) и черными (<i>б</i>) нитями; вязаная тесьма	»	Вышивка; вязание	<i>а</i>	I		S		1.5		1					
				<i>б</i>	I		S		1.5		1.1						

Мо- гиль- ник, опись	Обра- зец	Описание образца	Природа волокон	Тип перепле- тения/номер нитей (для разных цве- тов)		Характеристика нитей								Характеристика тканей			
						крутка								расстоя- ние меж- ду нитя- ми (мм)		плот- ность, число нитей на 1 см	
						поря- док		тип		шаг (мм)		толщина (мм)					
					О	У	О	У	О	У	О	У	О	У	О	У	
»	161/56	Фрагмент вышивки коричневыми (а) и черными (б) нитями;	»	»	а	I		S		1.1		0.9					
					б	I		S		1.1		0.9					
»	161/6	вязаная тесьма Фрагмент вышивки черными (а) и корич- невыми (б) нитями; вязаная тесьма	»	»	а	I		S		1.1		0.9					
					б	I		S		1.1		0.9					
»	161/7	Фрагмент вышивки черными (а) и корич- невыми (б) нитями;	»	»	а	I		S		1.1		0.9					
					б		S		1.1		0.9						
Рыб- кин- ский, оп. 538	171	вязаная тесьма Фрагмент черной ткани минерализо- ванный	Расте- тельное волокно	Ломаная сар- жа 3/1	I	I	S	S	1	1	0.7	0.7	0.2	0.2	11	10	
»	169	Внутри накосника – жгут нитей, переви- тый тесьмой	Шерсть	Дерганье		I		S		2		2					
»	170/1	Внутри накосника – жгут нитей, переви- тый тесьмой	Шерсть	Дерганье		I		S		2		1.5					
»	170/2	С внешней стороны накосника – отпечат- ки ткани (видимо, погребальная обо- лочка)	?	Полотно		I	I	Z	Z	?	?	?	?	0.3	0.3	12	11
Большой Мака- телем, оп. 121	4	Фибула на ткани (нити черного (а) и коричневого (б) цве- тов), все на куске де- рева и коже	Шерсть	Нити	а	I		S				1.1				0.9	
					б	I		S		2		1.5					
»	5	Фибула на ткани (нити черного (а) и коричневого (б) цветов), все на куске дерева	»	Нити	а	I		S		1.1		0.9					
					б	I		S		1.1							
»	16/1	Остатки тесьмы и вышивки нитями черного (а) и корич- невого (б) цветов	»	Вышивка	а	I		S		1.1– 1.2		1.1					
					б	I		S		1–1.5		0.9					
»	16/2	Ткань	»	Саржа		I		S		1.5– 2		1			6– 7	6– 7	

Мо- гиль- ник, опись	Обра- зец	Описание образца	Природа волокон	Тип перепле- тения/номер нитей (для разных цве- тов)		Характеристика нитей								Характеристика тканей			
						крутка								расстоя- ние меж- ду нитя- ми (мм)		плот- ность, число нитей на 1 см	
						поря- док		тип		шаг (мм)		толщина (мм)					
О	У	О	У	О	У	О	У	О	У	О	У	О	У				
»	14	На фибуле остатки вышивки (на куске дерева), черные (а) и коричневые (б) нити	»	Нити	а	I		S		1.1		0.9					»
					б	I		S		1.1		0.9					
»	17–19	2 фибулы на куске дерева, войлоке; ост- атки вышивки нитя- ми коричневого (а) и черного (б) цветов	»	»	а	I		S		1.1		0.9					
					б	I		S		1.1		0.9					
»	22	Отдельные нити на куске дерева, войлоке	»	»		II		S2S		1		2					
						IV		S2S 2S		1.5		3					
»	24	Остатки ткани, во- лос; нити основы не сохранились	»	Репс			I	S		0.4		0.4				12	6
»	9–11	Отдельные нити	»	Нити		I		S		1.1		0.9					
»	12–13	4 фибулы, остаток вышивки	»	Саржа (?), вышивка		I		S		1.1		0.9					
Сар- лей- ский, оп. 1437	87	Пучок темно-ко- ричневых нитей, в центре обмотанный шнуром из двух пе- реплетенных нитей; в центре пучка – нити другого (зеленовато- го) цвета	»	Жгут (часть нитей счита- ют основой, часть – ут- ком)		I	I	S	S	1	1.7	0.8	0.9				
»	88	Пучок темно-ко- ричневых нитей, в центре обмотанный шнуром из двух пе- реплетенных нитей; в центре пучка – нити другого (зеленовато- го) цвета; расходится на 3 пучка нитей	»	Жгут		I	I	S	S	0.8	0.8	0.7	0.7				
»	89	Пучок темно-ко- ричневых нитей, в центре обмотанный шнуром из двух пе- реплетенных нитей; в центре пучка – нити другого (зеленовато- го) цвета; расходится на 3 пучка нитей	»	»		I	I	S	S	0.8	0.8	0.7	0.7				

Мо- гиль- ник, опись	Обра- зец	Описание образца	Природа волокон	Тип перепле- тения/номер нитей (для разных цве- тов)	Характеристика нитей								Характеристика тканей			
					крутка								расстоя- ние меж- ду нитя- ми (мм)		плот- ность, число нитей на 1 см	
					поря- док		тип		шаг (мм)		толщина (мм)					
О	У	О	У	О	У	О	У	О	У	О	У	О	У			
»	90	Пучок темно-ко- ричневых нитей, в центре обмотанный шнуром из двух пе- реплетенных нитей; расходится на 3 пуч- ка нитей; оплетен бронзовой проволо- кой	»	»	I	I	S		0.9		0.8					
»	91	2 фрагмента шерстя- ной тесьмы корич- невого цвета; в цен- тре – металлическая нить (медный сплав)	Шерсть; до- медный сплав	Тесьма; до- щечки	I		S		1.1		0.9					
»	250	На ложновитой фибу- ле – черная ткань	Шерсть	Саржа	I	I	S	S	1	1	0.6	0.6			14	11
»	264	На фибуле – черные нити	»	Нити	I		S		1.3		0.7					
»	255	На ложновитой фибу- ле – черные нити	»	Нити	I		S		1		0.6					
»	267	В составе ожерелья тканые жгутики, об- мотанные металли- ческой проволокой; расходятся на 2 пуч- ка нитей коричневого цвета	»	Жгут	I		S		1.5		0.7					
»	269	Бронзовый браслет обмотан черными нитьями	»	Нити	I		S		3		2					
»	274	Бронзовая фибула об- мотана черными (О) и коричневыми (У) нитьями	»	»	I	I	S	S	2	1.3	0.8	0.7				
»	275	Бронзовая фибула об- мотана черными (О) и коричневыми (У) нитьями	»	»	I	I	S	S	0.8	1.8	0.6	1				
»	308	Кусок ткани с 2 от- ростками-жгутами, обмотанными брон- зовой проволокой	»	Полотно	I	I	S	S	1.3	?	1.2	?	?	?		?

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Белицер В.Н.* Народная одежда мордвы. М., 1973.
- Гаген-Торн Н.И.* Женская одежда народов Поволжья (материалы к этногенезу). Чебоксары, 1960.
- Горюнова Е.И.* Сарлейский могильник // Археологический сборник. Т. 1. Саранск, 1948.
- Ефимова Л.В.* Ткани из финно-угорских могильников I тыс. н.э. // КСИА. 1966. Вып. 107.
- Крюкова Т.А.* Мордовское народное изобразительное искусство. Саранск, 1968.
- Малкова Н.М.* Дары в погребальных памятниках мордвы XVI – начала XIX в. // Вопросы археологии Урала и Поволжья. Вып. 2 Самара, 2004.
- Мартыанов В.Н.* Мордовская народная вышивка. Саранск, 1991.
- Нахлик А.* Ткани Новгорода. Опыт технологического анализа // МИА. 1963. № 123.
- Павлова Н.А.* Текстиль в поздних (XVI–XIX вв.) марийских и мордовских погребениях (по материалам Государственного Исторического музея) // Новые материалы и методы археологического исследования: Тез. докл. науч. конф. молодых ученых М., 2011.
- Шикаева Т.Б.* Марийский женский костюм XVI–XVII вв. (по археологическим материалам) // Этнография марийского и русского населения Среднего Поволжья. Йошкар-Ола, 1987.

ДИСКУССИИ

СПАСАТЕЛЬНАЯ АРХЕОЛОГИЯ В РОССИИ (к 40-летию отдела охранных раскопок Института археологии РАН)

© 2012 г. А.В. Энговатова

Институт археологии РАН, Москва (engov@mail.ru)

Ключевые слова: спасательные археологические работы, методика исследований, практика и законодательство в области охраны памятников.

The article summarizes the results of 40 years of work of the special Department of the IA RAS which conducts preventive and other rescue excavations. The article addresses the issues of legislation on protecting archaeological sites and tells of the role of state academic institutions (research institutes, museums and universities) and commercial organizations in rescue archaeology. The article offers statistical data on rescue archaeological investigations in Russia.

В этом году исполняется 40 лет отделу охранных раскопок Института археологии РАН (ИА РАН). Юбилей – всегда повод вспомнить прошлое, проанализировать настоящее и задуматься о будущем.

В последнее время как в России, так и в Европе развернулась активная дискуссия о месте и роли спасательных¹ работ в археологической науке и в системе охраны культурного наследия (Quality Management in Archaeology..., 2007; Report on the situation of urban archaeology in Europe, 1999). Проследить как реальные результаты охранных исследований, так и весь комплекс методических и практических проблем, с которыми столкнулась спасательная археология в России за последние 40 лет, можно на примере работы отдела охранных раскопок ИА РАН.

Само явление – проведение упреждающих мероприятий на месте будущего строительства – имеет в России богатую историю. Уже в конце XIX в. проводились отдельные археологические работы при строительстве (Виноградов, 1947. С. 34). Но сама эта система (предварительные исследования и раскопки) стала складываться в Советском Союзе в конце 1920 – начале 1930-х годов. Во многом это было обусловлено начавшимся масштабным строительством (Волго-Донской канал, ДнепроГЭС, Московский метрополитен, Баксанская и Пермская ГЭС и др.), а также общей нацеленностью совет-

ской государственной системы на плановую экономику.

В 1934 г. было выпущено Постановление ВЦИК и СНК “Об охране археологических памятников”, в котором формулировались основные принципы работы, устанавливалась необходимость обязательного проведения охранных раскопок на уничтожаемых при строительстве памятниках, а также определялся порядок финансирования изысканий. Для производства охранных работ Распоряжением № 726 по ГАИМК от 16 октября 1932 г. был создан “Особый Комитет по работам Академии наук на новостройках” и написана специальная “Инструкция по учету и охране памятников материальной культуры на новостройках”, призывающая подключать к выявлению археологических объектов не только специалистов, но и широкие круги “сознательных граждан”, равнодушных к истории страны. Одновременно в целях реализации указанного постановления были проведены десятки экспедиций (в Центральной России, на Кавказе, в Средней Азии, Сибири). Помимо Академии наук в спасательных работах принимали участие музеи и высшие учебные заведения.

В 40–60-е годы XX в. система охранной археологии в Советском Союзе работала с разной степенью эффективности. Ее успехи и проблемы описаны в многочисленных статьях (Мунчаев, 2004; Смирнов, 2004; Энговатова, 2009).

Начиная с 70-х годов XX в. объем охранных работ стал постепенно увеличиваться, о чем свидетельствуют выдаваемые на производство археологических работ разрешения (открытые листы) – свыше 50 ежегодно (Сорокина, 2008. Рис. 36). В связи с

¹ В современном российском Законодательстве [ФЗ-73] существует только один термин – “спасательные археологические работы”. Однако в документах XX в. также употребляются понятия “охранные археологические исследования” или “археологические работы в зонах народно-хозяйственного строительства”.

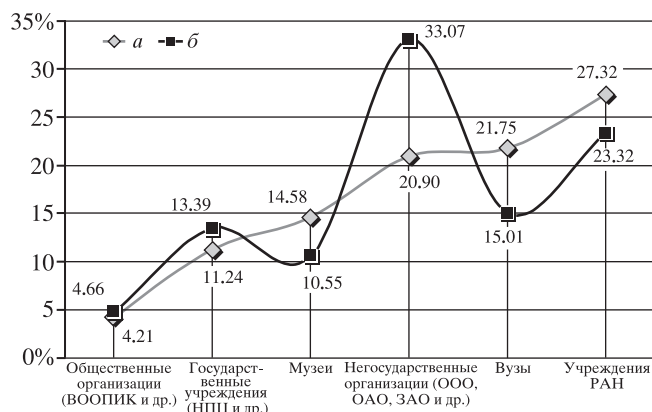

Рис. 1. Процентное соотношение состава организаций, проводивших спасательные археологические работы в 2010 (а) – 2011 (б) гг.

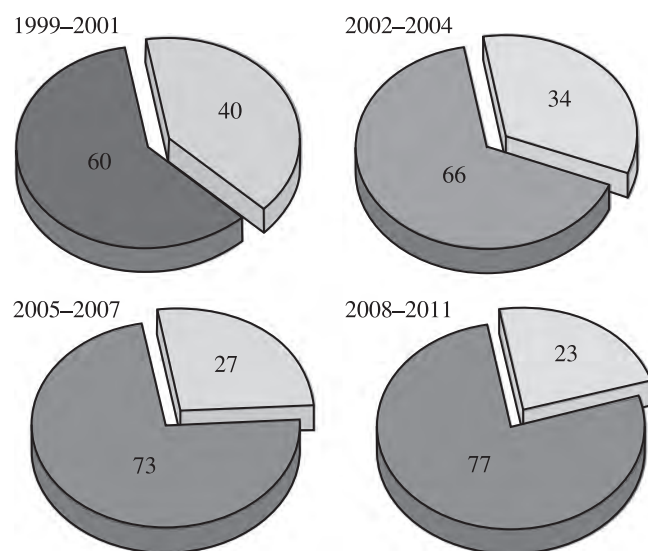

Рис. 2. Доля спасательных исследований в общем количестве археологических работ в 1999–2011 гг. (%).

этим в 1972 г. с целью повышения координации и взаимодействия работ на базе уже существующих новостроечных экспедиций в составе ИА АН СССР был организован специальный сектор новостроечных экспедиций. В 1984 г. он был переименован в сектор охранных раскопок, а в 1988 – в отдел охранных раскопок (Мунчаев, 2004; Смирнов, 2004). Экспедициями отдела были проведены масштабные работы на строительстве Большого Ставропольского канала, Чебоксарской ГЭС, на объектах мелиоративно-ирригационного строительства нечерноземной зоны РСФСР и многие др. Проведенные работы фактически создали новый корпус источников и сформировали источниковедческую базу для многих неисследованных ранее территорий, важнейшие результаты которой были систематизированы в фундаментальных трудах Института археологии.

За прошедшие с тех пор годы отдел прошел путь от небольшого технического подразделения до полноценного научно-методического отдела (Смирнов, Энговатова, 2004). Быстро росло количество проводимых экспедиций. Если в 1972 г. в составе сектора действовала только одна экспедиция, то в 1989 – уже 24. Объемы экспедиционных работ также увеличивались: в 1978 г. они более чем в 4 раза превысили объемы 1970 г. (Краснов, 1980. С. 63). В 1982–1984 гг. сектор организовывал ежегодно от 20 до 22 новостроечных экспедиций (Афанасьев, Александрова, 1986. С. 123).

Необходимо отметить, что в последнее десятилетие специализированные подразделения, занимающиеся спасательными археологическими работами, появились в ИИМК РАН и ИАЭТ СО РАН, что, несомненно, свидетельствует о востребованности данного направления в рамках академических институтов. Показательно, что доля новостроечных работ, проводимых Российской академией наук (РАН), остается достаточно стабильной на протяжении последних лет, тогда как количество спасательных работ, проводимых музеями и вузами, сокращается (рис. 1; 6). Не в последнюю очередь это связано с наличием в структуре РАН специализированных подразделений, которые оказались не только более устойчивыми по отношению к создавшейся в 1990-е годы экономической ситуации, но и смогли обеспечить сохранение и развитие спасательной археологии, а в ряде случаев – даже оказать моральную и методическую поддержку различным научным и государственным организациям в деле сохранения археологического наследия страны.

Для того чтобы охарактеризовать работу отдела охранных раскопок ИА РАН, а, главное, обозначить те задачи, которые он ставит перед собой, необходимо прежде оценить современное состояние спасательной археологии в России в целом. Это даст представление о том, в какой ситуации работает отдел в последние годы.

Доля спасательных исследований за последнее десятилетие в России увеличилась. Так, если в 1999–2001 гг. она составляла в среднем 60% от всех видов археологических работ, то в 2008–2011 – уже более 70 (рис. 2). Полученная статистика основана на данных Научного совета по полевым исследованиям о выданных разрешениях (открытых листах). В этих цифрах есть некоторая погрешность, поскольку в ряде случаев изыскания на целой серии объектов проводятся по одному открытому листу, некоторые листы возвращаются, и работы по ним не проводятся и т.д.

За последнее десятилетие Россия по процентному соотношению спасательных работ среди всех

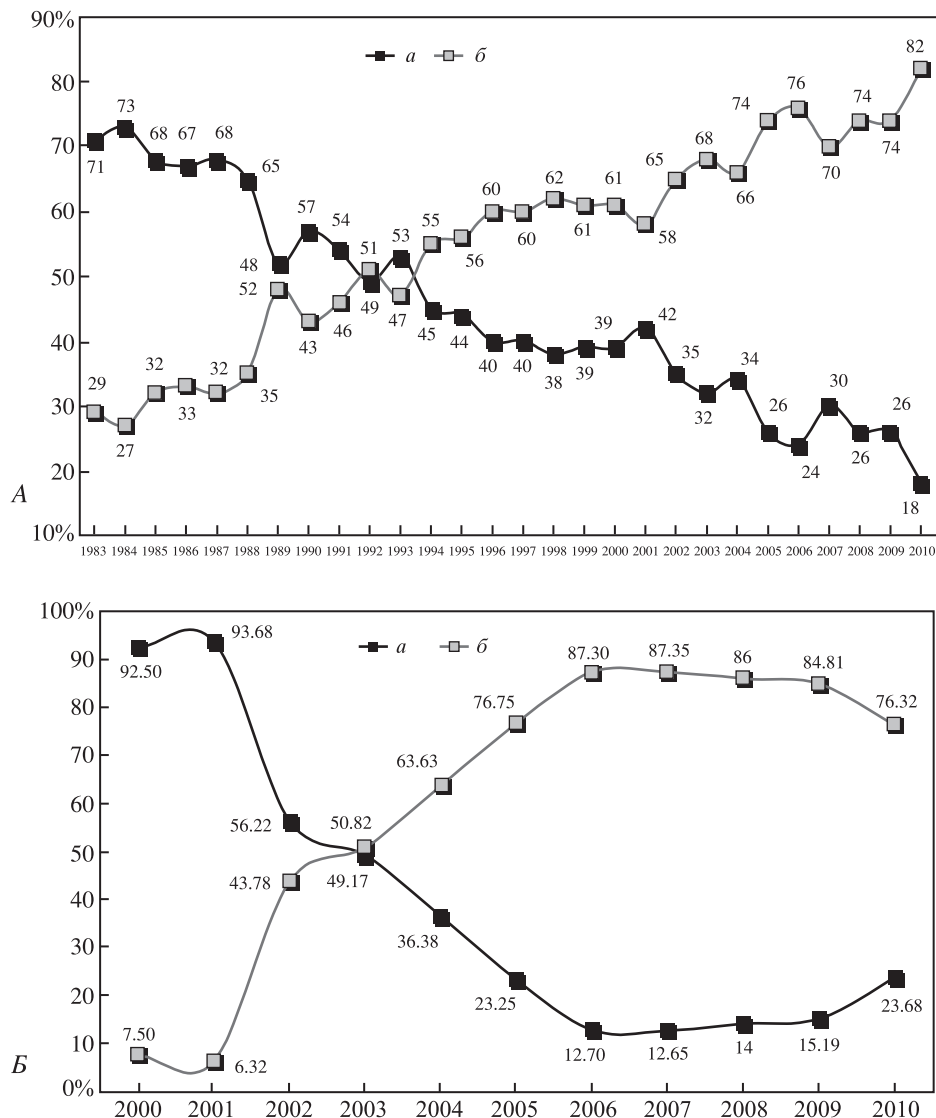

Рис. 3. Динамика доли спасательных работ в общем количестве археологических исследований (%): А – Россия, 1983–2010 гг.; а – научные работы; б – спасательные работы; Б – Румыния, 2000–2010 гг.; а – научные работы; б – спасательные работы.

проводимых археологических исследований вплотную приблизилась к европейским странам. По данным, приводимым на ежегодных съездах Европейской ассоциации археологов (ЕАА), доля спасательных исследований в Нидерландах составляет около 70% (van den Dries, 2011); в Румынии – 76–87 (Bors, 2011); в Польше – 70–80 (Filipowicz, 2011).

Интересно, что большинство бывших социалистических стран за последние 20 лет прошли тот же путь, что и Россия. Например, в Румынии доля проводимых по научным программам археологических исследований уменьшилась в процентном соотношении: если в 2000 г. она составляла более 90% от всех работ, то в последние пять лет – не более 20 (рис. 3). В России этот процесс начался раньше и был более растянут во времени. В 1984 г. из бюджет-

та финансировалось 70% всех проводимых археологических исследований, а в 2009 – только 26.

Тенденция увеличения доли спасательных изысканий в общем количестве полевых археологических работ связана, с одной стороны, с сокращением государственного финансирования фундаментальных гуманитарных исследований, а с другой – с ростом в последнее десятилетие объемов строительства и, как следствие, увеличением числа спасательных археологических проектов.

Показательно, что общее количество выданных разрешений (открытых листов) в 1995 г. составляло 744, тогда как в 2007 (год наивысшего экономического подъема и строительной активности) – 1524, т.е. выросло почти в 2 раза. Из графика видно, что достаточно стабильным с 1995 г. остается

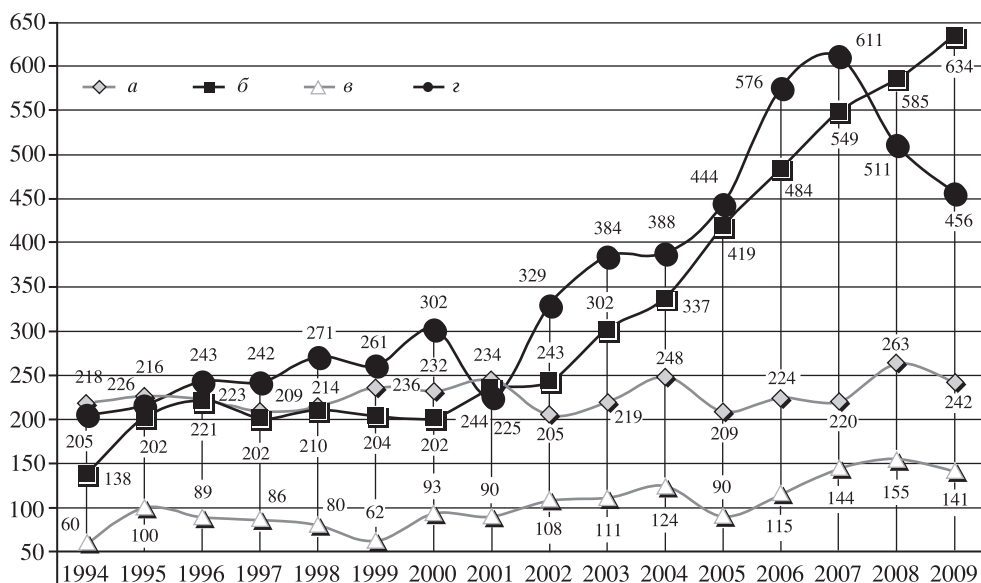

Рис. 4. Количество разрешений (открытых листов), выданных на проведение археологических исследований в 1994–2009 гг. Распределение по формам: а – форма 1; б – форма 2; в – форма 3; г – форма 4.

количество исследований по научным темам и грантам (форма № 1) – от 226 до 242. Рост числа полученных за последние 10 лет разрешений происходит, в основном, за счет роста работ, связанных с новостройками. Так, в 1995 г. было выдано 216 открытых листов на спасательные раскопки (форма № 4), а в 2007 г. – уже 611. Так же быстро росло число разрешений на археологические исследования (разведки), связанные со строительными работами (рис. 4). То, что количество проводимых спасательных работ напрямую связано с экономической ситуацией, демонстрирует состояние дел в европейских странах (Report on the situation of urban archaeology in Europe, 1999). Характерна такая ситуация и для современной России (Engovatova, 2010).

В каких регионах России проводится наибольшее число спасательных работ? Ответить на этот вопрос можно, проанализировав данные по количеству полученных открытых листов на производство спасательных археологических работ для каждой области (рис. 5).

Логично было бы предположить корреляцию числа спасательных исследований с объемом строительной активности в регионе, однако это справедливо лишь отчасти. Показательно, что первое место по числу проводимых спасательных исследований на протяжении многих лет занимает Тверская обл., не входящая в 30 наиболее успешных в сфере строительства регионов. Стабильно велико количество спасательных работ в Иркутской и Нижегородской обл. С другой стороны, существуют субъекты Российской Федерации (РФ), где количество

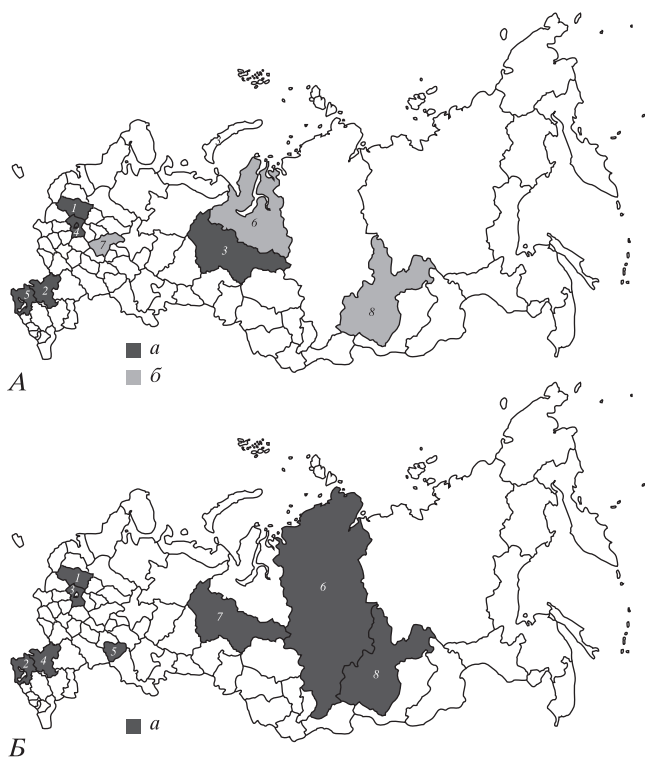

Рис. 5. Регионы, получившие наибольшее количество (а – более 40/год; б – более 20/год) разрешений (открытых листов) на проведение спасательных археологических работ в 2006–2008 гг. (А): 1 – Тверская обл.; 2 – Ростовская обл.; 3 – Ханты-Мансийский АО; 4 – Московская обл.; 5 – Краснодарский край; 6 – Ямало-Ненецкий АО; 7 – Нижегородская обл.; 8 – Иркутская обл. и 2009–2011 гг. (Б): 1 – Тверская обл.; 2 – Краснодарский край; 3 – Московская обл.; 4 – Ростовская обл.; 5 – Самарская обл.; 6 – Красноярский край; 7 – Ханты-Мансийский АО; 8 – Иркутская обл. (а – более 40 разрешений/год).

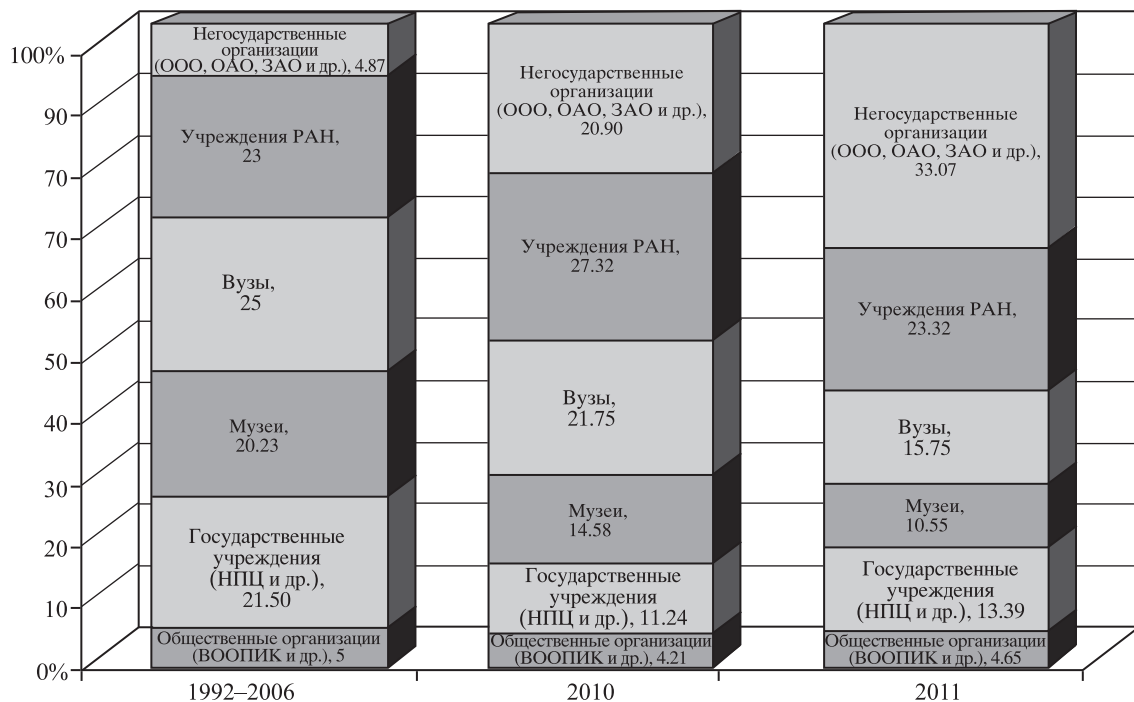

Рис. 6. Процентный состав организаций, выполнявших спасательные археологические исследования в 1992–2011 гг. в России.

спасательных археологических исследований незначительно, несмотря на большие темпы строительства (например, Калужская обл.).

Анализ данных показал, что решающее значение для возможности осуществления деятельности по охране археологических объектов и проведению спасательных мероприятий имеет, без сомнения, активность и профессионализм региональных органов охраны памятников. Согласно действующему законодательству, именно от них, а не от археологов зависит окончательное решение судьбы археологических памятников (необходимость проведения спасательных работ, требования к изменениям проектов и форм сохранения объекта археологии).

Влияние на количество проводимых спасательных работ оказывает также экономическое развитие региона, но только при реально работающей системе охраны памятников. Особенно показательны в этом отношении Московская и Ростовская обл., Ханты-Мансийский автономный округ, Краснодарский край.

Кто проводит спасательные работы в России в последние 10 лет, и какая роль в этом процессе отведена академическим институтам?

В 1990-е годы основными организациями, участвовавшими в проведении спасательных работ, были институты РАН, вузы, музеи, НПЦ при органах охраны памятников. Появившиеся в тот период не-

государственные организации не играли заметной роли (менее 5% от всех работ) (рис. 6). Основная тенденция последних двух десятилетий – существенный рост доли негосударственных фирм, занимающихся спасательной археологией. Динамика хорошо прослеживается по статистике выдачи разрешений (открытых листов) на проведение спасательных археологических работ. С 2006 по 2011 г. доля негосударственных организаций, получивших открытые листы, выросла более чем в 3 раза (с 10 до 33%) (рис. 7).

С чем связан бурный рост количества негосударственных организаций? Дело в том, что в настоящее время государственные учреждения науки и частные предприятия оказались в абсолютно неравном положении с точки зрения налогообложения, а также правил налогового и бухгалтерского учета. Внутри бюджетных организаций существенно усложнил работу ФЗ-94 от 21.07.2005 г. “О размещении заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных и муниципальных нужд”. Обязательным стало не только проведение тендеров (конкурсов) для нужд государственных научных учреждений (музеев, вузов, учреждений РАН), но и проведение крупными государственными заказчиками тендеров на производство в том числе спасательных археологических работ. В результате действия этого закона почти единственным аргументом в пользу выбора организации, которая будет проводить исследования объ-

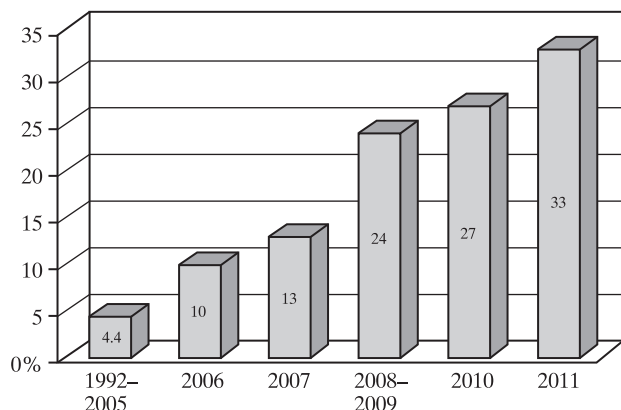

Рис. 7. Доля археологических работ, проводимых негосударственными организациями в 1992–2011 гг. (%) в России.

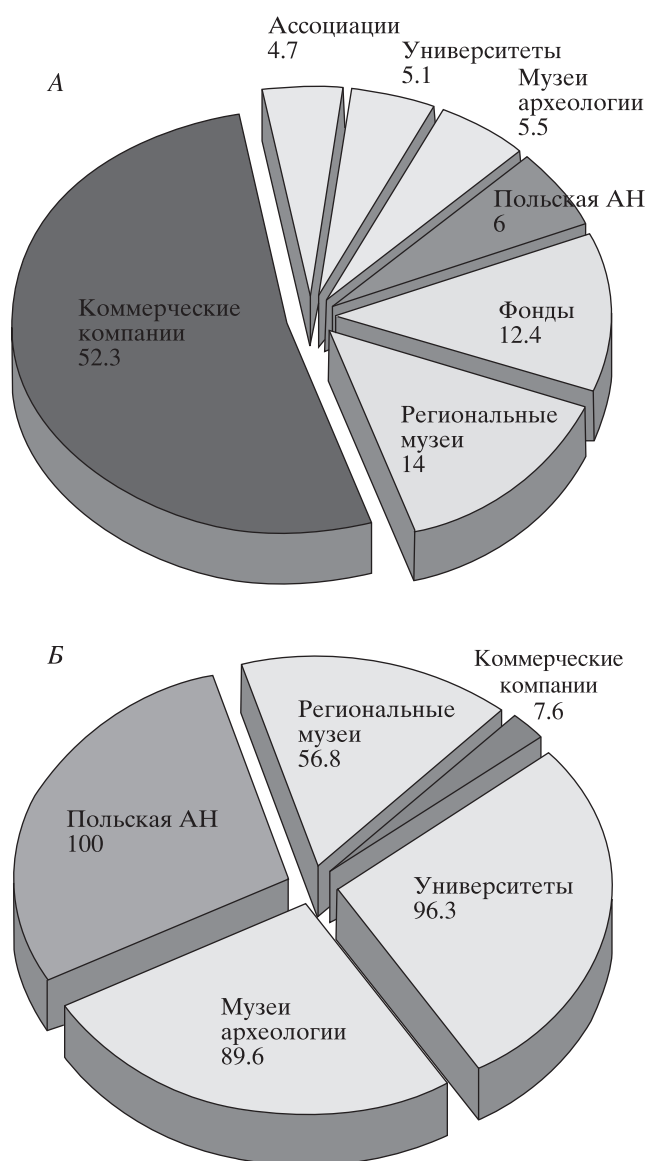

Рис. 8. Процентный состав организаций, проводивших спасательные раскопки при строительстве дорог в Польше в 2009 г. (А), и доля опубликованных научных материалов раскопок (Б).

ектов археологии, стала цена. Негосударственным организациям легче уменьшить стоимость работ за счет льгот в налогообложении, став благодаря этому более конкурентоспособными. Льготное налогообложение сделало более привлекательным как для исполнителей, так и для заказчиков спасательных работ оплату через негосударственные организации.

Как показала практика, негосударственные организации делятся на две группы. Первую составляют фирмы, созданные профессионалами-археологами с целью облегчения ведения экономической деятельности. Качество работ этих организаций соответствует всем требованиям археологической науки.

Вторая группа негосударственных организаций изначально ставила своей целью только коммерческую, а не научную деятельность (многие организации из этой группы были созданы исключительно для оказания посреднических услуг). В результате невысокая цена на выполнение археологических работ, устанавливаемая ими на конкурсах, соответствует низкому уровню квалификации исполнителей, согласившихся на нее (очень часто это малопрофессиональные в области археологии люди). Как результат – резкое снижение качества проводимых ими работ, которые уже привели к уничтожению отдельных памятников археологии и инициировали целый ряд скандалов и судебных исков. Случаи, когда работы проводились крайне небрежно или вообще были “имитированы”, широко обсуждаются в СМИ (Беловранин, 2012). Из-за активной непрофессиональной деятельности подобных организаций тень может упасть на всех археологов, проводящих спасательные работы.

В последние годы в обществе предпринимаются попытки обвинить самих археологов в коммерциализации науки. Постоянно приходится слышать о том, что в современной охранной археологии экономические интересы учреждений становятся более весомыми, чем стремление к сохранению памятников и накоплению знаний.

Обвинять, однако, надо не археологов-профессионалов, поскольку не они, согласно действующему закону, определяют в конечном итоге вид мероприятий по охране объекта археологического наследия. В этой связи сетования некоторых “общественников-географов” на то, что спасательная археология “превратилась в отрасль обслуживания преобразующих ландшафт проектов” (Кулешова, 2012. С. 68), показывают их плохое знание современного законодательства, регулирующего вопросы сохранения культурного наследия и практики работы органов охраны памятников.

Впрочем, в последние годы наблюдаются и положительные сдвиги в системе охраны памятников и в спасательной археологии. Начиная с 2012 г. заработал механизм Государственной историко-культурной экспертизы в отношении земельных участков, подлежащих хозяйственному освоению. Впервые у археологов-экспертов появилась реальная возможность юридически грамотно наложить вето на застройку территорий объектов археологического наследия.

В тех случаях, когда освоение земельного участка идет с обязательным этапом проектирования, например при строительстве автомобильных и железных дорог, газопроводов и т.п., есть возможность еще на стадии проекта провести разведочные работы, спланировать трассы в обход объектов археологического наследия. В последние десятилетия эта практика широко используется отделом охранных раскопок ИА РАН как действенный метод сохранения археологических объектов (Смирнов, 1990; Энговатова, 2009), многие из которых благодаря ей удалось спасти. Показательно, что даже в процессе проектирования такого сложного объекта, как Чебоксарская ГЭС были приняты предложения археологов об обустройстве специальных дамб для защиты особо значимых и крупных археологических памятников. Были также внесены изменения в проект трассы автодороги к олимпийским объектам в г. Сочи. Найденный византийский храм у с. Веселое в Имеретинской низменности не только сохранен *in situ*, но и разработан проект его музеефикации (Армарчук, Мимоход, 2012). Нельзя не отметить, что многое в этом процессе фактически зависит от доброй воли проектировщиков, которые не всегда легко соглашаются на переделку удобных по другим показателям проектов.

К сожалению, в последние годы из-за нехватки средств в бюджетных проектах на археологических работах стали экономить. В результате вместо разработки полноценного раздела в составе проекта строительства проектировщики зачастую ограничиваются архивной справкой, полученной из органов охраны памятников. Это еще один негативный результат коммерциализации проектных работ. Системное решение вопросов физического сохранения объектов археологического наследия при масштабном строительстве возможно лишь при условии изменения на законодательном уровне подходов к самому механизму принятия решения как проектировщиками, так и органами охраны памятников.

Как же все-таки относиться к такой тенденции, как рост числа негосударственных археологических организаций?

С одной стороны, большое количество негосударственных организаций в спасательной археологии характерно для некоторых стран Европы (Польша, Великобритания). С другой – многие негативные результаты, проистекающие от подобной коммерциализации науки, европейские археологи активно критикуют. В программной статье основателя французского Института превентивной археологии (INRAP) – специализированной государственной археологической организации для проведения спасательных разведок и раскопок Ж.-П. Демуля четко определяется проблема несоответствия формы “частной” археологии научным целям (Demoule, 2007; 2010).

Показательные данные в докладе “Археологическая профессия в современной Польше” приводит П. Филиппович из Университета Адама Мицкевича (Filipowicz, 2011). Подряд на производство спасательных раскопок на крупной строящейся трассе автодороги получили несколько организаций. Более половины работ выполнили негосударственные коммерческие фирмы, примерно по 10% – университеты и учреждения Польской академии наук, археологические и региональные музеи. Полевые работы проводили все организации. А вот научные публикации результатов исследований в полном объеме подготовили лишь археологи из университетов и академических учреждений, специалисты коммерческих фирм опубликовали не более 8% полученных в результате раскопок материалов, что, конечно, крайне низкий показатель (рис. 8).

Следует напомнить, что в Польше, как и во многих европейских странах, обязательный отчет о работах может быть очень небольшим и достаточно формальным. Поэтому настоящим научным отчетом о работах (в нашем понимании) является научная публикация итогов полевых изысканий. Научная публикация – тот итог, ради которого, во многом, и проводятся раскопки. Приведа эти данные, П. Филиппович задает риторический вопрос: “А зачем тогда вообще нужны раскопки, проводимые коммерческими фирмами?” Ответ на него может быть лишь отрицательным: подобные “исследования” не выполняют основной задачи получения полноценной научной информации и введения ее в научный оборот. Дискуссия в Европе продолжается. Обществу и ученым в России тоже пора спросить: “Для чего проводятся раскопки, если из них не извлекается качественная научная информация? Для чего общество тратит большие деньги на производство ненаучных, по сути, работ?”

Подводя краткие итоги, можно констатировать, что в Российской Федерации сложилась система спасательной археологии, в которой на протяжении

XX в. значительную роль играла академическая наука. В XXI в., даже с приходом рыночных отношений, значение академических институтов по-прежнему остается стабильно высоким. На графике объемов спасательных работ последних лет можно увидеть, что выполняемые ими работы составляют около четверти от всех исследований (рис. 6).

На наш взгляд, существенным плюсом спасательной археологии в России остается ее тесная связь с академической наукой. Выработанная поколениями археологов общая система научной регламентации (получение разрешения на проведение археологических исследований (открытого листа); обязательная отчетность), действующая на территории всей страны, поддерживает единые методы исследования памятников археологии, сохраняет методику полевой фиксации и форму отчета. Эти нормы действуют также и в отношении спасательной археологии. Каких-либо специальных, облегченных методик для спасательных раскопок не существует. В последние годы делались попытки введения системы наблюдений или надзора как особой методики спасательных работ. Но она признана возможной только для исследований поздних, перемешанных отложений (Положение..., 2007).

Обязательное предоставление научного отчета в Научный совет по полевым исследованиям с целью последующего хранения в составе Архивного фонда России делает доступной для научного сообщества информацию обо всех проводимых в стране раскопках и разведках. К сожалению, процент опубликованных материалов ничтожно мал (во многом из-за дороговизны издания), поэтому в настоящее время все актуальнее звучит предложение о необходимости электронной публикации отчетов. Особенно это оправдано для полностью исследованных раскопками объектов – для них пропадает угроза разграбления после появления информации о памятнике в открытой печати. С целью оперативной публикации результатов проведенных спасательных работ в ИА РАН была создана серия “Материалы охранных археологических исследований” (в настоящее время готовится к изданию 18 том); ежегодно публикуются материалы научно-го семинара “Археология Подмосковья”, вводящие в научный оборот в основном результаты спасательных исследований.

Каковы же в современных условиях первоочередные задачи отдела охранных раскопок? К таковым относятся задачи методического и практического толка и работа по совершенствованию законодательно-правовой базы.

Для успешного проведения мероприятий по охране объектов археологического наследия крайне

важны методические вопросы. Первоочередной задачей специалиста-археолога, обнаружившего новый археологический объект, является грамотное определение и описание его границ. Для более успешного проведения мероприятий по охране памятников археологии необходимо иметь о них точные сведения, чтобы соотносить объект археологии и границы земельного участка, на котором он расположен. Это же позволяет органам охраны более оперативно вносить новый памятник в список выявленных объектов археологического наследия, а в дальнейшем – и в реестр объектов культурного наследия, т.е. ставить его на государственную охрану. Такие памятники вносятся в кадастр, а их границы появляются на планах земельных участков. В отделе охранных раскопок ИА РАН была разработана “Методика определения границ территорий объектов археологического наследия”, рекомендованная к использованию Министерством культуры РФ (<http://mkrf.ru/documentations/585/detail.php?ID=215944>).

Все большее значение приобретает комплексно-территориальный подход к сохранению объектов археологического наследия *in situ* в окружающем их ландшафте. Наиболее действенным механизмом охраны, с нашей точки зрения, является создание зон охраны для объектов археологического наследия. Сотрудники отдела охранных раскопок принимали участие в создании зон охраны г. Звенигород, городищ Ростиславль, Вщиж, серии памятников на оз. Волго и др. Отдел также принимал участие в разработке градостроительных планов г. Клин, Волоколамск, Орехово-Зуево. Для того чтобы эти примеры не были единичными, необходима поддержка данного подхода не только на методическом, но и на законодательном уровне.

Важной задачей для нас по-прежнему является обеспечение комплексного характера и полномасштабных исследований при спасательных раскопках археологических объектов, попадающих в зону строительства. Их организация и проведение – одна из важнейших сторон деятельности отдела. Ведутся такие работы на широких площадях, с соблюдением всех современных методов исследования, а также с привлечением широкого круга специалистов. Археологи хорошо понимают, что помимо многочисленных артефактов и разнообразных структур (ям, могил, кладок и т.п.) в раскопках находятся многочисленные остатки биоты (кости, чешуя, остатки жуков, зерна и т.п.), которые могут быть исследованы только профильными специалистами. Анализ органических остатков способен предоставить большую дополнительную информацию для понимания археологического объекта.

Поэтому только комплексные изыскания обещают полноценную информацию о самом памятнике и людях, живших на нем в древности. Примером подобных спасательных исследований стали археологические раскопки на таких эталонных памятниках, как раннесредневековый могильник Мамисондон (Албегова, Верещинский-Бабайлов, 2010), курганные могильники Золотой и Паницкое (Мимоход, 2009), комплекс памятников Мякинино (Энговатова, Коваль, 2007), культурный слой г. Ярославля (Археология древнего Ярославля..., 2012), Ростова (Самойлович, 2007), Владимира и др.

Таким образом, и мировой, и отечественный опыт показывают, что спасательная археология – один из важных видов научной археологической деятельности. Полноценные научные исследования требуют значительных средств, а при сложившейся в стране экономической ситуации у археологов, без проведения спасательных работ, остается немного практических возможностей для осуществления по-настоящему широких исследований. Существующая система грантов позволяет изучать наиболее значимые с научной точки зрения памятники. Но средства, выделяемые на плановое научное изучение, – невелики, и не всегда могут обеспечить полный объем необходимых исследований. В условиях существующих экономических реалий спасательная археология – один из источников постоянных финансовых инвестиций в археологическую науку.

Важнейшей из задач по организации археологической деятельности, связанной со спасением объектов археологического наследия в стране, на сегодняшний день, несомненно, является задача совершенствования законодательства в области охраны памятников. В современных экономических условиях правовая база далеко не всегда эффективна при защите наследия, не до конца соответствуя объективно сложившимся задачам его сохранения и некоторым положениям принятых Россией международных актов.

Многие европейские страны в своем законодательстве стали прописывать нормы, создающие реальный механизм физического сохранения археологических объектов и дающие возможность изменить существующие проекты. Такой подход декларируется в Конвенции Совета Европы об охране археологического наследия (мальтийская конвенция) (ETS № 66), подписанной государствами-членами Совета Европы (1970). В соответствии с ней, если невозможно сохранить объект полностью (законсервировав *in situ*), необходимо провести охранные работы и обеспечить их качество. Например, в Италии действует законодательный декрет

№ 163 “Кодекс о государственных подрядах по работам, услугам и поставкам во исполнение директив 2004/17/СЕ и 2004/18/СЕ”, согласно которому при выявлении археологических комплексов, чья сохранность не может быть обеспечена иначе, как полным сохранением на месте, Министерство культуры может начать процедуру по отнесению всего района под охрану как представляющего культурную ценность.

Крайне важны изменения в законодательстве, которые помогут предотвратить незаконные раскопки и разграбление памятников “черными” копателями, ставшими настоящим бедствием в последнее десятилетие.

Специалисты отдела охранных раскопок ИА РАН активно выступают за выработку новых норм охраны культурного наследия в законодательстве РФ и призывают к их широкому обсуждению в печати, а также (в качестве экспертов и участников рабочих групп) непосредственно участвуют в подготовке предложений для усовершенствования законодательства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Албегова З.Х., Верещинский-Бабайлов Л.И. Раннесредневековый могильник Мамисондон. Результаты археологических исследований 2007–2008 гг. в зоне строительства водохранилища Зарамагских ГЭС. М., 2010 (Материалы охранных археологических исследований; Т. 11).
- Армарчук Е.А., Мимоход Р.А. Новоявленный христианский храм X–XI веков на территории России // Новейшие открытия в археологии Северного Кавказа: Исследования и интерпретации. XXVII Крупновские чтения. Махачкала, 2012.
- Археология древнего Ярославля: загадки и открытия (по материалам Ярославской экспедиции ИА РАН). М., 2012.
- Афанасьев Г.Е., Александрова М.В. Сектор охранных раскопок в 1982–1984 гг. // КСИА. 1986. Вып. 188.
- Беловранин А. Археологический гешефт // “Новая газета” в Санкт-Петербурге. 2012. № 35 (<http://www.novayagazeta.spb.ru/2012/35/4>).
- Виноградов И.Д. Застройка и планировка от площади Революции до Старой площади (по трассе II очереди Московского метрополитена) // МИА. 1947. № 7.
- Конвенция Совета Европы об охране археологического наследия (мальтийская конвенция) (ETS № 66), 1970.
- Краснов Ю.А. Археологическая служба Института археологии АН СССР на новостройках // КСИА. 1980. Вып. 163.

- Кулешова М.Е.* Культурный ландшафт и археологическое наследие в их правовом и онтологическом взаимодействии // Наследие и современность: Информационный сб. Вып. № 18. М., 2012.
- Мимоход Р.А.* Курганы эпохи бронзы – раннего железного века в Саратовском Поволжье: характеристика и культурно-хронологическая атрибуция комплексов / Отв. ред. А.В. Энговатова. М., 2009 (Материалы охранных археологических исследований; Т. 10).
- Мунчаев Р.М.* Институт археологии РАН и развитие охранной археологии в России (вместо предисловия) // 30 лет Отделу охранных раскопок. Тула, 2004 (Тр. отдела охранных раскопок; Т. 2).
- Положение о порядке проведения археологических полевых работ (археологических раскопок и разведок) и составления научной отчетной документации. М., 2007.
- Самойлович Н.Г.* Конюшенный раскоп в Ростове Великом: Результаты охранных археологических исследований 2001–2005 гг. М., 2007 (Материалы охранных археологических исследований; Т. 9).
- Смирнов А.С.* Методические указания по проведению проектных археологических работ в зонах народно-хозяйственного строительства. М., 1990.
- Смирнов А.С.* История отдела охранных раскопок и его роль в фундаментальных исследованиях // 30 лет Отделу охранных раскопок. Тула, 2004 (Тр. отдела охранных раскопок; Т. 2).
- Смирнов А.С., Энговатова А.В.* Роль отдела в разработке теории охранной деятельности // 30 лет Отделу охранных раскопок. Тула, 2004 (Тр. отдела охранных раскопок; Т. 2).
- Сорокина И.А.* Полевые археологические исследования в России в 1946–2006 гг. (по архивным материалам и публикациям). Тула, 2008.
- Энговатова А.В.* Современные тенденции в спасательной археологии Подмосковья (вместо предисловия) // Археология Подмосковья. Вып. 5. М., 2009.
- Энговатова А.В., Коваль В.Ю.* Мякининский комплекс памятников археологии // Археология Подмосковья. Вып. 3. М., 2007.
- Bors C.* Lost in transition: the archaeologist in contemporary Romania // Abstract. 17th Annual Meeting. Oslo, 2011.
- Demoule J.P.* Scientific quality control and the general organization of French archeology // Quality Management in Archaeology / Eds Willem J.H. Willems and Monique H. van den Dries. Oxford, 2007.
- Demoule J.P.* The crisis – economic, ideological, and archaeological // Archaeology and the global economic crisis – multiple impacts, possible solutions / Eds N. Schlanger, K. Aitchison. Paris, 2010.
- Engovatova A.V.* The impact of the economic crisis on rescue archaeology in Russia // Archaeology and the global economic crisis multiple impacts, possible solutions / Eds N. Schlanger, K. Aitchison. Paris, 2010.
- Filipowicz P.* Archaeological profession in contemporary Poland // Abstract. 17th Annual Meeting. Oslo, 2011.
- Quality Management in Archaeology / Eds Willem J.H. Willems, Monique H. van den Dries. Oxford, 2007.
- Report on the situation of urban archaeology in Europe. Council of Europe Publishing. Germany, 1999.
- van den Dries M.* Recent developments in the archaeological profession in the Netherlands // Abstract. 17th Annual Meeting. Oslo, 2011.

НОВАЯ НАХОДКА ВИЗАНТИЙСКОГО СЕРЕБРЯНОГО СОСУДА С КЛЕЙМОМ В ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ

© 2012 г. В.Е. Родинкова

Институт археологии РАН, Москва (vlasta2004@mail.ru)

Ключевые слова: раннее средневековье, Поднепровье, византийское серебро, клейма.

The stamp which is the topic of the present article is on a fragment of a small silver plate, 18–20 cm in diameter at the rim and 4 cm at the bottom. The three fragments of the plate are part of the hoard which has been found in 2009 on the territory of the *sloboda* of Zamostye (in modern Sudzha, Kursk Oblast). The hoard belongs to early medieval Dnieper hoards, group I, deposited in the third quarter of the 7th c. The stamp consists of three lines of Latin letters in a rectangle. V.N. Zaleskaya is of the opinion that it belongs to the series of irregular stamps which date on the whole to the 7th c., and that the inscription contains the name of Constantine IV (668–685). Thus, the fragment of the stamped plate from Sudzha-Zamostye is the first find which can allow direct identifying of the absolute chronology for early medieval antiquities in the Dnieper region. It defines the *terminus post quem* for the hoards which belong to group I and confirms their dates that were suggested on the basis of a relative chronological scheme. In the Dnieper region, stamped Byzantine silver items have been found among the grave goods from Bolshoi Kamenets and Pereschepino, where representatives of the barbarian aristocracy were buried, in the cult assemblage from Voznesenka, and in the Martynovka hoard which is one of the richest and most representative early medieval Dnieper hoards. The context of the finds allows assuming that the fragments of the stamped plate in the hoard from Sudzha-Zamostye points to the special status of the assemblage. Finally, the relatively quick transportation of the plate to the far periphery of the Byzantine Empire indicates that objects of material culture, and, consequently, its bearers, were able to travel quite rapidly, and to cross the ethnic, political and other borders that existed in the early Middle Ages.

Клейменные изделия византийского производства на территории Восточной Европы не так уж редки. Тем не менее каждая новая находка привлекает пристальное внимание исследователей. Клеймо – это возможность хронологического определения отдельных предметов и комплексов, маркер направления связей населения того или иного региона, показатель включенности территории, на которой сделана находка, в орбиту византийского влияния, опосредованный источник информации о социально-экономических, этнических, политических, культурных и иных процессах, об уровне развития конкретных человеческих коллективов и многое другое. Однако первым этапом научного осмысления таких находок является их введение в научный оборот. Именно эту цель преследует настоящая публикация.

Клеймо, о котором пойдет речь, было обнаружено на фрагменте металлического сосуда из клада, найденного осенью 2009 г. в пойме левого берега р. Суджа (правый приток р. Псел, левого притока р. Днепр), на территории слободы Замостье в пределах современного г. Суджа Курской обл. Клад поступил на хранение в Суджанский районный краеведческий музей.

Рассматриваемый комплекс включает более 520 предметов из металла, стекла, камня. В основном это украшения и аксессуары мужского и женского костюмов: пряжки, ременные наконечники и накладки, выполненные в так называемом геральдическом стиле, фибулы, шейные гривны, браслеты, височные кольца, подвески различных типов, цепочки, пронизки, бусы и др. Значительная их часть сломана. В клад входят также изделия, связанные с воинским снаряжением (накладки на Р-образные скобы и, возможно, металлические обкладки ножен мечей или кинжалов). Особенность комплекса из Суджи-Замостья – наличие в его составе большого количества металлического лома и фрагментов вещей, внешний вид и назначение которых зачастую установить уже невозможно. Указанная особенность служит одним из аргументов в пользу ремесленного характера клада.

Найденные в Судже-Замостье вещи имеют различную хронологическую и культурную атрибуцию, некоторые датируются второй половиной V – VI и даже второй половиной II – III в. Однако большая их часть представляет собой украшения и предметы убора так называемого мартыновского круга или “древности антов” I группы по О.А. Щег-

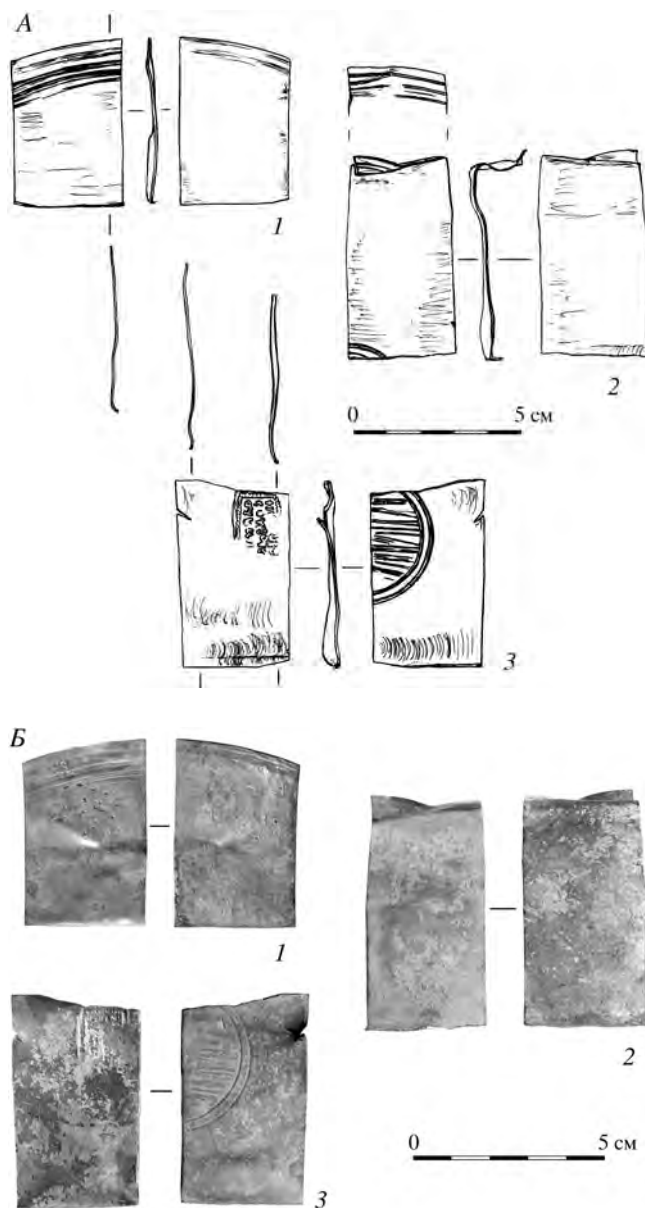

Рис. 1. Фрагменты византийского серебряного блюда. Клад из Суджи-Замостья. А – рисунок В.Е. Родинковой; Б – фото С.В. Ольховского.

ловой, распространенные в Среднем Поднепровье и на Днепровском Левобережье с конца VI/рубежа VI–VII до середины/третьей четверти VII в. (Гаври-тухин, 1996; Гаври-тухин, Обломский, 1996. С. 146). На этом основании рассматриваемый комплекс может быть причислен к раннесредневековым днепровскимкладам I группы, таким как Мартыновский, Гапоновский, Трубчевский и др.

Среди всего многообразия материалов Суджанско-Замощанского клада обращают на себя внимание три фрагмента металлического сосуда,

вероятно, небольшого блюда светло-серого цвета (рис. 1). Анализ металла, проведенный по методу оптико-эмиссионной спектрографии¹, показал, что сосуд был изготовлен из сплава с весьма высоким содержанием серебра, которое сопровождалось лишь сравнительно небольшим количеством меди (8.2–8.5%) и свинца (8.8–10%), а также незначительной примесью висмута (0.2–0.3%). Изделие было разрезано на части в древности.

Первый фрагмент (рис. 1А, Б, 1) имеет форму, близкую к прямоугольной трапеции, размеры – 42–49 × 31–32 мм, толщину – 0.5. Одна из коротких сторон плавно закруглена – вероятно, это край блюда. На противоположной стороне у кромки заметна царапина – след режущего инструмента. На лицевой поверхности изделия вдоль закругленного края имеются несколько выпуклых линий шириной 1.5–2 мм, составлявших, по-видимому, рельефный орнамент сосуда. На обороте рельефный орнамент не прослеживается, однако на поверхности металла вдоль закругленного края заметны неровные полосы более темного, чем все изделие, серого цвета.

Второй фрагмент (рис. 1А, Б, 2) также имеет форму, близкую к прямоугольной трапеции, одна из сторон которой плавно закруглена. Закругленный край деформирован, противоположный слегка загнут. Реконструируемая длина обломка – 67–75 мм, ширина – 29–31.5, толщина – 0.05. Вдоль закругленного края на лицевой стороне, как и у первого фрагмента, заметны несколько выпуклых линий. На противоположном краю слабо видны две вписанные друг в друга дуги небольшой длины, очевидно, отмечающие дно блюда.

Третий фрагмент (рис. 1А, Б, 3) имеет неправильно-прямоугольную форму, размеры – 50.5–55 × 32–33 мм, толщину – 0.5–1.5. Вдоль краев и на лицевой поверхности, и на обороте фиксируются следы режущего инструмента в виде прочерченных или процарапанных линий. На одной из длинных сторон есть небольшой надрез, возле которого металл загнулся, образовав своеобразный “заусенец”. На лицевой поверхности имеются две вписанные друг в друга углубленные дугообразные линии шириной около 1 мм – части окружностей, очевидно, обозначающих дно сосуда. Внутри ограниченного этими дугами пространства видны полосы неровных очертаний, которые не выделяются в рельефном отношении, но имеют более темный по сравнению с остальной поверхностью предмета цвет. Они аналогичны полосам на обороте внешнего края

¹ Анализ проведен в Лаборатории археологической технологии ИИМК РАН заведующим, канд. техн. наук А.Н. Егорьевым.

первого фрагмента. В районе дна толщина сосуда увеличивается.

Все три фрагмента покрыты плотной патиной темно-серого, иногда синеватого или бурого цвета, их поверхность местами исцарапана.

По-видимому, рассматриваемые артефакты представляют собой части небольшого плоского блюда, вернее, блюдца с диаметром внешнего края – приблизительно 18–20 см и диаметром дна – 4. Вдоль края оно было сравнительно скупо орнаментировано несколькими рельефными концентрическими окружностями.

На оборотной стороне третьего фрагмента, на дне блюда, имеется клеймо (рис. 2 и цветная вклейка № 2). Оно было исследовано ведущим научным сотрудником Государственного Эрмитажа (ГЭ) д-ром искусствоведения В.Н. Залесской. По ее мнению, клеймо представляет собой трехстрочную надпись, заключенную в прямоугольную рамку. Рамка имеет вид “рубчатой” каймы. Надпись выполнена латинскими буквами, в каждой строке, по-видимому, было по восемь букв. Клеймо частично повреждено; возможно, его нанесли на блюдо перед окончательной отделкой, в процессе которой многие буквы оказались уничтожены.

В.Н. Залесская предлагает следующее прочтение надписи:

+dN[OSTCON]
S[TA]NT[I]N[U]
CΨ . Z . AUG

Реконструировать надпись в целом можно как “d[ominus] N[oster] [CON]S[TA]NT[I]N[U]S P[ER] P[E]T[UUS] AUG[USTUS] (Господин наш Константин бессменный (=многие лета) Август)”. В.Н. Залесская предполагает, что речь идет о Константине IV (668–685).

Клейма, полностью аналогичные найденному на фрагменте блюда в Судже-Замостье, неизвестны. Наиболее близкими ему В.Н. Залесская считает клейма на двух ложках из Новобаязета (бывшая Ереванская губ., Армения) (рис. 3, 1, 2) (Dodd, 1961. № 96, 97). Э. Додд реконструирует надписи на них следующим образом:

+dNCONST
ANTIN[CHS]
.. PPAVG
[dN]CON[ST]
[AN]TIN[CHS]
.. PPAV[G]

Эти надписи, по мнению Э. Додд, могут содержать как имя Константа II (641–668), так и

Рис. 2. Клеймо на фрагменте византийского серебряного блюда. Клад из Суджи-Замостья (фото С.В. Ольховского).

Константина IV (668–685). Первый вариант исследовательница считает более вероятным, указывая, что клейма из Новобаязета демонстрируют значительное сходство с образцами времен правления Ираклия (613–641) (Dodd, 1961. Р. 263, 264). Новобаязетские находки наряду с клеймами на блюде с крестом из Хама (Нама, Сирия) (рис. 3, 4), на фигуре орла из Вознесенки, а также на небольшом плоском блюде из коллекции ГЭ, на котором определяется клеймо Ираклия (рис. 3, 3) (Dodd, 1961. № 94, 95, 98), образуют серию похожих оттисков, представляющих собой трехстрочные надписи латинскими буквами в прямоугольных рамках. Э. Додд относит их к группе иррегулярных и датирует в целом VII в., отмечая, что они отличаются от традиционных императорских клейм, наносившихся на изделия в мастерских Константинополя. Вместе с тем клейма типа новобаязетских формируют достаточно большую и однородную серию, которая может свидетельствовать о существовании альтернативной системы контроля за качеством серебра, синхронной официальной имперской системе. Возможно, рассматриваемая группа клейм имеет локальную специфику (Dodd, 1961. Р. 19).

Кроме блюда из Суджи-Замостья на территории Поднепровья известны и другие находки византийских клейменых изделий. Так, в 1918 или 1919 г. у с. Большой Каменец Большесолдатского р-на Курской обл., в верхнем течении р. Суджа был обнаружен ряд вещей, входивших, очевидно, в инвентарь богатого “княжеского” погребения, и среди них – серебряный позолоченный кувшин, украшенный

Рис. 3. Клейма на византийских серебряных изделиях. 1, 2 – Новобаязет (1 – ложка “А”; 2 – ложка “В”); 3 – коллекция ГЭ, блюдо; 4 – Хама (Нама), блюдо с крестом; 5, 6 – Большой Каменец, находка 1, кувшин. 1–4, 6 – по: Dodd, 1961; 5 – по: Мацулевич, 1934.

рельефными изображениями девяти муз (рис. 3, 5). На его дне имеется клеймо, нанесенное дважды (рис. 3, 6). Л.А. Мацулевич определил, что клеймо представляет собой изображение сидящей фигуры, держащей сферу, и предположил, что кувшин был изготовлен в Константинополе на рубеже IV–V вв. (1934. С. 30–34. Табл. I–VI)². С его мнением согласилась Э. Додд, отнесшая клеймо к концу IV или V в. (Dodd, 1961. № 84). Кувшин является одним из оснований датировки погребения в Большом

Каменце, время совершения которого определяется как рубеж IV–V – первая половина V в. (Мацулевич, 1934. С. 34, 47, 52 и др.; Гавритухин, 2007. С. 37).

В 1912 г. у с. Малое Перещепино Константиновградского уезда Полтавской губ., в бассейне р. Ворскла было найдено знаменитое Перещепинское сокровище. По мнению большинства исследователей, это погребальный инвентарь богатого кочевнического захоронения, возможно, хана Великой Болгарии Кубрата. В составе коллекции, хранящейся в ГЭ, имеются пять серебряных сосудов с клеймами константинопольских мастерских, относящихся к трем хронологическим периодам. Самые ранние – так называемое блюдо Патерна (рис. 4, 1) и амфора. На блюде фиксируются четыре клейма Анастасия I (491–518) (рис. 4, 2–5) и надпись епи-

² Ввиду невозможности представить в настоящей статье даже краткий обзор обширной литературы, посвященной изучению находок из Большого Каменца, Перещепино и других рассматриваемых материалов, ссылки приведены только на основные работы, непосредственно связанные с предметом исследования.

Рис. 4. Клейма на византийских серебряных изделиях из Поднепровья. Перещепинский комплекс. 1–5 – блюдо Патерна; 6–8 – ковш и кувшин, набор для умывания. 2–5, 7, 8 – по: Dodd, 1961; 1, 6 – по: Съкровище на хан Кубрат, 1989.

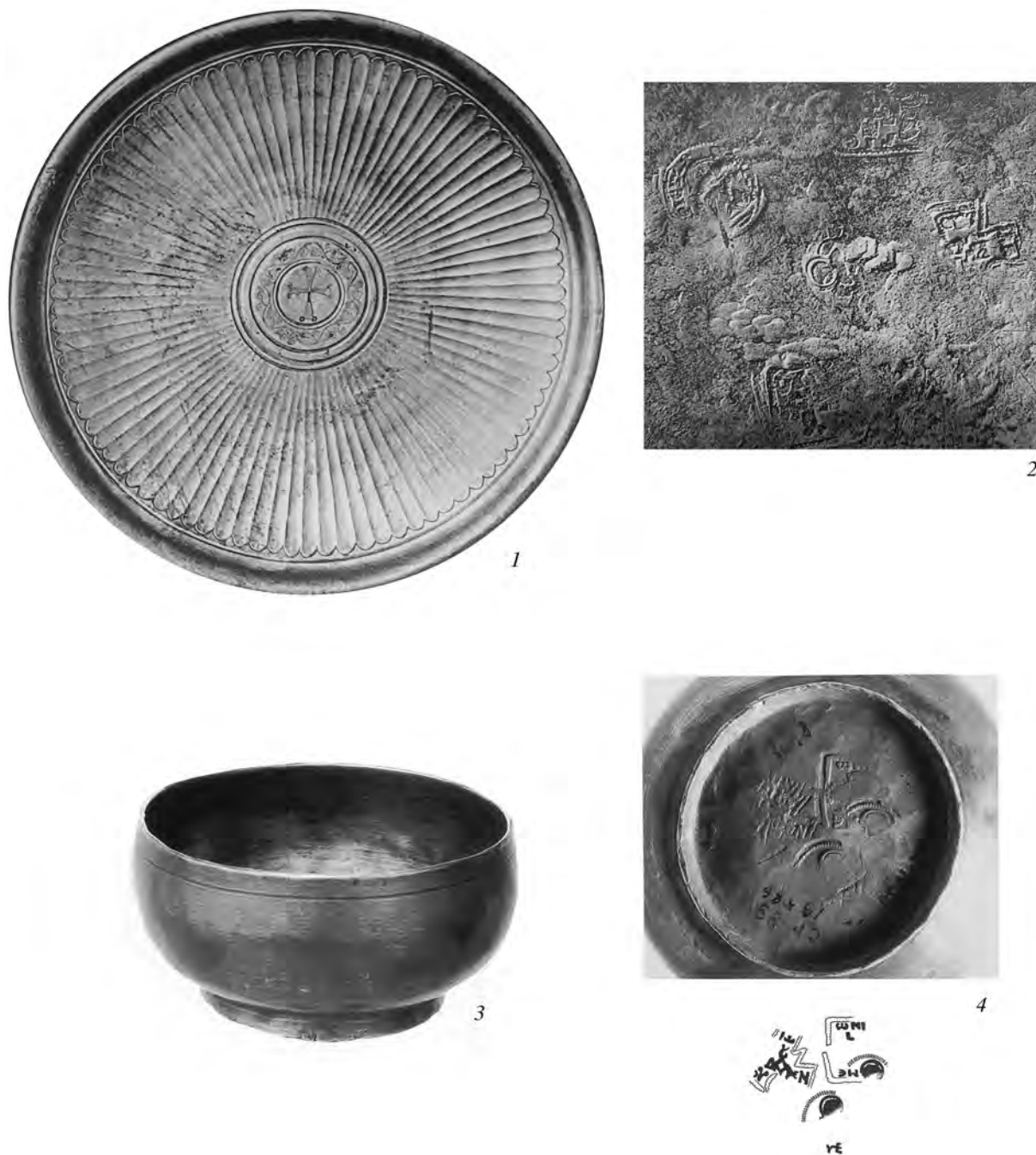

Рис. 5. Клейма на византийских серебряных изделиях из Поднепровья. 1, 2 – Перещепинский комплекс, блюдо с крестом (по: Dodd, 1961); 3, 4 – Мартыновский клад (по: Pekarskaja, Kidd, 1994).

скопа г. Тома (современный г. Констанца в Румынии) Патерна, реставрировавшего его в начале VI в. Пробирные знаки, отмеченные на амфоре, читаются плохо, однако их морфологические особенности свидетельствуют об относительно ранней позиции, занимаемой ими в императорских сериях клейм (Dodd, 1961. Р. 225). Такие штампы употреблялись как при Анастасии I, так и при Юстиниане I (527–

565). Во вторую хронологическую группу входят ковш и кувшин, составляющие набор для умывания (рис. 4, 6), с клеймами императоров Тиберия II Константина (578–582) и Маврикия (582–602) (рис. 4, 7, 8). Наиболее позднее блюдо – с изображением креста (рис. 5, 1), изготовленное, судя по клеймам (рис. 5, 2), во втором периоде правления Ираклия (629/30–641) (Dodd, 1961. № 2, 30, 31, 73, 79; За-

лесская, 1997. С. 74, 75. № 27–30). По мнению специалистов, драгоценные серебряные украшенные позолотой или чернью сосуды, во всяком случае датируемые временем Тиберия, Маврикия и Ираклия, могли попасть в Перещепинский комплекс в составе дипломатических византийских даров (Залесская, 1997. С. 74, 75). Наряду с другими предметами они свидетельствуют о высоком социальном и имущественном статусе погребенного.

В 1929 г. вблизи с. Вознесенка (в черте современного г. Запорожье) на территории Днепровского Надпорожья был исследован необычный археологический памятник, который предложено интерпретировать как культовый, возможно, поминальный комплекс (Амброз, 1982). Анализ материалов позволил причислить его к памятникам перещепинского горизонта. При раскопках было найдено около 1600 вещей, в том числе серебряная фигурка орла, которая могла быть навершием знамени или штандарта. На фигурке имеются два клейма и одна выгравированная монограмма (Гринченко, 1950. С. 45, 47, 48. Рис. 5). Одно из клейм, как уже было отмечено, аналогично клейму на фрагменте блюда из Суджи-Замостья и представляет собой трехстрочную надпись в прямоугольной рамке, прочесть которую, однако, не представляется возможным. По аналогии с другими подобными находками Э. Додд датирует клейма из Вознесенки VII в. (Dodd, 1961. № 95).

Известны серебряные изделия византийского производства и среди “древностей антов” I группы. В 1907 г. у с. Мартыновка бывшего Каневского уезда Киевской губ., в бассейне р. Рось на правом берегу Среднего Днепра был найден клад. По количеству и качеству входящих в него вещей это один из самых богатых и представительных днепровских раннесредневековых кладов I группы, ставший для данного массива памятников эпонимным. Время сокрытия Мартыновского сокровища, как и остальных комплексов такого типа, определяется в рамках третьей четверти VII в. В нем, однако, присутствуют и более ранние предметы, в частности, небольшая серебряная чаша (диаметр по верхнему краю – 8,4 см, высота – 4,4) (рис. 5, 3), на дне которой читаются пять клейм императора Юстина II (565–578) (рис. 5, 4). Наиболее вероятная дата ее изготовления, точнее, клеймения – 577 г. (Dodd, 1961. № 23; Mango, 1994. S. 36–38; Pekarskaja, Kidd, 1994. № 99. Taf. 47–50). В литературе иногда высказывается мнение, что чаша, как и другие изделия византийского происхождения, является военным трофеем – свидетельством участия днепровских славян в походах на Византию (см., например: Приходнюк и др., 1991. С. 78).

Важно, что перечисленные находки существуют в сходном культурном контексте. Все они происходят из комплексов, причем комплексов не рядовых: захоронений представителей высшего слоя варварской аристократии, возможно, особ царского ранга; культового объекта; клада, выделяющегося на фоне синхронных древностей размерами и богатством. Вероятно, такая ситуация неслучайна: византийские серебряные изделия, дорогие и редкие для Поднепровья вещи, были “статусными” предметами, призванными подчеркнуть высокое социальное и имущественное положение своих владельцев либо особый характер комплексов, в которые они помещались.

В связи с находкой из Суджи-Замостья выдвинутое предположение представляет особый интерес, поскольку речь идет об одном из трех кладов, зафиксированных на небольшом участке в нижнем течении р. Суджа при впадении ее в р. Псел. Такая концентрация в целом нехарактерна для “древностей антов” I группы и рассматривается как свидетельство существования в суджанском регионе в VII в. одного из центров власти днепровского племенного объединения, специфичный узор которого отразился в комплексах “мартыновского” круга³ (Кашкин, Родинкова, в печати). Второй подобный центр мог сформироваться в бассейне р. Рось, где также отмечено скопление кладов и отдельных находок “древностей антов”. Показательно, что из Поросья происходит упоминавшийся выше Мартыновский клад, содержащий серебряные изделия византийского производства.

До сего дня собственных оснований для абсолютного датирования “древности антов” не имели. Представления о временных рамках их существования базируются на относительно-хронологической схеме, созданной И.О. Гавритухиным на обширном материале из ряда регионов Европы, где известны аналогии днепровским вещам. Наиболее узко датируемые изделия мартыновского круга занимают в этой схеме позиции, соответствующие второй-третьей четвертям VII в., время сокрытия кладов I группы И.О. Гавритухин определил в рамках третьей четверти VII в. (1996. С. 95). Фрагмент сосуда с клеймом из Суджи-Замостья – первая находка, позволяющая напрямую соотносить рассматриваемые древности с абсолютной хронологической шкалой. Она устанавливает *terminus post quem* выпадения днепровских раннесредневековых

³ По-видимому, какие-то особенности данного региона делали его привлекательным для элиты не только в VII в., но и в более раннее время, на что указывают “княжеские” погребения из Большого Каменца в верховьях Суджи и другие материалы.

кладов I группы и в целом подтверждает датировку, предложенную И.О. Гавритухиным.

Судя по имеющимся данным, можно предполагать, что от момента изготовления и клеймения серебряного блюда в мастерской Константинополя или, не исключено, другого центра византийской державы до момента попадания его во фрагментированном виде в клад в глубине “варварского” Днепровского Левобережья прошел сравнительно короткий промежуток времени. Это говорит о высокой скорости взаимодействия между центрами европейской цивилизации и отдаленной, по нашим представлениям, периферией и проницаемости этнических, культурных, политических и иных границ эпохи раннего средневековья.

Выражаю В.Н. Залесской глубокую благодарность за атрибуцию клейма и любезные консультации, оказавшие значительную помощь при работе над статьей.

Статья написана при поддержке РГНФ, в рамках выполнения проекта “Древности эпохи Великого переселения народов на р. Суджа: комплексное изучение региона” № 12-01-00266.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Амброз А.К.* О Вознесенском комплексе VIII в. на Днепре – вопрос интерпретации // Древности эпохи Великого переселения народов V–VIII вв. М., 1982.
- Гавритухин И.О.* Датировка днепровских кладов первой группы методом синхронизации с древностями других территорий // Гавритухин И.О., Обломский А.М. и др. Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст. М., 1996 (Раннеславянский мир; Вып. 3).
- Гавритухин И.О.* Комплексы элиты V в. // Восточная Европа в середине I тыс. н.э. М., 2007 (Раннеславянский мир; Вып. 9).
- Гавритухин И.О., Обломский А.М.* Днепровское Левобережье на заре средневековья: динамика историко-культурных процессов и клад // Гавритухин И.О., Обломский А.М. и др. Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст. М., 1996 (Раннеславянский мир; Вып. 3).
- Гринченко В.А.* Пам’ятка VIII ст. коло с. Вознесенки на Запоріжжі // Археологія. 1950. Т. III.
- Залеская В.Н.* Византийские дары // Сокровища хана Кубрата. СПб., 1997.
- Кашкин А.В., Родинкова В.Е.* Памятники Суджанского региона эпохи Великого переселения народов // Верхнедонской археологический сборник. Вып. 5. Липецк, в печати.
- Мацулевич Л.А.* Погребение варварского князя в Восточной Европе. Новые находки в верховье реки Суджи. М.; Л., 1934.
- Приходнюк О.М., Шовкопляс А.М., Ольговская С.Я., Струина Т.А.* Мартыновский клад // МАИЭТ. 1991. Вып. II.
- Съкровище на хан Кубрат. Култура на българи, хазари, славяни. София, 1989.
- Dodd E.C.* Byzantine silver stamps. Washington, D.C., 1961 (The Dumbarton Oaks Research Library and Collection).
- Mango M.M.* Die drei byzantinischen Silbergefäße und der Löffel. Bemerkungen // Pekarskaja L.V., Kidd D. Der Silberschatz von Martynovka (Ukraine) aus dem 6. und 7. Jahrhundert. Innsbruck, 1994.
- Pekarskaja L.V., Kidd D.* Der Silberschatz von Martynovka (Ukraine) aus dem 6. und 7. Jahrhundert. Innsbruck, 1994.

ИСТОРИЯ НАУКИ

К 100-ЛЕТИЮ XV АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО СЪЕЗДА В НОВГОРОДЕ

© 2012 г. П.Г. Гайдуков*, Н.Н. Жервз**

* Институт археологии РАН, Москва

** Санкт-Петербургский государственный университет

Всероссийские археологические съезды (ВАС), проводившиеся по инициативе Московского археологического общества (МАО) с завидной регулярностью с 1869 по 1911 г., сыграли важную роль в становлении археологической науки в России. Являясь значительными вехами в развитии отечественной археологии, они определяли круг теоретических и практических вопросов, связанных с региональными и общерусскими археологическими исследованиями. В июле 2011 г. исполнилось 100 лет со дня проведения XV АС в Новгороде, который оказался последним в дореволюционной России.

О съезде свидетельствуют разные источники. В первую очередь это научные печатные издания времени подготовки и проведения съезда (Правила, 1909; Труды Московского..., 1911; Известия..., 1911; XV ВАС. Каталог выставки, 1911; XV ВАС. Дополнение к каталогу, 1911; Каталог выставки, 1911; Дополнение к каталогу, 1911), а также изданные позже фундаментальные двухтомные труды, включающие статьи, материалы, аннотации докладов и протоколы, документирующие ход его проведения (1914; 1916). Хроника работы съезда подробно освещалась в центральной и провинциальной прессе, а также в газетах «Новгородская жизнь» и «Волховский листок». Отклики на него помещены более чем в 90 периодических изданиях. Важными источниками, передающими живое дыхание и атмосферу археологического форума 100-летней давности, являются отчеты и воспоминания, а также дневниковые записи его участников (Герасимов, 1912; Крылов, 1912; Яхонтов, 1912; Пришвин, 2007. С. 598–606; Тарабрин, 2011; Российская археологическая литература, 2003. С. 19, 20. № 297–340). Не меньший интерес для истории подготовки и проведения XV ВАС имеют и архивные документы, хранящиеся в Уваровском фонде в Государственном историческом музее (ОПИ ГИМ. Ф. 17), в фонде Новгородского общества любителей древностей (НОЛД), в Новгородском музее (ОПИ НГОМЗ. Ф. 6) и других архивохранилищах.

Летом 1908 г. на XIV АС в Чернигове в качестве возможных мест проведения следующего съезда

были намечены Крым (Севастополь или Симферополь), Холм Люблинской губ. и Новгород. Вопрос об избрании именно Новгорода местом проведения очередного съезда был решен уже в январе 1909 г. на заседании Московского предварительного комитета по устройству XV АС (МПК). Из Новгорода прибыла солидная делегация во главе с губернатором П.П. Башиловым, городским головой А.А. Соловьевым и Председателем НОЛД М.В. Муравьевым. Прибывшие отметили важность обследования новгородского края в историческом и археологическом отношении для русской науки и заверили, что ими будут приложены все силы для того, чтобы успешно провести съезд. Было сообщено, что В.П. Ласковским написан путеводитель по Новгороду, готовится историко-археологическая карта Новгородской земли, а город уже выделил 1000 руб. для проведения съезда.

Предыдущие съезды, как правило, посвящались археологическому обследованию южных или центральных регионов России и проводились в Москве, Киеве, Казани, Тифлисе, Одессе, Ярославле, Харькове, Екатеринославе, Чернигове. Дважды съезды проходили в Прибалтийских губ. Российской империи – в Вильно и Риге.

На этот раз, впервые в истории проведения съездов, предпочтение было отдано изучению древностей Северо-Запада России в целом и Новгородской земли в частности.

МПК проделал большую подготовительную работу: уточнил организационные и программные моменты, определил основной круг вопросов предстоящего съезда. Было намечено 23 доклада и 74 вопроса, предлагавшихся к обсуждению. Специально к съезду, помимо двух томов Трудов Московского предварительного комитета, было издано несколько книг и сборников статей (Труды, 1914. Протоколы. С. 187, 188).

Основная ответственность за практическую подготовку и проведение XV АС легла на плечи Новгородского предварительного комитета (НПК) и НОЛД. В НПК вошло 63 человека, в том числе

23 члена НОЛД. Комитет возглавил губернатор Новгорода П.П. Башилов, много сделавший для подготовки съезда, однако в самом мероприятии он участвовать не смог, поскольку в мае 1911 г. выехал на новое место службы – в Уфу. За два года работы комитет собирался 32 раза, обсуждая самые разнообразные организационные и научные вопросы. Было издано четыре сборника НОЛД с материалами, документами и сообщениями по истории Новгорода; завершилось издание “Новгородики” и “Путеводителя по Новгороду” В.П. Ласковского (1908; 1910); появилась книга И.С. Романцева “О курганах, городищах и жальниках Новгородской губернии” (1911). В 1910 г. в городе были организованы публичные курсы по местной истории, а накануне съезда, в мае 1911 г., по инициативе НОЛД открылась школа гидов, где лекции о новгородских древностях слушали старшеклассники и учащиеся высших учебных заведений.

В 1910–1911 гг. по заданию НПК в ряде уездов Новгородской губ. А.И. Анисимовым, П.И. Дворянским, Л.Н. Целепи, М.В. Муравьевым и И.В. Аничковым было обследовано более 400 церквей и помещичьих усадеб для выявления и описания церковной и гражданской старины.

В эти же годы в Новгородской губ. предпринимались археологические разведки и раскопки, результаты которых дополнили сведения о новгородских курганах и жальниках. Летом 1910 г. Н.К. Рерих и Н.Е. Макаренко провели небольшие раскопки на Рюриковом городище и в Новгородском кремле. Но в целом эти работы не дали значительных результатов.

Серьезным образом подошел НПК к подготовке традиционной для археологических съездов выставки. От монастырей, церквей и владельцев усадеб к июлю 1911 г. были получены 1640 разнообразных предметов в 281 ящике. Еще 300 вещей предоставили различные частные лица и учреждения. Выставка состояла из двух отделов (древности первобытные, гражданского и военного быта, а также древности церковные) и была размещена в нескольких зданиях. Каталоги выставки дают представление о составе собранных материалов. Публика, приезжавшая на съезд, могла познакомиться с коллекцией Новгородского музея древностей в Кремле. Специально к съезду были открыты две выставки – художника Е. Псковитинова на Легощей улице, посвященная новгородскому зодчеству, и А.Ф. Глазачева в доме на улице Знаменской, где экспонировались сделанные им фотоснимки видов Новгорода, церквей и различных церковных древностей.

XV АС в Новгороде работал с 22 июля по 4 августа. В город прибыли 156 депутатов, командированных от 96 научных учреждений, высших учебных заведений, духовных академий, музеев, ученых обществ, комитетов, архивных и других комиссий. Кроме них насчитывалось еще 250 участников, включая более сотни новгородцев. Это были люди, участвовавшие в съезде по собственному желанию, и представители прессы. Таким образом, всего на съезде было зарегистрировано около 400 человек. Для сравнения отметим, что предыдущий XIV съезд насчитывал 281 человека, среди которых было 125 депутатов. С.Д. Яхонтов позже отмечал: “Постоянных членов съезда насчитывалось около 150. Остальные приезжали в Новгород на короткий срок, иногда всего лишь на день-два” (1912. С. 113). Следует отметить, что с работой съезда совпало проведение учительских курсов в Новгороде, было организовано несколько экскурсий для учителей, учеников, а также для рабочих. Часть этой публики охотно посещала заседания съезда.

Понятие “археология” в дореволюционной российской науке включало в себя изучение любых отечественных древностей. На археологические съезды выносились доклады разных исторических и филологических дисциплин: археологии, археографии, этнографии, архивоведения, исторической географии, нумизматики, фольклористики, языковедения. Широко практиковалось на съездах изучение византийских и древнерусских церковных древностей: архитектуры, иконописи, монументальной живописи и прикладного искусства.

Новгородский съезд собрал исследователей, представлявших различные регионы европейской части Российской империи (более 40 городов), а также Прибалтийские губернии (7 чел.) и Финляндию (4 чел.). Наибольшее количество участников прибыло на съезд из Санкт-Петербурга (75 чел.), Москвы (34) и Киева (25). Присутствовали также историки и археологи из Австрии (2), Германии (5), Голландии (1), Польши (4), Франции (1) и Швеции (5). Как уже было сказано выше, заседания съезда посетило более 100 новгородцев (Известия, 1911. С. 175–185). Научный уровень в целом оказался высок: среди депутатов было 42 профессора, представлявших разные отрасли гуманитарных наук. Были представлены почти все российские университеты, за исключением Томского, Юрьевского и только что созданного Саратовского. Однако ведущие археологи из Москвы и Санкт-Петербурга участия в съезде не принимали; не приехали в Новгород и многие петербургские историки, а также представители Императорской археологической комиссии (ИАК). Сказались давние разногласия с

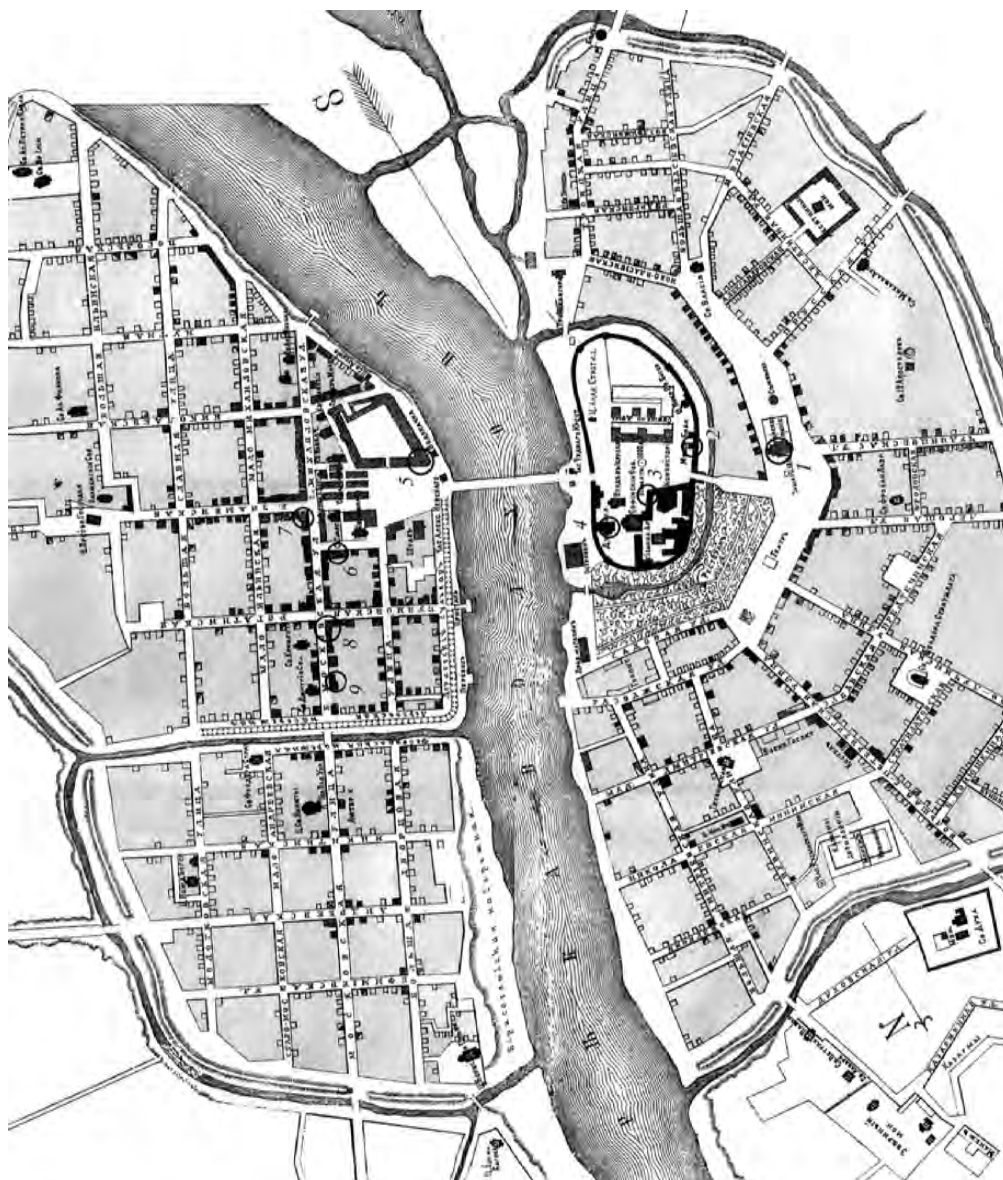

Рис. 1. План г. Новгорода. Начало XX в. (по: Ласковский, 1910). Кружками обозначены места, связанные с проведением XV АС: 1 – губернское Дворянское собрание; 2 – Златоустовская башня кремля – Музей древностей; 3 – запасные покои архиерейского дома; 4 – Духовное училище; 5 – здание новгородского клуба или “соединенного собрания”; 6 – губернаторский дом; 7 – женская гимназия; 8 – гостиница А.А. Соловьева; 9 – мужская гимназия. 1, 5 – места, где проходили заседания съезда; 1–3 – места проведения выставок; 4, 7–9 – места проживания участников; 9 – место, где проходили открытие и закрытие съезда.

Председателем МАО и АС графиней П.С. Уваровой, отличавшейся жестким и авторитарным стилем руководства.

В 1910 г. губернский город Новгород насчитывал 26 500 жителей (Ласковский, 1910. С. 245). Из Москвы или Санкт-Петербурга гости добирались сюда по Николаевской железной дороге, сделав пересадку на узкоколейку на станции Чудово. Путь от Чудова до Новгорода занимал 3 ч. Можно было доплыть до города и по Волхову, выйдя на железно-

дорожной станции “Волхово” и пересев на паром. Приезжающих встречали гиды и члены бюро съезда. По воспоминаниям участников, в Новгороде в эти дни стояла очень жаркая погода.

Делегатов съезда бесплатно расселили в различных учебных заведениях Новгорода: в духовном училище в Кремле, в мужской и женской гимназиях, а также в реальном училище на Торговой стороне. Иностранцев разместили в здании Дворянского собрания на Софийской площади. Некоторые участ-

Рис. 2. Значок XV АС в Новгороде, принадлежавший графине П.С. Уваровой, цвета кокарды – черный, красный и белый (Отдел нумизматики ГИМ). Фото П.Г. Гайдукова, июль 2011 г.

ники останавливались в гостиницах, в том числе в лучшей в городе гостинице А.А. Соловьева на Московской улице (рис. 1).

Заседания съезда проходили в основном в помещениях Дворянского собрания, а также в здании новгородского клуба (“соединенном собрании”) на Торговой площади у городской Думы и в мужской гимназии на Московской улице. Выставки развернули в залах Дворянского собрания, в Музее древностей, в запасных покоях архиерейского дома и во Входоиерусалимском храме в Кремле.

Участником заседаний мог стать любой желающий, заплативший за членский билет 5 руб. Одним из таких рядовых членов был М.М. Пришвин, живший в это время в деревне в Поозерье и оставивший о пребывании в Новгороде интересные записи в дневнике (2007. С. 598–606).

Все члены съезда получили бронзовый ажурный значок с особой матерчатой круглой кокардой, имевшей разную расцветку. Значок с двухцветной кокардой (красно-белой) носили представители бюро съезда. Красная кокарда была у распорядителей, синяя – у депутатов различных учреждений, желтая – у членов съезда, участвующих в нем по собственному желанию (рис. 2; 3). Представители прессы опознавались по белому бантику без значка.

Первое организационное заседание XV АС состоялось в четверг 21 июля 1911 г. в 8 часов вечера в помещении Дворянского собрания. На нем присутствовало более 80 депутатов от раз-

личных учреждений. Они избрали председателя съезда (графиню П.С. Уварову) и его секретаря (В.К. Трутовского), председателя Ученого комитета (Н.Н. Покровского) и его секретарей (В.А. Пархоменко и Н.И. Троицкого), председателя Распорядительного комитета (М.В. Муравьева) и его членов (И.В. Аничкова, А.И. Анисимова, Л.В. Вильконского и Л.Н. Целепи), а также казначея съезда (П.И. Дворянского). Тогда же были выбраны председатели и секретари Отделений, в рамках которых предстояло работать съезду.

Открытие съезда состоялось в пятницу 22 июля в 14 часов в актовом зале Новгородской мужской гимназии им. императора Александра I на Московской улице. Сначала в гимназической церкви архиепископом Новгородским и Старорусским Арсением (Стадническим) был отслужен молебен. Перед богослужением владыка обратился к присутствующим с речью. Вот ее заключительные слова: “Изучение старины показывает нам наряду со светлыми сторонами много и темных сторон прошлого; наряду с правильными путями нашего совершенства – и ложные пути. Чтобы многому поучиться, чтобы избежать ошибок, которые делали наши предки, нужно бережно собирать и хранить осколки этого волшебного зеркала времени, подбирая кусок за куском, составляя одно общее целое – историю нашего края, великой родины и целого мира. Сквозь сумрак веков смотрит на нас Великий Новгород, в котором отобразилось лицо древней святой Руси. Вам предстоит задача открыть перед нашими глазами и сердцами исторические черты этого серь-

езного лица с его мощным духом и поучительным голосом” (Известия, 1911. С. 17).

По поручению министра народного просвещения Л.А. Кассо съезд открыл управляющий Санкт-Петербургским учебным округом Остроумов. Сам министр накануне прислал графине П.С. Уваровой телеграмму следующего содержания: “Приветствую, ваше сиятельство, по случаю открытия Археологического съезда в древнем Новгороде. Желаю съезду полного успеха в его работах” (ОПИ ГИМ. Ф. 17. № 637. Л. 50). Членов съезда приветствовали вновь назначенный губернатор Новгорода В.А. Лопухин, городской голова А.А. Соловьев, председатель НОЛД М.В. Муравьев. Отчеты о деятельности НПК и МПК представили Л.В. Вильконский и графиня П.С. Уварова.

В соответствии с § 9 Правил XV АС заседания должны были проводиться в девяти Отделениях (в современном понимании – секциях), однако в восьмое (“Древности славянские”) не было заявлено ни одного доклада. Всего на съезде было проведено 32 заседания, в ходе которых заслушано и обсуждено 90 докладов (по терминологии того времени – рефератов). Хронологические рамки докладов имели очень большой диапазон: от древностей каменного века в Скандинавии и по берегам Белого моря до истории масонства в России в конце XVIII – начале XIX в. (Известия, 1911).

Этот крупнейший в дореволюционной России археологический форум должен был стать важной вехой в истории изучения и охраны новгородских древностей. Но несмотря на интенсивную работу многие вопросы по истории и археологии Новгорода и Новгородской земли остались без внимания. Лишь 36 докладов из 90 касались новгородской старины. Очень мало было археологических докладов. Отдельные выступления оказались поверхностными и откровенно слабыми, и уже на съезде прозвучали упреки Ученому комитету в том, что он допустил доклады, не подвергая их предварительному серьезному рассмотрению.

На съезде выступило 73 исследователя: 65 российских и 8 зарубежных (некоторые с двумя и тремя докладами): Санкт-Петербург (и губернии) был представлен 16 чел.; Северо-Западные губернии России – 9 (Новгород и губ. – 5, Псков – 2, Тверь и Ржев – по 1); Москва – 8; Центральные губернии – 8 (Орел – 3, Воронеж, Калуга, Кострома, Рязань и Тула – по 1); Южные губернии – 17 (Киев – 8, Харьков – 4, Одесса – 2, Полтава, Симферополь и Ставрополь – по 1); Прибалтийские губернии – 3 (Рига – 2, Дерпт – 1); Финляндия (Гельсингфорс) – 4 чел. Зарубежные докладчики представляли Швецию (4 чел.), Польшу (2), Австрию и Германию (по

Рис. 3. Прорись значка XV АС в Новгороде. Рисунок Н.С. Сафроновой.

1). Среди членов съезда были священнослужители и женщины, многие из которых выступили с докладами. Эта особенность новгородского съезда была особо отмечена во время подведения итогов. Широким был и возрастной диапазон докладчиков: от участника всех российских АС 79-летнего маститого историка Д.И. Иловайского до студентки Юрьевского (Дерптского) университета А.М. де-Витт.

Приведем общую статистику докладов в разных Отделениях. В ходе работы первого “Древности первобытные” (председатель – В.Е. Данилевич) было заслушано 13 докладов, второго, “Древности историко-географические и этнографические” (председатель – М.В. Довнар-Запольский), – 12, третьего, “Памятники искусств и художеств, нумизматики и сфрагистики (председатели – П.Г. Павлуцкий и В.К. Трутовский), – 11, четвертого “Древности юридические, быт хозяйственный, домашний и военный” (председатель – академик А.С. Лаппо-Данилевский), – 17, пятого, “Древности церковные” (председатель – Н.В. Покровский), – 12, шестого, “Памятники языка и письма” (председатель – И.А. Шляпкин), – 11, седьмого, “Древности классические, византийские, восточные и западно-европейские” (председатель – Э.Р. фон Штерн), – 3, последнего девятого, “Археография и архивоведение” (председатель – Л.М. Савелов), – 7. В дополнительном Отделении по общим вопросам было проведено два заседания, на которых доложено четыре доклада.

Отметим наиболее важные выступления в разных Отделениях. Заседания начались с работы Отделения “Церковные древности”. Два доклада его председателя Н.В. Покровского были посвящены наиболее интересным предметам из собрания Софийской ризницы: двум Иерусалимам (сионам) и ковчегу для мощей (реликварию). Вопрос о назначении сионов бурно дискутировался.

Вопросы, связанные с охраной местных церковных памятников старины в Новгородской губ., поднял А.И. Анисимов. Он предложил принять ряд конкретных мер для охраны церковных древностей: обследовать все церкви, часовни и зарегистрировать старые иконы и утварь; утратившие служебное значение древние церковные предметы переместить в Новгород, организовав специальный церковно-археологический музей; провести научную реставрацию, систематизацию и каталогизацию древних икон. Говорилось и о плохом состоянии новгородского Детинца, требовавшего безотлагательного ремонта.

Архиепископ Новгородский и Старорусский Арсений сделал сообщение “О современном состоянии собора Св. Софии в Новгороде”, остановившись на пагубных последствиях последнего ремонта, оконченного в 1900 г., и плачевном состоянии собора к 1911 г.

С докладами, посвященными первобытной археологии, выступили скандинавские ученые: Г. Гальштрем рассказал о результатах исследований по берегам Белого моря и в Онежском крае, где были обнаружены интересные наскальные изображения, О. Альмгрен – о каменном веке в юго-западной Скандинавии. Доклад Т. Арне был посвящен “Сношениям Руси со Швецией во времена норманнов”.

В сообщениях, прозвучавших на Отделении “Древности юридические, быт домашний, общественный и военный”, говорилось о важности исследования таких документов, как судная грамота 1471 г. и писцовые книги Великого Новгорода. В отношении последних председатель Отделения академик А.С. Лаппо-Данилевский указал на необходимость разработки материала местными исследователями, хорошо знакомыми с топографией Новгорода и Новгородской земли. Именно во время работы этого Отделения прозвучал доклад новгородского губернатора В.А. Лопухина “О месте ссылки и заточения Борисом Годуновым боярина Михаила Никитича Романова”, а также доклады А. И. Колмогорова и И.В. Аничкова об исследовании курганов и жальников Тихвинского уезда.

Всеобщее внимание привлек доклад делегата от Ученого Эстонского общества Р. Гаусмана “Немец-

кий двор при церкви Свв. Петра и Павла в Новгороде”, в котором рассматривались торговые связи Новгорода с Висби и Любеком.

Среди сообщений Отделения “Памятники искусств и художеств, нумизматики и сфрагистики” особенно большой интерес вызвал доклад А.И. Анисимова “О реставрации фресок церкви Федора Стратилата”. В прениях по докладу участвовали А.И. Некрасов, А.А. Дмитриевский, Н.В. Покровский.

В Отделении “Древности историко-географические и этнографические” Новгородской земли касались сообщения Т. Арне “Новгород во времена шведского владычества по Балтийскому морю по старым картам из Стокгольмского военного архива” и доклада А.М. Андрияшева “Историко-географическая карта Шелонской пятины в начале XVI в. по писцовым книгам”.

Введенное в программу Археологических съездов еще в 1872 г. Отделение “Археография и архивоведение” рассматривало вопросы практического характера: об изучении, хранении и использовании богатейших материалов уездных дворянских, монастырских архивов и архивов местных учреждений. Для Новгорода, обладавшего значительными местными церковными и гражданскими архивами, это имело большую актуальность.

Работа в Отделениях была очень напряженной. Участники съезда отмечали, что из-за недостатка помещений заседания проводились в разных местах, иногда трижды в день – в 10, 15 и 20 часов. Член Саратовской Ученой архивной комиссии (УАК) А.А. Гераклитов писал: “...нами посещались далеко не все заседания секций. Причин тому несколько, а именно: первая и наиболее существенная – это одновременные занятия двух секций, иногда в разных зданиях. ... Другая причина, быть может, на посторонний взгляд и мало уважительная, но тем не менее весьма существенная – это крайнее утомление. Дело в том, что занятия секций начинались с 11, а то и с 10 часов утра и затягивались с небольшими перерывами до 11–12 часов ночи. Напрягать свое внимание в течение полусуток и при том из дня в день – выше сил человеческих и, таким образом, опять-таки приходилось пропускать часть докладов, чтобы дать себе хотя небольшой отдых” (1912. С. 45, 46).

Яркую зарисовку обстановки работы съезда оставил председатель Рязанской УАК С.Д. Яхонтов: “Для заседаний было отведено довольно тесное помещение в доме дворянского Собрания и только два заседания были в гимназии и городской Думе. Ни на одном съезде незаметно было столь-

ко толкотни во время чтения докладов. Новгородцы, экскурсанты и экскурсантики, слушательницы учительских земских курсов и учащиеся средних учебных заведений охотно посещали заседания и довольно настойчиво, хотя и не совсем терпеливо, высиживали и самые скучные рефераты. В вестибюле на верхней площадке постоянно бывала толкотня, увеличивавшаяся посетителями археологической выставки, имевшей общий выход с залами заседаний. Делает честь новгородской публике, что на заседаниях зал почти всегда бывал битком набит ею; я замечал, что их посещали даже и дамы, стоящие одной ногой в гробу. Бывала и простая публика, но всего более бывало молодежи и особенно женской. Разумеется, при страшной духоте как от тесноты помещения, так и выдавшейся во все время Съезда особенно жаркой погоды скопление особенно молодой публики, создавало значительную зыбучесть ее и доставляло графине много досадливых усилий в водворении тишины; за дверьми залы заседаний по необходимости скоплялась толпа посетителей выставки, бюро съезда и т.п.

На небольшой площадке, верху парадной лестницы — и бюро, и почта, и вход на выставку, и объявления о докладах и экскурсиях, и раздача изданий, и шли подписки разного рода, и единственное место на Съезде, где все встречались и обменивались речами. По окончании доклада все спешили сюда же. Протиснуться было невозможно. Смею отметить, что я еще ни на одном съезде не встречал такой развязности публики во время заседаний. Посетитель-молодежь являлась в костюмах, не обнаруживавших хотя сколько-нибудь уважения к месту собрания и самому Собранию, на котором все же были лица и достоуважаемые и почтенные и по своему общественному и ученому положению, и которые не позволяли себе, однако, являться в затрапезном платье. Можно было сочувствовать графине Председательнице, когда она ополчалась на запоздавших посетителей, бесцеремонно вносивших шум и толкотню в заседания. Несдержанность публики мешала чтению рефератов и ставила докладчиков в неловкое положение” (1912. С. 115, 116).

Работа завершилась принятием Советом съезда девяти постановлений, касающихся дальнейшего изучения и сохранения новгородских древностей: Софийского собора, Детинца, церковей Федора Стратилата и Спас-Нередицы.

В период проведения съезда под руководством Новгородского предварительного комитета постоянно проводились экскурсии, знакомившие гостей с архитектурными памятниками и древностями Новгорода и его окрестностей. Кроме общих обзорных экскурсий по городу осматривали Софийс-

кий собор и стены Кремля, Николо-Дворищенский собор, церковь Спаса на Ильине улице, церковь Федора Стратилата на ручье, Антониев монастырь. Организованными группами выезжали по Волхову в Хутынский и Юрьев монастыри, осматривали Рюриково городище и знаменитую церковь Спаса на Нередице. 28 июля члены Ученого комитета съезда и некоторые почетные лица посетили Юрьев монастырь (рис. 4). Сотрудник Российского исторического музея И.М. Тарабрин записал в дневнике: “... мы были приняты архиеп[ископом] Новгородским Арсением, на славу угостившим нас прекрасным звоном юрьевских колоколов и великолепным завтраком. Во главе с граф[иней] П.С. Уваровой и архиеп[ископом] Арсением мы все снялись группой” (2011. С. 168).

Исключительная роль в подготовке и проведении XV АС в Новгороде, а также в деле последующего издания его Трудов принадлежит его Председателю графине П.С. Уваровой (рис. 5). Это был уже девятый подготовленный и проведенный ею после смерти мужа, Алексея Сергеевича Уварова, съезд. В ту пору Прасковье Сергеевне было уже за 70 лет, но она деятельно участвовала в работе: ежедневно вела заседания, разворачивала выставки, устраивала приемы, осматривала древности Новгорода и его окрестностей. Графиня приехала в Новгород, как и на предыдущие съезды, с дочерьми Екатериной Алексеевной и Прасковьей Алексеевной. Петербургский историк В.Е. Рудаков писал: “Вся тяжесть устройства и проведения XV археологического съезда легла, по обычаю, на графиню П.С. Уварову, которая, со свойственным ей одной искусством и энергией, сделала съезд довольно результатным, несмотря на многие видимые и невидимые тернии” (1912. С. 1112). С.Д. Яхонтов также высоко оценивал вклад П.С. Уваровой в проведение съезда: “Очевидно, местных сил оказалось недостаточно, чтоб поднять такую обузу, как подготовить съезд. Даже археологическая выставка к открытию съезда не была готова, и только изумительная работоспособность графини помогла делу: в четыре дня как приехала она на съезд она сумела организовать обширную выставку, а до нее залы были почти пустые и ящики с присланными вещами были не распакованы. Я сам видел ее около распаковываемых ящиков уже во время съезда” (1912. С. 117, 118).

Внешне работа съезда проходила спокойно и буднично. Мало кто знал, что графиню и ее дочерей в Новгороде охраняли три сотрудника Охранного отделения (Смирнов, 2009). П.С. Уварова в 1905–1906 гг. активно выступала против зачинщиков крестьянских волнений вокруг своего имени под Муромом. Несмотря на принятые правитель-

Рис. 4. Участники XV АС в Новгороде перед Георгиевским собором Юрьева монастыря. В центре сидят: графиня П.С. Уварова, архиепископ Арсений, губернатор В.А. Лопухин. Фото 28 июля 1911 г. (ОПИ ГИМ. Ф. 17. Оп. 1. Ед. 638).

твом меры, беспорядки в имении продолжались до 1909 г., а в начале 1911 стало известно об угрозах в адрес самой графини. Распоряжение об ее охране в марте отдал лично московский губернатор В.Ф. Джунковский. Незадолго до начала XV АС новгородский губернатор В.А. Лопухин информировал директора Департамента полиции о готовящемся покушении на графиню Уварову во время работы съезда и просил в целях ее охраны командировать в Новгород опытных агентов.

Пребывание в Новгороде закончилось для Прасковьи Сергеевны благополучно. В мемуарах, написанных через 10 лет в эмиграции, графиня Уварова очень кратко и в целом негативно оценила как сам съезд, так и город, в котором он проходил: “XV Съезд состоялся в 1911 г. в Новгороде, городе весьма сером и тусклом, что передалось и самому Съезду, который прошел с меньшим подъемом и интересом к научным вопросам, чем обыкновенно. Думается мне, что только к концу Съезда жители проснулись и поняли весь интерес поднимаемых вопросов и

необходимость заинтересоваться сохранением своих храмов, их росписей и архитектурных подробностей” (2005. С. 223). Первооткрыватель “Дела о покушении на графиню Уварову” А.С. Смирнов вполне справедливо заметил, что такое негативное воспоминание о проведенном съезде и о самом Новгороде могло сложиться у Прасковьи Сергеевны из-за ощущения постоянной угрозы для себя и дочерей (2009. С. 126).

4 августа 1911 г. в актовом зале Новгородской мужской гимназии в присутствии членов съезда и многочисленной публики состоялась церемония закрытия XV АС. Подробный отчет о его деятельности зачитала Председатель графиня П.С. Уварова. Поблагодарив новгородские гражданские и церковные власти за большую организационную помощь в проведении съезда, она особо остановилась на многосторонней деятельности Новгородского предварительного комитета. В целом высоко оценив его работу, она тем не менее подчеркнула, что комитет сделал недостаточно для реализации всей намечен-

ной программы и организации выставки. Упрек в адрес местных любителей старины вызвал вполне законное возмущение, высказывавшееся, правда, лишь в местной прессе. В заключение П.С. Уварова выразила надежду, что “съезд оставит в Новгороде хотя бы некоторое желание продолжать и в будущем разработку местных памятников” (Труды, 1914. Протоколы. С. 190). Секретарь съезда В.К. Трутовский доложил о принятых Советом постановлениях, после чего губернатор Новгорода В.А. Лопухин объявил съезд закрытым.

В целом можно заключить, что XV АС привлёк значительное внимание к новгородским древностям, что сказалось на дальнейшем развитии археологических исследований на Северо-Западе России. На съезде в Новгороде поднимался вопрос о проведении очередного XVI АС в Пскове. 5 августа группа участников съезда (около 40 чел.) во главе с графиней Уваровой по приглашению городских властей отправилась на экскурсию в Псков. По дороге была сделана остановка в Старой Руссе. Вот что писал об этом один из экскурсантов: “Недолгое пребывание в этом древнем городе и русском курорте оставило у всех прекрасное воспоминание. Встреченные на вокзале городским головою И.И. Ванюковым и местным начальством, экскурсанты в экипажах поехали по городу. В городском саду всем был предложен завтрак. Этот радушный прием доказывает, что начинают всюду понимать значение археологических съездов и сознавать важность кропотливых изучений археологов для истории русского народа и для подъема русского самосознания. ... К сожалению, за недостатком времени подробно осмотреть Старую Руссу не удалось. Но короткое пребывание утвердило во многих намерение вернуться еще в этот старый русский город: в нем старины непочатый угол” (Магула, 1911).

Не менее радушно делегация была принята и в Пскове. В течение трех дней гости познакомились с достопримечательностями и церковными древностями Пскова и его окрестностей, с Псковским музеем, с деятельностью Псковского археологического общества, совершили поездку по Псковскому озеру. Уже в Пскове было принято окончательное решение о проведении здесь в 1914 г. XVI АС, был создан Предварительный комитет по его проведению, за три года проделавший большую подготовительную работу. В июле 1914 г. в Пскове была развернута выставка к съезду (Каталог выставки, 1915), начали съезжаться делегаты, однако Первая мировая война изменила все планы – съезд был отменен.

Последовавшие после этого революционные события 1917 г. и связанные с ними социальные изменения коренным образом изменили ход развития

Рис. 5. Председатель XV АС в Новгороде графиня П.С. Уварова. Фото 1914 г.

как самой России, так и русской науки, в частности археологии. Археологические съезды прекратили свою работу почти на 100 лет. Их возрождение произошло лишь в начале XXI в. (Современные проблемы археологии России, 2006). Хочется верить, что такого длительного перерыва в деятельности Всероссийских археологических съездов больше не будет.

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 10-01-00058а). В основу статьи положен доклад, прочитанный 26 октября 2011 г. в Великом Новгороде, на выездном заседании III (XIX) ВАС (Старая Русса и Великий Новгород).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Герклитов А.А. XV Археологический съезд в Новгороде: Отчет о командировке // Тр. Саратовской УАК. Вып. 29. Саратов, 1912 (переиздание: XV Археологический съезд в Новгороде. 1911: Путеводитель. М., 2011).

- Дополнение к каталогу выставки XV Всероссийского археологического съезда в Новгороде. Отдел II: Церковный / Сост. А.И. Анисимов. Новгород, 1911.
- Известия XV Археологического съезда в г. Новгороде. М., 1911.
- Каталог выставки XV Всероссийского археологического съезда в Новгороде. Отдел II: Церковный / Сост. А.И. Анисимов. Новгород, 1911.
- Каталог выставки XVI Археологического съезда во Пскове, отмененного по случаю войны / Сост. Г.М. Казаков, Н.Ф. Окулич-Казарин, Н.Ф. Роот и др. Псков, 1915.
- Крылов Л.И. В древнем Новгороде // Тверские епархиальные известия. 1912. № 6, 8–10, 12, 13 (переиздание: XV Археологический съезд в Новгороде. 1911: Путеводитель. М., 2011).
- Ласковский В.П. Новгородика: Опыт словаря сочинений, заключающим в себе описание Новгородской земли и ее истории. 3-е дополнение // Сб. НОЛД. Вып. 1. Новгород, 1908.
- Ласковский В.П. Путеводитель по Новгороду. Новгород, 1910.
- Маг[ула] Г. XV Археологический съезд. Псков // Новое время. СПб., 1911. 19 августа (переиздание: XV Археологический съезд в Новгороде. 1911: Путеводитель. М., 2011).
- Правила Пятнадцатого Археологического съезда в Новгороде в 1911 г. и протоколы заседаний Предварительного комитета 3–6 января 1909 г. М., 1909.
- Пришвин М.М. Ранний дневник 1905–1913 гг. СПб., 2007.
- Романцев И.С. О курганах, городищах и жальниках Новгородской губернии: Алфавитный указатель селений, при которых находятся археологические памятники, краткое описание последних. Новгород, 1911.
- Российская археологическая литература. Библиографический указатель: 1900–1917. СПб., 2003.
- Рудаков В.Е. Пятнадцатый Археологический съезд в Новгороде // Исторический вестник. Т. 125. Сентябрь. СПб., 1912.
- Смирнов А.С. Дело о покушении на графиню Уварову // РА. 2009. № 3.
- Современные проблемы археологии России. Т. I, II. Матер. Всерос. археолог. съезда (23–28 октября 2006 г., Новосибирск) / Отв. ред. А.П. Деревянко, В.И. Молодин. Новосибирск, 2006.
- Тарабрин И.М. Отрывок из дневника // XV Археологический съезд в Новгороде. 1911: Путеводитель. М., 2011.
- Труды Московского Предварительного комитета по устройству XV Археологического съезда. Т. I. М., 1911.
- Труды Московского Предварительного комитета по устройству XV Археологического съезда. Т. II. Церковь Успения пресвятой Богородицы в селе Волотове, близ Новгорода, построенная в 1352 г. По обмерам и рисункам В.В. Сулова. М., 1911.
- Труды Пятнадцатого Археологического съезда в Новгороде. 1911. Т. I / Под ред. графини Уваровой. М., 1914.
- Труды Пятнадцатого Археологического съезда в Новгороде. 1911. Т. II / Под ред. графини Уваровой. М., 1916.
- Уварова П.С. Былое. Давно прошедшие счастливые дни. М., 2005.
- Яхонтов С.Д. XV археологический съезд в Новгороде (1911 г. 22 июля – 5 августа) // Тр. Рязанской УАК. Т. XXV. Рязань, 1912.
- XV Всероссийский археологический съезд. Каталог выставки. Отдел I: Древности первобытные, гражданского и военного быта, в доме Дворянства на Сенной площади. Новгород, 1911.
- XV Всероссийский археологический съезд. Дополнение к каталогу. Отдел I: Древности первобытные, гражданского и военного быта, в доме Дворянства на Сенной площади. Новгород, 1911.

Н.Я. МЕРПЕРТ О В.А. ГОРОДЦОВЕ (интервью 9.04.2010 г.) // ОПИ ГИМ. Ф. 431

© 2012 г. И.В. Белозерова*, С.В. Кузьминых**

*Государственный Исторический музей, Москва

**Институт археологии РАН, Москва

Николаю Яковлевичу Мерперту в трудные военные годы посчастливилось не только прослушать лекционные курсы патриарха русской археологии В.А. Городцова, но и стать для него палочкой-выручалочкой в тяжелейшую зиму 1942–1943 гг., когда Василий Алексеевич, сломав правую руку, нуждался в постоянной помощи и поддержке. Общение с Василием Алексеевичем оставило неизгладимый след в научной судьбе молодого ученого. Своими учителями в науке Н.Я. Мерперт называл А.В. Арциховского и С.В. Киселева, но первым Учителем (именно с большой буквы) для него оставался В.А. Городцов. Наверное, есть великая справедливость в том, что пройдя через увлечение античностью и защитив под руководством А.В. Арциховского кандидатскую диссертацию, посвященную Верхнему Салтову, Н.Я. Мерперт вышел на магистральный путь своих научных исследований, обратившись к изучению сложнейших проблем археологии, истории и культуры древнейших обществ и цивилизаций Старого Света. У истоков этого исследовательского направления в русской археологической науке стоял как раз В.А. Городцов, впервые в своем лекционном курсе “Бытовая археология” (1910) наметивший базовые проблемы археологии эпохи раннего металла степей и лесостепей Восточной Европы, Балкан и Ближнего Востока.

Более 60 лет Н.Я. Мерперт был погружен в эту проблематику, сделав для ее разработки неимоверно много. При этом в устных выступлениях и в печати Николай Яковлевич всегда с благодарностью вспоминал о Василии Алексеевиче Городцове, об общении с ним и о том импульсе, который он, еще студентом, получил от своего первого учителя (Мерперт, 1991. С. 80–94; 1994. С. 207–215; Мерперт, 2001. С. 7, 8; 2011. С. 66–71).

Идея взять интервью у Н.Я. Мерперта о В.А. Городцове, конечно, была неслучайной. В 2008–2010 гг. мы вместе с И.Е. Сафоновым при подготовке к печати личных дневников В.А. Городцова с опорой на архивные материалы опубликовали ряд статей о жизни и научной деятельности Василия Алексеевича. Как бы не были информативны дневники ученого, на ряд вопросов в них не на-

шлось ответа. Кроме того, мы сознавали, что интервью с Н.Я. Мерпертом, в дополнение к тому, что уже было опубликовано им раньше, отложившись в фонде В.А. Городцова, станет важным информативным источником для исследователей научного наследия одного из основоположников отечественной археологии. Изначально у нас не было плана опубликовать это интервью, поскольку мы знали о подготовке Николаем Яковлевичем Мерпертом мемуаров (2011). Но при ознакомлении с ними выяснилось, что многое, о чем он рассказал нам при встрече в пансионате “Узкое”, не нашло в них отражения. В итоге по совету Р.М. Мунчаева мы подготовили интервью к печати, сопроводили его самыми необходимыми комментариями и прибегли к сокращениям: В.А. – В.А. Городцов, Н.М. – Н.Я. Мерперт, И.Б. – И.В. Белозерова, С.К. – С.В. Кузьминых.

С.К.: Как Вы познакомились с В.А. Городцовым?

Н.М.: Василия Алексеевича я знал с 1937 г., когда занимался в археологическом кружке Дома пионеров и был еще очень юным. Я должен был его посетить, он жил около метро “Кропоткинская” в Полуэктовом переулке в затрапезном среднекупеческом трехэтажном доме без центрального отопления¹.

В 1941 г. я пошел на фронт, был танкистом, был ранен, стал инвалидом.

Вернувшись с фронта и поступив в МГУ, стал бывать у В.А. почти ежедневно. Он много спрашивал меня о фронте, о войне². Я каждое утро шел к В.А. из своего дома в Староконоушенном переулке (Арбат, его левая сторона). От меня до В.А. было 12 минут хода. По дороге из дома я заходил в Дом ученых, где в столовой брал специальные судки с

¹ В.А. Городцов в 1914–1945 гг. жил в доходном четырехэтажном доме (1889 г., архитектор – М.Г. Пиотрович) по адресу Полуэктов пер., д. 5, кв. 4. Изначально, в XVIII в., это Затрапезный переулок, с 1922 г. – Полуэктов, с 1955 – Сеченовский. Расположен между Остоженкой и Пречистенкой.

² В.А. Городцов как бывший военный с особым вниманием следил за вестями с фронтов и обстановкой в Москве в годы войны (Белозерова, 2010. С. 690–702).

едой (В.А. полагалось дневное питание), и шел к В.А. в Полуэктово переулочек, приносил ему эти пайки. Ходил я тогда в военной казачьей форме (хотя был танкистом), и меня иногда останавливали военные патрули. Студенты дежурили у В.А. по очереди.

И.Б.: А какая квартира была у В.А. Городцова?

Н.М.: В квартире по узкому коридору с правой стороны была большая квадратная комната, где В.А. читал лекции студентам; она была уставлена книжными полками со всех сторон, из-за чего по ней было трудно передвигаться. Еще была комната с большой голландской печью, где занимался и я – делал рисунки ко второму тому “Археологии”³.

Когда я приходил к В.А., то сразу шел не к нему в квартиру, а в сарай с дровами, находившийся во дворе, чтобы напилить дров для печи. Но чтобы их напилить, нужна была пила, причем одноручная, а во всей Москве мой отец не мог ее найти. Потом он все же нашел пилу с ручками с двух сторон. Плохо было то, что я был ранен в руку, и мне неудобно было пилить, но все же я приноровился.

Дом В.А. Городцова был без центрального отопления, и в комнатах постоянно было холодно. В.А. ходил в демисезонном пальто, стеганном ватой. На голове у него была академическая шапочка. В.А. сидел обыкновенно за письменным столом, на котором лежали книги Г. Обермайера “Доисторический человек”, его собственные “Бытовая археология”, “Археология. Т. 1. Каменный период” и др.

И.Б.: У Городцова была сломана правая рука, которую он повредил в ноябре 1942 г.?

Н.М.: Правая рука у него была сломана во время гололеда 1942 г. Он поскользнулся на автобусной остановке на Остоженке. Я помню, там еще было сложено много железа, приготовленного для строящегося Дворца Советов.

До сих пор не знаю, как В.А. писал сломанной рукой текст своей рукописи – второй том “Археологии” (затем пропавший). Он выучился писать левой рукой. Писать он мог, а рисовать – нет. Рисунки для этой работы делали В.И. Зубков (студент ИФЛИ) и я. Зубков рисовал лучше, а я хуже.

И.Б.: Текст этого второго тома “Археологии” пропал. Где он, Вы знаете?

Н.М.: Неизвестно. Я когда узнал о пропаже, чуть с ума не сошел. Говорили, что он так же таинственно появился, как и исчез. Вроде бы он нашелся в Историческом музее. У меня же в свое время не хватило сил подготовить к изданию текст, причем уже отредактированный. Боялся посрамить память гения.

С.К.: В ОПИ ГИМ нет завершенного текста этого труда, сохранились только черновые варианты.

И.Б.: Не помните ли, где находился текст этой монографии: у сына, Мстислава Васильевича, или в издательстве?

Н.М.: Ни в каком издательстве текст не был, он находился дома в Полуэктовом переулочке.

И.Б.: Скажите, Н.Я., а с чего Вы копировали рисунки для этого труда?

Н.М.: Я помню, что сидел у В.А. зачастую до 12 часов ночи и позже и копировал иллюстрации. Копии были как с рисунков самого В.А., так и с печатных изданий. Из-за того, что допоздна задерживался за работой, ключи от квартиры Городцова уносил с собой, чтобы утром открыть дверь.

И.Б.: Известно, что Городцов и сам был великолепным рисовальщиком?

Н.М.: Да, это так – он очень хорошо рисовал, но в тот период со сломанной рукой не мог этого делать. Вспоминается мне портрет его жены Елизаветы Евгеньевны. Недавно он был выставлен на какой-то выставке в ГИМ⁴. Кроме того, в экспозиции зала № 3 Исторического музея был вывешен портрет очень красивой женщины с височными кольцами (реконструкция головного убора выполнена В.А. Городцовым)⁵. Мы, его ученики, все были в нее влюблены. Мой соученик Владислав Кропоткин помнил имя женщины, ставшей прототипом этого портрета, и все обещал найти его в своих записях, но так и не успел мне сказать. Владислав Всеволодович умер в 1993 г.

Мне вспоминается, что В.А. был очень красив, даже в старости. Он был очень похож на артиста Вахтанговского театра Дмитрия Львовича Дорлиака (его сестра, Нина Львовна Дорлиак, была женой всемирно известного пианиста Святослава Теофиловича Рихтера). Городцов очень ответственно подходил к своим занятиям, даже если студентов было совсем мало. Для двух человек он читал лекции как для целой группы.

С В.А. Городцовым я познакомился в 1937 г., когда стал ходить в археологический кружок только что открывшегося тогда Дома пионеров. Нас повезли на археологические раскопки под Подольск. Руководил нами ученик В.А., Борис Александрович Рыбаков. Он объявил, что мы будем копать по

⁴ Вероятнее всего, речь идет о выставке “Василий Алексеевич Городцов и Государственный Исторический музей”, состоявшейся в ГИМ 21.03.2003–29.09.2003.

⁵ По воспоминаниям Л.В. Греховой, в зале № 4 музея (но не № 3) была вывешена написанная маслом картина из жизни людей трипольской культуры. Предполагается, что для фигуры пастушки на этой картине позировала О.А. Кривцова-Гракова.

³ См. об истории создания этого тома: Сафонов, 2002. С. 62–72; Кузьминых, Белозерова, 2011. С. 333, 334.

новой методике – послойно, а не колодцем. С нами была руководитель нашего кружка, любимая ученица В.А., Нина Иосифовна Рунина (умерла в 1984 г.). Мне очень хотелось узнать о судьбе памятников, найденных на тех раскопках 1937 г., и я даже обращался за помощью к заместителю директора ГИМ по научной части В.Л. Егорову, но безрезультатно.

Когда В.А. начал со мной заниматься, то сразу стал спрашивать меня о моей родословной, о семье, о родителях. Мои родители принимали участие в Первой мировой войне; они оба были на Южном фронте. Мать была хирургической сестрой милосердия в санитарном поезде (получила награду лично из рук великой княжны Татьяны Романовой и была даже снята с ней на фотографии, но, к сожалению, это фото пропало). Отец был командиром разведывательного конного отряда под личным командованием А.М. Каледина. Войну закончил с четырьмя сабельными ранениями. В живых он остался только потому, что при последнем ранении оказался без документов и как-то сумел добраться до Москвы.

И.Б.: Знакомы Вы были с сыном В.А. Городцова Мстиславом Васильевичем?

Н.М.: Да, я его хорошо знал и относился к нему очень холодно. Я бывал у Городцова почти каждый день, и Мстислав, живший после развода с женой отдельно, при мне только два раза позвонил отцу. И ни разу не спросил у меня о его здоровье, а у отца спрашивал: “Давали ли в Доме ученых пиво?” Мне это было непонятно и неприятно.

Жил Мстислав сначала в этой же квартире в Полуэктовом переулке. Здесь же продолжала жить после развода с ним (после 1938 г.) его жена – Анна Алексеевна Городцова, чудесная женщина; она работала в местном домоуправлении. В годы войны она очень голодала, и я ее подкармливал.

И.Б.: Были ли дети у Мстислава и Анны Городцовых?

Н.М.: Нет, детей у них не было.

И.Б.: Был ли Мстислав Городцов студентом первого курса МГУ? В дневнике Городцова за 1926 г. при раскопках Старой Рязани и Троице-Пеленицы он упоминается как студент МГУ, но закончил ли он кафедру археологии?

Н.М.: Нет, он не был студентом. Впрочем, я могу не знать об этом⁶.

С.К.: Это можно восстановить по спискам студентов кафедры археологии МГУ тех лет.

⁶ А.П. Смирнов в некрологе отмечал, что М.В. Городцов “с 1922 по 1925 г. был студентом факультета общественных наук МГУ (археологического отделения)” (1969. С. 320).

И.Б.: Наверное, также можно посмотреть документы в Ведомственном отделе ГИМ.

Н.М.: Я знаю, что в годы Первой мировой войны старший сын В.А. Игорь был зарублен.

И.Б.: Это ошибка. По документам (дневники В.А. Городцова) его сын Игорь умер в 1934 г. от чахотки. Вероятно, речь идет о старшем сыне В.А. – Олеге. Он действительно получил на войне страшное ранение головы и впоследствии очень страдал от головных болей. После революции очень болел, голодал, затем уехал на Урал, где и умер в 1922 г.⁷

И.Б.: Знали ли Вы внучку В.А. Киру Городцову (дочь Игоря)?

Н.М.: Нет, не помню.

И.Б.: Видели ли Вы дочь В.А. Городцова Елену Васильевну?

Н.М.: Да, видел ее случайно в 1974 г. во Франции. Я был с другими нашими археологами во Франции на Международном конгрессе до- и протоисториков в Ницце. Мы жили в общежитии университета. Однажды мы ехали на машине, попали в пробку и обратили внимание, что впереди нас перегородил дорогу фургон с надписью по-французски “Городцов”. Я подошел к его водителю и спросил: “Кому принадлежит этот фургон?” Он ответил: “Моей хозяйке”, – и кивнул на сидящую рядом с ним женщину. Только тогда я обратил внимание на пожилую, но чрезвычайно хорошо выглядевшую даму. Это была дочь В.А. – Елена Васильевна. Она везла из своего имения под Ниццей куриные яйца⁸. Мы говорили на французском языке. Она сказала, что она дочь В.А. и хотела бы приехать в Москву и придти на могилу родителей⁹.

С.К.: Н.Я., слушали ли Вы доклады В.А.?

Н.М.: Помню, слушали доклад в марте 1942 г. у него на квартире. У него тогда были Т.С. Пасек, С.В. Киселев, Л.А. Евтюхова, Б.Н. Граков, А.П. Смирнов, был я и один студент – Зубков (он был родом из Рязани)¹⁰.

⁷ См. подробнее о семье В.А. Городцова: Белозерова и др., 2011а. С. 157–159, 161, 162; 2011б. С. 479–481, 494–496.

⁸ Из довоенных писем Е.В. Городцовой отцу известно, что имение специализировалось на выращивании кур, а также на производстве яиц на продажу.

⁹ См. о могиле В.А. Городцова в очерке Р.М. Мунчаева (2010. С. 91, 92).

¹⁰ В годы войны В.А. Городцов сделал несколько докладов на объединенных заседаниях кафедры археологии МГУ и МОИИМК на темы: “О влиянии эгейской культуры на южные и средние области Европейской части СССР” (04.06.1942), “О трипольской культуре” (06.06.1942), “Связи катакомбной культуры с крито-эгейской культурой” (30.04.1943), “Миниатюрные культовые домики в древних культурах Евразии и Египта” (10.02.1944); см. Белозерова, 2010. С. 693.

МГУ в годы войны был эвакуирован в Ашхабад, уехали туда и профессора, и студенты, там он был слит с ИФЛИ. Кстати, все забыли, что В.А. был с 1938 г. заведующим кафедрой, профессором ИФЛИ. На этой кафедре преподавали Б.Н. Граков и Ю.В. Готье (который был очень дружен с Городцовым). В начале войны сверху поступило распоряжение открыть кафедру Московского университета. Перед университетом стоял вопрос, где набрать преподавателей и студентов, чтобы они были не хуже, чем вся уехавшая команда. В марте 1942 г. я вернулся в Москву из омского госпиталя (во время войны был ранен и стал инвалидом). Мне тогда было 18 лет. Я пришел к ректору МГУ (тогда в течение трех дней им был химик Костин, затем его сменил Орлов) и просил, чтобы меня зачислили студентом. Но мне было сказано, что сейчас уже март и скоро начнутся экзамены, но я стоял на своем, был зачислен и успешно сдал сессию.

И.Б.: А кто с Вами учился на курсе?

Н.М.: Моими однокурсниками были Вера Михайловна Раушенбах, в девичестве Иванченко (ее муж, Борис Раушенбах, был интернирован, отбывал заключение, точнее был на тяжелых работах в лагере под Нижним Тагилом), Ольга Давыдовна Дашевская (которой я сегодня звонил и в экспедиции которой в Крыму не раз бывали мои дочь и внучка), Юрий Емельянович Чистяков (в дальнейшем – главный хранитель Музея изобразительных искусств им. А.С. Пушкина)¹¹, Милица Васильевна Пикуль (которая впоследствии работала в Дагестане) и еще одна Милица – Милица Георгиевна Воробьева (в девичестве – баронесса фон Дитмар, дочь царского полковника, в годы войны была сестрой милосердия в госпитале; она была моей первой женой; умерла не так давно, в 1991 г.); младше меня на курс была Татьяна Борисовна Попова.

И.Б.: Вы знали, что В.А. пять раз выдвигали в действительные члены АН СССР, и он все-таки не прошел¹²?

Н.М.: Да, я знаю, что кандидатуру В.А. Городцова выдвигали вместе с экономистом Варгой. Сообщение об этом было в ИИМК. Кандидатура В.А. не прошла из-за доноса в НКВД Илларионова из Нижнего Новгорода.

С.К.: Н.Я., не такую уж большую роль играл этот Илларионов, провинциальный преподаватель из Горького. Напротив, В.А. всячески защищал и отстаивал его интересы в связи с публикацией труда об истории изучения палеолита в СССР¹³. Илларионов считал, что с ним несправедливо обходятся коллеги из Ленинграда и прежде всего П.П. Ефименко. В переписке Городцова и Илларионова нет и намека на какие-то обстоятельства, связанные с баллотировкой В.А. при выборах действительных членов АН СССР. Об этом свидетельствуют их письма, хранящиеся в ОПИ ГИМ и Нижегородском областном архиве.

Н.М.: Да, возможно, Вы правы, не берусь судить об этом с достоверностью. То были, прежде всего, слухи.

Об учениках Городцова. Единственное, что нарушает мое уважение к А.В. Арциховскому, – это его бахвальство, которое мне не нравилось. Он чувствовал свое превосходство (человека из очень благополучной московской интеллигентной семьи) над В.А. (сыном деревенского рязанского священника). К Городцову Арциховский относился плохо. Помните, он говорил о нем, что “это человек со страшным характером”. Но именно он сказал у гроба учителя слова, запомнившиеся всем, кто там был: “Кончена жизнь – началось бессмертие”.

Б.Н. Граков остался преданным Городцову, был его близким сотрудником на кафедре археологии в ИФЛИ, считал себя его учеником, хотя специализировался в области античной археологии и эпиграфики. В годы войны я был с ним и вместе с любимой мною Анной Ивановной Мелюковой в экспедиции в Никополе для инспекции царских скифских курганов. Затем Б.Н. Граков восстанавливал скифологию как научную дисциплину на кафедре археологии МГУ. Вообще считаю, что С.В. Киселев и Б.Н. Граков дали своим ученикам намного больше, чем А.В. Арциховский. Я помню их лекции, в том числе и на биофаке. Слышал, как С.В. Киселев своим громким зычным голосом читал тогда еще вместо А.В. Арциховского, бывшего в Ашхабаде, “Введение в археологию”, а Б.Н. Граков рассказывал о гениальном Ростовцеве.

¹¹ Учился на курс моложе вместе с Т.Б. Поповой. Сокурсниками Н.Я. кроме того были Гесслер Валентина Михайловна, Любимова Нина Ивановна, Мельниковская Ольга Николаевна, Мец Нонна Дмитриевна, Синютина Ольга Николаевна и Якунина-Иванова Светлана Дмитриевна; см. Выпуски..., 1999. С. 256.

¹² История баллотировки В.А. Городцова в 1938 г. освещена в очерках И.В. Тункиной (2004. С. 184–192) и А.А. Формозова (2006. С. 257–266). О более ранних см. ОПИ ГИМ. Ф. 431. Ед. хр. 352, 353.

¹³ Речь идет о рукописи В.Т. Илларионова “Ископаемый человек в историографии палеолита СССР”. Ее издание Институтом антропологии, археологии и этнографии АН СССР поддерживали С.Н. Быковский и В.А. Городцов (несмотря на ряд замечаний), но резко возражали против П.П. Ефименко и В.И. Равдоникас. Книга в итоге вышла в Горьком накануне войны (Илларионов, 1941).

Добрыми словами всегда вспоминал В.А. Городцова наш известный антиковед Владимир Дмитриевич Блаватский. Оппоненты Блаватского при защите его докторской диссертации были поражены, с какой глубиной и пониманием сути проблем написал свой отзыв В.А.

Алексей Петрович Смирнов – еще один очень дорогой для меня человек. Знаю от него, что во время наступления немцев в июле 1918 г. он был сильно избит своими же русскими солдатами (за попытку остановить их бегство) и только благодаря матери был спасен: умирающего, она увезла сына на Украину и салом вылечила ему легкие.

После смерти В.А. Городцова гроб с его телом был установлен в Византийском зале Исторического музея, ныне несуществующем. Первым взял слово председательствовавший С.В. Киселев. Он говорил: «Мы – четверо учеников (я, А.В. Арциховский, А.Я. Брюсов, А.П. Смирнов) – подписали когда-то статью против В.А. Городцова и “городцовщины”, т.е. публично отреклись от учителя. Так же публично я отрекаюсь от той своей статьи» (Арциховский и др., 1932. С. 46–48; Брюсов, 1932. С. 76). У гроба В.А. Городцова я помню Н.И. Романова, И.Н. Бороздина. Людей было много.

Н.М.: Однажды Николай Николаевич Воронин (специалист по древнерусскому зодчеству Владимиро-Суздальской земли, археолог) попросил меня перевезти из Исторического музея в Рязанский музей древние ткани, найденные В.А. Городцовым в Старой Рязани во время раскопок 1926 г. Их прекрасно отреставрировал Мстислав Городцов. Воронин очень беспокоился о моей безопасности, так как в то время в Рязани было неспокойно, орудовали бандиты. Но я спокойно добрался до Рязани. Прибыл в музей, где видел зал имени Городцова. Встречался с его директором, Николаем Петровичем Милоновым (он был потомственным дворянином, ему покровительствовал Б.Д. Греков, в то время директор ИИМК). Он жил в пединституте в двух комнатах. Там я встретил удивительную даму (ее возраст – около 100 лет), видимо, родственницу Милонова. Мы с ней говорили на французском языке. В разговоре всплыла фамилия бывшего министра внутренних дел Милютина. Я выразил восхищение его деятельностью. Дама переменялась в лице, встала и вынула из секретера стопку перевязанных писем. Оказалось, что она была подругой жены министра. Но более подробно я об этом уже не узнал – в доме появился Н.П. Милонов, которого вызывали на срочную лекцию.

Вот, пожалуй, на сегодня и все, что я смог вспомнить о В.А. Городцове.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Арциховский А.В., Киселев С.В., Смирнов А.П. Возникновение, развитие и исчезновение “марксистской археологии” // СГАИМК. 1932. № 1, 2.
- Белозерова И.В. Жизнь и научная деятельность В.А. Городцова в годы Великой Отечественной войны (по материалам личного архива в ОПИ ГИМ) // Человек и древности: Памяти Александра Александровича Формозова (1928–2009). М., 2010.
- Белозерова И.В., Кузьминых С.В., Сафонов И.Е. Судьба ученого: жизнь Василия Алексеевича Городцова в его дневниках и воспоминаниях // РА. 2011а. № 1.
- Белозерова И.В., Кузьминых С.В., Сафонов И.Е. Жизненный путь Василия Алексеевича Городцова (к 150-летию со дня рождения) // Российский археологический ежегодник. 2011б. № 1.
- Брюсов А.Я. Письмо в редакцию // СГАИМК. 1932. № 1, 2.
- Выпуски кафедры археологии исторического факультета МГУ // 60 лет кафедре археологии МГУ им. М.В. Ломоносова. М., 1999.
- Городцов В.А. Бытовая археология. Курс лекций, читанных в Московском Археологическом Институте. М., 1910.
- Илларионов В.Т. Ископаемый человек в историографии палеолита СССР. Горький, 1941.
- Кузьминых С.В., Белозерова И.В. Между Москвой и Ленинградом: В.А. Городцов и ИАЭ/ИААЭ // Тр. III (XIX) ВАС. Т. II. СПб.; М.; Великий Новгород, 2011.
- Мерперт Н.Я. В.А. Городцов и начало изучения раннего бронзового века Каспийско-Черноморских степей // Проблемы изучения древних культур Евразии. М., 1991.
- Мерперт Н.Я. В.А. Городцов об энеолите Болгарии // РА. 1994. № 2.
- Мерперт Н.Я. Слово о Городцове // Бронзовый век Восточной Европы: Характеристика культур, хронология и периодизация. Самара, 2001.
- Мерперт Н.Я. Из прошлого: далекого и близкого. Мемуары археолога. М., 2011.
- Мунчаев Р.М. О могиле В.А. Городцова // Проблемы изучения и сохранения археологического наследия Центральной России: Матер. Всерос. науч.-практ. конф., посв. 150-летию В.А. Городцова. Рязань, 2010.
- Сафонов И.Е. Подготовка В.А. Городцовым второго тома серии “Археология” // Археология в российских университетах. Воронеж, 2002.
- Смирнов А.П. М.В. Городцов: Некролог // СА. 1969. № 4.
- Тункина И.В. Эпизод к биографии В.А. Городцова // Невский археолого-историографический сборник. СПб., 2004.
- Формозов А.А. Русские археологи в период тоталитаризма: Историографические очерки. 2-е изд., доп. М., 2006.

ПРОТИВ СУБЪЕКТИВНЫХ ИНТЕРПРЕТАЦИЙ В АНТИКОВЕДЕНИИ (По поводу книги: ЯЙЛЕНКО В.П. ТЫСЯЧЕЛЕТНИЙ БОСПОРСКИЙ РЕЙХ. ИСТОРИЯ И ЭПИГРАФИКА БОСПОРА VI в. до н.э. – V в. н.э. М.: Гриф и К, 2010. 740 с.)

В последние годы в антиковедении возродилась практика публикации “*Die Kleine Schriften*”: ученый, достигший серьезного возраста, собирает в отдельную книгу ряд своих статей и заметок, опубликованных за многие годы в различных журналах и сборниках. Иногда эти статьи публикуются в своем, так сказать, “первобытном” виде, чаще же подвергаются определенному редактированию, “осовремениваются”.

Сопоставление содержания первоначальных работ и их вторичного варианта бывает очень показательным при анализе эволюции как взглядов отдельных исследователей, так, иногда, и общих тенденций развития в данной области науки. В этом отношении определенный интерес вызывает недавно опубликованная книга В.П. Яйленко, носящая подчеркнуто итоговый характер, о чем прямо сообщает сам автор: “...на этом я заканчиваю свою работу над лапидарной эпиграфикой Боспора, так как требуют завершения другие темы” (с. 6). Поскольку ряд заново представленных текстов издается вторично, сопоставление их с конечным вариантом, опубликованным в книге, дает очень наглядное представление о характере эволюции взглядов и исследовательских методов автора.

Мы не собираемся анализировать здесь все содержание этого весьма объемистого тома, коснемся только одного из представленных сюжетов. С нашей точки зрения, особого внимания заслуживают разделы книги, посвященные проблемам интерпретации боспорских документов об освобождении рабов – манумиссий. Эти разделы – переработанный текст статьи, опубликованной В.П. Яйленко (2003. С. 351–369). Сама статья – размышления В.П. Яйленко по поводу надписи, изданной Д.И. Даньшиным (1993. С. 59–72) десятью годами ранее.

Обратимся к истокам. Д.И. Даньшин написал довольно значительную по объему статью, в которой анализировал данные различных источников, говорящие о присутствии иудеев среди населения Боспорского царства и его преемников на территории Таманского и Керченского п-ов. Отправным пунктом исследования послужила выполненная на древнегреческом языке надпись, найденная при раскопках в Фанагории в 1989 г. и датируемая серединой I в. н.э. Сохранность ее достаточно хорошая, и текст читается без больших затруднений. Это акт об освобождении нескольких рабов, осуществленном под эгидой общины иудеев. Именно этот документ привлек внимание В.П. Яйленко, став объектом исследования несколько лет спустя (2003. С. 356–364). Им были предложены несколько поправок к чтению Д.И. Даньшина и собственный перевод надписи.

Сравним переводы, чтобы убедиться в том, что в смысловом отношении они практически аналогичны.

Перевод Д.И. Даньшина: “В царствование царя Котиса, 348 г. (= 51 г. н.э.), месяца Ксандика, 1-ого числа, Психарион (а также) Сог (и) Ан – его дети. Кариец Сандан и Кариец Аг и Метротим отпущены при молебне, гарантированными от захвата, беспрепятственными (в проживании), при условии усерд-

ного посещения и почитания молебни и стали свободными под опекой общины иудеев”.

Перевод В.П. Яйленко: “В царствование царя Котиса, в году 348 (= 51 г. н.э.) в 1 (день) месяца Ксандика Психарион, Сог, Ан, сыновья Туты (решили): Кариец, Сандан и Карраг и Метроним – отпущенники синагоги, неприкосновенны, не подвержены воспрепятствованию, лишь усердно участвуют в делах синагоги и служении, и находятся под опекой иудейской общины”.

Что действительно различается, так это определение статуса и родственных отношений манумиссоров, а также и вольноотпущенников – недаром вопрос этот обсуждается и в ряде других работ (Levinskaya, 1996. Р. 237; Heinen, 2001. S. 493). Однако В.П. Яйленко основное внимание уделил другой проблеме – тому, что он определяет как “иудейский контекст манумиссии”. Не очень заботясь о логической связи своих построений, он касается целого ряда вопросов: природы “Высочайшего Бога”, упоминаемого в ряде эпиграфических текстов (согласно его представлениям, он не имеет отношения к иудейскому Яхве); значению термина *τροσευχη*; экономической ситуации на Боспоре в середине I в. н.э. и др.

Конечные выводы В.П. Яйленко имеют ступенчатый характер:

1) “все сказанное, на наш взгляд, свидетельствует о значительной переоценке рядом ученых роли евреев и их религии в культурно-религиозной жизни восточной части Римской империи”. Естественно, в том числе и в Боспорском царстве. И это преувеличение проявляется в первую очередь в трудах ученых-евреев;

2) причиной малого влияния евреев и их религии в восточной части Римской империи был древний антисемитизм, порожденный “не мифической угрозой римской культуре, а проникновением еврейской диаспоры преимущественно в сферы легкого обогащения – торговлю, ростовщичество...”, что вызывало неприятие ее местным населением”.

Этот общий тезис автор пытается подкрепить конкретными фактами, стремясь выявить за актом освобождения раба корыстные мотивы. Для этого он спокойно сообщает о существовании конкуренции между еврейскими синагогами и собственно античными храмами в деле отпуска рабов на волю в связи с тем, что рабы для обретения свободы выплачивали значительные денежные средства. Именно этот тезис образует связь между текстом данной надписи и постулатом В.П. Яйленко.

Столь своеобразная трактовка, естественно, не могла не вызвать соответствующей реакции, и несколько лет спустя в том же самом ежегоднике была опубликована большая статья И.А. Левинской (2009. С. 305–327), в которой детально анализировались как основные положения представлений В.П. Яйленко, так и его доказательные методы.

В книге В.П. Яйленко в свою очередь откликается на критику И.А. Левинской, но делает это, опять-таки, не совсем обычным способом. Необходимо указать на некоторые особенности его подхода. Свои конструкции (как правило, противоположные тем, что выстроила И.А. Левинская, он излагает вне всякой связи с историографическим контекстом вопроса. Так, проблема Высочайшего бога, терминология для определения сакральных зданий (в частности – значение термина *просеу*) и другие детально разработаны в книге И.А. Левинской, но В.П. Яйленко этого как бы не замечает. Большинство общих вопросов, которые поднимаются, также обсуждались ранее в монографии И.А. Левинской (2000; *Levinskaya*, 1996). Однако В.П. Яйленко совершенно не упоминает русский вариант, привлекая английский. Но и это он делает весьма выборочно, только в связи с деталями чтения и интерпретации надписи.

Нужно отметить, что прекрасное знание источников и историографии позволили И.А. Левинской в своей рецензии показать полную обоснованность построений В.П. Яйленко и его вопиющий дилетантизм. В частности, ею было доказано, что нет оснований ссылаться на существование самого понятия “античный антисемитизм”. Тем более не верны попытки показать, что отрицательное отношение к евреям в некоторых кругах было порождено экономическими причинами. Эта идея была оставлена наукой еще в 20-е годы XX в.

В статье И.А. Левинской обоснованно утверждалось, что построения В.П. Яйленко не имеют ничего общего с реальными историческими явлениями, характерными для Боспора античной эпохи. Она ясно показала, например, бездоказательность тезиса о конкуренции синагоги и античного храма. В.П. Яйленко постоянно ссылается на пример храма Аполлона в Дельфах, считая при этом, неизвестно на каких основаниях, что существовавший здесь метод отпуска рабов на волю с уплатой выкупа был нормативным. На самом деле нужно помнить, что процесс освобождения раба имел много локальных вариантов, зависевших от самых разных факторов. Видимо, обращение его именно к Дельфам объясняется тем, что в надписях из Дельф приводятся цифры величины выкупа. Однако никаких сведений о том, чтобы храму Аполлона отходил какой-либо процент от этой суммы, нет.

Чтобы не оперировать исключительно аргументами И.А. Левинской, добавим, что ни в одном из боспорских эпиграфических документов, где говорится об отпуске рабов на волю, нет ни прямых указаний, ни даже малейших намеков на выкуп. Это касается как других манумиссий, осуществлявшихся под патронажем иудейской общины (Корпус боспорских надписей, 1965. № 985 – Фанагория; № 70–73 – Пантикапей), так и манумиссий, осуществлявшихся в рамках иных институтов (Корпус боспорских надписей, 1965. № 1123–1126 – Горгиппия) и др. Разве можно делать хоть какие-либо выводы о конкуренции, когда в документах не упомянута ни одна цифра?

У читателей дискуссии в упомянутом ежегоднике создается впечатление, что она завершена: В.П. Яйленко выдвинул гипотезы, не подкрепленные фактами, но порожденные идеями, весьма далекими от науки. И.А. Левинская доказательно опровергла эти построения, не оставив от них камня на камне. Проблема, казалось, была закрыта. Однако В.П. Яйленко решил продолжить отстаивание своих концепций в сборнике собственных сочинений, где соответствующий раздел, названный “Манумиссии и общие вопросы вольноотпущенничества на Боспоре”, включал подразделы с очень показательными заглавиями: § 4 (“Роль иудейства в вольноотпущенничестве на Боспоре”) и 5 (“*Encore ne vi pas*: дебют сионизма в боспороведении”)

(с. 371–394; набор французских слов, присутствующий в названии, имеет весьма отдаленное отношение к французскому языку).

Не менее говорящее, просто поразительное название всего сборника – “Тысячелетний боспорский рейх” (подзаголовок “История и эпиграфика Боспора VI в. до н.э. – V в. н.э.”) вызывает кристально ясные аллюзии. Таково же и оформление обложки, подтверждающее, что выбор названия неслучаен – среди боспорских рельефов найдено изображение орла, прямо апеллирующее к знакомству с символикой Третьего Рейха.

В.П. Яйленко не смог найти аргументов, опровергающих критику со стороны И.А. Левинской, поэтому он построил свой ответ по принципу простого отрицания аргументов и обострения обличительного пафоса. Когда было показано, что в основе его построений лежат антисемитские идеи, он, не имея возможности опровергнуть это, тут же обвинил своего оппонента в сионизме, причем само определение этого понятия взято из Большой Советской энциклопедии 1976 г.

В соответствующем разделе книги В.П. Яйленко резко расширены негативные оценки евреев (как древних, так и современных). Не стоит повторять его фразы – это традиционные клише, полные ненависти и презрения к целому народу и всей его истории. Отметим только, что в соответствии с детским конспирологическим подходом к истории В.П. Яйленко твердо убежден, что существует “корпоративная этническая этика диаспоры, предписанная Всемирной сионистской организацией”, в согласии с которой история сознательно искажается историками-евреями. В конце своего пассажа В.П. Яйленко переходит к прямым угрозам в адрес евреев: “Благоприятное для сионистских выходов время не вечно и рано или поздно за них предъявят счет, и это будет не безобидный интеллигентский антисиионизм, а бытовой народный антисемитизм”.

В заключение можно с прискорбием отметить, что подобные “труды” иногда появляются и в нашей среде, где, казалось бы, им нет и не может быть места. Но наука, как известно, мстит людям, предавшим ее идеалы. Сопоставление работ В.П. Яйленко разного времени показывает, что чем сильнее проявляют себя его предвзятые и вненаучные идеи, тем дальше он сам уходит за пределы подлинной науки.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Даньшин Д.И. Фанагорийская община иудеев // ВДИ. 1993. № 1.
Корпус боспорских надписей. М.; Л., 1965.
Левинская И.А. Деяния апостолов на фоне еврейской диаспоры. СПб., 2000.
Левинская И.А. *Déjà vu*, или “антисемитизм” на Боспоре // ДБ. 2009. № 13.
Яйленко В.П. Фанагорийские манумиссии и списки имен из находок 1970-х годов // ДБ. 2003. № 6.
Heinen H. Sklaverei im nördlichen Schwarzmeerraum: Zum Stand der Forschung // Fünfzig Jahre Forschungen zur antiken Sklaverei an der Mainzer Akademie. 1950–2000. Miscellanea zum Jubiläum. Herausgegeben von H. Bellen und H. Heinen. Stuttgart, 2001.
Levinskaya I. The Book of Acts in its Diaspora Setting. Grand Rapids, 1996.

Г.А. Кошеленко

Институт археологии РАН, Москва

**А.И. Кубышев, С.С. Бессонова, Н.В. Ковалев. БРАТОЛЮБОВСКИЙ
КУРГАН. Киев, 2009. 192 с., 16 с. цв. вклейка.**

**В.А. Ромашко, С.А. Скорый. БЛИЗНЕЦ-2: СКИФСКИЙ
АРИСТОКРАТИЧЕСКИЙ КУРГАН В ДНЕПРОВСКОМ
ПРАВОБЕРЕЖНОМ НАДПОРОЖЬЕ. Дніпропетровськ:
Пороги, 2009. 251 с.**

Данная рецензия посвящена двум сравнительно недавним публикациям аристократических курганов Степной Скифии, подготовленным украинскими археологами: кургану Близнаец-2, находящемуся на южной окраине Днепропетровска, и Братолюбовскому, расположенному близ пос. Братолюбовка (Горностаевский р-он, Херсонская обл.). Следует отметить, что несмотря на финансовые трудности, связанные с бюджетным обеспечением полевых исследований, ученые Украины не только обрабатывают и вводят в научный оборот материалы ранее раскопанных объектов, но и по сей день продолжают раскопки даже внушительных элитных скифских курганов. Примером первого рода служит Братолюбовский курган, второго – Близнаец-2.

Надо сказать, что курганы, особенно большие элитные, разбросанные по степным просторам юга Украины и России, не оставляли равнодушными даже профессиональных археологов. Вот что пишет в своем дневнике известный археолог и историк И.Е. Забелин: “Курган, хотя и дело рук, но все-таки он – природа, ибо обстановка его – природа. Среди степи высятся Исаакий. Он внушает какое-то благоговение, как всякая масса, ибо пред массой человек преклоняется. Он вызывает слезы умиления... Это дело рук, и потому в нем, в кургане, есть уже что-то думающее, мыслящее...” (Алексеев, 2004. С. 37). Именно украинским археологам – ученикам А.И. Тереножкина – выпала честь вернуться к старым традициям российской археологии XIX – начала XX в. и вновь начать в послевоенный период (50, 60 и 70-е годы прошлого столетия) раскопки больших курганов высшей скифской знати, причем на новом методическом уровне и с широким применением землеройной техники. Мелитопольский курган, Гайманова Могила, Толстая Могила, Бердянский курган, Желтокаменка, Соболева Могила, Чертомлык, Огуз и многие другие – вот далеко не полный перечень великолепных открытий в области скифологии тех лет. В их числе находятся и курганы Братолюбовский и Близнаец-2.

Братолюбовский курган (одиночный № 4) был исследован летом 1990 г. экспедицией Института археологии АН УССР (ИА АН УССР) под руководством А.И. Кубышева. Сразу же после завершения раскопок курган получил широкую известность благодаря находкам уникальных золотых предметов в тайнике центральной гробницы (Золото Степу, 1991. Кат. 120, d–f). Но в целом ему явно не повезло. “Пожалуй, ни в одном из курганов высшей скифской знати, раскопанных в наше время, археологи не фиксировали такого сокрушительного ограбления” (с. 7). Из центральной гробницы древние грабители вынесли практически все вещи, за исключением находок из тайника. Почти не уцелели и останки погребенных. Ограбленными оказались также боковая могила с захоронением знатного воина и могилы слуг. Не тронуты были лишь погребение лошадей и одно безинвентарное захоронение подростка (погр. 2) – конюха. Тем не менее курган, высота которого в древности достигала 7 м, был исследован полностью, “на снос”, с соблюдением всех требований современной полевой методики.

Курган находился на расстоянии около 4 км к северо-востоку от пос. Братолюбовка. Название памятнику дали киевские археологи, а у местных жителей он был известен как Турецкая или Татарская Могила. К моменту раскопок массивная насыпь кургана в форме низкого усеченного конуса имела высоту (в северной, более крутой, части) около 6.5 м и диаметр – 63–65. На уплощенной вершине была хорошо видна заплывшая выемка древнего грабительского раскопа, который, как выяснилось позже, достиг на глубине 10.5 м свода камеры центрального погребения.

История сооружения кургана включала в себя два главных этапа: сооружение первичной насыпи с несколькими конструктивными досыпками и массивной каменной креpidой I; большую досыпку с креpidой II и рвом. Высота каменной облицовки склона от креpidы I достигала 5 м. Фактически это был каменный панцирь, покрывавший большую часть курганной поверхности. Центральная могила содержала два захоронения – погр. 1 (основное) и 4 (подзахоронение в ту же камеру еще одного индивида с помощью длинного дромоса). Погребальное сооружение (или центральная могила) представляло собой катакомбу с большой входной ямой, коротким узким коридором и небольшой камерой (2.7 × 2.9 и 3.9 м) общей площадью около 9 м². В северо-восточный угол гробницы с погр. 1 был выведен с севера длинный дромос и через него произведено подзахоронение (погр. 4). Рядом с последним (у входной ямы в подзахоронение) находилась могила двух коней (погр. 6), что позволило исследователям считать погр. 4 мужским.

При расчистке погребальной камеры были найдены фрагменты красноглиняного гончарного сосуда на кольцевом поддоне, обломок горла сероглиняного гончарного кувшина, фрагмент венчика лепного горшка с косыми насечками, рукоять ножа с костяными накладками и часть лезвия, фрагменты железных пластин панцирного доспеха, обломки копий и дротиков, бронзовые наконечники стрел и ажурная нашивная золотая бляшка в виде двойного сфинкса. Кроме того, здесь же удалось обнаружить разрозненные кости двух человеческих скелетов (мужчины и женщины) в возрасте около 50 лет, а также кости барана, окрашенные в зеленый цвет окисью меди (из бронзового котла?). Казалось бы, картина ясна: после опустошительного ограбления археологам за все их немалые усилия достались жалкие остатки некогда пышного захоронения. Ну как тут не вспомнить слова выдающегося русского исследователя М.И. Ростовцева, с грустью писавшего в начале прошлого столетия: “Тяжел и часто неблагоприятен труд ученого, открывающего заступом и киркой остатки прошлой жизни. Неделями копают землю десятки рабочих и находят в итоге давно уже разграбленную могилу...”

И.Е. Забелин раскопал в 1865 г. 14-м курган Козел, но гробница его оказалась пустой. В 1891–1894 гг. Н.И. Веселовский с большим трудом добрался до погребальных камер в центре 20-м кургана Огуз – одного из крупнейших в Скифии – и на-

шел там лишь жалкие остатки исчезнувших сокровищ. И этот список бесконечен. Даже раскопки ставших широко известными элитных курганов Гайманова и Толстая Могила (юг Украины) вознаградил гигантские усилия современных археологов только благодаря тому, что древние грабители могил не обнаружили в них тайники с драгоценными предметами – золотой пекторалью (Толстая Могила) и серебряной с позолотой чашей с изображениями скифских вождей (Гайманова Могила). К счастью, не стал исключением и Братолюбровский курган. В восточной части камеры, в полу рядом с остатками погр. 4 находился тайник, содержащий драгоценные предметы мужского инвентаря: роговой ритон, украшенный золотыми и серебряными пластинами, золотую чашу-фиалу с рельефными головами шести коней, плетеную золотую гривну с лошадиными головками на концах и, наконец, таинственный золотой конус, сплошь покрытый сценами терзания копытных хищниками в лучших традициях эллино-скифского звериного стиля.

Таким образом, в центральной могиле Братолюбовского кургана первичным было, по всей видимости, женское захоронение (погр. 1) в западной части погребальной камеры. Через какое-то время после этого в восточной части камеры через длинный дромос было совершено подзахоронение мужчины (погр. 4). Данное заключение сделано только на основе косвенных свидетельств – наличия конской могилы (погр. 6) при подзахоронении, а также наличия на месте подзахоронения в восточной части камеры тайника, что в других элитных курганах Скифии служит признаком мужской могилы (Мозолевский, 1979. С. 159). Антропологи лишь фиксируют присутствие костных остатков мужчины и женщины зрелого возраста. Другие погребения людей (2, 3, 5 и 7) – сопровождающие двух главных лиц – явно более низкого социального ранга.

Среди находок из тайника наибольший интерес вызывает золотой конусовидный массивный предмет, изготовленный из металла 500-й пробы путем литья с дальнейшей проработкой деталей гравировкой. Высота изделия – 18,2 см, диаметр основания – 19,1, верхний диаметр – 13. Толщина стенок – 2,2 см. Поверхность конуса украшена восемью фигурами животных, из которых четыре – копытные, травоядные (лань, лошадь, козел и бык) и четыре – хищники (леопард или пантера, лев, грифон орлиноголовый и грифон львиноголовый). В целом, все животные участвуют в сценах терзания хищниками травоядных.

Много споров вызывает вопрос о функциональном назначении братолюбовского конуса. Данная находка придала новый импульс рассуждениям о предназначении предметов, вошедших в археологическую литературу как “конусы” или “большие золотые ворворки”. В случае с братолюбовской находкой оказались несостоятельными предположения о том, что она – часть головного убора, украшение конского убора (ворворка для продергивания кожаного ремня или матерчатых кистей под шеей у коня) и т.д. Единственная подходящая интерпретация конуса – предмет, имеющий ритуальное назначение и использовавшийся (видимо, в качестве наперстка на шесте) в особо важных религиозных и общественных церемониях (с. 46, 47). По мнению авторов монографии, братолюбовский шедевр был изготовлен в одной из ювелирных мастерских Боспора. И хотя в тайнике находились разновременные вещи, весь погребальный комплекс Братолюбовского кургана можно датировать не позднее самого начала IV в. до н.э. (с. 88).

Но есть еще и золотые конусы иного рода: низкие, с гладкой поверхностью, с диаметром основания от 12–15 см (ранняя группа, конец VI – V в. до н.э.), высотой около 6–9 и с отверстием на плоской вершине. Все они представлены в комплексах в единственном экземпляре, в отличие от золотых конусов IV в. до н.э. – более многочисленных, меньших размеров (диаметр

основания – от 10 до 13,8 см, высота – от 4 до 8), с гладкой поверхностью, с отверстием на вершине и часто в комплекте (наборе) из трех-четырех экземпляров. “Совершенно очевидно, – отмечают авторы рецензируемой книги, – что скифские золотые конусы не имели утилитарно-практического значения. Они, прежде всего, были социальными и в то же время культовыми символами и как таковые использовались в качестве умбонов горитов и колчанов...” (с. 46). Связь таких конусов с горитами и колчанами подтверждается изображениями на скифских каменных изваяниях V–IV вв. до н.э. (Ольховский, Евдокимов, 1994. С. 73) и археологическими находками, например, из Филипповского кургана № 4, где этот золотой предмет лежал поверх горита (Яблонский, 2008. С. 82. Рис. 4; 5).

Плодотворным кажется предположение, что у скифов золотые конусы могли играть роль своеобразных орденов, символов воинской доблести. Именно в таком качестве их могли помещать наряду с иными знаками отличия и апотропеями на гориты и принадлежности конского снаряжения (особенно в форме колокольчиков). Это определение вводит конусы в сферу социальной символики, тесно связанной с понятием престижности (Рябова, Черняков, 2002. С. 50). В этой связи не могу не отметить, что в среднедонских курганах скифского времени (V–IV вв. до н.э.) такие престижные конусовидные предметы или “ордена” также встречаются достаточно регулярно: курган № 22 группы “Частых” под Воронежем (Пузикова, 2001. С. 17, 18. Рис. 14, 3), № 1 у с. Русская Тростянка (Пузикова, 2001. С. 144. Рис. 3, 15), а три колокольчика из массивного золота и с отверстиями наверху найдены в разграбленном “черными археологами” кургане № 16 у с. Колбино (Шевченко, 2009. С. 90. Рис. 19, 17–19).

Таким образом, “по типам погребальных сооружений, конских могил, принадлежностей узды и стилистических особенностей изделий в зверином стиле наибольшее количество связей прослеживается между Братолюбовским курганом и группой памятников с захоронениями высшей скифской знати первой половины – середины... IV в. до н.э. Приазовья” (Бердннский, Двугорбая Могила, Ташенак, Кара-Тюбе) и левобережной части района, прилегающего к Каменко-Никольским переправам (Солоха, Гайманова Могила). Все это позволяет видеть в них группу памятников, оставленных племенем (родом) царских скифов в процессе продвижения из Приазовья в Приднепровье...” (с. 131).

Не меньший интерес для скифологов представляет и монография В.А. Ромашко и С.А. Скорого “Близнец-2: скифский аристократический курган в Днепровском Правобережном Надпорожье”. Курган Близнец-2 был раскопан в мае-июне 2007 г. Днепропетровской целевой археологической экспедицией Днепропетровского национального университета (ДНУ) (начальник экспедиции – канд. ист. наук, доцент кафедры историографии, источниковедения и архивоведения ДНУ В.А. Ромашко).

Курган расположен в северной части Днепровского Правобережного Надпорожья. Эта территория входит в северо-степной район между Днепропетровском и Запорожьем, погребальные памятники которого традиционно выделяются в отдельную группу древностей Степной Скифии (Андросов, 1985. С. 120).

Близнец-2 находится на южной окраине г. Днепропетровск, у пос. Опытный, на краю правобережного плато, в 5 км от русла Днепра в составе группы курганов. Насыпь высотой 7,05 м задернована. Диаметр по линии 3–В составляет 54 м, по линии С–Ю – 50. На вершине – западина от грабительского раскопа. Камни крепиды вокруг насыпи давно разобраны местными жителями на хозяйственные нужды, но часть ее сохранилась

in situ. Судя по границам крепиды, первоначальный диаметр кургана составлял около 43 м.

Курган подвергался основательному ограблению по крайней мере дважды – в древности и в XIX в. Под насыпью находилось лишь одно захоронение скифского времени. Центральная площадка, на которой были сконцентрированы основное погребальное сооружение и сопровождающие его культово-ритуальные комплексы (захоронения трех лошадей, продовольственная яма-погреб и остатки жертвоприношения человека – строительная жертва?), располагалась в южной части подкурганного пространства. По завершении рытья ям основной гробницы, конских могил и ямы-погребя, оформления линз материковых выкидов и проемов-дорожек поверхность центральной площадки была тщательно очищена от просыпавшегося суглинка и застелена плетеными из растительного материала циновками. Затем состоялся обряд захоронения человека и лошадей, после чего поверхность площадки, входная яма и конские могилы были перекрыты накатами из дубовых плах и бревен.

Насыпь была сооружена (точнее, выстроена) в своей основе из линз материкового выкида и, главным образом, из блоков (пластов) влажного дерна с тростником из поймы Днепра. Могила основного погребенного представляла собой бездромосную однокамерную катакомбу. Входная яма, прямоугольная в плане, имела размеры 2.9×2.5 м. Вход в погребальную камеру был закрыт первоначально закладом из деревянных плах, скрепленных железными скобами. Сама погребальная камера имела форму неправильной трапеции и общую площадь около 34.4 м. Пол ее был посыпан мелом и застлан подстилкой из растительного материала. Однако основной сюрприз состоял в том, что покойник был помещен не на полу катакомбы, а в специальной прямоугольной яме (3×1.5 м) глубиной 1.4 м от поверхности пола погребальной камеры. На дне ее, на кожаной подстилке сохранились *in situ* тазовые кости и часть позвоночного столба скелета мужчины 25–30 лет, лежавшего вытянуто на спине при юго-западной ориентировке. Уцелевшие в катакомбе и внутренней могиле вещи включали в себя железные и бронзовые пластины чешуйчатого панциря, обломки копья и меча, фрагменты наборного портупейного пояса, два колчана со стрелами (в одном – 166 бронзовых наконечников, в другом – 121), бронзовую греческую чашу, бронзовую ручку килика, золотой перстень с фигурой стреляющего из лука персонажа, золотые подвеску и бусину, электроовую обивку деревянного сосуда, большое количество обломков пластин из слоновой кости с тонкими гравированными изображениями греческих богов и героев (Посейдона, Гермеса, Геракла, Эроса), зверей (гепарды), птиц и двухлошадных колесниц. Удивление вызывает и столь необычная в степном скифском кургане находка, как “медвежья лапа” – пять лежащих вместе когтей крупного бурого медведя. Погребенные в отдельных могилах кони лежали на животах, с подогнутыми ногами, взнузданными (железные удила и псалии, подпругные пряжки и т.д.). В яме-погребе на дне находились ножка и обломки стенок бронзового котла, содержавшего внутри череп и кости лошади. Рядом – остатки двух деревянных блюд с костями овцы и лошади (всего 382 лошадиные и 64 овечьи кости). По набору сохранившихся вещей

авторы монографии датируют время сооружения кургана Ближнец-2 самым концом V в. до н.э. (с. 84).

По всем своим внешним показателям (высота – более 7 м, обширная насыпь из дерновых блоков, окруженная каменной крепидой, наличие сопровождающих конских захоронений в отдельных ямах, довольно обширной погребальной камеры – свыше 34 м² и остатков некогда богатого инвентаря – золотого перстня с лучником, электроовой обивки деревянной чаши и, особенно, костяных пластин – обивок саркофага и одной или двух шкатулок с тончайшей гравировкой античных сюжетов, частично связанных, вероятно, с культом Диониса) курган Ближнец-2 может быть причислен к наиболее выдающимся погребальным памятникам скифской элиты V в. до н.э. “Вышеизложенное, – отмечают авторы монографии, – позволяет нам рассматривать курган в качестве места погребения особы царского ранга...” (с. 98). Более того, они даже делают попытку отождествить захороненного там персонажа с конкретным историческим лицом – Ориком, младшим сыном скифского царя Ариапифа (упоминаемым Геродотом). Орик никогда не был верховным правителем Скифии, но вполне мог быть басилевсом (или номархом) какой-то ее части (с. 101–109).

Таким образом, нет никаких сомнений в том, что рецензируемые публикации позволяют ввести в круг уже известных погребальных памятников скифской аристократии северопричерноморской Степной Скифии еще два новых интереснейших курганных комплекса конца V – начала IV в. до н.э.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алексеев А.Ю. К портрету И.Е. Забелина на фоне скифологии // Невский археолого-географический сборник. СПб., 2004.
- Андросов А.В. Надпорожская группа памятников Степной Скифии // Проблемы археологии Поднепровья. Днепропетровск, 1985.
- Золото степу. Археологія України. Київ, 1991.
- Мозолевський Б.М. Товста Могила. Київ, 1979.
- Ольховский В.С., Евдокимов Г.Л. Скифские изваяния VII–III вв. до н.э. М., 1994.
- Пузикова А.И. Курганные могильники скифского времени Среднего Подонья (публикация комплексов). М., 2001.
- Рябова В.О., Черняков И.Т. Призначення та походження великих золотих скіфських “ворварок” // Музейні читання: Матер. наукової конф. Київ, 2002.
- Шевченко А.А. Новые материалы к изучению курганного могильника скифского времени Колбино-1 на Среднем Дону // Археология Среднего Дона в скифскую эпоху. М., 2009 (Тр. Донской археолог. экспедиции ИА РАН, 2004–2008).
- Яблонский Л.Т. Сокровища сарматских вождей (материалы раскопок Филипповских курганов). Оренбург, 2008.

Институт археологии РАН, Москва

В.И. Гуляев

К ЮБИЛЕЮ МАРИНЫ ДМИТРИЕВНЫ ПОЛУБОЯРИНОВОЙ

Статью, посвященную этому юбилею, авторы сначала хотели озаглавить словами из стихотворения Марины Цветаевой: “Жить так, как пишу: образцово и сжато...” Именно эти слова, как никакие другие, точно и емко обозначают всю научную жизнь нашей дорогой Марины Дмитриевны, которой в этом году (4 ноября) исполняется 80 лет.

Марина Дмитриевна Полубояринова пришла в Институт археологии АН СССР (ИА АН СССР) после окончания МГУ в 1956 г. С тех пор с ним связана вся ее научная работа: сначала в редакции журнала “Советская археология”, который в те годы возглавлял ее университетский учитель, А.В. Арциховский, а позже – в секторе славяно-русской археологии.

Марина Дмитриевна – выдающийся специалист по средневековой археологии Восточной Европы. Ее основные труды посвящены археологии Волжской Болгарии и Золотой Орды. Многие годы жизни она отдала раскопкам и анализу материалов болгарских и ордынских памятников, на которых работала вместе с супругом – профессором кафедры археологии МГУ Г.А. Федоровым-Давыдовым.

Но начинались ее самостоятельные исследования совсем в другом регионе, на берегу р. Припять: в 1961 г. отряд ИА АН СССР под ее руководством провел раскопки Туровского горо-

дища (Гомельская обл., Белоруссия). В летописном Турове, впервые упомянутом летописью под 980 г. крупном княжеском центре, “из-за которого неоднократно происходили столкновения между русскими князьями” (Полубояринова М.Д. Раскопки древнего Турова // КСИА. 1963. № 96. С. 44), было вскрыто за один сезон 240 м²; получен многочисленный и важный вещевой материал; с ясностью, какую позволяла археологическая методика того времени, определены остатки построек и частоколов. Культурный слой (мощностью 2.5 м и более) удалось разделить на четыре горизонта, древнейший из которых содержал материалы конца X в. (Полубояринова М.Д. Отчет о раскопках в Турове // Архив ИА РАН. 1961. Р-1. № 2632). Летописная дата основания и характеристика города как богатого центра подтвердились. Была открыта (при участии П.А. Раппопорта) даже небольшая часть кладки кирпичного домонгольского храма. В дальнейшем на городище работали белорусские ученые, был создан археологический музей (полностью расчищенный и закрытый стеклянным павильоном фундамент домонгольского храма), поставлен памятник Кириллу Турскому.

Результаты работ М.Д. Полубояриновой 1961 г. были опубликованы, одна из публикаций – “Стеклянная посуда древнего Турова” (СА. 1963. № 4) – стала первой в ряду исследований Марины Дмитриевны о средневековом стекле. В те годы стеклянные изделия из слоев древнерусских памятников начали привлекать пристальное внимание археологов. Появление новых методик, основанных на определении приемов техники изготовления вещей и накопления сведений о химическом составе древних стекол, позволило объективно разделять всю массу находок на местные и привозные изделия, а также конкретизировать районы производства импортных вещей. В статье о сосудах из раскопок Турова, в соответствии с новыми методиками и привлечением всех известных в то время аналогий, в том числе из зарубежной литературы, были определены изделия древнерусских мастерских и средиземноморского круга (сирийские и византийские).

Раскопки М.Д. Полубояриновой были первыми стационарными на Туровском городище, со временем она обрела статус большим проектом: исследовательница обладала огромной целеустремленностью и профессионализмом. Но работы в Турове – не единственные для нее в те годы. Этапом научной биографии Марины Дмитриевны стала Новгородская археологическая экспедиция, где она проработала не один полевой сезон. В начале 1950-х годов переживший войну Новгород только восстанавливался: московских археологов встречали полуразрушенное здание железнодорожного вокзала, обгоревшие купола церквей и поросшие бурьяном городские пустыри. На старой пленке кинохроники тех лет – Неревские раскопки, явившие миру великие открытия русского Средневековья. Сегодня любому студенту-археологу известно об эталонном значении работ Новгородской экспедиции по систематизации вещевого материала и созданию хронологической шкалы русских древностей. Однако в те годы исключительное внимание к вещевым коллекциям, проявленное руководством Новгородской экспедиции, воспринимали не все. Если систематизация оружия, предметов из металлов вызывала интерес у многих,

то описание украшений из стекла казалось менее перспективным.

По поручению Б.А. Колчина Марина Дмитриевна взялась за изучение стеклянных браслетов из раскопок Новгорода. Статья, ставшая итогом этой работы, оказалась первым (и до сих пор единственным) исследованием подобного рода. Новизна заключалась в классификации огромного количества образцов (5226 экз.) по “технологическим особенностям их изготовления, форме и цвету” (Полубояринова М.Д. Стеклянные браслеты древнего Новгорода // МИА. 1963. № 117. С. 169) с последующим выяснением динамики встречаемости выделенных типов по ярусам. Впервые в отечественной археологической литературе прозвучал вывод: пик бытования этих важнейших культурно-исторических индикаторов приходится на 20–30-е годы XIII в. Наблюдения над распределением отдельных технологических групп по ярусам существенно детализировало общие выводы. Таким образом, примененная М.Д. Полубояриновой методика позволила максимально использовать возможности стратиграфии новгородского культурного слоя и создать хронологическую шкалу бытования стеклянных браслетов, применяемую по сей день при датировании других объектов и памятников всей Древней Руси.

Накопленный в последующие годы, особенно в последние два десятилетия, материал заставляет археологов пересматривать сложившуюся хронологическую конструкцию, искать новые способы датирования стеклянных браслетов, в частности, пытаться значительно сдвинуть вверх границу их бытования. Однако предложенные новые подходы пока не выдерживают критики с точки зрения общей методики датирования культурных напластований, что показано О.А. Тарабардиной на примере Троицких раскопок. Об особенностях распределения стеклянных браслетов в культурном слое Троицкого раскопа // Новгород и Новгородская земля. История и археология: Матер. науч. конф. Вып. 24. Великий Новгород, 2010). Причина пробуксовки кроется, во-первых, в особенностях стратиграфии культурного слоя Новгорода, а во-вторых – в отсутствии столь же обстоятельного подхода со стороны исследователей ко всему накопленному с тех пор материалу.

Проявившиеся в первых научных публикациях исчерпывающее описание предмета исследования, привлечение полного круга аналогий, точность формулировок и обоснованность выводов в сочетании с ясностью и лаконичностью изложения стали стилем работы Марины Дмитриевны, отличающим все ее последующие исследования.

Помимо Новгорода и Турова она участвовала в раскопках Смоленска, Серенска, Рюрикова городища, памятников Орловской обл. Однако с 1970-х годов на первый план вышло изучение памятников Волжской Болгарии, и именно в Болгаре Марина Дмитриевна полностью раскрылась как талантливый исследователь, полевик и организатор.

В 1976 г. Т.А. Хлебникова обратилась к руководителю Нижневолжской экспедиции Г.А. Федорову-Давыдову с просьбой прислать сотрудника для помощи в раскопках Болгара. Послать вызвалась Марина Дмитриевна. Ранее она уже бывала в этом городе, восточный архитектурный ансамбль которого, сохранившийся веками, как мираж, как восточная сказка, расположенная на высоком волжском берегу, вписан в пейзаж средней полосы. Это была судьба: древняя культура выдающегося памятника средневековой истории Восточной Европы стала главным направлением научных поисков Марины Дмитриевны на всю жизнь. До 1990 г. она была начальником отряда Болгарской экспедиции, вела ежегодные раскопки на территории городища.

В конце 1970 – начале 1980-х годов исследователям Болгара стала очевидна необходимость монографического издания материалов памятника. Первая книга продолжающейся и сейчас серии “Город Болгар” вышла в печать в 1987 г., а уже в следующем томе М.Д. Полубояринова представила полное исследование стеклянных изделий Болгарского городища – украшений, посуды, оконного стекла, ламп “Стеклянные изделия Болгарского городища”. М., 1988. Огромная коллекция материалов многолетних раскопок и сборов, хранящаяся в Болгарском музее-заповеднике, Национальном музее Республики Татарстан, Государственном Историческом музее и Государственном Эрмитаже, была систематизирована на основе технологического принципа. Результатом стала дробная хронологическая стратификация всей массы образцов с выявлением специфики стеклянных изделий (номенклатура, происхождение, количество) для каждого периода истории города: раннего домонгольского, предмонгольского, золотоордынского.

Прекрасное знание не только русского и византийского стекла, но и материалов Средней Азии, Закавказья, Ближнего Востока позволило установить центры производства изделий и возможные пути их поступления в Волжскую Болгарию. Впервые было высказано предположение о существовании собственного стеклоделия в Болгаре в XIV в. Последние полевые исследования Марины Дмитриевны блестяще подтвердили эту догадку: в 1990 г. в Болгаре была открыта мастерская по изготовлению стеклянных украшений (бус и перстней золотоордынского времени) – уникальный для Среднего Поволжья, да и для Восточной Европы в целом производственный комплекс (Полубояринова М.Д. Стеклоделательная мастерская XIV в. в Болгаре // РА. 2006. № 4). Стеклянные изделия еще не раз становились объектом исследований М.Д. Полубояриновой (Русь и Волжская Болгария в X–XV вв. М., 1993. С. 178–183). В настоящее время ею готовится публикация раннеисламских стеклянных ламп Билярского II селища.

Вслед за стеклом М.Д. Полубояриновой были опубликованы изделия из камня – ювелирные украшения и посуда (Украшения из цветных камней Болгара и Золотой Орды. М., 1991; Каменные котлы из Болгара // Восточная Европа в Средневековье. М., 2004), китайский фарфор и селадон, очерк о переломной эпохе в судьбе Болгара в XIII в. (Китайский селадон из Болгара // РА. 2000. № 2; Китайский фарфор с Болгарского городища // РА. 2003. № 3).

Импортные изделия стали превосходным маркером, отражившим роль города на важнейшей магистрали Евразии. Марина Дмитриевна в настоящее время является основным исследователем древностей Болгара, на ее плечи легли и обязанности редактора новых томов серии “Город Болгар”.

При этом широта научных исследований Марины Дмитриевны выходит далеко за рамки собственно болгарской тематики. Проблеме межкультурного взаимодействия посвящен целый ряд ее фундаментальных исследований. Данная проблематика была смело заявлена М.Д. Полубояриновой уже в кандидатской диссертации (защита в 1974, опубликована в 1978 г. в виде монографии “Русские люди в Золотой Орде”), а позже развита в книге “Русь и Волжская Болгария X–XV вв.” (М., 1993) и цикле статей, освещающих широкие международные контакты Золотой Орды, Волжской Болгарии и Болгара, их динамику и характер на каждом этапе истории (Стеклоделательная мастерская XIV в. в Болгаре // РА. 2006. № 4; Торговля Болгара // Город Болгар: культура, искусство, торговля. М., 2008; Дома монгольского типа в Болгаре // Диалог городской и степной культур на евразийском пространстве: Матер. IV Междунар. конф., посв. памяти проф. МГУ Г.А. Федорова-Давыдова. Азов, 2009). Эти работы отличает scrupulous знание материала, тщательный анализ и ввод в научный оборот

новых источников (Гусева Т.В., Носкова Л.М. Марина Дмитриевна Полубояринова // Средневековая археология Поволжья. Вып. 4. Йошкар-Ола, 2009 (Материалы и исследования по археологии Поволжья). С. 4).

В настоящее время Марина Дмитриевна занята большой и трудной темой “Жилые постройки Болгара”. С присущей ей добросовестностью и тщательностью ведется работа в архивах с отчетами и дневниками, сводятся воедино чертежи и планы полевых работ за все годы исследований памятника. Кто знаком с подобной работой, оценит, каких усилий требует такой труд! В результате впервые будет получена характеристика жилищ Болгара, возникнет детально проработанный “портрет” города, в котором черты жилой застройки сольются с элементами монументальной архитектуры, фортификации, благоустройства (Баранов В.С. Вопросы благоустройства города Болгара и их археологическое изучение // Город Болгар. М., 2001).

Как ученого М.Д. Полубояринову отличает особое чувство ответственности и самоконтроля, что выражается в исключительно тщательном проведении раскопок и придирчивом анализе имеющихся данных. Ее выводы всегда основаны на фактах, точно зафиксированных в поле. Удивительна и структурированная последовательность исследований: итогом каждой плановой темы неизменно является монографическое исследование, выполненное на высоком профессиональном уровне. Предельно честное отношение к делу и высокий профессионализм, требовательность к четкости в методике и терминах; понимание прошлого; строгий анализ находок, ясная простота

в изложении и безупречный литературный стиль – вот черты Марины Дмитриевны как исследователя. Такому набору не грех и позавидовать. Важно и другое: Марине Дмитриевне чужды любые внешние эффекты, она не приемлет и выводов, основанных только “на интуиции”. Эти качества делают ее работы надежными, на них можно положиться, что, несомненно, обеспечит им научное долголетие.

Формат поздравления оставляет за рамками полный список трудов М.Д. Полубояриновой – их более 80. Хотелось бы перечислить всех ее учеников, но и это невозможно, хотя и по другим причинам: каждый, кто имел и имеет редкое счастье общаться с человеком и ученым такого масштаба, может считать себя ее учеником¹. (По той же причине справедливо причислить к таковым всех учеником Г.А. Федорова-Давыдова – за них Марина Дмитриевна всегда переживает как за своих, следит за их научной судьбой.)

Глубокая профессиональная эрудиция, владение источниками в широком географическом (от Новгорода до Сарая) и хронологическом (X–XV вв.) диапазонах делают исследования М.Д. Полубояриновой фундаментальными для изучения и понимания исторических процессов восточноевропейского средневековья, в том числе процесса формирования культуры единого Российского государства.

¹ К этому списку с гордостью причисляет себя и главный редактор журнала “Российская археология”. *Прим. ред.*

Казанский (Поволжский) Федеральный университет
Институт археологии РАН, Москва

*С.И. Валиулина
В.Ю. Коваль, Н.А. Кокорина, И.Н. Кузина*

К ЮБИЛЕЮ ВЛАДИМИРА АЛЕКСАНДРОВИЧА КУЗНЕЦОВА

В этом году Владимир Александрович Кузнецов отмечает свой 85-летний юбилей. Археологи-кавказоведы и историки, занимающиеся югом России, хоть раз, да обращались к работам Владимира Александровича. Сегодня его книги по кавказоведению, особенно посвященные изучению аланских племен, являются фундаментом для всех исследований по истории и археологии Кавказа периода раннего и развитого средневековья. К концу XX в. Владимиром Александровичем написано более 180 работ, среди которых 13 монографий. Его книги расходятся большими тиражами, многие из них стали библиографической редкостью, некоторые выдержали уже несколько изданий (Очерки истории алан. Владикавказ, 1992; Путешествие в древний Иристон. М., 1974; В верховьях большого Зеленчука. Пятигорск, 2008). За издание прекрасно иллюстрированной монографии “Христианство на Северном Кавказе до XV века” (Пятигорск, 2007) В.А. Кузнецов был удостоен специальной награды – золотой медали Макариевского фонда Русской Православной Церкви.

В основе всех многочисленных трудов Владимира Александровича лежат талант, энергия, колоссальная трудоспособность, принципиальность, собранность, честность, внимание к деталям – черты, характеризующие замечательного ученого и сформированные на протяжении всего его жизненного пути.

Владимир Александрович родился 25 июля 1927 г. в Пятигорске. Его отец был управляющим аптекой, а мать – фармацевтом. Свое 14-летие он встретил через месяц с небольшим после начала Великой Отечественной войны. Война не обошла стороной его семью, пережившую гибель отца на фронте и немецкую оккупацию в родном Пятигорске, где подростку Владимиру Кузнецову приходилось скрываться от трудовой мобилизации в Германию. Уже после освобождения в 1944 г. Владимир закончил среднюю школу № 1 в Минеральных Водах, здесь же в 1943 начал трудовую деятельность в качестве рабочего и ученика художника в местном железнодорожном клубе станции “Минеральные Воды”. Талант художника впоследствии очень пригодился ему в археологической работе.

В 17 лет, сразу после окончания школы, Владимир Александрович был призван в Красную Армию, до 1947 г. служил солдатом в различных артиллерийских частях, в том числе принимал участие в войне с Японией в 1945 г., за что был награжден орденом “Отечественной войны”, медалями “За победу над Германией”, “За победу над Японией” и др.

После демобилизации в 1949 г. В.А. Кузнецов поступил на исторический факультет Пятигорского государственного педагогического института, который окончил с отличием в 1954 г. По распределению он был направлен в Зеленчукский район Ставропольского края в с. Нижняя Ермоловка, где проработал с 1954 по 1955 г. директором начальной средней школы № 8. Именно в Нижней Ермоловке, расположенной по соседству со знаменитым городищем Нижний Архыз, Владимир Александрович увлекся аланской археологией эпохи Средневековья (а впоследствии исследованию Архыза была посвящена не одна его монография). Дальнейший путь привел ученого в Москву, где с 1955 по 1957 г. он учился в аспирантуре Института археологии АН СССР (ИА АН СССР). Его научным руководителем был доктор исторических наук профессор Е.И. Крупнов – основатель археологической школы кавказоведения.

После завершения аспирантуры Владимир Александрович был принят на работу в Институт археологии в качестве младшего научного сотрудника. Здесь он проработал с 1958 по 1964 г. В 1961 г. В.А. Кузнецов успешно защитил кандидатскую диссертацию “Аланские племена Северного Кавказа”, которая была издана в качестве монографии (М., 1962). Эта работа, давно ставшая классической, до сих пор составляет золотой фонд кавказского алановедения.

С 1957 г. В.А. Кузнецов начал свою экспедиционную деятельность в Северо-Кавказской археологической экспедиции ИА АН СССР под руководством Е.И. Крупнова в качестве участника и начальника отряда. Объектом его исследований стал Змейский катакомбный могильник X–XII вв. – один из важнейших для данного периода памятников аланской культуры. Наиболее яркие находки из погребений могильника, раскопанных В.А. Кузнецовым, – уникальные предметы одежды,

конской сбруи, деревянные изделия, оружие и украшения – в настоящее время хранятся в Государственном Историческом музее в постоянной экспозиции.

В 1960 г. Владимир Александрович возвращается на Нижний Архыз, где проводит многолетние археологические исследования, материалы которых легли в основу монографии “Нижний Архыз в X–XII веках. К истории средневековых городов Северного Кавказа” (Ставрополь, 1993). Тогда же он окончательно переселяется на Северный Кавказ, где становится заведующим отделом археологии Кабардино-Балкарского НИИ (1964–1965 гг.), а с 1965 г. – сотрудником Северо-Осетинского НИИ, в котором работает долгие годы, последовательно занимая разные должности вплоть до заместителя директора по науке. С Северной Осетией была связана не только научная деятельность В.А. Кузнецова: как активный общественный деятель, известный своей честностью и принципиальностью, Владимир Александрович в начале 1990-х годов представлял Республику на Съезде народных депутатов России. В стенах Северо-Осетинского НИИ им была подготовлена докторская диссертация “Алания в X–XIII вв.”, опубликованная в виде монографии в 1972 г., выпущены в свет первый том по истории Северо-Осетинской АССР, сборники “Вопросы осетинской археологии и этнографии”, проведены многочисленные археологические разведки и раскопки совместно с В.Х. Тменовым, Б.В. Теховым и др. Деятельность В.А. Кузнецова не оставалась без внимания – в 1989 г. ему было присвоено звание “Заслуженный деятель науки РСФСР”.

Еще одна черта Владимира Александровича – талант организатора – в полной мере проявилась при создании новой конференции “Крупновские чтения”, у истоков которой стоял наш юбилей. Собравшись вместе с несколькими ближайшими учениками Е.И. Крупнова в Орджоникидзе в 1971 г., сразу после кончины любимого учителя, В.А. Кузнецов заложил основы некогда очень небольшой и немногочисленной, а ныне приобретшей международный статус крупнейшей, наиболее авторитетной и значимой конференции юга России, собравшейся в 27-й раз в этом году в Махачкале.

Несмотря на возраст и жизненные перипетии рука Владимира Александровича, по счастью, по-прежнему держит перо. Он и сегодня продолжает трудиться в качестве ведущего научного сотрудника сектора археологии Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований Правительства КБР и КБНИЦ РАН, участвует в научной жизни кавказоведов, выступает на конференциях, активно борется за спасение памятников культуры Северного Кавказа. Весь жизненный путь Владимира Александровича Кузнецова – прекрасный пример преданности науке, поданный его ученикам и ученикам его учеников. От лица многочисленных коллег поздравляем Владимира Александровича со знаменательным юбилеем, желаем ему дальнейших научных успехов, здоровья и долгих лет активной творческой деятельности.

Институт археологии РАН, Москва

З.Х. Албегова, Г.Е. Афанасьев, Д.С. Коробов

К ЮБИЛЕЮ РИММЫ ДМИТРИЕВНЫ ГОЛДИНОЙ

Римма Дмитриевна Голдина родилась 10 ноября 1941 г. в с. Большая Соснова, Пермского края, в большой и по-крестьянски крепкой семье. Отец, Дмитрий Евдокимович Вотинцев, руководил одним из крупнейших в крае колхозов – “Россия”. Мать, Нина Павловна, – школьный учитель географии, “Заслуженный учитель России”. Перед Риммой Дмитриевной с детства был великолепный пример неимоверного трудолюбия и целеустремленности. Родители, убежденные в необходимости высшего образования, настояли, чтобы девочка, закончившая школу с серебряной медалью, продолжила учебу в областном центре. Выбор Пермского государственного университета им. А.М. Горького и исторического факультета она считает волею случая. Пробуя себя в студенческие годы в самых разных исторических дисциплинах, – от античности до новейшей истории Германии – Р.Д. Голдина все-таки остановила свой выбор на археологии, приобщившись к ней впервые в 1959 г. на раскопках Гремячинского поселения-святилища в Среднем Прикамье. Отныне каждый полевой сезон она будет проводить в археологической экспедиции. Во время раскопок в урочище “Красава” близ Перми ею был открыт первый памятник – поселение Заосиново VI. Методике поиска археологических памятников она училась у Ю.А. Полякова и В.А. Оборина. Особенно запомнились разведки на севере Пермской обл., где будущая исследовательница ломоватовской культуры Прикамья познакомилась с памятниками этой древнепермской культуры, среди которых были курганные некрополи харинского культурного горизонта – Бурдаковский I и Агафоновский I. Именно эти древности во многом определили вектор ее дальнейшей научной судьбы.

В годы учебы научным руководителем Риммы Дмитриевны был профессор В.А. Оборин; тема исследований определилась сразу – материалы неволинского этапа ломоватовской культуры. На последнем курсе, в 1962 г., по приглашению другого ученика О.Н. Бадера и в то время основного исследователя и знатока раннесредневековых культур Прикамья В.Ф. Генинга она перевелась в Уральский университет. Энергичный Вла-

димир Федорович “с головой” погрузил ее в полевые работы. Уральской археологической экспедиции, проводившей масштабные хозяйственные работы в Зауралье и Западной Сибири, нужны были решительные и целеустремленные романтики. Омская и Тюменская обл., р. Тобол, Иртыш, Обь – география исследований Р.Д. Голдиной легко проследить по карте. Труднее измерить научный, производственный и организационный опыт, который усваивался буквально “с колес”.

Поступив в 1968 г. в аспирантуру, Римма Дмитриевна в срок выполнила кандидатскую диссертацию на тему “Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье” и успешно защитила ее в Ленинградском отделении Института археологии АН СССР в октябре 1971 г. Через год после защиты она неожиданно для многих переехала в Ижевск. Предложение, поступившее от проректора нового Удмуртского государственного университета В.Е. Майера, было интересным и открывало зримые перспективы для продолжения работы с камскими материалами, попутно решая многие семейно-бытовые вопросы. И Римма Дмитриевна вновь решительно меняет жизненный курс. В Ижевске ею была создана Камско-Вятская археологическая экспедиция – одна из крупнейших на Урале, кафедра археологии и истории первобытного общества, своя научная школа. Навыки, усвоенные за годы работы с В.Ф. Генингом, собственные способности оченьгодились на новом месте. Пришлось решать сразу много проблем – обучение неофитов и организация практически “с чистого листа” экспедиции, объектами исследования которой стали одновременно памятники разного хронологического диапазона – от эпохи камня до нового времени. Многолетние полевые работы сотрудников экспедиции на обширной территории Камско-Вятского междуречья, многократное увеличение и принципиальное качественное изменение историкокультурного потенциала кардинально изменили этнокультурную карту этого региона. Новая концепция, подспудно формировавшаяся в ходе реально изменившейся географии исследований археологов, получила апробацию на VI Международном конгрессе финно-угроведов в 1985 г. (г. Сыктывкар). Свое видение древних культурных и этнических процессов Р.Д. Голдина вместе с молодыми учениками В. Кананиным, Н. Лещинской, Л. Макаровым, Е. Черных, Т. Ютиной выстраивала на принципах тщательной систематизации, типологии и хронологии древностей не только Верхнего Прикамья, но и смежного с ним Вятского края. Добавились и материалы Нижней и Средней Камы (Г. Журавлева, О. Казанцева, Т. Ютина).

Еще в начале 70-х годов Р.Д. Голдина и В.Ф. Генинг вводят в научный оборот все документированные материалы курганных могильников харинского типа в Верхнем Прикамье (1973 г.) и позднеломоватовских некрополей Коми-Пермяцкого округа (1970 г.), оказавшиеся решающими в определении не только хронологии раннесредневековых древностей Верхнего Прикамья. Это был серьезный вклад в разработку общих проблем хронологии древностей Восточной Европы, острая дискуссия по которым развернулась на страницах академических изданий и стала предметом обсуждения на симпозиуме 1976 г. в Ленинграде. Завершением многолетних исследований автора явилась монография “Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье” (Иркутск, 1985). Принципиальные положения, высказанные Р.Д. Голдиной как по хронологическим, так и по этническим вопросам, спустя четверть века остаются непоколебленными.

В конце 60-х годов, после раскопок Агафоновского и Неволинского могильников, ею был впервые поставлен вопрос

о своеобразии неволинских памятников в системе ломоватовской культуры. В конце 70-х годов Римма Дмитриевна вновь обратилась к изучению древностей этого культурного круга. Среди них можно назвать раскопки таких ярких памятников, как Неволинский, Бродовский, Верх-Саинский могильники, городища Верх-Саинское, Лобач, поселение и могильник у д. Бартым. Помимо многочисленных статей по “неволинской” тематике, опубликованных в соавторстве с учениками, в свет вышли и монографические работы, позволяющие всесторонне осмыслить принципиально новые источники по средневековой истории Прикамья. Среди них – “Могильники неволинской культуры в Приуралье” (Иркутск, 1990), “Бартымский комплекс памятников эпохи средневековья в Сылвенском поречье” (Ижевск; Пермь, 2011), “Неволинский могильник VII–IX вв. в Пермском Предуралье” (Ижевск, 2012).

Почти 20 лет потребовались Р.Д. Голдиной, чтобы подготовить докторскую диссертацию по теме “Верхнее Прикамье во второй половине I тыс. н.э.”, защитить ее в диссертационном совете МГУ (1990 г.). Впервые на огромном материале (около 50 тыс. предметов) ей удалось разработать типологию древностей Верхнего Прикамья, синхронизировать стадии средневековых культур – ломоватовской, неволинской и поморской – и по-новому подойти к решению проблем их этнической подосновы, представив целостную картину генезиса и развития ярких средневековых культур обширного региона. Позднее результаты этих исследований позволили взяться за написание более масштабных исторических полотен. Заметным явлением в гуманитарной науке Волго-Камья и Урала явилась монография “Древняя и средневековая история удмуртского народа” (Ижевск, 1999). В ней на широком хронологическом фоне показаны сложные по своей динамике культурные и этногенетические процессы, протекавшие в лесной зоне Нижнего и Среднего Прикамья. Близкую по охвату и фундированности работу по Перми Великой, поддержанную Российским гуманитарным научным фондом, она готовит в настоящее время. Научные труды Р.Д. Голдиной отличает глубина подхода, пристальное внимание к достижениям других научных дисциплин, прежде всего этнографии, языкознания, палеоантропологии, первобытной истории.

Пермский государственный национальный университет
Удмуртский государственный университет, Ижевск

В ряду несомненных научных удач археолога Р.Д. Голдиной – открытие и полное исследование Тарасовского могильника. Материалы этого уникального памятника (1800 погребальных комплексов I–V вв. н.э.), недавно изданные в двух томах, а также Тураевского могильника, опубликованного в 2011 г., позволяют уже сегодня существенно скорректировать устоявшиеся представления о месте и роли культурных образований пияноборского времени, о зарождении в турбулентных вихрях Великого переселения народов новых этносов Прикамья.

Способности организатора научной и учебно-педагогической деятельности, когда-то замеченные в ней В.Ф. Генингом, проявились не только в создании собственной научной школы. Отдав почти 50 лет высшему образованию, Римма Дмитриевна подготовила десятки высококвалифицированных специалистов. Среди ее учеников – 4 доктора исторических наук, более 30 кандидатов. Более 10 лет она являлась деканом исторического факультета. Трудно переоценить вклад Р.Д. Голдиной в утверждение авторитета удмуртской археологии в региональном, отечественном и международном научных сообществах. Она инициировала деятельность диссертационного совета по археологии, этнографии и истории при Удмуртском государственном университете, в трудные 90-е сумела активизировать обмен международными стажировками студентов и преподавателей в Германии, Австрии, Венгрии, Великобритании, Финляндии. Среди крупных мероприятий последнего десятилетия – конференции и симпозиумы, посвященные российской археологии XX в. (Ижевск, 2000), историческому опыту толерантности народов Приуралья (Ижевск, 2002), эпохе Великого переселения народов (Ижевск, 2006). Автор около 300 научных работ, более 10 монографий профессор Р.Д. Голдина за заслуги в научной и педагогической деятельности удостоена званий “Заслуженный деятель науки УР” (1991 г.), “Лауреат Государственной премии УР” (2001 г.), заслуженного работника высшей школы РФ (2002 г.). Она и сегодня продолжает неутомимо работать, заряжая своей энергией молодых.

Поздравляя Римму Дмитриевну – прекрасного педагога и ученого, одну из наиболее ярких представительниц отечественной археологической науки с юбилеем, желаем ей доброго здоровья, новых открытий и осуществления всех научных планов!

*А.Ф. Мельничук
Е.М. Черных*

НАШ ЮБИЛЕЙ (К 40-летию Отдела археологических сводов и карт Института археологии РАН)

Исполнилось 40 лет со дня основания в Институте археологии РАН (ИА РАН) отдела археологических сводов и карт. Отдел (по первому названию – сектор сводов) был создан для реализации государственной программы по изданию Свода памятников истории и культуры народов СССР. Предполагалось, что в Свод войдет информация о памятниках истории и культуры по регионам СССР. Памятниками археологии РСФСР было поручено заняться ИА АН СССР. В проекте были задействованы также Институт истории СССР АН СССР (памятники истории) и Институт истории искусств Министерства культуры СССР (памятники архитектуры), где были созданы аналогичные отделы. Издание Свода в РСФСР было поручено издательству “Наука”.

Первый этап нашей совместной работы с другими институтами заключался в выработке единых принципов отбора и описания памятников для публикации в Своде. Этому были посвящены многочисленные совещания, в которых принимали участие руководители отделов указанных выше институтов совместно с НИИ культуры Министерства культуры РСФСР и Всероссийским обществом охраны памятников истории и культуры. В 1972–1975 гг. опубликовано семь выпусков “Методических рекомендаций по подготовке Свода памятников истории и культуры СССР”, где и были изложены основные подходы к отбору памятников для публикации в Своде, принципы описания памятников в научно-справочных статьях, а также типовые статьи о памятниках археологии, подготовлен

ные сотрудниками нашего института (Методические рекомендации..., 1975).

Наметились два основных направления работы отдела – научно-методическое и практическое. По первому направлению были выработаны основные методические принципы отбора памятников – в Свод должна быть включена информация по всем известным на момент подготовки каждого тома памятникам археологии. Были определены типы памятников, сформулированы принципы их описания, а также структура Введения (обзорной статьи) для каждого тома по конкретному региону. В конечном виде результаты этой коллективной работы отдела (и аналогичных отделов других институтов) были утверждены в 1982 г. Президиумом АН СССР, коллегией Министерства культуры СССР и Госкомиздата СССР (Указания..., 1984) и опубликованы в ряде изданий (Седов, 1988; Кашкин, 1990).

Первоначально предполагалось широкомасштабное обследование регионов с целью получения достоверной информации о памятниках археологии и составления на них первичной учетной документации (паспортов). В эту работу активно включились сотрудники нашего и ряда других отделов. Разведки в Брянской обл. проводили А.В. Кашкин, В.И. Кулаков, А.С. Смирнов, Г.Н. Пронин, А.А. Узянов, в Смоленской – О.Н. Усачева, в Ивановской, Костромской, Ярославской – К.И. Комаров, в Калужской и Орловской – И.К. Фролов, А.С. Фролов, Г.К. Патрик, в Тульской – В.Г. Миронова, А.С. Фролов; в Новгородской – Г.Н. Пронин, в Псковской – С.В. Белецкий, в Курской – А.В. Кашкин, П.Г. Гайдуков, в Белгородской – А.В. Кашкин, в Калининградской – В.И. Кулаков, в Горьковской (Нижегородской) – А.С. Фролов. Работа по паспортизации памятников археологии велась и в других регионах России. Всего в 1970–1980-е годы были обследованы тысячи памятников археологии. Результаты этой работы стали основой архива паспортов памятников, созданного в отделе археологических сводов и карт. На сегодняшний день в нем хранятся паспорта на 42 тыс. памятников археологии 66 регионов России. В дальнейшем эти уникальные материалы легли в основу серии “Археологическая карта России” (АКР). К сожалению, программа полевых исследований была сильно сокращена в 1990-е годы и практически прекращена в 2000-е.

Параллельно с обследованием регионов в отделе началась работа над археологическими разделами Свода. В 1982 г. в издательство были сданы материалы по двум первым томам, посвященным памятникам археологии Брянской (автор – А.В. Кашкин) и Смоленской (автор – О.Н. Усачева) обл. Началась редакторская и техническая подготовка их выпуска. Дело продвигалось крайне медленно. В 1989 г. была объявлена подписка на Свод памятников истории и культуры РСФСР в 80 томах, а первый объявленный “брянский” том должен был выйти в 1991 г. К сожалению, этому грандиозному проекту не суждено было осуществиться.

В это же время наметился определенный кризис в отделе, связанный с неопределенностью дальнейших научных перспектив, профессионального роста сотрудников. В 1988 г. дирекция института пошла навстречу коллективу: вместо В.В. Седова отдел возглавил Ю.А. Краснов. Некоторые сотрудники отдела перешли в другие подразделения.

С новым руководителем начался новый этап, связанный с реализацией проекта АКР. К этому времени был накоплен значительный опыт, собран и систематизирован огромный материал по памятникам археологии ряда областей европейской части России. Были окончательно сформулированы основные принципы издания.

АКР – серийное научно-справочное издание энциклопедического характера, в котором в сжатой форме представлены важнейшие сведения обо всех выявленных археологических памятниках России. Памятникам каждого из субъектов РФ

посвящается отдельный выпуск, который может состоять из нескольких книг.

Под археологическими памятниками понимаются недвижимые объекты археологического наследия: исторический культурный слой городов, остатки древних и средневековых укрепленных и неукрепленных поселений, различных сооружений, погребальные памятники, культовые и архитектурно-археологические объекты, наскальные изображения и др., расположенные ныне как на поверхности земли и в земле, так и на дне естественных и искусственных водоемов. Археологические памятники – неотъемлемая составная часть культурного наследия народов России и мирового культурного наследия.

Каждый том серии предваряется Введением, в котором даются сведения о физико-географических особенностях региона, истории его археологического изучения, особенностях заселения территории от палеолита до позднего средневековья – очерк об археологии конкретного региона.

Основную и важнейшую часть каждого выпуска составляют научно-справочные статьи об отдельных памятниках археологии. В числе сведений о каждом памятнике – его название, тип, местоположение, история обнаружения и исследования, характер и особенности, датировка и культурная принадлежность, основные находки, современное состояние, интерпретация, места хранения коллекций (для памятников, изучавшихся стационарными раскопками), литературные и архивные источники.

Основные источники для написания книг серии АКР – публикации, архивные материалы, паспорта памятников. Научно-справочные статьи представляют собой оригинальный авторский текст, сопровождающийся планами памятников (в основном для городищ и курганных могильников), фотографиями или рисунками основных категорий находок. Карты расположения памятников составлены авторами на основе современных картографических материалов, их издательские оригиналы для всех томов серии выполнены Я.М. Паромовым. Каждый том имеет библиографический, систематический и хронологический указатели.

Первым итогом этой работы стали вышедшие практически одновременно две книги серии АКР, посвященные памятникам Калужской (автор – Ю.А. Краснов) и Орловской (авторы – Ю.А. Краснов и Г.К. Патрик) обл. (1992а; б). Ответственным редактором серии был Ю.А. Краснов, редактором всех первых 20 выпусков – Н.В. Малиновская.

Постепенно начал меняться облик книг серии. Так, начиная с брянского тома (Археологическая карта..., 1993а) (автор – А.В. Кашкин), в книгах появился иллюстративный материал (планы памятников, таблицы находок, фотографии отдельных предметов).

В регионах, насыщенных памятниками археологии, начали выходить по несколько томов: по Курской обл. – 2 (Археологическая карта..., 1998; 2000), Тульской – 2 (Археологическая карта..., 1999б; 2002), Рязанской – 3 (Археологическая карта..., 1993б; 1994в, 1996б), Московской – 4 (Археологическая карта..., 1994б; 1995б; 1996а; 1997а), Тверской – 4 (Археологическая карта..., 2003; 2007; 2010; 2012).

В совместную работу над серией АКР включились и археологи других научных учреждений. Так, в создании двух “тульских” томов принимал участие авторский коллектив тульских и московских археологов. Второе дополненное издание АКР по Калужской обл. (Археологическая карта..., 2006) готовили в основном калужские археологи. В настоящее время ведется совместная с Институтом истории материальной культуры РАН работа по Ленинградской обл. с Липецким государственным педагогическим университетом – по Липецкой.

С 2000 г. серия АКР начала издаваться в новом формате: изменился размер книг, вводные статьи стали более объемны-

ми (до 3 п.л.), информация о памятниках – более подробной, увеличилось количество иллюстраций.

Наконец, в 2012 г. завершён выпуск всех четырех томов по археологии Тверской обл. – самый масштабный из всех предыдущих. В этих томах (авторский коллектив – И.В. Исланова, А.В. Кашкин, К.И. Комаров, Г.Г. Король, В.С. Нефедов, Г.К. Патрик, Б.Е. Янишевский) представлены сведения о почти 5700 археологических памятниках. В этом же году должна быть закончена работа над третьей книгой по Нижегородской обл. (автор – Т.Д. Николаенко). В первых двух томах содержится информация о 1544 археологических памятниках (Археологическая карта..., 2004; 2008).

В серии АКР была выпущена первая книга “Очерки археологии регионов” (Археологическая карта..., 2001), в которой представлены очерки по Брянской (А.В. Кашкин), Владимирской (А.Е. Леонтьев, Л.А. Михайлова), Ивановской (К.И. Комаров), Калининградской (В.И. Кулаков), Калужской (Г.А. Массалитина, О.Л. Прошкин, А.С. Смирнов, А.Н. Сорokin), Курской (А.В. Кашкин), Ленинградской (В.А. Лапшин), Смоленской (Ю.А. Краснов) обл.

Всего же вышли из печати 28 томов серии АКР общим объемом 543 п.л. по Брянской, Владимирской, Ивановской, Калужской, Костромской, Курской, Московской, Нижегородской, Орловской, Рязанской, Смоленской, Тверской, Тульской и Ярославской обл., в которых представлена информация о 23 033 памятниках археологии.

Работа над серией продолжается: Б.Е. Янишевский завершает работу над первым томом АКР по памятникам археологии Москвы, А.А. Беговаткин – над томом по Республике Мордовия. Отдел приступил к подготовке очередных книг серии по Архангельской, Новгородской, Псковской обл.

Безусловно, работа над таким масштабным проектом была бы невозможна без сплоченного коллектива энтузиастов и единомышленников. На протяжении этих 40 лет отдел археологических сводов и карт возглавляли: в 1972 г. – С.А. Плетнева, в 1973–1988 гг. – В.В. Седов, в 1988–2000 гг. – Ю.А. Краснов, с 2000 г. – А.В. Кашкин. Хотелось бы вспомнить всех, кто в разные годы был сотрудником нашего отдела: С.В. Белецкого, П.Г. Гайдукова, Н.А. Кренке, В.И. Кулакова, Н.В. Малиновскую, В.Г. Миронову, С.Е. Михальченко, Ю.Ю. Моргунова, С.А. Панарина, Г.Н. Пронина, О.Н. Усачеву, А.С. Фролова, И.К. Фролова. И сегодня в отделе работают К.И. Комаров, Г.Г. Король, В.С. Нефедов, Т.Д. Николаенко, Я.М. Паромов, Г.С. Пузакова, Б.Е. Янишевский, а также наши молодые внештатные сотрудники, готовые продолжать работу по проекту АКР: А.Ю. Балашов, А.А. Беговаткин, А.П. Дракунов, В.И. Зейфер.

Особых слов заслуживает ветеран отдела – ветеран Великой Отечественной войны К.И. Комаров, 85-летний юбилей которого мы отметили в 2011 г. Он является непревзойденным знатоком памятников археологии Верхневолжского региона. Им написаны тома серии АКР по Ивановской, Костромской, Ярославской обл. (Археологическая карта..., 1994а; 1999а; 2005) и в соавторстве – по Тверской.

Отдел археологических сводов и карт ИА РАН полон сил и энтузиазма, а в России еще много регионов, не включенных пока в серию “Археологическая карта России”.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Археологическая карта России. Калужская область. М., 1992а.
Археологическая карта России. Орловская область. М., 1992б.
Археологическая карта России. Брянская область. М., 1993а.
Археологическая карта России. Рязанская область. Ч. 1. М., 1993б.

Институт археологии РАН, Москва

Археологическая карта России. Ивановская область. М., 1994а.

Археологическая карта России. Московская область. Ч. 1. М., 1994б.

Археологическая карта России. Рязанская область. Ч. 2. М., 1994в.

Археологическая карта России. Владимирская область. М., 1995а.

Археологическая карта России. Московская область. Ч. 2. М., 1995б.

Археологическая карта России. Московская область. Ч. 3. М., 1996а.

Археологическая карта России. Рязанская область. Ч. 3. М., 1996б.

Археологическая карта России. Московская область. Ч. 4. М., 1997а.

Археологическая карта России. Смоленская область. Ч. 1. М., 1997б.

Археологическая карта России. Смоленская область. Ч. 2. М., 1997в.

Археологическая карта России. Курская область. Ч. 1. М., 1998.

Археологическая карта России. Костромская область. М., 1999а.

Археологическая карта России. Тульская область. Ч. 1. М., 1999б.

Археологическая карта России. Курская область. Ч. 2. М., 2000.

Археологическая карта России. Тульская область. Ч. 2. М., 2002.

Археологическая карта России. Тверская область. Ч. 1. М., 2003.

Археологическая карта России. Нижегородская область. Ч. 1. М., 2004.

Археологическая карта России. Ярославская область. М., 2005.

Археологическая карта России. Калужская область. Изд. 2-е. М., 2006.

Археологическая карта России. Тверская область. Ч. 2. М., 2007.

Археологическая карта России. Нижегородская область. Ч. 2. М., 2008.

Археологическая карта России. Тверская область. Ч. 3. М., 2010.

Археологическая карта России. Тверская область. Ч. 4. М., 2012.

Кашкин А.В. Археология в Своде памятников. Первый этап работ // Культурное наследие России. Опыт и проблемы подготовки Свода памятников истории и культуры. М., 1990.

Методические рекомендации по подготовке Свода памятников истории и культуры СССР. Вып. 7. М., 1975.

Очерки археологии регионов. Кн. 1. М., 2001 (Археологическая карта России).

Седов В.В. Памятники археологии в “Своде памятников истории и культуры СССР” // Археологические памятники европейской части РСФСР. Погребальные памятники. Методические материалы к “Своду памятников истории и культуры СССР”. М., 1988.

Указания по подготовке материалов Свода памятников истории и культуры народов СССР. М., 1984.

А.В. Кашкин

НАШЕМУ ЖУРНАЛУ – 55 ЛЕТ

Нас немного замучили юбилеи. Что поделаешь, журнал и институт достигли солидного возраста. Мы стараемся структурировать поток памятных дат, исключать повторы текстов, вводить лимиты на списки литературы, использовать юбилейные поводы не для славословий, а для дискуссий по проблемам той или иной области науки, и все это дает известный результат.

Но, безусловно, всякое исправление нужно начинать с себя, поэтому редколлегия и редакция решили не отмечать промежуточный юбилей журнала специальной серией статей или особой конференцией: о “СА” и “РА” достаточно было сказано в 2007 г. (см. Беляев Л.А., Макаров Н.А., Мунчаев Р.М. Нам 50, или от “Советской археологии” – к “Российской археологии” // РА. 2007. № 1 и другие публикации). Однако совсем пропустить такой случай тоже обидно. Поэтому посылаем поздравление нашим читателям и коллективу журнала в связи с его 55-летием в виде своего рода информационной фотооткрытки. Публикацию таких снимков можно будет сделать периодической с интервалом в пять лет. Это, как представляется, хорошая форма остановить мгновение и постепенно собрать архив портретов, который со временем пригодится историкам науки, позволив наблюдать изменения в составе редакции и лишний раз вспомнить о тех, кто ушел от нас за пятилетие.

Особенно важно и справедливо это в отношении научных редакторов. Ведь члены редколлегии и редсовета – заслуженные и опытные ученые, биографии которых представлены в историографии. Сведения о них, их фотографии найти легко. Но редакторы журнала известны археологам страны только по переписке, по голосам в телефонной трубке (сейчас, правда, к этому добавляется “скайп”) да по именам – даже не по фамилиям.

Дело в том, что по правилам издания сведения о научных редакторах статей не приводятся буквально нигде. Их просто нет на страницах журнальных номеров. В то же время каждый, кто публиковался у нас, знает, как много значит работа редактора. От него зависит стиль текста, его общая структура и удобопонятность, а также качество обработки научной информации – устранение ошибок в аппарате, структура иллюстраций и легенд к ним, выверка ономастики и многое другое. Иными словами, научный редактор часто выступает как незримый (в буквальном смысле слова – его и не увидишь, разве что приехать специально посмотреть и побеседовать, но такая возможность есть не у всех) соавтор статьи. Думаю, что читателям и авторам (обычно это одно и то же) нашего журнала будет полезно узнать подробнее, что за коллектив работает над его изданием.

Представим всех по порядку и скажем несколько слов хотя бы о тех сотрудниках редакции, труд которых обычно остается в тени.

Первый слева – Ю.Б. Цетлин, заместитель главного редактора, доктор исторических наук.

Рядом с ним – Г.Г. Король, научный редактор, кандидат исторических наук. Галина Георгиевна обладает обширным опытом работы с текстами, а скорость и артистизм, с которыми она ведет техническую правку статей, невольно приводят на ум слово “маэстрия”. В журнале сегодня нет специально выделенных ответственных за разделы, мы стремимся к взаимозаменяемости, но больший объем, естественно, достается более опытным и компетентным в нашей науке, поэтому значительную часть правки делает именно Галина Георгиевна.

Третьей слева стоит кандидат исторических наук В.Е. Родинкова. Ее активность, яркость, энтузиазм остаются светлой надеждой нашей редакции, хотя чрезмерная загруженность, свойственная сегодня многим хорошим ученым, не позволила нам пока окончательно присвоить Власту Евгеньевну (у нее к тому же двое детей). Тем не менее ее энергии хватает и на нашу долю, так что в журнале появляется то хроника одного из событий, возникающих по ее инициативе, то один-два собранных ею раздела (например, разделы, состоящие из статей молодых ученых, в последних номерах). Власта Евгеньевна продолжает работать именно с этими частями журнала, а также с профессионально близкими ей материалами по истории эпохи переселения народов и ранних славян, выступая как рецензент, часто предостерегая журнал от публикации неподготовленного материала и предлагая пути для его переработки, – словом, страстность сочетается у нее с объективностью.

Позади Власты видим улыбающееся лицо Д.С. Коробова, кандидата исторических наук и ответственного секретаря журнала. Исключительно собранный и трудолюбивый ученый, владеющий новейшими информационными технологиями как немногие; он несет на себе главную ношу любого журнала – организационную работу: содержание в порядке портфеля, подготовку материалов к редколлегии, официальную переписку. Большую роль играют широкие научные контакты Дмитрия Сергеевича среди археологов, охватывающие не только столицы, но и значительную часть российских провинций, особенно южных. Он курирует важнейшие для журнала научно-информационные проекты, например, пополнение сайта института электронной версией номеров “Российской археологии”. Всегдашняя доброжелательность, энергичность и серьезность Дмитрия Сергеевича с лихвой компенсируют нашу общую беду – отсутствие времени.

Следующая по порядку – С.Б. Григорян. Самая молодая среди наших редакторов, она за несколько лет стала в журнале незаменимой. Наделенная чувством ответственности, крайне методичная и внимательная, никогда не жалеющая времени на улучшение текста и ничего не упускающая, терпеливая и очень благожелательная с авторами Светлана Багратовна быстро превращается в образцового научного редактора. В этом ей помогает редкая по нынешним временам начитанность и чувство языка, а также глубокий интерес к редакторскому делу, к той скрупулезной и подчас буквоедской работе, которой требует доводка статьи, ее шлифовка. Недаром ей поручаются не только обычные материалы, но и аппарат: списки литературы и система отсылок.

Рядом со Светланой – главный редактор журнала, доктор исторических наук Л.А. Беляев.

Справа от Л.А. Беляева – наша замечательная Ольга Николаевна Аксенова. К сожалению, это одна из ее последних фото-

графий. В 2011 г. пришла неожиданная болезнь и, после долгих месяцев неподвижности, смерть. В предыдущем номере был опубликован некролог, не стоит повторять его здесь. Скажем только, что О.Н. Аксенова, кандидат исторических наук и научный редактор журнала, в течение многих десятилетий была нашим главным сотрудником и воспитателем новых поколений редакторов. Она была бесконечно любима и ими, и всеми нами, а известна, думается, всем в археологическом мире. На фото мы снова видим ее такой, какой она была и в последние годы работы в редакции – здоровой, энергичной и веселой.

Крайняя справа – Татьяна Валентиновна Боричева, редактор-переводчик журнала.

В центре снимка – Т.С. Волкова, заведующая редакцией журнала, сотрудник издательства “Наука”. Это положение на фото неслучайно – Татьяна Сергеевна по праву занимает центральное место в подготовке номеров, все вертится вокруг нее, как планеты вокруг Солнца. Нам невероятно повезло с представителем издательства. Татьяна Сергеевна – высокообразованный филолог, серьезно интересующийся гуманитарными науками. Кроме того, ее профессиональный путь целиком пролегает в поле академических штудий (она пришла к нам из журнала “Астрономический вестник”). О ее опыте в практике редактирования и в издательской деятельности не приходится и говорить, но важно, что этот опыт она охотно передает редакции, являясь для нее неоспоримым авторитетом. Она исключительно предана делу, а мягкий характер, удивительная для наших дней справедливость и благородство делают ее просто идеальным руководителем процесса подготовки журнала к печати.

На этой фотографии нет стажеров, которые вошли в коллектив позднее, чем был сделан снимок. Но они достаточно молоды и подождут до завершения стажировки и следующей, 60-й, годовщины журнала. Мы приветствуем их на нашем общем празднике, не называя поименно.

В этом кратком поздравлении часто упоминается не о научных достижениях наших редакторов, а об их человеческих качествах, таких как доброта, терпимость, открытость для сотрудничества, работоспособность. Это именно то, что отличает редакторские коллективы – ведь от них невольно требуется известный альтруизм, терпение, готовность понять чужую точку зрения, приложить усилия к тому, чтобы принять ее, даже если она и неблизка самому редактору. Использовать свои знания и потратить свое время для того, чтобы улучшить издаваемую работу и через это, незаметно, внести вклад в общее развитие науки. Вот и вторая тема, постоянно всплывающая в поздравлении, – нехватка времени. Ведь работа научного редактора – дополнительная “нагрузка”, поручение дирекции института, являющегося соиздателем журнала. Эта работа не снимает с редакторов их обязанностей как ученых. Подобно всем сотрудникам института они выполняют плановые темы, ездят в экспедиции, ходят в архивы, пишут собственные книги, защищают диссертации.

Завершая эту затянувшуюся подпись под фотографией, пожелаем нашим редакторам выпустить еще многие десятки номеров журнала – именно так они сами измеряют время. Пусть хватит им на это сил, здоровья и чувства юмора (качество, незаменимое при постоянном чтении чужих текстов). У них, несомненно, будут собственные большие открытия в науке. Но и тот вклад, который они вносят как сотрудники журнала, бесконечно ценен для археологии.

*От имени и по поручению редсовета и редколлегии
главный редактор
Леонид Беляев*

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АО	– Археологические открытия. М.	НА ИИМК РАН	– Научный архив Института истории материальной культуры РАН
АС	– Археологический съезд		
ВАС	– Всероссийский археологический съезд	ОПИ ГИМ	– Отдел письменных источников Государственного исторического музея
ВВ	– Византийский временник. М.		
ВДИ	– Вестник древней истории. М.	ОР ГЭ	– Отдел рукописей Государственного Эрмитажа
ГАИМК	– Государственная Академия истории материальной культуры	ПАВ	– Петербургский археологический вестник
ГИМ	– Государственный Исторический музей. М.	ПИФК	– Проблемы истории, филологии, культуры
ДА	– Донская археология. Ростов н/Д.	ПСРЛ	– Полное собрание средневековых русских летописей
ДБ	– Древности Боспора. М.	РА ИИМК	– Рукописный архив Института истории материальной культуры
ИАК	– Императорская Археологическая Комиссия	РАИК	– Русский археологический институт в Константинополе
ИГАИМК	– Известия Государственной Академии истории материальной культуры	РАИМК	– Российская Академия истории материальной культуры
ИИМК	– Институт истории материальной культуры Академии наук СССР/РАН	СА	– Советская археология. М.
КСИА	– Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института археологии Академии наук СССР. М.	САИ	– Свод археологических источников. М.
КСИИМК	– Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры Академии наук СССР. М.	СГАИМК	– Сообщения Государственной Академии истории материальной культуры
КФ ИА НАНУ	– Крымский филиал Института археологии Национальной Академии наук Украины	СГЭ	– Сообщения Государственного Эрмитажа
ЛОИА АН СССР	– Ленинградское отделение Института археологии Академии наук СССР	СЭ	– Советская этнография. М.
МАИЭТ	– Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Симферополь	ТАС	– Тверской археологический сборник
МАР	– Материалы по археологии России. СПб.	Тр. ВАС	– Труды Всероссийского археологического съезда
МАО	– Московское археологическое общество	Тр. ГИМ	– Труды Государственного Исторического музея
МИА	– Материалы и исследования по археологии СССР. М.; Л.	Тр. ГЭ	– Труды Государственного Эрмитажа
МИАР	– Материалы и исследования по археологии России. М.	BAR	– British Archaeological Reports. Oxford
		BMF(E)A	– Bulletin of the Museum for Far Eastern Antiquities
		BMA	– Bulletin of the Museum for Antiquities
		JAS	– Journal of Archaeological Science

АВТОРСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ ТОМА ЗА 2012 г.

- Аверина А.В.** см. Аверин В.А.
Аверин В.А., Аверина А.В., Уткин А.В. Мезолитические роговые муфты с территории Верхнего Поволжья. № 1, 122–128.
Агумаа А.С. см. Скаков А.Ю.
Акимов В.О., Ольховский С.В. Опыт консервации и реставрации подводных находок из Фанагории. № 2, 90–96.
Албегова З.Х., Афанасьев Г.Е., Коробов Д.С. К юбилею Владимира Александровича Кузнецова. № 4.
Албегова З.Х., Багаев М.Х., Гадиев У.Б., Кореневский С.Н., Коробов Д.С., Скаков А.Ю. Международная научная конференция “XXVI Крупновские чтения” по археологии Северного Кавказа. Магас, 2010 г. № 1, 183–187.
Александрова О.И. см. Родинкова В.Е.
Амиров Ш.Н. см. Мунчаев Р.М.
Амирханов Х.А. Категория пика в технокомплексах олдована и раннего ашеля. № 2, 5–14.
Антипов И.В. Ch. Herrmann. Mittelalterliche architektur im Preussenland. Untersuchungen zur frage der kunstlandschaft und -geographie. Petersberg: Michael Imhof Verlag, 2007. № 2, 178–180.
Армарчук Е.А., Мимоход Р.А., Седов В.В. Христианский храм у пос. Веселое: предварительная публикация результатов раскопок 2010 г. № 3, 78–90.
Артемяева Н.Г., Прокопец С.Д. Защитное вооружение чжурчжэньского воина. № 1, 129–142.
Афанасьев Г.Е. см. Албегова З.Х.
Афанасьев Г.Е. Спорные вопросы в методике интерпретации разрушенных скелетов в памятниках салтово-маяцкой культуры. № 2, 113–126.
Бабенко А.Н. Влияние выпаса скота на динамику растительности пустыни Негев (Израиль) в голоцене по палинологическим и археологическим данным. № 3, 137–142.
Бабенко Л.И. К истории коллекции предметов из Литого (Мельгуновского) кургана. № 3, 20–27.
Багаев М.Х. см. Албегова З.Х.
Багиров Р.Б. см. Бахшалиев В.Б.
Балабина В.И., Мишина Т.Н. Энеолитический могильник на телле Юнаците: проблемы интерпретации. № 4.
Барина Е.Б. Влияние Китая на культуру кочевых народов Средней Азии в домонгольский период. № 3, 63–71.
Бахшалиев В.Б., Багиров Р.Б. Гурдлаг – новое поселение крепостного типа. № 2, 165–167.
Белавин А.М. см. Крыласова Н.Б.
Белецкий Д.В. см. Виноградов А.Ю.
Белозерова И.В., Кузьминых С.В. Н.Я. Мерперт о В.А. Городцове (интервью 9.04.2010 г.) № 4.
Беляев Л.А. Круглый стол “Археология и большой нарратив русской истории: проблемы борьбы с фальсификацией прошлого”. № 2, 181–182.
Беляев Л.А. Нашему журналу – 55 лет
Беляев Л.А., Тихова О.А. Опорные камни престолов и запрестольных крестов в храмах Москвы XVI–XVIII вв. № 2, 168–172.
Берсенева Н.А. Погребения людей старшей возрастной группы в могильниках саргатской культуры. № 4.
Бессуднов А.Н., Захарова Е.Ю. Археологические памятники у с. Тюнино на Верхнем Дону: история изучения и современное состояние. № 3, 158–170.
Болдырева Е.М. Поливные кувшины византийского происхождения на Самосдельском городище. № 4.
Борисов А.В. см. Коробов Д.С.
Брюхова Н.Г. см. Крыласова Н.Б.
Бужилова А.П. см. Торопова Е.В.
Букина А.Г. Коринфские вазы с орнаментальными росписями белого стиля. № 1, 49–56.
Буко А. Холм и Столпы: русско-византийский контекст средневековых памятников юго-восточной Польши. № 4.
Бытковский О.Ф. см. Ткачев В.В.
Валиулина С.И., Коваль В.Ю., Кокорина Н.А., Кузина И.Н. К юбилею Марины Дмитриевны Полубояриновой. № 4.
Валиулина С.И., Кузина И.Н., Лихтер Ю.А., Столярова Е.К. Стекло Восточной Европы в древности, Средневековье и Новое время: изучение и реставрация. № 2, 187.
Ванюшева К.В. Письма как источник изучения истории археологии в Приуралье. № 2, 108–112.
Вилисов Е.В. см. Шорин А.Ф.
Виноградов А.Ю., Белецкий Д.В. Бамборский храм и проблема “купольного зала” в Византии и на Кавказе. № 3, 97–108.
Внуков С.Ю. Амфорное производство на территории Абхазии в эпоху эллинизма и римское время. № 4.
Волкова Е.В. Социальная структура населения фатьяновской культуры. № 3, 5–19.
Воронятов С.В. Постзарубинецкие памятники типа Рахны и их соотношение с сарматскими древностями междуречья Южного Буга и Днестра. № 1, 69–81.
Ворошилова О.М. Рельефные украшения деревянных саркофагов Фанагории. № 2, 81–89.
Ворошилова О.М. см. Родинкова В.Е.
Габуев Т.А. О культурной атрибуции золотых предметов из могильника Брут 1 в Северной Осетии. № 1, 90–99.
Габуев Т.А., Хохлова О.С. Дробная датировка курганов могильника Брут 1 (Северная Осетия). № 4.
Гадиев У.Б. см. Албегова З.Х.
Гайдуков П.Г., Жервэ Н.Н. К 100-летию XV Археологического съезда в Новгороде. № 4.
Голотвин А.Н. К 100-летию со дня смерти Д.Я. Самоквасова. № 2, 156–163.
Горбунов В.С., Иванов В.А., Обыденнова Г.Т., Кореняко В.А. История башкирского народа. Т. 1. М., 2009. № 3, 176–179.

- Горлова Е.Н.** Промысел кольчатой нерпы (*pusa hispida*) морскими зверобоями Чукотки в позднем голоцене. № 3, 149–157.
- Гуляев В.И.** А.И. Кубышев, С.С. Бессонова, Н.В. Ковалев. Братолюбовский курган. Киев, 2009. В.А. Ромашко, С.А. Скорый. Близнец-2: скифский аристократический курган в Днепровском Правобережном Надпорожье. Дніпропетровськ, 2009. № 4.
- Джопуа А.И.** см. Скаков А.Ю.
- Долгих А.В.** Почвенно-геохимические исследования культурных отложений Великого Новгорода (Ильменский раскоп). № 3, 143–148.
- Ендольцева Е.Ю.** Западное Закавказье и Каппадокия: некоторые иконографические параллели в период Македонской династии. № 3, 109–114.
- Жервз Н.Н.** см. Гайдуков П.Г.
- Жилин М.Г.** Г.А. Хлопачев. Бивневые индустрии верхнего палеолита Восточной Европы. СПб., 2006. № 2, 173.
- Журавлев Д.В.** Две глиняные ампулы с изображением Святого Мины из Крыма. № 3, 91–96.
- Жущиховская И.С.** Керамика раннего периода культуры Дземон (по материалам памятника Оокубо). № 1, 5–15.
- Завьялов В.И., Розанова Л.С., Терехова Н.Н.** Этнокультурные взаимодействия в эпоху Великого переселения народов: археометаллографические данные (по материалам памятников Волго-Камья и Поочья). № 1, 82–89.
- Загородняя О.Н., Степанова К.Н.** Возможности микротрасологического анализа орудий из зернистых и кристаллических пород. № 2, 67–72.
- Зайцев И.А.** см. Мосин В.С.
- Застрожнава Е.Г.** Погребение с набором фигурных полихромных сосудов из Фанагории 1852 г.: к истории открытия. № 1, 166–168.
- Захарова Е.Ю.** см. Бессуднов А.Н.
- Захаров А.О.** Некоторые направления исследований в археологии Юго-Восточной Азии. № 1, 174–178.
- Зеленцова О.В., Митоян Р.А., Сапрыкина И.А.** Поясной набор с позолотой из Крюковско-Кужновского могильника средневековой мордвы. № 2, 42–51.
- Зозуля С.С.** Датировка камерного погребения в кургане 348 Тимеревского некрополя. № 4.
- Зыков А.П.** см. Шорин А.Ф.
- Иванов В.А.** см. Горбунов В.С.
- Кадиева А.А.** Хронологические индикаторы в погребальном инвентаре Галиатского склепа 1935 г. в Дигорском ущелье (Северная Осетия). № 1, 100–111.
- Казанский М.М.** Скворцов К.Н. Могильник Митино V–XIV вв. (Калининградская обл.) по результатам исследований 2008 г. М., 2010. № 2, 174–177.
- Кардаш О.В.** “Остяцкие шашки” из Полульского (Обдорского) городка XVI–XVII вв. № 4.
- Кашинцев А.Ю.** Находки кузнечных изделий на средневековом поселении Крутик. № 4.
- Кашкин А.В.** Наш юбилей. № 4.
- Кирилло В.П.** Гаврилюк Н.А., Ибрагимова А.М. Тюрбе хана Хаджи Герая (по материалам археологических исследований 2003–2008 гг.). Киев; Запорожье, 2010. № 3, 180–183.
- Коваль В.Ю.** см. Валиулина С.И.
- Кокорина Н.А.** см. Валиулина С.И.
- Коллеги и друзья.** Леопольд Дмитриевич Сулержицкий. № 3, 186.
- Колода В.В.** см. Чендев Ю.Г.
- Кореневский С.Н.** Символика погребального набора Майкопского кургана и культ Инанны-Иштар. № 4.
- Кореневский С.Н.** см. Албегова З.Х.
- Коренько В.А.** см. Горбунов В.С.
- Корниенко Т.В.** Моделирование черепов на территории Леванта в период докерамического неолита В. № 4.
- Коробов Д.С., Борисов А.В.** О земледелии алан Кисловодской котловины в I тыс. н.э. № 3, 50–62.
- Коробов Д.С.** см. Албегова З.Х.
- Коробов Д.С.** см. Албегова З.Х.
- Котов В.Г.** Палеолитическое святилище в пещере Заповедная на Южном Урале. № 2, 15–25.
- Кочкаров У.Ю.** см. Родинкова В.Е.
- Кошеленко Г.А.** Против субъективных интерпретаций в антиковедении. № 4.
- Красникова А.М.** см. Федорина А.Н.
- Крыласова Н.Б., Брюхова Н.Г., Белавин А.М.** Погребение 7 позднесредневекового Плотноковского могильника. № 2, 127–133.
- Кудрявцев А.А.** Хронология замков и ключей средневекового Новгорода (по материалам Неревского раскопа). № 4.
- Кузина И.Н.** см. Валиулина С.И.
- Кузина И.Н.** см. Валиулина С.И.
- Кузьмина Ю.Н.** см. Родинкова В.Е.
- Кузьминых С.В.** см. Белозерова И.В.
- Кузьмин Я.В.** Труды 5-го Международного симпозиума “Радиоуглерод и археология”, Цюрих, Швейцария, 2008 г. № 1, 169–173.
- Кулиева З.К.** Новые находки из могильника Яйджи. № 2, 164.
- Куринских О.И.** Клинковое оружие ранних кочевников VI–I вв. до н.э. из могильников у с. Покровка (Левобережье Илека). № 2, 72–80.
- Лихтер Ю.А.** см. Валиулина С.И.
- Лошенков М.И.** Новые материалы по земледелию населения милоградской культуры. № 3, 28–35.
- Мастыкова А.В.** Germania–Sarmatia II: сб. науч. ст. по археологии народов Центральной и Восточной Европы, посвященный памяти М.Б. Щукина. Калининград; Курск, 2010. № 3, 171–175.
- Мастыкова А.В.** Раннесредневековое погребение у с. Разиньково Курской области. № 2, 134–141.
- Медведев С.П.** Планиграфический анализ кремневого инвентаря верхнего культурного слоя стоянки Каменная Балка II. № 2, 60–66.
- Медынцева А.А.** Имя мастера на фасаде Георгиевского собора в Юрьеве-Польском. № 2, 149–155.
- Мельничук А.Ф., Черных Е.М.** К юбилею Риммы Дмитриевны Голдиной. № 4.
- Милованов С.И.** см. Родинкова В.Е.
- Мимоход Р.А.** см. Армарчук Е.А.
- Митоян Р.А.** см. Зеленцова О.В.
- Мишина Т.Н.** см. Балабина В.И.

- Мосин В.С., Зайцев И.А.** Клад рубящих орудий с Южного Урала. № 1, 152–154.
- Мунчаев Р.М., Амиров Ш.Н.** Еще раз о месопотамско-кавказских связях в IV–III тыс. до н.э. № 4.
- Мунчаев Р.М.** Памяти незабвенного друга Николая Яковлевича Мерперта. № 3, 185.
- Мусеибли Н.А.** Курганный могильник позднего энеолита у с. Союг Булаг в Азербайджане. № 1, 16–25.
- Обыденнова Г.Т.** см. Горбунов В.С.
- Ольховский С.В.** см. Акимов В.О.
- Осипов Д.О.** Атрибуция предметов из кожи (материалы раскопок Великого Новгорода и Москвы). № 4.
- Осипов Д.О.** Кожаная обувь из погребений Мартирьевской паперти Новгородского Софийского собора. № 1, 143–151.
- Остапенко А.А.** Христианские древности Ростиславля Рязанского (из раскопок 1991–2010 гг.) № 4.
- Павлова Н.А.** Текстиль в марийских и мордовских погребениях XVI–XIX вв. (по материалам Государственного Исторического музея). № 4.
- Петракова А.Е.** Чернофигурные аттические (“кассельские”) чаши из Северного Причерноморья в собрании Государственного Эрмитажа. № 1, 36–48.
- Петрова Н.Ю.** Технологическое изучение керамики поселения хассунской культуры Ярымтепе I № 2, 26–33.
- Попова Е.А.** “Коллективные” погребения некрополя у п. Заозерное в Северо-Западном Крыму. № 1, 57–68.
- Прокопец С.Д.** см. Артемьева Н.Г.
- Радтке Х.** “Шлезвигский муж” – “домовой” из Новгорода? № 2, 142–148.
- Решетова И.К.** Новые антропологические материалы салтово-маяцкой культуры из могильника Верхний Салтов-IV. № 3, 129–136.
- Родинкова В.Е., Кузьмина Ю.Н., Ворошилова О.М., Кочкаров У.Ю.** “Новые материалы и методы археологического исследования”: научная конференция молодых ученых. Москва, 2011. № 1, 188–190.
- Родинкова В.Е., Милованов С.И., Александрова О.И.** Межгосударственный проект “Летние молодежные школы археологов, реставраторов СНГ”. № 2, 183–186.
- Родинкова В.Е.** Новая находка византийского серебряного сосуда с клеймом в Восточной Европе. № 4.
- Розанова Л.С.** см. Завьялов В.И.
- Рыжкова О.В., Черненко Е.А.** Древности Горбуновского торфяника: история открытия и сохранения. № 1, 160–165.
- Сапрыкина И.А.** см. Зеленцова О.В.
- Сафронов А.В.** Историческая география древних майя: традиционный подход и ГИС-метод. № 2, 97–107.
- Свешникова О.С.** Немецкий археологический конгресс “Археология вокруг Северного моря” (Бремен, 2011). № 3, 184.
- Седов Вл.В.** см. Армарчук Е.А.
- Скаков А.Ю., Джопуа А.И., Агумаа А.С.** Памяти Демура Семеновича Бжания. № 3, 188.
- Скаков А.Ю.** см. Албегова З.Х.
- Скворцов К.Н.** Погребения с конями I тыс. н.э. на Самбийском полуострове (могильник Алейка 3). № 3, 36–49.
- Смирнов А.С., Платонова Н.И.** История археологической мысли в России. Вторая половина XIX – первая треть XX в. СПб., 2010. № 1, 179–182.
- Солдатова Т.Е.** Планиграфическое исследование костяной индустрии верхнепалеолитической стоянки Сунгирь. № 2, 52–59.
- Сотрудники редакции.** Памяти Ольги Николаевны Аксеновой. № 3, 189.
- Список сокращений. № 4.
- Степанова К.Н.** см. Загородняя О.Н.
- Столярова Д.А.** Технология изготовления украшений могильника Мамисондон (Северная Осетия). № 3, 115–128.
- Столярова Е.К.** см. Валиулина С.И.
- Терехова Н.Н.** см. Завьялов В.И.
- Тихова О.А.** см. Беляев Л.А.
- Ткачев В.В.** К вопросу о памятниках кожумбердынского типа эпохи бронзы Уральско-Мугоджарского региона. № 1, 155–159.
- Ткачев В.В., Умрихин С.М., Бытковский О.Ф.** Новый синкретический могильник на западном фланге андроновской общности. № 4.
- Торопова Е.В., Бужилова А.П.** Детские погребения на Пятницком раскопе в Старой Руссе: археологический комментарий к Новгородской первой летописи. № 3, 72–77.
- Труфанов А.А.** Склеп IV в. н.э. из некрополя у с. Курское в Крыму. № 2, 34–41.
- Умрихин С.М.** см. Ткачев В.В.
- Уткин А.В.** см. Аверин В.А.
- Федорина А.Н., Красникова А.М.** Средневековое поселение Большое Давыдовское 2 под Суздалем. № 4.
- Хохлова О.С.** см. Габуев Т.А.
- Чендев Ю.Г., Колода В.В.** Природная среда, почвы и архитектурные особенности городища Коробовы Хутора в Харьковской обл. (проблемы комплексного изучения). № 1, 112–121.
- Черненко Е.А.** см. Рыжкова О.В.
- Черных Е.М.** см. Мельничук А.Ф.
- Чижевский А.А., Шаталов В.А.** Псалий из Луговского могильника: к вопросу об образе всадника и коня в ананьинском искусстве. № 1, 26–35.
- Шаталов В.А.** см. Чижевский А.А.
- Шорин А.Ф., Зыков А.П., Вилисов Е.В.** Средневековый комплекс Кокшаровского холма. № 4.
- Энговатова А.В.** Спасательная археология в России (к 40-летию отдела охранных раскопок Института археологии РАН). № 4.
- Список сокращений
Авторский указатель за 2012 г.